

РЕДАКТОРСКАЯ КОЛОНКА

Уважаемые читатели!

Перед вами новый номер журнала «Наука. Мысль» - № 3 за 2016 год. Этот номер продолжает серию публикаций юридических работ, которая началась с монографии Р.Н. Самойлюка в №4 за 2015 год [8], затем была продолжена публикацией кандидатской диссертации В.В. Колесник в №10 за 2015 год [4], и диссертацией Е.С. Кузьменко в №1 за 2016 год [6].

В данном номере вы можете познакомиться с докторской диссертацией Ирины Валентиновны Колесник, профессора кафедры гражданского права (Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия). Диссертация на тему «Теоретическая модель правоприменительной технологии» была защищена 29 апреля 2015 году в Диссертационном совете Д 203.009.01 на базе Нижегородской академии МВД России. Материалы данного номера, несомненно, привлекут внимание научной общественности. Методология исследования, взятая на вооружение автором, демонстрирует эффективность и результативность, а актуальность поднятой темы не вызывает сомнений.

Диссертационную работу мы разбили, в соответствии с требованиями к оформлению материалов, на отдельные статьи. Параграфы диссертации оформлены ниже в виде самостоятельных статей, что позволит читателю ознакомиться с содержанием работы и выбрать более интересный для него аспект предлагаемого исследования. Таким образом, данный номер имеет следующую структуру: Введение, 18 отдельных статей-параграфов, заключение и библиографию, а также перечень публикаций автора по теме данной диссертации.

Во введение автор обосновывает актуальность своего исследования и ставит проблему, которая будет впоследствии решена, определяет методологию и эмпирическую базу исследования.

Первый раздел посвящён доктринальным основам исследования юридических технологий. Автор подробно рассматривает юридические технологии в ретроспективном аспекте и выделяет правоприменительные технологии в системе юридических технологий. Затем И.В. Колесник переходит к рассмотрению природы и общих характеристик правоприменительных технологий, выделяя их понятия и признаки, структуру и формы.

Большая часть исследования составляет анализ правоприменительных технологий в арбитражном судопроизводстве. Здесь автор выделяет особенности правоприменительных технологий в деятельности арбитражных судов, рассматривает технологии установления фактического обстоятельства дела. В частности, технологии выбора и анализа норм права, которые подлежат применению по делу; технологии принятия арбитражным судом судебного акта; логические правила и приемы построения текстов судебных актов. После чего, переходит к структуре и построению (композиции) судебных актов арбитражного суда апелляционной инстанции.

Особое внимание И.В. Колесник уделяет технологии мониторинга применения правовых норм: мониторинг в механизме правового регулирования; технология мониторинга правоприменения; судебная практика в технологии мониторинга правоприменения.

Научным консультантом данной диссертационной работы выступил доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Николай Александрович Власенко [1],

оппонентами стали заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор Владимир Николаевич Карташов из Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова [3]; директор Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказания, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Роман Анатольевич Ромашов [7]; заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент Марина Леонидовна Давыдова [2] из Волгоградского государственного университета.

Надеемся, что материал номера будет интересен и полезен читателям журнала.

Литература

1. Власенко Н.А. Разумность и определённость в правовом регулировании: Монография. М.: Инфра-М, 2014. 157 с.
2. Давыдова М.Л. Профессиональное мышление юристов в сравнительно-правовом ракурсе // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2015. № 5. С. 66-72.
3. Карташов В.Н. Судебная технология: сущность и характеристика отдельных элементов // Российский судья. - 2015. - №2. - С. 21-23.
4. Колесник В.В. Введение // Наука. Мысль. 2015. №10. С. 6-16.
5. Колесник И.В. Введение // Наука. Мысль. 2016. №3. С. 7-17.
6. Кузьменко Е.С. Введение // Наука. Мысль. 2016. №1. URL: <http://wwenews.esrae.ru/27-233>
7. Ромашов Р.А. Дисбаланс права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 5 (106). С. 91-95.
8. Самойлюк Р.Н. Вступительное слово автора // Наука. Мысль. 2015. №4. С. 6.

© Л.Ф. Чупров, главный редактор
(Черногорск, Россия), 2016

© А.А. Костригин, редактор-переводчик
(Нижний Новгород, Россия), 2016

© Т.М. Хусяинов, технический редактор
(Нижний Новгород, Россия), 2016

ВВЕДЕНИЕ¹

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Актуальность темы исследования. В условиях модернизации общественной и экономической жизни, повышения эффективности принимаемых и реализуемых законов и подзаконных актов, актуализации правотворческого и правореализационного процессов все более существенную роль приобретают юридические технологии. Высокая технологичность юридической деятельности выступает необходимым условием повышения качества правового регулирования в современной России. Особенно это важно в контексте постоянного обновления действующего законодательства, формирования новых отраслей права, комплексных правовых институтов и поиска инновационных технологических механизмов их реализации. Взаимодействие и взаимозависимость законодательного массива и юридических технологий его реализации являются гарантией осуществления задач по обеспечению стабильности правопорядка, эволюционного совершенствования гражданского общества. При этом наиболее важную роль играет такая разновидность юридических технологий, как правоприменительная, потому что совершенствование правореализационной деятельности является доминирующим фактором развития российской государственности.

Эффективность применения юридических норм зависит от многих факторов – уровня развития правотворчества, правосознания, профессиональных и личностных качеств субъектов применения права, их способности оценивать правовую природу фактических обстоятельств. В этом ряду особое значение приобретает уровень развития разнообразных правоприменительных технологий.

Результативность правоприменительного процесса в не меньшей степени предопределена уровнем теоретических и практических знаний о методах, способах, правилах, средствах и приемах осуществления этой деятельности. Однако юридические технологии, особенно правоприменительные, до сих пор находятся на начальном этапе познания.

Актуальность исследования правоприменительной технологии обусловлена целым рядом взаимосвязанных факторов.

¹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

Во-первых, налицо объективная, насущная социальная потребность в исследовании теоретической модели правоприменительной технологии, способной объединить и систематизировать накопившиеся знания в этой сфере.

Во-вторых, назрела необходимость преодоления сложившейся научной парадигмы исследований, в соответствии с которой вопросы юридической техники и технологии четко не разграничиваются, а разрабатываются в границах юридической техники, где юридическая технология как самостоятельный предмет исследования не рассматривается. Между тем четкое разграничение юридической техники и технологии, особенно на уровне правоприменения, остро необходимо как в методологическом, так и в прикладном ракурсах.

В-третьих, требуется обоснование содержательной характеристики системы конкретных методов, способов, правил, приемов и средств, используемых в технологии правоприменения, позволяющей качественно и эффективно достигать целей правового регулирования.

В-четвертых, практически полезно наполнить общеправовое направление исследований правоприменительной технологии реальной арбитражной судебной практикой, что до настоящего времени является явным пробелом при разработке интересующей нас проблемы.

Таким образом, моделирование правоприменительных технологий приобретает важное значение не только в связи с совершенствованием юридической деятельности. Оно становится архиактуальным и для иных сфер жизни общества, позволяя избегать формирования и использования так называемых регрессивных технологий, опирающихся на несовершенство действующего законодательства, способных причинить вред интересам субъектов права, разрушительно воздействуя на правопорядок и правовое сознание общества. В этой связи методологически выстроенная теоретическая модель правоприменительной технологии, внедренная в практическую среду правоприменения, становится одной из весомых гарантий противодействия негативным антиправовым явлениям.

Особо следует отметить такой аспект актуальности темы диссертационного исследования: формирование и практика использования инновационной юридической технологии серьезным образом влияют на процессы правового мышления, интеллектуальный уровень правоприменителя.

Степень научной разработанности темы. Юридические технологии как специальная область юридических знаний разрабатываются в отечественной юридической науке с начала нового тысячелетия. Значительное внимание проблематике юридических технологий уделяется с позиции законотворчества, в рамках освещения проблем юридической техники, изучаемой не одно столетие.

Зарубежные научные исследования юридической техники отражены в работах И. Бентама, Р. Иеринга, Ф. Бэкона, Ч. Беккариа, Ш.Л. Монтескье и др. В отечественной юриспруденции термин «юридическая техника» вошел в научный оборот в начале XX века.

В дореволюционный период изучением вопросов техники и технологии создания и применения законов занимались А.А. Башмаков, Е.В. Васьковский, П.Д. Колмыков, П.И. Люблинский, Д.И. Мейер, С.А. Муромцев, Л.А. Петражицкий, Ф.В. Тарановский, Л.А. Цветаева, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич и др.

В советский период проблемы юридической техники и юридических технологий были затронуты в трудах М.И. Байтина, Ю.В. Блохина, Л.М. Бойко, С.Н. Братуся, И.Л. Брауде,

Н.В. Витрука, Н.Н. Вопленко, В.М. Горшенева, М.М. Гродзинского, Л.И. Дембо, И.Я. Дюрягина, И. Елизарова, В.Н. Иванова, В.И. Каминской, Д.А. Керимова, Д.А. Ковачева, Л.Л. Кругликова, А.П. Кузнецова, Г.И. Манова, А.В. Мицкевича, В.С. Нерсисянца, В.А. Ойзензихта, А.С. Пиголкина, С.В. Полениной, Ю.С. Решетова, Н.Н. Тарусиной, Ю.А. Тихомирова, Л. Успенского, А.А. Ушакова, Р.О. Халфиной, А.Ф. Черданцева, Н.А. Чечина, М.Д. Шаргородского, М.К. Юкова и др.

В современной России вопросы юридической техники и технологии рассматривают Л.Ф. Апт, Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.А. Власенко, М.Л. Давыдова, В.Б. Исаков, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина, Д.А. Керимов, В.И. Крусс, В.В. Лазарев, А.А. Максуров, М.Н. Марченко, Г.И. Муромцев, Р.А. Ромашов, И.Н. Сенякин, В.М. Сырых, Н.Н. Тарасов, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, Б.С. Эбзеев и др.

Важным этапом в развитии исследований юридической техники и юридической технологии, а также вопросов их соотношения стало издание в 2000 году в Нижнем Новгороде сборника статей «Проблемы юридической техники», в котором нашли отражение многие доктринальные позиции по этому вопросу. С 2007 года под эгидой Нижегородской академии МВД России и Нижегородского исследовательского научно-прикладного центра «Юридическая техника» ежегодно выходит журнал «Юридическая техника», представляющий собой постоянную дискуссионную площадку для обсуждения указанной проблематики.

Следует признать, что традиция употребления термина «юридическая техника» в настоящее время еще очень сильна. Однако и в работах по юридической технике нередко разрабатываются актуальные вопросы юридических технологий, в том числе и правоприменительных. Количественное нарастание технологических знаний в рамках теории юридической техники объективно порождает потребность в их системном изучении и использовании. К тому же в условиях усложнения социальных отношений субъекты права не могут надлежащим образом реализовывать свои правовые интересы исключительно элементами юридической техники, которых ныне явно недостаточно. Учитывая, что объектом научного анализа юридическая технология становится гораздо реже, чем юридическая техника, а исследования, как правило, затрагивают лишь отдельные элементы структуры юридической технологии, притом что место данной категории в системе регулирования правовых отношений определяется исключительно в рамках законотворческой деятельности, следует и дальше развивать концепцию юридической технологии, которая уже начала разрабатываться, особенно активно в последние десятилетия. Так, признавая значимость юридической технологии, этот пробел стали активно восполнять С.В. Бахвалов, Н.А. Власенко, М.Л. Давыдова, А.Н. Илясов, В.Б. Исаков, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина, К.Н. Княгинин, А.Н. Миронов, Т.Я. Хабриева и др.

При этом не следует забывать, что вопросы, связанные с исследованием технологии правоприменительной деятельности, для юридической науки остаются малоисследованными. И, несмотря на то, что некоторые прикладные вопросы осуществления правоприменительной деятельности исследуются в отраслевых процессуальных правовых науках, они основываются на жесткой привязке к структуре и содержанию соответствующих процессуальных кодексов и установленных процессуальных форм деятельности, что существенным образом сужает границы их анализа. В результате, за пределами изучения остаются существенные прикладные технологические вопросы осуществления правоприменительной деятельности ее субъектами, не регламентированные соответствующими процессуальными кодексами.

Основываясь на сложившихся в научной литературе тенденциях в понимании сущности, содержания и предназначения юридической технологии и ее соотношения с юридической техникой, можно сделать вывод о необходимости дальнейшей дифференциации знаний о юрико-технологических аспектах юридической деятельности, конструировании ее современных разновидностей и, прежде всего, правоприменительной технологии.

В 2007 году диссертантом была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.01 (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве) на тему «Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России», отдельные результаты которой с соответствующими сносками использованы в настоящем монографическом исследовании после творческой переработки с учетом современных законодательных и правоприменительных реалий.

Объектом диссертационного исследования выступает правоприменительная деятельность как элемент механизма правового регулирования.

Предметом диссертационного исследования являются общие закономерности построения правоприменительной технологии, ее функционирования и совершенствования.

Цель исследования заключается в разработке модели правоприменительной технологии, обеспечивающей осуществление различных видов правоприменительной юридической деятельности оптимальными для конкретной жизненной ситуации структурными элементами.

В соответствии с поставленной целью были определены следующие основные задачи исследования:

- изучить историко-правовые предпосылки развития и формирования правоприменительной технологии;
- осуществить категориальный анализ понятий «юридическая техника» и «юридическая технология», показав их диалектическую взаимосвязь;
- проанализировать теоретико-методологические основы исследования правоприменительных технологий;
- раскрыть понятие и структуру правоприменительной технологии;
- показать формы выражения правоприменительной технологии;
- определить концептуальные основы современной классификации и конкретизации правоприменительных технологий;
- изучить особенности использования правоприменительной технологии в различных видах юридической деятельности;
- выявить особенности правоприменительных технологий, используемых в деятельности арбитражных судов России;
- проанализировать структуру и содержание судебных актов арбитражных судов и разработать на этой основе новые правила и приемы составления этого рода юридических документов;
- установить роль мониторинга в обеспечении правового регулирования;
- разработать теоретическую модель технологии мониторинга правоприменения;
- предложить оптимальные пути использования судебной практики в мониторинге правоприменения.

Методологическую основу диссертационного исследования составляют диалектический метод научного познания социально-правовых явлений, а также такие общенаучные методы познания, как системный и формально-логический. Методологическое сочетание последних с диалектикой – мировоззренческой философской платформой научного познания, и логическими приемами (анализ и синтез, индукция, дедукция, аналогия, гипотеза, обобщение, систематизация, классификация, абстрагирование), обеспечивает использование всеобщих принципов научного познания (всесторонности, единства теории и практики, историзма, развития логической определенности, системности и всесторонности предмета исследования). В ходе проведения исследования использовались также специальные методы: историко-правовой, формально-юридический, логико-юридический, сравнительно-правовой. Логическая структура исследования обеспечивается применением формально-юридического метода, который в сочетании с междисциплинарным подходом обуславливает возможность расширить круг исследуемых проблем. Историко-правовой метод позволил раскрыть эволюцию юридической техники и юридических технологий как социально-правового феномена, определить их историческую связь с правом, а также проблемами правопонимания и правоприменения. Анализ ряда проблем был бы невозможен без использования аксиологического, интерпретационного, культурологического, лингвистического и других методов и приемов.

Теоретической основой диссертационного исследования стали труды зарубежных и российских дореволюционных, советских и современных ученых по теории права и государства, отраслевым юридическим наукам. Комплексность исследования обеспечивается изучением трудов по философии науки, философии права, социологии, психологических аспектов правоприменения.

Нормативную базу исследования составили Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, подзаконные нормативные правовые акты, акты регионального законодательства, постановления Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации.

Особое место среди источников исследования занимают международные договоры, соглашения и конвенции, участником которых является Российское государство, а также не вступившие в силу международно-правовые акты, проекты международных актов, рекомендации и резолюции межгосударственных органов и организаций.

Эмпирическая база исследования строится на общетеоретическом анализе основных видов правоприменительной практики, аналитических обзоров и статистических выкладок судебной практики, реальных актов арбитражного судопроизводства, вынесенных лично автором.

Научная новизна диссертационного исследования проявляется в построении и обосновании модели правоприменительной технологии, включающей определение ее понятия, структуры, критериев отграничения от юридической техники, юридической деятельности и установление их соотношения; в теоретической и практической разработке правоприменительной технологии как специфической разновидности юридической технологии; анализе развития юридических технологий в истории права и доктрине советского и постсоветского права; изучении теоретико-методологических основ исследования юридических технологий. Наряду с этим определены концептуальные положения современной классификации и конкретизации юридических технологий;

исследован юридический инструментарий правоприменительной технологии, раскрыты ее понятие и структура, определены типологии правоприменения и правоприменительной технологии; исследованы формы выражения правоприменительной технологии; выявлены особенности использования правоприменительной технологии в различных видах юридической деятельности; разработана авторская модель правоприменительной технологии арбитражного судопроизводства; подвергнуты анализу проблемы осуществления мониторинга правоприменения; разработана теоретическая модель технологии мониторинга правоприменения; предложены пути использования судебной практики в мониторинге правоприменения.

Новизна исследования получила также свое выражение в основных положениях, выносимых на защиту:

1. Идеи юридических технологий имеют длительную историю и тесно переплетаются с развитием юридической техники. С одной стороны, юридические технологии и техника первичны по отношению к доктрине права и исторически ей предшествуют. С другой стороны, они «вторичны», поскольку включены в правовую доктрину и обусловлены ее качеством. Процесс детерминации формирования, функционирования и совершенствования юридических технологий имеет многофакторный характер. При этом главенствующую роль играют находящиеся за пределами юридической действительности факторы (экономический, социально-политический, морально-психологический, культурно-ментальный), вызывающие усложнение технологии правоприменения. Источником формирования юридических технологий выступает системное взаимодействие юридико-технических средств, обусловленное научно-техническим прогрессом, а их усложняющееся со временем применение при производстве юридического продукта предопределяет выделение юридических технологий, включая правоприменительные, в относительно самостоятельную область научного знания.

2. В современном мире следует говорить не о нескольких обособленных типах юридической техники и юридических технологий, а о преобладании в различных типах правового регулирования (правовых семьях) тех или иных аспектов этих сложных правовых явлений: в романо-германском праве – техники и технологий правотворчества, в англо-саксонском – технологий правоприменения, в мусульманском – интерпретационной техники и технологий.

3. Юридическая техника и технология – тесно взаимосвязанные составные части юридического процесса – подготовки и принятия нормативных, интерпретационных и правоприменительных актов. Юридическая техника постоянно испытывает влияние потенциала юридических технологий как явления внешнего и непосредственно связанного с социальной реальностью. Связь юридической техники и соответствующих юридических технологий является естественным взаимообусловленным процессом. Юридические технологии – явление в большей мере динамичное, обладающее большим многообразием элементов и выходящее по своим характеристикам за пределы понятия юридической техники.

4. В основе юридических технологий находятся соответствующие технологические знания, позволяющие точно установить какие конкретно юридико-технические средства необходимо использовать в той или иной юридической деятельности в целях достижения соответствующего результата. Совокупность технологических знаний по использованию и применению юридико-технических средств (правил, способов, приемов, методов)

составляет содержание юридической технологии как прикладной юридической дисциплины.

В познавательном аспекте юридическая технология как научная дисциплина направлена на выяснение сущности попадающих в сферу ее воздействия явлений окружающего мира, определяет их состав и функции. В практическом аспекте юридическая технология направлена на упорядочивание и системное применение научных и прикладных знаний для достижения конкретного результата (дуалистический характер юридической технологии). Исследование соотношения юридической техники и юридических технологий дает основание сделать вывод о том, что юридическая технология систематизирует знания об оптимальном взаимодействии стратегии, тактики, методах, способах, правилах, приемах использования юридико-технических средств (о применении юридической техники в соответствующей юридической деятельности).

4. Правоприменительная технология – система организационно-процедурных приемов, правил, требований, функционирующих в форме комплекса специальных знаний об оптимальном использовании юридико-технических средств, в рамках определенных стратегии, тактики, методов, способов, принципов, используемых в деятельности по применению правовых норм для достижения социально полезных целей и необходимых результатов.

5. Анализ особенностей структуры правоприменительной технологии показывает, что применение базовых технико-юридических средств при выборе определенной стратегии, тактики, конкретного метода или соответствующих правил и приемов фактически универсально. И поскольку каждый отдельный вид применения права отличается использованием и выбором стратегии, тактики, методов и способов, правил и приемов, что определяет качество правоотношений, объем компетенции правоприменяющего субъекта, конкретный правоприменительный результат, универсальной юридической технологии не существует.

6. Использование конкретного набора структурных элементов правоприменительной технологии является критерием классификации правоприменительных технологий на следующие виды:

по способам осуществления правоприменительной деятельности – на юрисдикционную, разрешительно-распорядительную и правоохранительную технологии;

по функциональным стадиям осуществления правоприменительной деятельности – на технологию установления фактических обстоятельств дела, технологию выбора и анализа нормы права и технологию принятия решения;

по процедурным стадиям соответствующих отраслевых правоприменительных процессов на конституционную, гражданскую, уголовную, административную, арбитражную технологии;

по субъекту, осуществляющему правоприменительную деятельность, – на судебную, следственную, прокурорскую, адвокатскую, нотариальную и другие технологии.

7. Указанный выше базовый перечень правоприменительных технологий не является исчерпывающим и рассчитан на позитивную правоприменительную ситуацию, когда деятельность субъектов применения права протекает в нормальной (несложной для правоприменяющего субъекта) ситуации. В реальных правоприменительных обстоятельствах «эталонные» технологии не всегда являются единственно возможными.

Иногда правоприменителю приходится действовать в условиях нетипичной (неординарной) ситуации, в частности при наличии пробела в праве, коллизий юридических норм, деятельности в условиях правоприменительного риска, неопределенности правовой регламентации [1], условий с повышенной возможностью совершить правоприменительную ошибку. С учетом этого следует выделить технологии нетипичного правоприменения (например, технология преодоления пробелов, технология разрешения коллизий в праве, технология рискованного правоприменения). При этом следует иметь в виду, что технологии нетипичного правоприменения могут функционировать только в сочетании с базовыми правоприменительными технологиями. Это диктуется тем, что для каждого вида правоприменительной деятельности существуют свои, в том числе, и нормативно установленные правила действий субъектов права в нетипичных правореализационных ситуациях, которыми определяется содержание соответствующих технологий.

8. Правоприменительная технология не может быть идентичной правоприменительному процессу как в целом, так и его отдельным компонентам. Их взаимосвязь предопределяется процессуальной формой, для правоприменительного процесса характерна жесткая процессуальная форма – порядок процессуальных действий, закрепленный нормами процессуального права. Следовательно, процессуальная форма является важнейшей составляющей правоприменительной технологии. Правоприменительная технология включает в свое содержание процессуальную форму.

9. Правовые средства – это используемые в рамках соответствующих технологий правовые инструменты. Практически все виды юридической деятельности – правотворческая, интерпретационная и правоприменительная – пронизаны соответствующими технологиями, осуществление которых невозможно без использования специальных технико-юридических средств. Правоприменение является неотъемлемым элементом механизма правового регулирования как системы юридических средств и, следовательно, само является его средством.

10. Конструктивный метод, используемый в правотворчестве, возможно и необходимо использовать в правоприменительной реальности, поскольку именно он позволяет наиболее оптимально добиваться эффективности индивидуально-правового регулирования. Конструктивный метод правоприменительной технологии проявляется в сведении до минимума неопределяемых категорий, в стремлении к последовательному конструированию, содержательной обоснованности и мотивировке принимаемых в рамках правоприменения решений и осуществляемых действий, технике вывода «нового» из «существующего».

11. Технология осуществления правоприменительной деятельности арбитражными судами является разновидностью правоприменительной технологии. Критерием ее выделения является специфика осуществления правоприменительной деятельности арбитражными судами Российской Федерации. При этом арбитражную технологию следует толковать как оптимальное использование юридико-технических средств в определенных стратегии, тактике, методах, способах, правилах, приемах, используемых арбитражными судами при осуществлении правосудия в сфере экономической деятельности. Несомненно, арбитражная технология по своим особенностям близка другим юрисдикционным технологиям, прежде всего технологии правоприменительной деятельности судов общей юрисдикции.

12. Арбитражную технологию можно разграничить на виды в зависимости от функциональных стадий и структурных элементов. В первом случае следует выделять

арбитражные технологии по установлению фактической основы дела, по установлению юридической основы дела и принятию решения. Во втором случае – арбитражно-процессуальную стратегию, арбитражно-процессуальную тактику, арбитражно-процессуальные методы, арбитражно-процессуальные способы, арбитражно-процессуальные правила, арбитражно-процессуальные приемы использования юридико-технических средств. При этом существенными особенностями в арбитражном правоприменении обладают арбитражно-процессуальные стратегия и тактика. Специфика арбитражно-процессуальной стратегии заключается в использовании согласованных юридико-технологических средств, предусмотренных процессуальным арбитражным законодательством с учетом обеспечения единства выделяемых процессуальных стадий, способствующих достижению оптимального конечного результата. Специфика арбитражно-процессуальной тактики заключается в использовании согласованных юридико-технологических средств, предусмотренных процессуальным арбитражным законодательством, способствующих разрешению конкретных (ближайших, частных, промежуточных, второстепенных и т. п.) задач, разрешение которых направлено на достижение оптимального конечного результата. Их содержание определяется спецификой, задачами и целями правоприменительной деятельности вообще и ее отдельных видов.

13. Правовой мониторинг можно рассматривать как самостоятельный вид юридических технологий. Технология мониторинга правоприменения – это совокупность методов и способов, правил и приемов использования средств планирования мониторинговой деятельности, получения необходимой информации, ее фиксации, обобщения, анализа и оценки, оформления и обнародования, а также реализации ее результатов. При этом внедрение технологии мониторинга правоприменения направлено не только на выявление дефектов норм права с целью их нормативной корректировки, но и на поиск особенностей реализации отдельных групп норм права с целью повышения эффективности их применения.

14. Конкретные предложения, направленные на совершенствование федерального законодательства (изменения в Закон РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» в целях устранения нарушения принципа единства статуса судей, закрепленного в ст. 2, в отношении мировых судей и дополнение перечня оснований досрочного прекращения полномочий судьи, предусмотренных в ч. 1 ст. 14, случаев, если судья отказался проходить профессиональную подготовку или если на итоговой аттестации показал неудовлетворительные знания и навыки; внесение изменения в ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части расширения субъектов административной ответственности; уточнение терминологического аппарата и дефинитивных норм Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»; совершенствование показателей мониторинга правоприменения и унификации требований к оформлению результатов мониторинга правоприменения, предусмотренных Методикой осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации), законодательства Нижегородской области (изменения Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области», направленные на: устранение противоречия абз. 3 ч. 2 ст. 4 федеральному законодательству и законодательству Нижегородской области, в ч. 5 ст. 6, обеспечивающие реальный конкурс на вакантную должность мирового судьи, а также предложение о введении должности «старшего

мирового судьи»; внесение изменений в Закон Нижегородской области от 30 декабря 2005 года № 225-З «О государственных должностях Нижегородской области и Реестре должностей государственной гражданской службы Нижегородской области», касающихся перевода специалистов аппаратов мировых судей из категории «Обеспечивающие специалисты» в категорию «Специалисты»; инициирование разработки областной программы развития мировой юстиции в Нижегородской области), а также обеспечение безопасности судей в Российской Федерации и совершенствование информирования о деятельности квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации в сети Интернет.

15. В программы бакалаврской и магистерской подготовки студентов юридических вузов и в программы дополнительной профессиональной переподготовки судей и иных сотрудников правоприменительных органов целесообразно включить разработанный автором спецкурс «Правоприменительная технология», в рамках которого теоретическая модель правоприменительной технологии может варьироваться с учетом специфики образовательного процесса.

Теоретическая значимость исследования состоит в создании модели правоприменительной технологии, понятийный аппарат которой включает понятие, содержание, виды правоприменительной технологии как целостного интегративного знания, и содержащей ориентиры для дальнейших исследований, учитывающих научные и практические потребности развития различных сфер общественной жизни; а также в определении:

а) места, которое занимает правоприменительная технология в ряду концептуальных основ правоприменительной деятельности;

б) в выработке целостной системы знаний по оптимизации и особой общественной роли правоприменительной деятельности.

Практическая значимость исследования заключается в разработке теоретической модели правоприменительной технологии, которая может способствовать укреплению правопорядка, законности, повышению уровня правовой культуры и правосознания в российском обществе, повышению эффективности деятельности правоприменительных органов.

Определенной дидактической ценностью исследования обладает предложенный автором спецкурс «Правоприменительная технология», который желательно включить в программы бакалаврской и магистерской подготовки студентов юридических вузов и в программы дополнительной профессиональной переподготовки судей и иных сотрудников правоприменительных органов. Основные положения и выводы исследования могут быть использованы в образовательном процессе при разработке учебных материалов, при проведении всех видов учебных занятий по теории государства и права, спецкурсов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования отражены в 4 монографиях и 47 статьях автора, включая 23 статьи, опубликованные в изданиях ВАК Минобрнауки России, рекомендованных для опубликования материалов диссертационных исследований. Результаты исследования обсуждались в Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южном федеральном университете, Саратовской государственной юридической академии, Нижегородской академии МВД России, докладывались на 11 научно-теоретических и научно-практических конференциях.

Структура диссертации обусловлена целью и задачами исследования и состоит из введения, 4 глав, включающих 18 параграфов, заключения и библиографии.

Литература

1. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М., 2014.

Kolesnik I.V. Vvedenie / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ИДЕИ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ В ДОСОВЕТСКОЙ ИСТОРИИ ПРАВА²

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Повышенный интерес к проблеме юридических технологий связан с возрастанием роли права в жизни российского общества. «Нелеп и опасен такой порядок жизни, когда смысл права выражается слишком сложно, запутанно и непонятно» [20, С. 160]. Напротив, «ясная словесная форма – обязательная предпосылка высокого качества законов и необходимое условие внедрения четких юридических начал в жизнь общества» [10, С. 9]. Высокий технико-юридический уровень правовых документов является одним из важнейших показателей общей и правовой культуры современного общества. «От того, в какой степени в стране развита юридическая техника, – справедливо утверждает в предисловии к книге Э. Аннерса «История европейского права», – во многом зависит уровень ее цивилизованности...» [1, С. 7].

Необходимо отметить, что при анализе концепций юридических технологий следует исходить из того, что они неразрывно связаны с юридической техникой. Н.А. Власенко, как один из первых разработчиков юридических технологий, верно подметил: «Юридическая техника – это неотъемлемая часть юридической технологии, условие ее функционирования» [9, С. 9]. Таким образом, историю формирования юридических технологий можно проследить, главным образом, через призму функционирования и развития юридической техники.

Российской концепции юридической техники, а в последующем и юридических технологий, свойственно не революционное, а эволюционное развитие. Каждый из этапов ее становления основан на элементах предыдущего, планомерно совершенствуясь и развиваясь [22, С. 17]. В настоящее время доминирует гипотеза о том, что юридическая техника возникает одновременно с правом и правовым регулированием. «Процесс возникновения права, – отмечает Г.И. Муромцев, – отражает, прежде всего, развитие его внутренней самоорганизации, итогом которой становится известная «конструкция» права, то есть его внутренняя структура и форма внешнего выражения (от макро- до микроуровня). Это и есть в самом общем виде техника права, или техника в праве, или юридическая техника. Она формируется в процессе выделения права из слитной

² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

(синкретной) нормативной системы родового общества, превращения его в обособленный, формализованный социальный регулятор, обладающий свойствами системы и структуры» [34, С. 9].

Таким образом, с одной стороны, юридическая техника первична по отношению к доктрине права, поскольку исторически ей предшествует. С другой стороны, она является производной от правовой доктрины и обусловлена ее характером. Технический аспект становления права на заре его истории как раз и состоит, по справедливому мнению Г.И. Муромцева, в придании праву качеств системности и структурированности [34, С. 10]. При этом процесс становления права (и юридической техники, и соответствующих технологий) сам является лишь одним из аспектов процесса структуризации общества в ходе соответствующего общественного разделения труда и естественной эволюции человеческого сознания. При этом само сознание, все более усложняясь, преобразуется из слитного в дифференцированное. Как следствие, в нем постепенно выделяется правосознание как самостоятельная область и форма общественного сознания. Процесс структурирования общества (и права) изменяется вместе с его развитием, что находит отражение в структурировании языка и появлении системы правовых категорий.

В первобытном (архаичном) обществе регулирование отношений у палеоантропов основывалось на примитивных моноормах, представлявших собой не дифференцированное, синкретное правило поведения, которое не может быть отнесено ни к области права, ни к области нравственности с ее религиозным сознанием, ни к области этикета, так как соединяет в себе особенности всякой поведенческой нормы [52, С. 98]. Появление мононормативного комплекса вызывалось необходимостью биологического выживания человеческого вида в естественной природе. В то же время именно на этой стадии зародились табу – запреты как нормативные регуляторы – и стало осуществляться наказание за их нарушение. Язычество и мифология стали важнейшими регуляторами общественных отношений, алгоритмируя модели поведения людей в мифах, эпосах, легендах и преданиях [37, С. 15].

Важно отметить, что говорить о существовании в эпоху неолита юридических форм не приходится, потому как наиболее ранним методом правового регулирования являлось обычное право. «Специфика обычного права, – как подчеркивает Д.Ю. Шапсугов, – находит свое выражение в народных названиях, пословицах, легендах, песнях, приметах, суевериях» [60, С. 5].

Следует подчеркнуть, что и сегодня актуализирована проблема гносеологии правогенеза в первобытном обществе [46, С. 29]. В современной науке, например, высказываются мнения, что соционормативная система догосударственного общества своим первичным элементом имеет мононормы, которые представляют единые, нерасчлененные правила поведения, присущие человеку и содержащие зачатки права, религии и морали [56, С. 78]. По нашему убеждению, апробация подобных утверждений требует серьезных археологических, антропологических и исторических доводов, сегрегируя сферу гносеологии от предмета исследования юристов.

Хронологические рамки архаичного права трудно обозначить, особенно если речь идет о его возникновении. Есть теория о том, что право зародилось в период образования протогосударств [31, С. 15]. Как полагает Т.В. Кашанина, говоря о завершающем периоде существования архаичного права, можно указать, но весьма приблизительно, на IX–XI века н. э. Применительно к этой стадии развития права допустимы такие названия, как «право племенное», «народное», «обычное», «варварское» и др. [23]. Главная его особенность

обусловлена тем, что в тот период нормы человеческого общежития имели локальный характер.

Обычное право появилось как своеобразный инструмент, орудие ограничения почти неограниченной свободы человека. Это во многом можно отнести к славянам. Византийский историк Прокопий, наблюдая жизнь славян, писал, что славяне не управляются одним лицом, а живут при народоправии [43, С. 257]. Первые примитивные формы человеческих сообществ возникли задолго до появления государства, в начале социальной эволюции, то есть в период первобытнообщинного строя. В отечественной и зарубежной науке разработано учение о способности социума (человеческой общности), как части живой природы, материи, к самоорганизации [29, С. 229]. Это означает, что процесс самоорганизации – своеобразная рефлексия общностей первобытных людей на выживаемость, плоды примитивного или коллективного сознания, направленные на создание протоправия собственного общежития. Здесь мы вплотную подходим к проблеме существования у первобытных людей различных традиций как результата общественной практики. Впоследствии формируются механизмы самоидентификации, модели поведения этих общностей. В числе этих механизмов на первом месте оказались обычаи и нормы обычного права.

Важно подчеркнуть, что юридические технологии и техника, пусть и самые простые, возникают вместе с первыми правовыми текстами, в частности, законами. При этом на начальном этапе правового развития правила составления законов были немногочисленны и примитивны. Практика применения норм права отличалась сложным многообразием, так как правила правоприменительной технологии ковались прямо в процессе претворения юридических норм в жизнь.

Писаные нормы права были немногочисленны, архаичное право носило преимущественно устный характер. Древние люди на протяжении многих столетий обходились без письменной речи. Таким образом, архаичное право – это царство неписаных правил, устно передаваемых из поколения в поколение, в виде преданий, рассказов о разрешенных казусах, в форме юридических по содержанию пословиц и поговорок, а также в виде конклюдентных действий. Письменные памятники права появляются на более позднем этапе архаичного права и представляют собой своеобразный результат применяемых в конкретный период времени юридических технологий по использованию арсенала технического инструментария.

Архаичное право носило казуистический характер. Казуистичность, бессистемность расположения нормативного материала, отсутствие обобщений, определений и внутреннего логического единства – таковы технические качества отдаленного прототипа современных кодификационных актов [39, С. 47].

Таким образом, примитивный характер архаичного права свидетельствует не об отсутствии юридической техники и технологий, а о низком уровне их развития. Преобладание обычного права, его формализованный, ритуальный характер обуславливают и соответствующие особенности юридической технологии: первоначально формируются не приемы письменного оформления норм, а процедурные и интерпретационные приемы. Интерпретационные положения применительно к конкретному случаю и осуществление жестко формализованных, фактически обрядовых действий по их реализации – такова специфика первоначальных юридических технологий. Развитие языка, появление юридических понятий и категорий, выработка навыков формулирования и интерпретации правовых велений, фиксация их в определенных

знаковых системах, унификация правоприменения характеризуют историю формирования юридической техники и юридической технологии.

Из вышеизложенного следует также, что обычное право выступало достаточно универсальным механизмом регулирования общественных отношений. Оно существовало в различных формационных и цивилизационных ассоциациях [36, С. 75]. По меткому замечанию В.В. Макеева, «обычное право, как показывают научные исследования, являлось высшим установлением, более важным, чем... даже общие законы государства» [30, С. 348].

Преемственность содержания права является отражением преемственности в экономике и социальном развитии государств на различных этапах истории цивилизации. Эта преемственность характеризуется не простым повторением старого, а его развитием в новых условиях. Преемственность в области формы права, в способах и средствах правового выражения значительно шире. Она наблюдается в систематике права, во внешнем оформлении нормативного акта, то есть в средствах законодательного выражения действительности средствами юридической техники. Например, кодификация как метод правотворчества находила очень широкое применение с появлением писаного права.

Создание права различных стран имеет много общего и сходного в законодательном процессе, в приемах систематизации законодательного материала, в терминологии. Понятия проекта закона, кодификации имели место во всех законодательных системах, и российская юридическая техника и технология позаимствовали многие понятия и категории, выработанные многовековой законодательной практикой [39, С. 38].

С кодификацией права мы встречаемся в правовых системах стран Древнего Востока: Кодекс Хаммурапи, Кодекс Бокхориса в Египте, кодификация Ликуя в Китае, законы Ману в Индии. Более высокого уровня кодификация достигла в Риме, где в середине V века до н. э. были составлены законы 12 таблиц. Венцом кодификационной деятельности является *Corpus Juris Civiles* (529–533 годы), основную часть которой составил Кодекс Юстиниана – собрание законов Римского государства. Для практического руководства по применению этого кодекса были изданы дигесты, или пандекты, в 50 книгах [12]. Следует согласиться, что «системы институций и дигест, сформированные деятельностью классических юристов, должны быть отнесены к выдающимся достижениям римской юридической техники» [45, С. 21].

История средних веков полна кодифицированных актов (Саллическая правда, Ренуарская правда и др.). В XIII веке была проведена кодификация канонического права, в результате которой был составлен *Corpus Juris Canonis*. В 1532 году, после окончания Крестьянской войны в Германии, появляется первый общеимперский кодекс «Каролина».

Получается, что методологические основы юридической техники были заложены еще в трудах Платона и Аристотеля, Цицерона, а в более позднее время – в работах Ф. Бэкона, И. Бентама, Ш. Монтескье, Р. фон Иеринга и других видных представителей философской и правовой науки Европы. Так, Ш. Монтескье, Р. фон Иеринг сформулировали важнейшие принципы составления законов и правил юридической техники, которые и сегодня не потеряли своей актуальности [19; 32, С. 651-654].

Исторической предпосылкой формирования понятия юридической техники стало развитие доктрины формально-юридического анализа права, в которой на первый план

выдвинута проблематика формы и структуры права, а также метода его исследования. Именно догматический юридический метод составляет основу концепции юридической техники [61, С. 9].

Под догмой в правовой литературе того времени понималось систематическое изложение принципов действующего права, учение о праве, описание, обобщение и классификация законодательства. Догма, вместе с тем, ничего общего не имела с исследованием законов. Она скорее отождествлялась с теорией права и понималась как «правовой порядок». Догматический метод (догма) – это понятие, означающее и метод познания (исследования) права, и юридическую науку (теорию права), и способ практической реализации ее положений. В последнем качестве догма отождествляется с юридической техникой [18, 35]. При этом юридическая техника формируется сначала на уровне сознания, в идеальном виде, а потом уже как практический метод (способ) деятельности.

Как следует из анализа источников, исторической предпосылкой формирования понятия юридической техники в категориальном аппарате европейской юридической науки являются два фактора: становление юридического мировоззрения [35, С. 9-12] и развитие доктрины юридического позитивизма. Однако, учитывая, что период формирования юридического мировоззрения, согласно традиционным представлениям, приходится на эпоху буржуазных революций (Ф. Энгельс), а по более обоснованной версии Г.Дж. Бермана на время проведения григорианской реформы, то есть на рубеж XI–XII веков, временной разрыв между рассматриваемыми событиями представляется слишком значительным, чтобы непосредственно связывать формирование понятия юридической техники с влиянием юридического мировоззрения. Последнее, безусловно, является идеологической основой большинства основных европейских правовых концепций, в том числе позитивистской. Именно и прежде всего юридический позитивизм привлек внимание к проблемам юридической техники и стал теоретической базой формирования и исследования ее понятия.

В результате объективного процесса трансформации права вопросы техники построения, реализации и применения правовых норм становятся объектом специального исследования ученых. Ученые даже предпринимают неоднократные попытки прогнозировать развитие права. Таким образом «...примерно в конце XVIII века возникает так называемая законодательная политика, принимающая меры к совершенствованию предлагаемых законов» [16, С. 168]. Логическим же следствием такого отношения к праву стало появление в научной сфере концепции юридической техники (а в последствии и юридической технологии), основу которой составил догматический юридический метод³.

Особенности континентальной правовой семьи обусловили тот факт, что теоретические исследования в области юридической техники первоначально касались преимущественно законотворчества. Предпосылками формирования теории правотворческой техники были многочисленные идеи о качестве законов, требованиях, предъявляемых к ним, и правилах их создания, встречающиеся в трудах Платона,

³ Как отмечает Г.И. Муромцев, в правовой литературе того времени, в отличие от современных представлений, под догмой, с одной стороны, понималось систематическое изложение начал (принципов) действующего права какой-либо страны и какого-либо времени, а с другой – тот правовой порядок, который юрист-практик должен осуществлять в своей деятельности. См.: Муромцев Г.И. Юридическая техника. Некоторые теоретические аспекты // Правоведение. 2001. № 1. С. 11.

Аристотеля, Цицерона, Т.Г. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо, Ш.Л. Монтескье, Ч. Беккариа, Ф. Бэкона, Г.В.Ф. Гегеля, И. Бентама.

Настоящая история научных исследований техники законодательства начинается с написанного Иеремией Бентамом в 1791 году «Опыта политической тактики», который его ученик Дюмон переработал и издал после смерти автора в 1845 году под названием «Тактика законодательных собраний». Одна из глав этой книги посвящена технике законодательства, и в ней И. Бентам, отмечая значение процедуры (регламента) разработки правил законодательной техники, раскрывает их содержание: «Мы будем рассматривать предложения как акты, представленные на обсуждение собрания и предназначенные стать законами. Следовательно, нужно, чтобы предложение было изложено в надлежащей форме, могло бы выдержать критику во всех деталях и по форме своей допускало поправки. Регламент не может ни научить логике редактирования и связи идей, ни предписать совершенство стиля; есть, однако, некоторые недостатки, которые необходимо предусмотреть, некоторые условия, которые нужно требовать, потому что каждый в силах им подчиняться. Если следовать этим условиям, то законопроект при любом объеме будет иметь удобную форму, вместе с тем его легче будет рассмотреть во всех частях и исправить» [2, С. 75]. Уже в приведенном определении законодательной техники можно выделить такие элементы, как познавательно юридический, нормативно-структурный и др.

Р. фон Иерингом было сформулировано определение юридической техники в объективном и субъективном смыслах⁴. Он писал: «В первом смысле я понимаю под выражением «техника» то юридическое искусство, задачу которого составляет формальная отделка данного правового материала.., технический метод; во втором смысле – осуществление этой задачи в самом праве, то есть соответствующий технический механизм права»⁵. Поэтому в свете изменившихся представлений о сущности права основания и правила конструирования, оформления правовых актов, законотворческого процесса стали закрепляться непосредственно на нормативном уровне.

Применение исторического подхода в исследовании проблем юридической техники, метода сравнения важнейших кодификаций позволяет исследовать вопросы, входящие в предмет изучения юридической техники. К ним следует, в первую очередь, отнести: источники законодательства, которые используются при изготовлении нормативного акта; характеристику законодательства, непосредственно связанную с проблемой как внутреннего, так и внешнего единства права; формы законодательной деятельности, различаемые в зависимости от законодательного органа, содержания нормативного акта и отношения его к законодательной системе; структуру нормативного акта; формы и методы его изготовления и др.

Уровень развития юридической техники тесно связан с уровнем развития самой юриспруденции, что и подтверждается историческими документами. Римские юристы,

⁴ Здесь следует отметить, что Р. фон Иеринга нельзя отнести к абсолютным сторонникам концепции юридического позитивизма, положения которой он разделял в начале своей научной деятельности. Позднее он подвергал критике эти идеи. Во времена написания работы «Дух римского права...» он уже находился под влиянием французских социологов и впоследствии подвергал критике принципы формально-догматической юриспруденции, которую называл «юриспруденцией понятий» в своей лекции «Борьба за право» (1872 год) и в работе «Цель в праве» (1877–1884 годы), обосновывая положения созданной им концепции «юриспруденции интересов».

⁵ Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905. С. 25. Эта работа фактически является введением ко второй части созданного Р. фон Иерингом в двух частях труда «Geist des Rom. Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung», написанного в период с 1852 по 1865 год.

оставив богатое наследие в области гражданского права, а также в области систематики и терминологии права «не создали и зародыша теории юридической техники, – писал Р. Иеринг, – ни намек на ее цель и задачи, не разъяснили их, даже не упоминая ее положения» [19]. Не случайно именно Р. фон Иеринг по праву считается основоположником учения о юридической технике, так как он впервые ввел научный оборот это понятие, обосновал его автономность в юриспруденции, раскрыл его содержание – обобщил, доработал существовавшие до него в науке права воззрения на правила и методы техники права и сформулировал свои правила юридической техники⁶. После него понятие «юридическая техника» постепенно стало рассматриваться в качестве самостоятельного и использовалось в теории права уже в качестве самостоятельной категории.

Следует отметить, что фактически вопросы техники создания и технологий применения права поднимались в правовой науке и до Р. фон Иеринга. При этом основное внимание ученые уделяли законодательной технике и технологиям принятия законов, лишь изредка останавливаясь на некоторых аспектах техники применения права, да и то касались при этом вопросов написания текстов правоприменительных актов и толкования норм права.

Значительный вклад в изучение законодательной техники внесли английские юристы Ильберт и Сринг, которые опубликовали совместную работу, посвященную вопросам законодательной техники [14], а Ф. Жени путем анализа кодекса Наполеона попытался выявить недостатки и положительные стороны современной ему законодательной техники, дать определение и исследовать пути ее развития [13].

Из других зарубежных авторов, главным образом, теоретиков и цивилистов, оставивших заметный след в изучении юридической техники, следует назвать Штаммлера, Майне, Гутгерца, Листа, Цюрхера, Жинкульяка, Биндинга, Белинга.

При обзоре взглядов на рассматриваемую проблему их можно сгруппировать следующим образом: одни из них (И. Колер, Ж. Ринер и др.) исходили из противопоставления юридической науки и техники; другие (Р. Штаммлер, Салейль и др.) отождествляли юридическую технику с интеллектуальной разновидностью правотворчества, понимая под ней всякую работу по логической систематизации правовых норм усилиями науки и практики⁷; для третьей группы авторов (Л. Дюги, Р. Демог и др.) юридическая техника была совокупностью средств и процедур, призванных обеспечить реализацию целей права и его защиту; четвертая группа авторов (Ф. Жени и др.) в юридической технике видела средство перевода социальных потребностей на язык права и конструирования обязательных норм для поддержания порядка в обществе⁸. Многообразие взглядов в странах романогерманского права отражает многоаспектность самого понятия «юридическая техника» и различие методологий ее исследования.

В отличие от стран романо-германского права, в странах англо-американского права широкое распространение имело понятие «законодательная техника», под которым

⁶ Здесь следует отметить, что фактически Р. фон Иеринг писал о законодательной технике.

⁷ Колер (Kohler) Иосиф, немецкий юрист, профессор в Вюрцбурге и Берлине, труды по сравнительному правоведению, истории права, уголовному и гражданскому праву: «Studien aus dem Strafrecht» (1890–1895), «Lehrbuch des Konkursrechts» (1891), «Gesammelte Beiträge zum Civilprozess» (1894); известный юрист Ж. Ринер усматривал в акционерном обществе прежде всего механизм аккумуляции капиталов; основные работы Р. Штаммлера: «Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории» (1896), «Теория правовой науки», «Философия права»; Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях (1906).

⁸ Обзор дан по работе: Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 29–36.

понимались не формальные параметры нормативного акта, а процесс законотворчества, включающий, в том числе, и технологический аспект – от законодательной инициативы до промульгации закона и его применения. В американской литературе профессиональная деятельность юриста сводилась к технике как способу решения споров и согласования конфликтующих интересов и соответствующим технологиям. Так, в английских источниках термин «юриспруденция» определялся как знание или искусство в праве, как стиль или форма права [64, Р. 635-636], следовательно, не мог не содержать технологического основания.

Таким образом, сформировалось две основные концепции юридической техники: английская и континентальная. На английское законодательство в силу особенностей исторического развития очень мало повлияло правотворчество Рима, что обусловило своеобразную постановку в английском праве ряда институтов, особую юридическую систематику, терминологию и т. д. Олицетворением второй, континентальной концепции юридической техники, выступают французская и немецкая школы. При их различии в деталях, концептуально они разработаны применительно к кодификационному законодательству и базируются на юридической технике гражданского права античного Рима.

Древнерусское право рождается вместе с Древнерусским государством, полностью соответствуя его типу. Древнерусское право было правом привилегий: закон на основе социального неравенства людей. Хотя вопрос об исторических источниках древнерусского права достаточно спорный, большинство его исследователей (М.Ф. Владимирский-Буданов, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев, С.В. Юшков [8; 24; 50; 63]) считают, что оно формировалось на русской почве, отражая именно те общественные отношения, которые сложились на Руси, и закрепляя те порядки, которые были обусловлены чертами древнерусского феодального общества. Обычное право, которое определяло течение древней общественной жизни, получившее на определенной стадии развития правовой характер, предназначавшееся для охраны личности и имущества определенных социальных групп, стало основой древнерусского законодательства [48, С. 30].

В своем «Курсе русской истории» В.О. Ключевский рассказывает об отраженных в древнерусской письменности записях старейшин, касающихся права (например, подобные записи присутствуют в сборнике «Книги законные») [24, С. 85]. Воцарившаяся на престоле Древнерусского государства династия Рюриковичей (с 862 года) положила начало системной законодательной деятельности князей.

Однако попытки реконструировать хотя бы «общие начала» древнерусского права осложнены ограниченностью документально-источниковой базы, потому как древнерусских юридических текстов сохранилось немного, а более древних памятников, чем русско-византийские договоры X века, по мнению официальной историографии, пока не обнаружено [47, С. 41].

Лингвистические исследования показывают, что первоначальная правовая лексика VI века уже содержала все основные понятия, относящиеся к суду и судопроизводству: суд, закон, право, правда и т. п., отражая также и систему представлений, связанных с правонарушением и наказанием [17, С. 63]. Такая система представлений, как и правовая терминология, формировались на базе общей индоевропейской мифологии, в которой основной миф посвящен первопреступлению и возмездью за него.

Достаточно трудно обнаружить мифологические корни правовых институтов, которые возникли в более поздний период писаного права, однако нет никакого сомнения, что

«древнейшие термины, означающие право вообще, относятся к обычному праву» [8, С. 109] и имеют, как было указано выше, единство фольклорных и юридических истоков. Понятия обычного права («норов», «обычай», «правда», «пошлина», «ряд», «покон» и «закон», «вира»), восходящие к индоевропейской системе правовых представлений [47 С. 47], образовали терминологический аппарат древнерусского писаного права, первыми источниками которого являются русско-византийские договоры 911 и 944 годов, согласно общепринятой точке зрения. В этих договорах упоминается так называемый Закон Русский: «Аще ли ударить мечем или бьеть кацем либо сосудом, за то ударение или бьенье да вдасть литр 5 сребра – по Закону Русскому» [47, С. 8].

До появления Русской Правды на Руси существовали нормы обычного права, построенные на многолетнем языческом мировоззрении. Нормы языческого обычного права не соответствовали новой христианской морали. Можно сказать, что в данном противоречии был найден компромисс, ведь церковные суды не смогли полностью устранить из русского законодательства черты древних обычаев. Однако церковные судьи, воспитанные на христианском византийском праве, оказали непосредственное влияние на свод русского законодательства.

Русская Правда, по выражению А.Е. Преснякова, представляющая «сложную компиляцию разновременных и разнохарактерных наслоений архаического обычного, городского и княжеского права» [42, С. 440], являлась, безусловно, основным правовым памятником Древней Руси, а значение ее далеко не исчерпывается собственно юридическим содержанием. Насколько хорошо удовлетворяла Русская Правда потребностям правового регулирования общественных отношений, свидетельствует тот факт, что только в 1497 году в Московском государстве был издан Судебник, который заменил Пространную редакцию Русской Правды в качестве основного источника светского писаного права [27, С. 29].

Следует особо подчеркнуть, что преимущество Русской Правды перед германскими и скандинавскими «варварскими законами» отмечают авторитетные западные исследователи [11, С. 154]. Даже Э. Аннерс, критически настроенный по отношению к России, вынужден признать, что «уровень права Древнерусского государства в целом соответствовал уровню правового развития Англии и Скандинавии того времени» [1, С. 253].

Совершенно очевидно, что такой «совершенный по содержанию судебник» [47, С. 175], как Русская Правда, не мог возникнуть на пустом месте. На это обращали внимание еще дореволюционные ученые. Так, Н. Ланге главное достоинство Русской Правды видел в том, что в ней отражалось осознание народом правды и справедливости. «Если Правда была бы только беспорядочным сборником законов без всяких общих начал, – писал он, – то она не могла бы служить основанием к дальнейшему развитию нашего права» [28, С. 209].

Утверждение, что Крещение Руси есть одна из первых причин создания Русской Правды, доказывается отсутствием необходимости в письменном систематизированном законодательстве до середины XI века. На княжеских судах пользовались древними юридическими обычаями, сложившимися в ходе многовековой судебной практики. В случае возникновения какого-либо инцидента князь, обладая полноценной законодательной властью, мог с легкостью во время процесса восполнить юридические пробелы, внести поправки [47, С. 102].

Дальнейшее свободное развитие русского права было прервано монгольским нашествием. После освобождения Руси от монгольского ига славянская, или, по-иному, древнерусская традиция развития источников русского права была продолжена в Новгородской и Псковской судных грамотах (1467 год), в общероссийском великокняжеском Судебнике 1497 года и царском Судебнике 1550 года, уставах и указных книгах царских приказов XVI–XVII веков, а также в источниках церковного права: Кормчей книге, Стоглаве (1551 год), Правосудии Митрополичьем.

Необходимо подчеркнуть, что начало кодификации в России связывается с изданием Русской Правды. Проведение больших кодификаций относится к XIV веку, когда были составлены Псковская и Новгородская судные грамоты. Общегосударственное значение имел Судебник 1497 года и Судебник Ивана Грозного 1550 года. Восточнославянская традиция развития источников русского права получила свое завершение в Соборном Уложении 1649 года, явившемся крупнейшей вехой правового развития Московского государства первой половины XVII века [7, С. 118-119].

Однако наибольшего процветания кодификация достигла в XIX веке, ярким выражением которого было создание Свода законов Российской империи. Краткий обзор кодификационной деятельности свидетельствует не об использовании формы старых законов в целом, а только тех свойств и качеств, которые являются общими и присущими форме права на всех этапах его развития.

Представляется, что формирование юридической техники шло как «сверху», то есть от доктрины к практике, так и «снизу», то есть от реальных отношений через их обобщение и типизацию. На ранних стадиях указанного процесса явно преобладает последний способ, а на более поздних – первый (например, рецепция и влияние чужого права – договоры с греками и с немцами; рецепция византийского права).

Таким образом, особо важно отметить, что история развития государства и права в России свидетельствует о том, что юридическая техника имеет достаточно глубокие корни, свои особенности развития. Это, в частности, и нормативное построение предложений, наличие заголовков статей, специальных правовых терминов в Русской правде; преамбулы, разделение текстов на статьи в первых кодифицированных актах России – Судебниках 1497 и 1550 годов и др. В Соборном уложении Алексея Михайловича (1649 год) появляется четко структурированный текст, главы с заголовками, емкие правовые термины [44, С. 213-231].

В XVII веке были предприняты первые попытки нормировать технику законодательного творчества. Хотя чаще их авторы ограничивались рекомендациями для какой-либо узкой области юридической техники. В правовых актах Петровской эпохи можно обнаружить более четкое по сравнению с ранее изданными документами выделение обособленных тематических единиц, сюжетов, разделенных на главы, пункты, однако не было еще четкости и единообразия в оформлении разного рода актов, но внутри каждого из них в логическом повествовании отграничивались самостоятельные части – параграфы, пункты или главы.

Петром I была введена обязательная письменная форма для актов государственных учреждений, имеющих силу закона; письменно должна была излагаться постановляющая часть документа: «дела разумеются, о которых надлежит письменный указ» [62, С. 19]. Содержание первых из опубликованных, согласно этому указу, законодательных документов (в петровских «Ведомостях») было очень трудно для восприятия главным образом из-за сложности языка, словесного оформления. Для исполнителей первые

записанные законы представлялись, по выражению В.О. Ключевского, «шарадой». Однако со временем законодательные решения стали оформляться в более доступной для массового читателя редакции.

Доступность для понимания обеспечивалась и техническими приемами разбивки письменного текста: выделение абзацев, пунктов, использование разных шрифтов и т. д. Например, в Генеральном регламенте, одном из документов, составлением которого занимался лично император Петр I, заметна не только техническая проработанность структуры его текста. Регламент касался и вопросов нормирования правил законодательной техники. В различных главах этого документа указывается на необходимость проставления дат на документах, включая нормативные, упоминается о стилистике документов – «штиль канцелярский» [53, С. 193].

Особое внимание в это время уделялось языку текста, его литературному слогу. С первой четвертью XVIII века связывают тенденцию сближения книжного и народного литературного языка и его комбинирования с разговорным. Новый стиль письменной речи формировался на базе смешения элементов церковно-славянской книжной речи, светской деловой лексики и разговорного языка с включением речевых заимствований из западноевропейских языков. При Петре I были введены в повседневную речь многие научные, технические понятия вместе с предметами, которые они обозначали.

Важно подчеркнуть, что Петр I даже установил санкции за несоблюдение вводимых им правил законодательной техники. В частности, до наших времен дошло его указание, адресованное, надо понимать, потенциальным создателям проектов нормативных правовых актов: «Все прожекты зело исправны должны быть, дабы казну изрядно не разорять и Отечеству ущерба не чинить. Кто прожекты будет абы как ляпать, того чина лишу и кнутом драть велю – в назидание потомкам» [Цит. По 15, С. 242].

Екатерина II указывала: «Всякий закон должен написан быть словами, вразумительными для всех... Законы делаются для всех людей, все люди должны по оным поступать – следовательно, надобно, чтобы все оные их разуметь могли» [21, С. 133-134].

Вместе с тем, возникнув как правовое явление в глубокой древности, юридическая техника как научная категория появляется в отечественном правоведении лишь на рубеже XIX–XX веков [54, С. 19-22; 55, С. 101-118]. Ранее она не отделялась от юридической техники, вошедшей в систему правовых категорий стран романо-германского права в XVIII–XIX веках.

В дореволюционной России вопросы юридической техники были предметом исследования М. Сперанского, Г. Шершеневича, М. Унковского, Ф. Тарановского, П. Люблинского и др. [51; 54; 61]. Перечисленные авторы видели в юридической технике науку о форме права, отделенную от науки, изучающей содержание права.

Наиболее отчетливо это суждение сформулировано М. Унковским, который утверждал, что «изобретение способов, сообщающих закону ясность независимо от того или иного содержания законодательных норм, должно составить предмет совершенно особой научной дисциплины – учения о законодательной технике», и что «содержание законодательных норм может меняться как вода в реке, а правила юридической техники могут остаться неизменными в течение веков» [54, С. 16].

Ошибочность высказанных концепций юридической техники, по мнению А.А. Ушакова, в том, что указанные авторы отрывают форму права от содержания. Создавая право, законодатель должен решить два вопроса: что отражать в праве и как это осуществить [55, С. 73]. Правотворческая деятельность сводится к решению проблемы содержания и

формы в праве. Содержание при этом является основным началом, но право не будет отвечать своему социальному назначению, если при его создании не уделять должного внимания форме права. Отсюда очевидна большая роль юридической техники, тесно связанной с формой права.

О правилах и приемах написания и толкования законов российские ученые писали много и не менее плодотворно, чем зарубежные коллеги. Так, в 1810 году вышла монография Л.А. Цветаева «Краткая теория законов» [57], в которой автор отмечал, что основными критериями качества закона является его внутренняя и внешняя доброта (при этом под внутренней добротой он понимал соответствие закона идеалам чистой нравственности, естественным правам и религиозным заповедям, а под внешней добротой – полноту и написание закона «приличным, кратким штилем», его расположение в «пристойном и удобном порядке»); 1817 году вышла его же работа «Начертание римского гражданского права» [58], а 1825 году он взялся за изучение особенностей юридической техники при подготовке уголовного закона – «Начертание теории уголовных законов» [59].

В 1819 году была издана работа П. Соколова «Систематическое руководство к познанию российского практического законовещения» [49]; в 1901 году вышло в свет созданное Е.В. Васьковским «Учение о толковании и применении гражданских законов: Цивилистическая методология» [6], а в 1913 году его же «Руководство к толкованию и применению законов: Для начинающих юристов» [5]. Этой же проблематике посвящали труды и другие выдающиеся дореволюционные ученые [3; 4; 26; 38]. Представляется, что этому во многом способствовали проводимые М.М. Сперанским в начале XIX века подготовительные мероприятия по кодификации действовавшего в то время гражданского и уголовного законодательства [51, С. 36-40].

Однако следует отметить, что, раскрывая проблематику юридической техники, ученые оперировали не термином «юридическая техника», а в основном говорили о юриспруденции, в состав которой включали и «технику права». Например, Л.И. Петражицкий в изданной в 1909 году работе «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» указывал: «... ученая юриспруденция есть не что иное, как такая умственная деятельность и техника, которая направлена на унификационную обработку позитивного или официально-позитивного права» [41, С. 216]. Некоторые вопросы «техники права» и юриспруденции ученый поднимал и в другом своем произведении «Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии» [40].

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. Юридическая техника возникает в истории одновременно с правом и изначально выступает средством придания ему системности и структурированности. Примитивный характер архаичного права свидетельствует не об отсутствии юридической техники, а лишь о низком уровне ее развития. Развитие языка, появление юридических понятий и категорий, выработка навыков формулирования и интерпретации правовых велений, фиксация их в определенных знаковых системах характеризуют историю формирования юридической техники. Повышение социальной роли права объективно потребовало упорядочения средств (методов, способов, правил, приемов) создания правовых норм и их реализации. В свою очередь, накопление технико-юридических средств и их нарастающего использования в юридической практике, стало, по нашему мнению, предпосылкой вычленения из юридической техники самостоятельного явления – юридических технологий [25]. Поэтому есть все основания утверждать, что усложнение составных элементов юридической техники стало главным источником формирования юридических технологий.

Важно отметить, что совершенствование, усложнение права, складывание самостоятельных правовых систем взаимообуславливает развитие юридической техники и юридических технологий. При этом, по нашему мнению, в современном мире следует говорить не о нескольких обособленных типах юридической техники и юридических технологий, а о преобладании в различных типах правового регулирования (правовых семьях) тех или иных аспектов этих сложных правовых явлений: в романо-германском праве – техники и технологий правотворчества, в англо-саксонском – технологий правоприменения, в мусульманском – интерпретационной техники и технологий. Выступая в качестве инструментов и способов создания и совершенствования права, юридическая техника и юридическая технология в любой правовой системе сохраняют свое значение, что делает вполне обоснованным как локальный анализ особенностей юридической техники и юридических технологий того или иного типа, так и попытку теоретического обобщения, выявления универсальных черт юридической техники и юридических технологий.

Литература

1. Аннерс Э. История европейского права. М., 1994.
2. Бентам И. Тактика законодательных собраний / пер. с англ. СПб., 1907.
3. Богишич В.В. О технических терминах в законодательстве. СПб., 1890.
4. Будкевич Ф.П. Законодательная ошибка и ее следствия. Варшава, 1908
5. Васьковский Е.В. Руководство к толкованию и применению законов: Для начинающих юристов. М., 1913.
6. Васьковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов: Цивилистическая методология. Одесса, 1901. Ч. 1.
7. Величко К.Е. Развитие юридической техники в российской правовой системе // Философия права. 2011. № 6. С. 118–119.
8. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.
9. Власенко Н.А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск, 2001.
10. Губаева Т.В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. М., 2007.
11. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
12. Дигесты Юстиниана. Книги I–IV / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М., 2002.
13. Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 8.
14. Законодательная техника в Англии // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 9–10.
15. Законотворчество в Российской Федерации: научно-практическое и учебное пособие / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000.
16. Зингель Ф.Ф. Право и прогресс // Варшавские университетские известия. 1913. № 6. С. 170-171.
17. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.
18. Иеринг Р. Дух римского права. СПб., 1875.

19. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1905.
20. Ильин И.А. О сущности правосознания. Сочинения: в 10 т. М., 1994. Т. 4.
21. Императрица Екатерина II. О величии России. М., 2003.
22. Исаева Л.А. Юридические технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
23. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008.
24. Ключевский В.О. Курс русской истории. М., 1978.
25. Колесник И.В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
26. Кролик А.А. Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции. СПб., 1913.
27. Кулыгин В.В. От Пути Прави к Русской Правде: этапы правогенеза восточнославянского этноса // Правоведение. 1999. № 4. С. 11 – 17.
28. Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. СПб., 1860.
29. Лапин В.А. Природа муниципальной власти и местного самоуправления в России // Избранные статьи. М., 2000. Т. 2.
30. Макеев В.В. Обычное право – основной регулятор общественных отношений у донских казаков // Обычное право в России... Ростов-на-Дону, 1999.
31. Малова О.В. Правовой обычай как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2002.
32. Монтескье Ш. О духе законов: Глава XVI «Что именно следует иметь в виду при составлении законов» // Избранные произведения / пер. с фр. М., 1955. С. 651–654.
33. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н.Новгород, 2000. С. 29–36.
34. Муромцев Г.И. Юридическая техника: Некоторые теоретические аспекты // Правоведение. 2000. № 1. С. 9 – 20.
35. Муромцев С.А. О консерватизме римской юриспруденции. М., 1885.
36. Небратенко Г.Г. Дихотомия традиционных правовых систем общества // Юристъ-Правоведъ. 2009. № 6. С. 74-78.
37. Небратенко Г.Г. Об антропологическом монизме обычно-правовой системы и традиционного общества // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 3. С. 18-23
38. Новиков А.И. Как должны писаться законы. Ростов-на-Дону, 1907.
39. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2006.
40. Петражицкий Л.И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. 3-е изд. СПб., 1908.
41. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 1909. 1909. Т. 1.
42. Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси: Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993.
43. Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950.
44. Прянишников Е.А. Законодательная техника: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2000.
45. Савельев В.А. Юридическая техника римской юриспруденции классического

периода // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010. С. 18—29.

46. Саидов А.Х. О развитии антропологии права // Право и политика. 2002. № 9. С. 143-151.

47. Свердлов М.Б. От Закона Русского к Русской Правде. М., 1988.

48. Славин Д.А. Древнерусское государство и право. М., 2010.

49. Соколов П. Систематическое руководство к познанию российского практического законовещения. Часть 1. М., 1819.

50. Соловьев С.М. Сочинения. М., 1988. Кн. II: История России с древнейших времен.

51. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.

52. Спиридонов Т.И. Социальное развитие и право. Л., 1973.

53. Указ о должности Сената (1722 г.) // Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / отв. ред. А.Г. Маньков. М., 1986. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма.

54. Унковский М. О неясности законодательства как общественном бедствии. СПб., 1913.

55. Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского государственного университета. Часть 4. Пермь, 1961. Вып. 5.

56. Фатхи В.И. Правовая этнология: концептуальные идеи и принципы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.

57. Цветаев Л.А. Краткая теория законов (1–3 части). М., 1810.

58. Цветаев Л.А. Начертание римского гражданского права. М., 1817.

59. Цветаев Л.А. Начертание теории уголовных законов. М., 1825.

60. Шапсугов Д.Ю. Современные проблемы исследования обычного права народов Северного Кавказа (вместо предисловия) // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования. Ростов-на-Дону, 2006. Вып. 2.

61. Шершеневич Г.Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань, 1898.

62. Юртаева Е.А. Законодательная техника в Российской империи и некоторые методические вопросы преподавания юридических дисциплин в вузах // Юридическое образование и наука. 2001. №2. С. 18-23.

63. Юшков С.В. Памятники русского права. М., 1952.

64. F new English dictionari. Oxford, 1914. Vol. 5. P. 635–636.

Kolesnik I.V. Idei juridicheskikh tehnologij v dosovetskoj istorii prava / V.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.

© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ДОКТРИНЕ
СОВЕТСКОГО ПРАВА⁹**

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Повышенным советское время были продолжены традиции исследования проблемных вопросов юридической техники и юридических технологий, а также творческое использование потенциала этих многогранных правовых феноменов.

В 1917 году в России было начато строительство принципиально нового, отличного от предшествующих, общества, которое, как представлялось его организаторам, было основано на всеобщем равенстве и свободе человека труда. Начавшая формироваться в условиях диктатуры пролетариата теория права встретила с целым рядом принципиальных трудностей, которые были связаны с радикальным отрицанием прежних учений и представлений о государстве и праве, построением науки о классовом государстве и праве. Один из центральных аспектов всей этой работы состоял в том, чтобы в рамках зарождающейся марксистско-ленинской юридической науки можно было согласовать соответствующие положения марксизма-ленинизма о государстве и праве с практикой диктатуры пролетариата и социалистического строительства в целом. Из представлений о ненаучном характере юридических идей и самого права вытекала задача немедленного свертывания права. Считалось, что пролетарское право есть лишь отмирающее буржуазное право, что социалистическая революция берет курс на свертывание правовой формы.

Проблема классовости права оставалась ключевой в советской науке общей теории права 20-х годов прошлого века, но в отличие от предшествовавшего периода развития науки ее разработка велась преимущественно под углом зрения противопоставления советского права буржуазному [43, С. 23].

Представления о классовом характере права нашли свое отражение в общем определении права, данном в официальном акте Народного комиссариата юстиции РСФСР (декабрь 1919 года) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»: «Право – это система (или порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной силой его (то есть этого

⁹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

господствующего класса)» [50, С. 85]. Согласно позиции П.И. Стучки, а также других авторов «Руководящих начал...», буржуазное право вместе с буржуазным государством полностью уничтожается пролетарской революцией. Отрицание любой преемственности и общности между пролетарским и буржуазным правом в данной концепции означает, что в пролетарском (социалистическом) праве отсутствует, в частности, собственно тот правовой момент (а именно: буржуазное равное право), о допущении и отмирании которого идет речь у К. Маркса и Ф. Энгельса [50, С. 86-88]. Таким образом, классовое буржуазное общество порождает и предполагает право (в силу частнособственнического товарного производства, обмена и т. д.), а социалистическое, пролетарское общество (в силу отрицания частной собственности), наоборот, отрицает право как таковое.

Ряд авторов вопрос о классовой сущности права отодвинули на второй план. Так, Е.Б. Пашуканис, полагая, что вопрос о классовом содержании права достаточно изучен в марксистской литературе, избрал объектом своего исследования генезис правовой формы. Придерживаясь сформулированных им методологических принципов, он признавал буржуазное право более развитым и, как следствие, считал возможным познание категории права вообще. Е.Б. Пашуканис утверждал, что «юридическое понимание государства никогда не может стать теорией, но всегда будет представляться как идеологическое извращение фактов» [36, С. 41].

В середине 30-х годов Е.Б. Пашуканисом была выдвинута концепция так называемого социалистического права. С учетом партийных положений о том, что в стране в основном построено «бесклассовое социалистическое общество», он стал говорить о необходимости развертывания «исследований социалистического государства, о роли социалистического советского права» [35, С. 4].

Помимо основных марксистских направлений в теории права, представленных П.И. Стучкой и Е.Б. Пашуканисом, появились полумарксистские и вовсе немарксистские концепции. Некоторые юристы пытались возродить традиции психологической школы права (М.А. Рейснер, Е.А. Энгель, И.Д. Ильинский и др.), применить теорию социальных функций Л. Дюги к советской правовой действительности (А.Г. Гойхбарг, Я.А. Канторович, С.И. Аскназий и др.); оживились юридико-позитивистские настроения (С.А. Котляревский, Э.Э. Понтович, В.Н. Дурденевский, Л.В. Успенский и др.) [27, С. 27-28].

Усилиями многих видных ученых-юристов, представляющих как общую теорию государства и права, так и отраслевые юридические науки, в числе которых были М.А. Аржанов, М.М. Агарков, Д.М. Генкин, С.А. Голунский, А.Б. Пашерстник, Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, Н.Г. Александров, С.И. Братусь и другие, в конце 1930–1940-х годов были выработаны нормативное понимание и определение права как системы действующих в государстве юридических норм в их материалистической трактовке [3, С. 41]. Эти идеи жесткой критике подверг А.Я. Вышинский. В основу нового понимания права легла дефиниция, предложенная А.Я. Вышинским и обсуждавшаяся в июле 1938 года на Всесоюзном совещании работников науки советского права: «Советское социалистическое право есть совокупность правил поведения (норм), установленных или санкционированных социалистическим государством и выражающим волю рабочего класса и всех трудящихся, правил поведения, применение которых обеспечивается принудительной силой социалистического государства...» [34, С. 183].

Предложенное А.Я. Вышинским и утвержденное Совещанием 1938 года определение права вошло в литературу как «нормативный» подход к праву [33, С. 163]. Важно отметить, что данное понятие права довольно жестко определило задачи, цели, характер и

направления всего последующего развития не только теории государства и права, но также и всех отраслевых юридических дисциплин. Господство на этом историческом этапе статического позитивизма обусловило ограничение проблематики в общетеоретических исследованиях.

Можно с уверенностью сказать, что советский период в развитии теории юридической техники как научного направления в теории права был слабо связан с достижениями дореволюционной российской науки и с зарубежной доктриной. Вследствие этого предметом исследования в течение рассматриваемого периода выступала преимущественно правотворческая техника, а юридические технологии связывались исключительно с нормотворчеством.

Научные работы по юридической технике на первом этапе теоретических исследований были посвящены технике законотворчества (М. Винавер, М. Гродзинский, И. Елизаров, И. Перетерский) и языку закона (А. Луначарский, А. Лаптев, М. Презент, В. Равич), которые были predeterminedены не столько влиянием официальной доктрины, а скорее практической необходимостью создания новой системы советского законодательства. Вопросам учения о нормотворческой технике и соответствующих юридических правилах были посвящены статья А. Винавера «Законодательная техника» (1926 год) [6, С. 3-11], «Очерки по юридической технике» Л.М. Успенского (1927 год)¹⁰, статьи М.М. Гродзинского «Законодательная техника и Уголовный кодекс» [14, С. 594-597] и И. Цыпырева «Техника права и новый этюд теории нрава» (1928 год) [47, С. 2-3], статья А. Шашковича «Звено в цепи (законодательная техника)» (1929 год) [48] и другие публикации, авторы которых рассматривали проблемы законодательной техники.

Названные публикации отличал «широкий» подход к проблеме, сохранивший в некоторой степени элементы досоветского правового мышления. К примеру, юридическая техника отождествлялась с догматическим юридическим методом (Л. Успенский). П.И. Стучка допускал возможность перехода, «перелива» права в технику. «Если проследить развитие закона по этапам, – писал он, – то мы увидим, что закон не всегда содержит в себе право в узком смысле слова, что в него входит масса чисто технических правил, что по ходу развития даже само право (в самом узком смысле) превращается или переходит в простую (хотя и весьма сложную) технику. Тут формула «право и техника – просто техника», представляет собой довольно ярко выраженные этапы» [40].

В послевоенный период влияние советской официальной идеологии на правовые исследования юридической техники становятся более выраженными. В это время публикуют свои работы Л.И. Дембо, И.Л. Брауде, М.М. Гродзинский, Л.С. Явич, В.Н. Иванов, М.Д. Шаргородский, в которых, в частности, делается акцент на классовое содержание юридической техники, порожденной сущностью соответствующего типа права и государства. Как результат, все предлагавшиеся варианты имели своим предметом технику правотворчества, не затрагивая иные аспекты исследования понятия юридической техники [9, С. 29-31].

Как полагает Г.И. Муромцев, эволюция взглядов советских авторов на проблему юридической техники отражает влияние факторов двоякого рода. Во-первых, это

¹⁰ См.: Успенский Л. Очерки по юридической технике. Ташкент, 1927. Эта работа была подвергнута острой критике И. Ильинским за неполное раскрытие в ней заявленной темы: критик полагал, что Л. Успенский ничего не написал в своей книге о правилах составления, кодификации и применения правовых норм, составляющих, по его мнению, содержание юридической техники (Ильинский И. Библиография. Л. Успенский. Очерки по юридической технике // Ежегодник советской юстиции. 1927. № 45, ст. 1420).

известный «перекося» в «системе ценностей» советского права. Он выражен в преувеличении классового фактора в праве и соответствующей недооценке роли правовой формы. Вторым фактором было влияние официальной советской доктрины права на разработку рассматриваемого понятия [31]. Можно заметить, что до начала 60-х годов прошлого века советский подход к проблеме юридической техники практически не испытал влияния официальной правовой доктрины.

Именно с 60-х годов понятие «юридическая техника» вытесняется понятием «законодательная техника». При этом под законодательной техникой понималась совокупность приемов и методов подготовки и издания наиболее совершенных по форме и структуре нормативных актов [23, 39].

Данный подход становится «канонизированным», о чем свидетельствует, частности, факт подтверждения его в самом авторитетном исследовании того времени по теории права [29].

Именно такой подход позволил на основе системы технико-юридических правил оформления законодательства разработать советские конституции, создать 60-е годы XX века основы законодательства, новые кодексы, подготовить и издать систематическое Собрание законодательства СССР и соответствующие собрания законодательства союзных республик. Значительным достижением в развитии юридической техники стали разработка и издание с применением съемных листов Свода законов СССР (11 томов) и Свода законов РСФСР (8 томов). Это были крупные государственные мероприятия, которые базировались на научных разработках проблем юридической и прежде всего законодательной техники Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства, Юридической комиссии при Совете Министров СССР, юристов – ученых и практических работников [11, С. 33].

Следует отметить, что, к сожалению, многое из того, что предлагалось в трудах ученых, не нашло своего воплощения в жизни. Однако научные исследования по проблемам юридической техники были активизированы в 60–80-х годах XX века. Этот период стал наиболее плодотворным в развитии советской теории законодательной техники, получившей всестороннее освещение в работах Д.А. Керимова, И.С. Самощенко, С.Н. Братуся, А.А. Ушакова, А. Нашиц, Л.Ф. Апт, С.В. Полениной, А.С. Пиголкина, Д.А. Ковачева, Ю.А. Тихомирова, Л.М. Бойко и других авторов [5, 16, 22, 32, 37, 42, 46].

Параллельно теории юридической техники исследованию подвергались также отдельные приемы и средства юридической техники, а именно: правовые аксиомы, презумпции, коллизии в праве, юридические конструкции и т. д., а также отдельные виды юридической деятельности: толкование права, правоприменение, систематизация права и т. п., что создало научную основу современного понимания юридической техники.

Несмотря на давление советской официальной доктрины, некоторыми учеными предпринимались попытки расширения общепринятого подхода к законодательной технике. «Забываемое» понятие «юридическая техника» используют в рассматриваемый период немногие авторы (С.С. Алексеев, М.И. Ковалев, О.А. Красавчиков, А.А. Ушаков, М.К. Юков) [1, 21, 24, 51], из которых только С.С. Алексеев и О.А. Красавчиков акцентируют внимание на различиях между юридической техникой и техникой законодательной.

При этом следует отметить, что, как в работах перечисленных авторов, так и в подавляющем большинстве работ, созданных в этот же период другими учеными, преимущественно раскрывались прикладные вопросы законотворчества. Скорее всего, это можно объяснить тем, что положенные в основу этих научных трудов исследования в

основном были сопряжены с работой по кодификации и ревизии советского законодательства.

То есть, как и во времена Р. фон Иеринга, И. Бентама, Л.А. Цветаева и других ученых, стоявших у истоков учения о юридической технике, в его рамках фактически изучалась только одна разновидность юридической техники – законодательная, которая понималась как совокупность средств и других элементов (как правило, в качестве таковых назывались правила и способы, иногда – приемы и методы) построения текстов нормативных правовых актов.

Наиболее обстоятельно и научно обоснованно к этим вопросам подошли Л. Дембо, А. Ушаков, Д. Керимов, считающие, что изучение вопросов юридической техники должно составить особую отрасль юриспруденции, содержанием которой является общее учение о законодательной системе, ее структуре, формах и методах построения. В этих целях необходимо научно обоснованное построение законодательства в целом, а следовательно нужна система знаний о юридической технике. По мнению ученых – юристов советского права, средства и приемы юридической техники не имеют классовой направленности. Они «сами по себе безразличны к общественным классам» [24: 37, С. 7: 38, С. 17]. Реакционное законодательство в буржуазных странах может быть довольно совершенным по своему уровню технической обработки. В социалистическом праве, не имеющем по содержанию какого-либо преемства с эксплуататорскими типами права, используются определенные средства и приемы юридической техники прошлого [17, С. 31]. Однако особенности и степень практического использования юридической техники носят социальный, классовый характер. Определенное социальное содержание имеют и ее правила. В частности, «правила законодательной техники наполняются в процессе социалистического правотворчества принципиально новым содержанием, вытекающим из сущности социалистического права, его роли в жизни нашего общества» [20, С. 47].

Необходимость полного и всестороннего использования юридической техники, выражающей передовой опыт законодательства и прогрессивные рекомендации науки, является объективной закономерностью, недоучет которой приводит к определенным отрицательным последствиям, издержкам, недостаткам в форме права.

В советской юридической литературе была проделана значительная работа по установлению понятия юридической техники. По этому вопросу высказаны, на первый взгляд, довольно различные мнения. Многие авторы склонились к такому теоретическому истолкованию юридической техники, которое сводит ее лишь к определенным «правилам» [20, С. 47; 49, С. 41]. Даже после того, как в литературе были сформулированы развернутые положения о средствах и приемах техники (ее субстанции), отдельные авторы по-прежнему без какой-либо дополнительной аргументации ограничивают юридическую технику «правилами и приемами» [37, С. 10].

Между тем, как уже отмечалось, юридическая техника – явление многогранное. Это и порождает такую разноречивость во взглядах, когда те или иные авторы рассматривают в качестве юридической техники лишь одну из форм, в которой она проявляется. И все же, думается, при теоретическом истолковании юридической техники на первый план следует выделить ее «субстанциональную сторону» – средства, а методы, способы, правила, приемы, используемые при выработке, систематизации правовых актов, – это прерогатива юридической технологии. Причем именно «правила» характеризуют использование технических средств.

В свое время высказывалось мнение, согласно которому юридическая техника рассматривалась сквозь классовую призму, обусловленную соответствующим типом государства и права [52, С. 157-162]. Однако такая точка зрения в конечном счете не нашла широкой поддержки. Все более заметным было мнение, согласно которому приемы юридической техники в их буквальном понимании лишены классовой обусловленности [24, С. 121]. В юридической науке распространение имела такая позиция: «Правила законодательной техники, будучи техническими нормами, не имеют социально-классовой направленности. Такая направленность проявляется в применении или, наоборот, неприменении этих правил, в выборе технических средств правотворчества, что зависит от сущности права того или иного типа, от целей, которые ставит перед собой законодатель, от социально-политических интересов, отражаемых в законодательстве. Многие технические приемы подготовки проектов нормативных актов могут одинаково обслуживать правотворческую практику и буржуазных, и социалистических государств» [29, С. 349]. В этой позиции лишь косвенно признается социально-классовая обусловленность юридической техники.

Отсутствие классовой направленности в арсенале юридической техники признавал С.С. Алексеев, поддерживая вышеприведенную точку зрения О.А. Красавчикова. «В демократическом праве, – отмечал С.С. Алексеев, – используются определенные средства и приемы юридической техники прошлого.

Юридическая техника играет существенную роль в обеспечении эффективности права, в укреплении законности. Полное и правильное использование всех средств юридической техники обеспечивает точное выражение содержания правовых актов, их доходчивость и доступность, возможность наиболее рационального их использования в практической работе. Уровень юридической техники – один из показателей уровня юридической культуры в стране» [2, С. 484].

Заимствование теоретических и практических конструкций юридической техники, выявленных и обстоятельно изученных в рамках юридической науки прошлого, никоим образом не следует игнорировать, отвергать, поскольку при познании указанных проблем (в отличие от многих других аспектов теории права) исследователи менее всего были подвержены давлению политических установок, идеологических штампов, классовых стереотипов, так как все, что было связано с применением юридической техники, относилось к областям сугубо техническим.

Этим и объясняется то обстоятельство, что в познании юридической техники были достигнуты солидные научные результаты, в целом не подпадавшие под трафареты воинственного социалистического мировоззрения. Однако говорить о какой-то стерильности, сопутствующей научным изысканиям в сфере права, не приходится, так как сама политическая, идеологическая обстановка активно влияла на сознание и поступки исследователей. Следует согласиться с мнением Л.Д. Воеводина, который считает, что средства юридической техники нельзя рассматривать в полном отрыве от того, кто и как использует указанные средства и правила, какой характер носит сложившаяся юридическая практика, что представляет собой действующая система права [7, С. 4].

Вопросы юридической техники и юридических технологий являются составной частью общей теории права – науки политической, улавливающей идеологические нюансы, отталкивающейся от социальной действительности, постоянно учитывающей юридическую практику. Сквозь призму теории права, системы действующего законодательства вносятся необходимые новации в сферы юридической техники и юридических технологий.

Потенциал юридической техники и технологии не может находиться в вакууме, он не может быть отсеченным от других юридических факторов и явлений. Следовательно, политическая, социальная, идеологическая, духовно-нравственная структуры общества оказывают систематическое, целенаправленное и достаточно мощное воздействие на правовую действительность, юридическую науку. Определенная доля этого влияния сказывается и на состоянии юридической техники и юридических технологий. Это является естественным следствием того, что все разрабатываемые и принимаемые юридические акты направлены, в конечном итоге, на разрешение конкретных жизненных ситуаций, являются отражением жизнедеятельности общества и его членов.

К таким юридическим документам предъявляются повышенные требования позиций формы и содержания. Если властные структуры преследуют намерения, вступающие в противоречие с притязаниями общества и личности, они начинают вуалировать это, прежде всего, в принимаемых законах и подзаконных актах и проводить правовую политику в целях ретуширования истинных намерений.

В таких случаях и инструментарий юридической техники, и юридических технологий используется в целях придания нормативному правовому акту такой формы, которая могла бы в определенной степени скрыть его истинное содержание и предназначение [4].

Однако полагаем, что активизация интереса советских ученых к проблематике юридической техники была обусловлена не только научным интересом к новой теоретико-правовой теме, но и объективными причинами. Основными из них являются, во-первых, развитие учения о юридической деятельности, которое связано с усложнением общественной жизни, требующей более развитых форм ее юридического опосредования, и, во-вторых, количественный рост юридикотехнических средств, являющийся следствием качественного развития концепции юридической деятельности и, соответственно, отражением растущей социальной потребности в более детальной разработке прикладных вопросов осуществления различных ее видов.

Например, если на этапе оформления юридической техники в самостоятельную теоретико-правовую концепцию несколько столетий назад ее содержание составляли, в основном, формально-логические приемы построения логически грамотных текстов и анализа нормы права, то в XX веке ученые стали включать в ее состав наряду с формально-логическими и филологическими правилами и средствами максимально широкий инструментальный набор элементов. Сюда отнесли и приемы психологического воздействия на личность, и все более совершенные технические средства и их воздействие на сознание.

Соответственно, такое значительное расширение объема содержания юридической техники обусловило усиление интереса отечественных ученых к исследованию проблем юридической деятельности, которая проявляется в виде углубленных теорий о ее субъектном составе, содержании, форме, видах. Например, в 60–80-х годах прошлого столетия учеными-юристами активно обсуждались вопросы специфики правоприменительного вида юридической деятельности – его понятие, признаки, механизм осуществления, соотношение с другими видами юридической деятельности¹¹.

¹¹ Например, вопросам правоприменения были посвящены монографии: Дюрягин И.Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. М., 1973, Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. М., 1975, Карташов В.Н. Применение права. М., 1980, Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981, Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. М., 1983 и другие работы, опубликованные в указанный промежуток времени.

Специальное определение понятия отражает его специфику в конкретной сфере применения, добавляя к общей характеристике также аспекты характеристики той социальной сферы, в которой оно применяется. Так, если техника есть некое средство удовлетворения потребностей, достижения тех или иных целей, то в праве – это приемы подготовки и принятия законов и иных нормативных правовых актов, специфика формы и структуры права, его типологические и доктринальные особенности, приемы толкования права и др. Техника в данном случае выступает одновременно и как явление, внешнее по отношению к праву, и как синоним права. Именно это обстоятельство породило разнообразие взглядов на проблему юридической техники отечественных и зарубежных авторов. При всем их разнообразии можно выделить две разновидности:

- широкий подход, при котором юридическая техника отождествляется с правом либо отражает более одного аспекта правовой действительности;
- узкий подход, когда юридическая техника присутствует лишь в одной сфере права – законодательной или иной.

Представители широкого подхода к проблеме либо отождествляли юридическую технику с догматическим юридическим методом [44], либо понимали ее как степень совершенства самого законодательства, искусство законодательства [41], либо включали юридическую технику в понятие законографии, то есть учения о законодательной системе, ее структуре, формах и методах построения [10, 45]. П.И. Стучка допускал возможность перехода права в технику: «Если проследить развитие закона по этапам, то мы увидим, что закон не всегда содержит в себе право в узком смысле слова, что в него входит масса чисто технических правил, что по ходу развития даже само право (в самом узком смысле) превращается или переходит в «простую» (хотя и весьма сложную) технику. Тут формула «право и техника – просто техника» представляет собой довольно ярко выраженные этапы» [40, С. 468].

Представители узкого подхода понятие «юридическая техника» чаще толкуют как синоним законодательной техники [1], под которой понимается совокупность приемов и методов подготовки и издания наиболее совершенных по форме и структуре нормативных актов [1, С. 342], то есть процесс законотворчества – от законодательной инициативы до промульгации закона.

Как верно отметил в этой связи Р. Лукич: «...несмотря на то, что практически юридическая техника развивалась на протяжении всей истории существования права, несмотря на то, что имеются значительные творческие достижения в этой области и созданы многочисленные технические методы, наука о юридической технике еще даже не приблизилась к требуемому уровню развития. Несопоставимо ее развитие и с достижениями правовой науки» [26, С. 209].

Названные подходы восприняты в современной теории права. Например, даже в изданном в 2007 году учебнике «Юридическая техника» она определяется как совокупность правил построения правовых текстов, хотя в нем при этом упоминаются техника применения права, техника инкорпорации в качестве разновидностей родового понятия [19, С. 54]. Однако генезис понятия «юридическая техника» в российской теории права дает основания полагать, что тенденция деидеологизации и последовавшее за ней многообразие научных подходов, с одной стороны, придали импульс к изучению проблем юридической техники, а с другой, едва не привели к «размыванию» содержания исследуемого понятия.

Например, Г.И. Миняшева [30], обратив внимание на термин «юридическая техника», упомянув одних авторов (С.С. Алексеев, А.Б. Венгеров, Д.А. Керимов, Н.А. Власенко, Ю.А. Тихомиров, В.К. Бабаев [30, С. 25]), приведя дефиниции других (С.С. Алексеев, А.Ф. Черданцев, А.Б. Лисюткин, О.А. Красавчиков, А.С. Логинов, О.А. Иванюк [30, С. 25-26]), ссылаясь на воззрения отечественных теоретиков права (С.В. Бах-валов, В.М. Баранов, В.Н. Карташов) и зарубежных философов (Г. Спенсер, М. Хайдеггер, Г. Зиммель, Э. Шпрангер, К. Ясперс, Х. Ленк), пришла к безапелляционному выводу: «Юридическая техника состоит исключительно из средств или юридических приспособлений, необходимых или используемых при создании нормативных правовых актов» [30, С. 26].

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. Исторической предпосылкой формирования понятия юридических технологий и техники явился формально-юридический анализ права, проблематика формы и структуры права и соответствующий метод его исследования. Именно догматический юридический метод составил основу понятия юридической техники, так как именно формальнологическое истолкование действующего права явилось средством перевода социальных потребностей на язык права, конструирования обязательных норм для социализации общества. При этом главным источником формирования юридических технологий явилось системное взаимодействие юридико-технических средств, их усложняющееся со временем применение при производстве юридического продукта, что исторически потребовало выделения юридических технологий в относительно самостоятельную область научного знания.

Важно особо подчеркнуть, что в рамках теории права очевидна необходимость рассматривать юридическую технику и юридические технологии как тесно взаимосвязанные и практически значимые правовые состояния, лежащие в основе должного качества, ценностных показателей нормативных и иных правовых актов, что соответствует духу правовой государственности.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982.
2. Алексеев С.С. Общая теория права. 2-е изд. М., 2007.
3. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2004.
4. Баранов В.М. Проблемы идеологической нейтральности юридической техники // Доктринальные основы юридической техники / отв. ред. Н.А. Власенко. М., 2010. С. 178–195.
5. Бойко Л.М. Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. Ташкент, 1988.
6. Винавер А. Законодательная техника // Право и жизнь. 1926. № 2–3. С. 3–11.
7. Воеводин Л.Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Серия 11: Право. 1997. № 3. С. 3–29.
8. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. М., 1983.
9. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии. Волгоград, 2010.
10. Дембо Л.И. Проблема кодификации советского права // Вестник ЛГУ. 1947. № 4. С. 73–75.

11. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 86-96.
12. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права: Теоретические вопросы. М., 1973.
13. Дюрягин И.Я. Право и управление. М., 1981.
14. Гродзинский М.М. Законодательная техника и Уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. 1928. № 19. С. 558–563.
15. Гродзинский М.М. Законодательная техника и Уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. 1928. № 20. С. 594–597.
16. Законодательная техника / под ред. Д.А. Керимова. Л., 1965.
17. Иоффе О.С. Вопросы кодификации общей части советского гражданского права. Л., 1957.
18. Карташов В.Н. Применение права. М., 1980.
19. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007.
20. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
21. Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. 1962. № 3
22. Ковачев Д.А. О понятии законодательной техники // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1969. Вып. 18.
23. Кодификация и законодательная техника / под ред. Д.А. Керимова. М., 1962
24. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права. Свердловск, 1961.
25. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории. М., 1975.
26. Лукич Р. Методология права. М., 1981.
27. Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. М., 1999.
28. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.
29. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. М., 1971–1973.
30. Миняшева Г.И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов. Уфа, 2012.
31. Муромцев Г.И. Юридическая техника. Некоторые теоретические аспекты // Правоведение. 2001. № 1.
32. Нашиц А. Правотворчество. М., 1974
33. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2010.
34. Основные задачи советского социалистического права: Материалы первого советского совещания научных работников права. М., 1958.
35. Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме // Советское государство. 1936. № 3. С. 4.
36. Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и ре-волюция права. 1930. № 11–12.
37. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативно-правовых актов в СССР. М., 1968.
38. Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972.
39. Правотворчество в СССР / под ред. А.В. Мицкевича. М., 1973.
40. Стучка П.И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1963.
41. Тарановский Ф.В. Энциклопедия права. М., 1923.

42. Тихомиров Ю.А. Теория закона. М., 1982.
43. Тихоновский Ф.И. Понимание права в советской юридической науке (1917–1938 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 23.
44. Успенский Л. Очерки по юридической технике // Еженедельник советской юстиции. Ташкент, 1927. № 45, ст. 1420.
45. Ушаков А.А. О методе юридической техники // Ученые записки Пермского государственного уни-верситета. Пермь, 1965. Ч. 1.
46. Ушаков А.А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Свердловск, 1970.
47. Цыпырев И. Техника права и новый этюд теории нрава // Право и жизнь. 1928. С. 2–3.
48. Шашкович А. Звено в цепи (законодательная техника) // Советская юстиция. 1929. № 21. С. 488–490.
49. Шебанов А.Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1965.
50. Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3.
51. Юков М.К. Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. 1979. № 5.
52. Явич Л.С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР. Сталина-бад, 1957.

Kolesnik I.V. Juridicheskaja tehnika i juridicheskie tehnologii v doktrine sovetskogo prava / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

**ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА И ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ НАУКЕ ¹²**

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

В последние годы в российской юридической литературе можно отметить постоянное внимание к проблемам юридической техники [6, 12, 16, 20, 27, 30, 33, 34, 41, 47, 57, 58, 74, 79, 81, 83 и др.], а с введением в научный оборот термина «юридические технологии» [28, С. 76] появились специальные исследования по этой проблематике [5, 13, 15, 19, 25, 29, 31, 35, 49, 53, 62, 84]. Теперь трудно представить ситуацию, при которой юридические технологии связываются исключительно с техникой построения силлогизмов¹³.

Тем не менее, как нам представляется, полноценная теория юридической техники в нашей стране пока не создана, отсутствует устоявшееся определение юридической техники, ее составных элементов, роли и места в правовой сфере [24].

Важно отметить, что требует самостоятельного научного исследования проблема нормативности дефиниций юридической техники и ее составных элементов.

Нуждаются в разработке вопросы об особенностях подготовки отраслевых и межотраслевых актов, соотношения норм общего и специального законодательства, локальных нормативных и индивидуальных актов, судебных и др.

В юридической науке существует немалое количество точек зрения о понятии юридической техники [2; 33; 36, С. 7; 58, С. 10; 72]³. И если попытаться систематизировать имеющиеся в современной литературе мнения о понимании сущности юридической техники, то они могут быть сведены к следующим группам:

1) некоторые авторы рассматривают юридическую технику как совокупность средств, приемов создания права [43, 59, 73 и др.];

2) другая точка зрения нашла свое отражение в работах Д.А. Керимова, который, например, отмечает, что законодательная техника – совокупность исторически и практически сложившихся правил образования и изложения правовых институтов,

¹² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

¹³ Подробнее о силлогизмах как виде дедуктивного умозаключения см.: Егоров С.Н. Силло-гизм. СПб., 2007; Гетманова А.Д. Логика для юристов. М., 2008; Михалкин Н.В. Логика и аргу-ментация в судебной практике. СПб., 2004.

правовых норм и статей правовых актов в целях достижения совершенства форм выражения действующего законодательства [38, 39, 55];

3) существуют иные точки зрения, например, что юридическая техника есть достигнутая степень совершенства нормативных или правоприменительных актов [9, 21]; или определенная доктрина [10], но они не получили распространения. Например, продолжительное время российские правоведы отождествляли законотворчество с научной деятельностью, полагая что «правотворческое познание не имеет каких-либо принципиальных отличий от научного познания вообще» [66]. Однако постепенно зарождались сомнения в справедливости такого понимания гносеологической природы законотворчества, а в конце 80-х годов XX века законотворчество и вовсе было объявлено видом ненаучного знания. Как отмечал В.М. Баранов: «Правовые нормы представляют собой вид ненаучного знания. Правотворческие органы целенаправленно познают реальность, но задача познания не стоит перед ними в качестве самостоятельной. В результате знание, «помещаемое» ими в норму права, хотя и основывается на правовой науке, но возникает как ее «побочный продукт» и этим отличается от «чисто» научного» [3]. В понятии «юридическая техника» термин «юридическая» является привязкой к виду деятельности, указанием на ту социальную сферу, в которой применяется.

Можно прийти к выводу о том, что на данный момент в российской правовой науке отсутствует универсальное определение понятия и содержания юридической техники. Обобщив и проанализировав имеющиеся определения сущности и содержания юридической техники, можно заключить, что для целей настоящего исследования все же необходима определенная их систематизация по критерию, который имеет для понимания ее сущности конституирующее значение. По нашему мнению, таковым выступает предназначение, цель юридической техники.

По этому критерию в самом общем виде можно условно классифицировать все имеющиеся подходы на две основные группы.

Авторы концепций, которые можно отнести к первой группе, при их создании исходили из того, что юридическая техника в качестве автономного института и объекта научного исследования создана для того, чтобы с помощью объединенных в ней системных элементов конструировать правовые акты-документы [2, 55, 56, 68, 78 и др.].

Другие ученые видят основное предназначение юридической техники в содействии не только созданию самих правовых актов-документов, но и осуществлению сопутствующей этому деятельности¹⁴.

Если попытаться сконструировать определение юридической техники в пределах первого подхода к ее предназначению, которое удовлетворило бы всех разделяющих его авторов, то получится довольно приблизительное и широкое определение, в соответствии с которым юридическая техника – это совокупность элементов (средств, правил, способов, приемов, методов), при помощи которых создаются правовые документы.

Создание более детального и жизнеспособного определения не представляется возможным, так как, придерживаясь единого мнения о цели существования, предназначения юридической техники, ученые по-разному понимают, какие конкретно документы создаются при помощи средств и правил юридической техники, какая конкретно созидательная часть процесса конструирования этих документов ею охватывается, какой инструментарий входит в содержание юридической техники, какова ее сущность и т. д.

¹⁴ В.Н. Карташов, Д.А. Керимов, А. Нашиц, А.А. Ушаков, Т.В. Кашанина, С.В. Бахвалов, А.А. Деревнин и др.

Например, А.С. Пиголкин относит к этим правовым документам только нормативные акты [56, С. 10], Д.А. Керимов – правовые акты как нормативного, так и ненормативного характера [37, С. 3], А.А. Тенетко – также процедурно-процессуальные и юрисдикционные акты [68, С. 45, 162-184].

Следующее принципиальное несовпадение в позиции авторов, видящих основным предназначением юридической техники конструирование текстов правовых документов, наблюдается при решении вопроса о том, какую часть созидательной процедуры создания этих актов охватывает юридическая техника: только конструирование текста или создание такого текста в сознании автора на интеллектуально-волевом уровне.

Другие авторы в рамках того же подхода к пониманию предназначения юридической техники (как средству создания текстов правовых документов) говорят о более широком спектре ее возможного применения. Это объясняется тем, что они включают в область охвата инструментарием юридической техники также предшествующий непосредственному конструированию этого текста этап познания подлежащих урегулированию общественных отношений, этап создания его идеального, нематериального содержания (образа), концепции правового акта в сознании его творца (законодателя, правоприменителя и т. д.).

Так, раскрывая сущность законодательной юридической техники, Б.В. Чигидин пишет: «...основное назначение юридической техники в том, чтобы наиболее полно и правильно «перевести» акт-волеизъявление в акт-документ, отобразить в тексте документа подлинную волю правотворца. Достичь же этого без определенных гносеологических операций невозможно» [78, С. 24]. Причем к таким операциям, именуемым им правилами юридической техники, он относит в том числе «...точное определение предмета регулирования нормативного акта» и «...познание разработчиком нормативного контекста создаваемого правового акта» [78, С. 78].

Таким образом, представив наиболее известные концепции юридической техники авторов, которых объединяет единое видение предназначения этого института права в способствовании созданию правовых документов, можно отметить следующее. Во-первых, несмотря на единство в указанном выше принципиальном вопросе о предназначении юридической техники, они по-разному трактуют вопрос о видах искомых правовых документов, создание которых и должна обслуживать своим инструментарием юридическая техника. Во-вторых, эти же ученые не сходятся во мнениях об объеме охвата средствами юридической техники этапов юридической деятельности по созданию этих правовых документов.

Теперь обратимся к анализу концепций второго выделенного нами подхода к пониманию предназначения юридической техники, в рамках которого, как уже отмечалось, юридическая техника рассматривается учеными не только как инструментарий, созданный для принятия правовых актов на уровне сознания их создателя и конструирования на основе этого текста соответствующего правового документа, но и как институт, призванный обеспечить правотворческую, правоприменительную, правооуществительную (в зависимости от позиции автора) деятельность, сопутствующую непосредственному созданию правового документа¹⁵.

При этом авторы, признающие, что указанная сопутствующая деятельность все же охватывается инструментарием юридической техники, либо исходят из единства двух этих ее предназначений, объединяя их в одном понятии (В.М. Баранов, С.В. Бахвалов, Н.А.

¹⁵ Например, В.Н. Карташов и Н.А. Власенко в рамках этого подхода наряду с понятием «юридическая техника» используют понятие «юридическая технология».

Власенко, А.А. Деревнин, В.Н. Карташов, Т.В. Кашанина), либо разграничивают юридическую технику на две части, стороны, говоря о понимании ее в двух смыслах (А. Нашиц, Ю.А. Тихомиров, А.А. Ушаков)¹⁶.

Как правило, авторы, различающие юридическую технику в двух смыслах, понимают под юридической техникой в узком смысле образование, предназначенное для создания текстов правовых документов, а предназначение юридической техники в широком смысле видят в содействии организации и осуществлению сопутствующей этому юридической (и не только) деятельности. Например, в современной работе и законодательная техника, и правоприменительная техника, и техника договорной работы рассматриваются исключительно как правила и приемы создания и оформления соответственно нормативного правового материала, процессуальных документов и договоров [41].

В отличие от них, ученые, рассматривающие юридическую технику как единое, сложное, системное образование, предназначенное одновременно и для создания текстов правовых документов, и для оформления, организации предшествующей этому и последующей деятельности, не выделяют в качестве самостоятельной цели юридической техники создание только текста правового акта, исключая из нее интеллектуально-волевою деятельность субъекта по принятию этого документа.

Вместе с тем, взгляды сторонников узкого и широкого подходов к пониманию юридической техники на то, для чего предназначена специально выделяемая ими в самостоятельное образование юридическая техника в широком смысле слова, разнятся.

Подводя итог анализу понятий юридической техники, отнесенных нами ко второй группе, отметим следующее.

Между учеными, полагающими, что предназначение юридической техники не только в создании текстов правовых документов, но и в содействии осуществлению деятельности, сопровождающей этот процесс, отсутствует единство в вопросе о видах создаваемых при помощи инструментария юридической техники правовых документов, а также в том, какие этапы сопутствующей этому юридической (и не только) деятельности охватываются этим инструментарием.

Представляется, что из двух рассмотренных выше подходов предпочтителен второй. Действительно, сведение предназначения юридической техники только к созданию текстов правовых документов (или еще уже – только текстов нормативных правовых актов) делает существование юридической техники как самостоятельного института в теории права не имеющим перспектив развития.

Названные подходы в определении предназначения юридической техники обуславливают ее классификационное многообразие по иным критериям.

Так, Т.В. Кашанина, обобщив позиции ученых относительно разновидностей юридической техники, берет за основу классификацию юридической техники, предлагаемую Ю.А. Тихомировым, и вслед за ним выделяет технику законодательную, систематизационную, инкорпоративную, интерпретационную и правоприменительную [33, С. 47].

Достаточно новаторскую классификацию юридической техники предлагает Б.В. Чигидин, который определяет ее как «...видовую категорию по отношению к технологии

¹⁶ Применительно к концепции В.Н. Карташова следует подчеркнуть, что определение им юридической техники в составе юридической технологии, как науки, и отдельно, как реального процесса, не сближает, тем не менее, его позицию с теориями узкого и широкого понимания юридической техники. В выделяемых нами в самостоятельную группу концепциях сторонников понимания юридической техники в двух смыслах она рассматривается как реальный процесс, в то время как В.Н. Карташов отмечает и идеальную ее ипостась.

подготовки проектов правовых актов» [78, С. 37-38]. Таким образом, исходя из заявленной Б.В. Чигидиным видовой принадлежности родового понятия юридической техники, в научном обороте, помимо законодательной техники, техники ведомственных нормативных правовых актов и техники правоприменительных актов, также существуют технологии подготовки проектов указанных актов. На этом основании можно продолжить мысль автора и выделить такие подвиды юридической техники, как техника подготовки нормативных правовых актов, техника подготовки ведомственных нормативных правовых актов и техника подготовки правоприменительных актов.

Поэтому исходя из сущности правоприменительной деятельности и ее задач, официальное существование в процессе применения норм права проекта, например, решения суда, противоречит сущности правоприменения. Этот наш вывод обусловлен тем, что процессуальными законами закреплено требование о документальном оформлении правоприменительного акта, правоприменительный индивидуальный акт-действие объективируется вовне перед его адресатами только в виде принятого в соответствии с процедурными требованиями акта документа и, как правило, непосредственно после принятия.

В отличие от нормативных правовых актов, для правоприменительных актов действующим законодательством не предусмотрена процедура официальных чтений и обсуждений их проектов, их отправка на доработку. В правовом поле вообще отсутствует такое понятие, как «проект правоприменительного акта» (проект решения, постановления, определения и т. п.). Он может существовать только для правоприменителя в ходе подготовки окончательного текста акта для его личного использования в целях его доработки. В настоящее время о проектах правоприменительных актов как документах говорится в арбитражном процессе применительно к функциям помощников судей, в обязанности которых входит и подготовка этих проектов.

В связи с изложенным можно сделать вывод о том, что, даже допустив, что юридическая техника как видовая категория соотносится с технологией подготовки проектов правовых актов, техники подготовки проектов правоприменительных актов как подвида правоприменительной техники существовать не может. При этом, представленные выше видовые классификации сложились давно и используются в том или ином варианте практически всеми учеными, исследующими эту проблему.

В настоящей работе мы берем за основу классификацию юридической техники по видам юридической деятельности и, соответственно, выделяем законодательную, правоприменительную техники, а также техники исполнения, использования и соблюдения права.

Полагаем, что такой разнорядностью в понимании природы юридической техники и совмещением в рамках ее содержания разнородных элементов обусловлены, прежде всего, сложившейся парадигмой исследований юридико-технической проблематики. Логическим следствием этой тенденции может стать исчезновение юридической техники как самостоятельной концепции и ее растворение в юрислингвистике (судебной лингвистике) или правовой герменевтике. Например, об этом пишет А.С. Александров: «Юридическая техника означает владение словом, оперирование в текстовых полях юридического языка. <...> Юридическая техника – это оперирование средствами юридического языка (включая актуализацию коннотативных значений, идиолектов сообразно общественным ожиданиям) с целью истолкования смысла юридической нормы – текста в данном контексте...

юридическая техника наводит первичные связи между синтагматическими цепями». Соответственно, исходя из такого видения сущности юридической техники и ее соотношения с лингвистикой, автор делает следующий вывод: «Судебная лингвистика, правовая герменевтика – продвинутые формы юридической техники, за ними – будущее». При этом, в его понимании «судебная лингвистика... включает в себя юридическую технику наряду с другими составляющими юридического дискурса (например, судебная риторика)» [1].

Некоторые ученые также предлагают включить юридическую технику (ее законодательную разновидность) в состав новой научной концепции, предметом которой является законодательная деятельность и которая называется «легистика». Об этом, например, пишет Г.И. Денисов. Он обосновывает необходимость включения юридической техники в состав легистики ссылкой на профессора Швейцарской академии государственного управления Л. Мадера, который объединяет в составе легистики «...элементы науки, искусства и мастерства и ставит в центр внимания как содержание законодательства, так и его форму» [21].

Таким образом, в современных исследованиях, посвященных проблематике юридической техники, она выступает в виде придатка лингвистики либо различных законотворческих дисциплин.

Поэтому можно полностью согласиться с Г.И. Муромцевым, по мнению которого, отсутствие единого понятия юридической техники делает весьма проблематичным его использование в качестве научного. «...Понятие «юридическая техника», – пишет он, – приобретает все большую многозначность и подвижность, что крайне нежелательно, поскольку всякая научная категория должна иметь лишь одно значение» [52, С. 29]. Автор видит два пути решения указанной проблемы.

В частности, он предлагает либо отказаться от понятия юридической техники вообще и заменить его другим, более адекватным, либо достигнуть договоренности между юристами, учеными-правоведами о ее приемлемом новом значении.

Таким образом, представляется крайне проблематичной возможность убедить ученых-правоведов относительно понятия юридической техники согласиться на одно общее определение, включающее различные, но связанные между собой элементы.

Однако считаем, что указанные выше тенденции ведут не к исчезновению юридической техники, а скорее показывают, что она не может охватить всех практических и прикладных аспектов юридической деятельности. Эту проблему, на наш взгляд, решает выделение в научном знании такого понятия, как «юридические технологии».

Современная ситуация в области разработки проблем юридических технологий свидетельствует о ее формирующемся характере. Подтверждением этому является, с одной стороны, отчетливая тенденция роста научного интереса к вопросам юридической техники, придание проблеме нового видения, с другой – все более частое употребление в научной литературе таких понятий, как «юридическая тактика», «юридическая стратегия» и, конечно же, «юридические технологии». Все это свидетельствует о незавершенности процесса формирования понятия юридических технологий, в частности, отсутствия четкой системы категорий для определения юридической техники, тактики, стратегии с учетом их «пересекающегося» характера. Думается, условием дальнейшей плодотворной разработки проблемы является приведение всего разнообразия подходов к некоему «общему знаменателю», прежде всего, на понятийном уровне.

В литературе существует несколько подходов к определению понятия «юридическая технология». Так, Н.А. Власенко, один из первых исследователей этого вопроса, взяв за основу энциклопедическое понимание термина «технология», полагает, что под «юридической (правовой) технологией» следует подразумевать порядок применения и использования методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта), под которым в широком смысле понимается итог, результат юридической деятельности» [14, С. 151-167]. Данного определения придерживается и Т.В. Кашанина [33, С. 77-78].

К.Н. Княгинин, также как и Н.А. Власенко, опирающийся на терминологические различия понятий «техника» и «технология», определяет юридическую технологию как самостоятельное понятие, однопорядковое с юридической техникой, ни одно из которых не поглощает другое.

Таким образом, в самом общем приближении оба этих автора исходят из того, что юридическая технология включает в себе инструментарий, позволяющий использовать входящие в состав юридической техники средства.

Однако, в отличие от Н.А. Власенко, для которого, как отмечалось, юридическая технология представляет собой порядок применения методов и приемов по подготовке и принятию юридического решения (акта), К.Н. Княгинин понимает под юридической технологией совокупность приемов и способов использования средств юридической техники и знаний об этих приемах и способах (это определение технологии-знания и технологического процесса в самом общем виде) [42, С. 3-4].

Различия в приведенных выше определениях юридической технологии отчасти можно объяснить тем, что их авторы по-разному видят сущность юридической техники (Н.А. Власенко понимает под юридической техникой, как уже отмечалось, совокупность средств и приемов, а К.Н. Княгинин – только совокупность средств). Соответственно, они дают определения юридической технологии, не совпадающие по содержанию.

По этому же «терминологическому» пути идет и С.С. Алексеев, проводя параллель между юридической техникой и юридической технологией, исходя из их аналогии с материальной техникой, в которой, с одной стороны, выделяются средства техники, то есть машины, оборудование, а с другой – методы, приемы их использования, то есть технология. На этом основании С.С. Алексеев различает собственно юридическую технику, под которой он понимает юридические конструкции, и юридическую технологию как часть юридической техники – способов изложения норм, систему отсылок [2, С. 268].

Эта позиция подвергается критике В.Н. Карташовым [32, С. 158]. Он полагает, что С.С. Алексеев необоснованно упрощает природу юридической технологии и неправомечно включает ее в содержание юридической техники. По его мнению, юридическая технология по своему содержанию шире юридической техники, которая представляет собой только совокупность средств, с помощью которых достигаются цели юридической технологии. С его точки зрения, юридическая техника в виде набора определенных средств сама является элементом юридической технологии.

Как отмечалось, В.М. Баранов полагает, что термин «юридическая техника» неточен, противоречив и применяется лишь в силу правовой традиции. По его мнению, этот термин не согласуется с обоснованным различием между наукой и техникой. Для этого, указывает В.М. Баранов, необходимо применять другой термин – «юридическая технология» [58, С. 11-12].

Свою солидарность с данной точкой зрения выражает Т.Я. Хабриева, которая указывает на то, что задача повышения эффективности законодательства может быть

решена только при умелом использовании новых юридических технологий. Юридические технологии позволят обеспечить высокое качество нормативных правовых актов, устойчивость правового регулирования; дадут возможность систематически и планомерно воздействовать на правотворчество, не допуская и исправляя юридические ошибки, а также влиять на правоприменительную практику.

Т.Я. Хабриева определила юридические технологии как систему научно обоснованных приемов, способов и других правовых инструментов, а также процедур их использования, которые позволяют оптимально применять необходимые ресурсы (финансовые, организационные, кадровые и т. д.) в целях обеспечения действенности юридических решений [40]. Однако, по нашему мнению, исходя из данного определения понятия, юридическая техника и юридические технологии – категории не идентичные и не могут быть поставлены в один терминологический ряд как тождественные понятия.

Т.Я. Хабриева выделила несколько основных направлений развития юридических технологий. Классической юридической технологией была и остается, по мнению автора, юридическая техника, под которой традиционно понимается совокупность в праве средств и приемов разработки, оформления и систематизации нормативных актов [40, С. 15].

Считаем продуктивным попытаться проанализировать соотношение понятий «юридическая техника» и «юридические технологии».

Для осмысления особенностей соотношения понятий «юридическая техника» и «юридические технологии» можно провести сравнительную параллель с терминами «техника» и «технология».

Раскрывая указанные понятия, необходимо, как представляется, обратиться к толковым и другим словарям и проанализировать, как в них обозначаются слова «техника» и «технология». Слово «техника» (от греч. *techne* – искусство, мастерство) [44, С. 453] трактуется ими как многогранное слово. Оно обозначает как «совокупность средств человеческой деятельности, созданных для осуществления процессов производства и обслуживания непроизводственных потребностей общества» [64, С. 606], так и «совокупность машин, механизмов, приборов, устройств, орудий той или иной отрасли производства» [64], а также «совокупность навыков и приемов в каком-либо виде деятельности, мастерства» [64]. Термин «технология», как следует из словарей, образуется от слова «техника» и части слов «логия» (от греч. *logos* – слово; понятие, учение) [64, С. 346], составляющей сложные слова и соответствующей по значению словам «наука», «знание» [64].

Таким образом, слово «технология» обозначено в словарях как «совокупность производственных методов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства» [54, С. 795].

Термин «технология» устойчиво вошел в научный оборот только в XVIII веке. «Древние такой науки совсем не знали и в новейшие уже времена эти познания французами и немцами представлены в виде науки» [70, С. 3]. Технология же определялась как наука, показывающая способы, которыми разнообразные произведения природы обрабатываются, приготавливаются и делаются товарами, и основательно объясняющие явления, при таком обрабатывании усматриваемые [70, С. 29]. Основателем «технологии» как отдельной дисциплины является немецкий ученый Иоганн Бекман [46, С. 61; 80, С. 355; 75, С. 298], в 1777 году написавший книгу «Введение в технологию или к познанию ремесел, фабрик и мануфактур, преимущественно тех, которые находятся в ближайшей связи с сельским хозяйством, полицией, камералистикой (с включением

очерков по теории искусств)», которая и явилась основой для последующего развития всей философии техники.

Философия техники, – как пишет Х. Ленк, – одно из важных направлений современной философской науки, призванное исследовать наиболее общие закономерности развития техники, технологии, инженерной и технической деятельности, проектирования, технических наук, а также их место в человеческой культуре вообще и современном обществе в частности, отношения человека и техники, техники и природы, этические, эстетические, глобальные и другие проблемы современной техники и технологии» [46, С. 8]. Особенно активно технологию и технику как философские понятия исследовали Э. Каппа, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Н. Бердяев, Х. Ионас, Л. Мэмфорд, Ж. Эллюль.

Следует отметить, что указанные сугубо технические понятия логически проецируются и на содержание таких юридических состояний, как юридическая техника и юридические технологии. Последние формально обретают ту же динамику и содержат в себе подобие тех же структурных элементов, которыми характеризуются техника и технологии. Юридическая техника и юридические технологии самым непосредственным образом взаимосвязаны, естественным образом обуславливают друг друга.

Сопоставление содержательного потенциала техники и технологии, с одной стороны, и структурных элементов юридической техники и юридических технологий, с другой стороны, не выявляет принципиальных функционально-сущностных расхождений между ними, а, напротив, свидетельствует об общности их природы [7, С. 69].

Подобно тому, как техника обслуживает процессы материального производства, юридическая техника как необходимый набор средств позволяет компетентным органам привносить в сферы правового регулирования и охраны общественных отношений наиболее рациональные и совершенные юридические акты, несущие в себе различные функциональные нагрузки. В свою очередь, компоненты многогранных производственных процессов по своей изначальной природе сопоставимы со структурными элементами тех или иных разновидностей юридических технологий.

Последние обеспечивают необходимые предпосылки для использования средств с помощью методов, способов и правил из арсенала юридической технологии, направленных на продуцирование наиболее качественных юридических актов как основы регламентирования соответствующих общественных отношений.

Достижения людей в области техники и технологий самым непосредственным образом сказываются и на развитии юридической науки, системы права, что в равной степени касается и таких состояний, как юридическая техника и юридические технологии. Отработанные (доведенные до совершенства) технические средства и технологические приемы и правила (только в иных формах, в ином содержательном потенциале) проявляют себя в процессе подготовки, принятия, изложения соответствующих юридических документов.

Интересно, что по отношению к власти понятие «технология» стало применяться еще позднее – со второй половины XX века, впрочем, «явления, которые оно обозначает, изучали гораздо раньше» [71, С. 5-6]. Таким образом, представляется естественным, что технология, вторгаясь в узкие, отдельные сферы деятельности человека, обретает «индивидуальность», наполняясь особенным содержанием, специфичным для любого рода деятельности.

Так, в политологии применяется понятие технологии власти. По определению Л.Г. Титовой, это «совокупность средств и методов, употребляемых властным субъектом в

процессе воздействия на объект с целью изменения его поведения в направлении, необходимом субъекту» [71, С. 19]. По утверждению того же автора – это «способы властного действия, которые осуществляются в рамках норм, действующих в данном конкретном обществе, и девиантные технологии, противоречащие нормам общественной морали или закону» [71, С. 21].

На стыке политологии и юриспруденции выделяются так называемые избирательные технологии – это «система методов, средств и приемов организации и решения задач каждого этапа избирательной кампании» [63, С. 36]. А.А. Джабасов выделяет «политическую технологию избирательных кампаний», то есть «совокупность приемов, методов воздействия на избирателя, основанных на определенных научных разработках, конкретных социологических исследований, с целью достижения политического успеха определенной политической силы на выборах, использующей для достижения этой цели средства политической рекламы и методы “публик рилейшн”» [22, С. 61].

В социологии выделяются технологии социальной работы с инвалидами и пожилыми людьми, семьей, мигрантами (беженцами) и т. д. [60, 69] Так, Н. Стефанов следующим образом определяет социальную технологию – это «деятельность, в результате которой достигается поставленная цель и изменяется объект деятельности» [65, С. 182-183]; М. Марков – как «способ реализации конкретного сложного процесса путем расчленения его на систему последовательных взаимосвязанных процедур и операций, которые выполняются однозначно» [48, С. 48].

Г.К. Селевко рассматривает деятельность «педагогической технологии в качестве науки, исследующей наиболее рациональные пути обучения, и в качестве системы способов, принципов и регулятивов, применяемых в обучении, и в качестве реального процесса обучения» [61 С. 14]. Можно привести целый ряд аналогичных примеров для других областей гуманитарного знания. Можно согласиться с утверждением, что одной из функций права выступает функция «накопителя социальных технологий», поскольку «правовые процедуры фактически являются теми самыми социальными технологиями, отражающими «лучшую практику» решения важных и поддающихся стандартизации вопросов социальных взаимодействий» [18, С. 116].

За множеством определений и подходов к пониманию «технологии» важно не упустить главное: в современном мире любое используемое явление обретает полифункциональное значение, становится многогранным, реализуемым в различных сферах деятельности человека.

Таким образом, в процессе анализа нами установлено соотношение понятий, которые, как правило, включаются в предмет технологий. Так, в энциклопедическом понимании технологию можно определить как систему приемов (операций) и правил, а в широком смысле – способов и методов (тактику), планов и прогнозов (стратегию) осуществления компетентными субъектами деятельности, направленной на наиболее эффективное и оптимальное достижение ее целей, получения запланированного результата на основе выработанных принципов.

Однако, как представляется, юридические технологии нельзя сводить только к практике или только к науке. Исходя из сущности общего определения технологии, к ее сфере должно относиться как использование, так и само производство научно-технологических знаний.

Как верно отметил в середине 50-х годов XX века И.Л. Брауде применительно к законодательству, «резкой границы между законодательной техникой и наукой права нет и

быть не может. Законодательная техника основана на науке права, и правовая наука входит в законодательную технику неотделимым от нее элементом» [10-11]. Этот же процесс наукоемкости можно спроецировать и на юридические технологии. Эту же формулу можно распространить и на правоприменительную технологию. Так, с одной стороны, технология в разработке и применении своих методов и правил должна основываться на общих положениях, разработанных юридической наукой, а с другой стороны, юридическая технология в свою очередь обогащает юридическую науку своими данными для более эффективной помощи юридической практике, дополнения объекта исследования юридических наук и усовершенствования норм права.

Соответственно, если наука права дает обобщенные, принципиальные знания о праве (нормах должного и дозволенного поведения и реакции на противоправное поведение), то технология содержит в себе знания о том, каким образом и как следует осуществлять деятельность по созданию права и его приспособлению к конкретным жизненным обстоятельствам и условиям, каким конкретно образом следует осуществлять деятельность по реализации правовых норм, а также вырабатывает комплекс особых научно-технологических знаний о создании и реализации права на практике, который становится объектом исследования в рамках науки права и может служить основанием для выработки правовой наукой новых правовых концепций.

Кроме того, в силу своей специфики юридические технологии являются предметом специальной прикладной юридической науки, которая также приспособливает для своих целей данные других, «неюридических», наук в зависимости от поставленной цели [24, С. 151-167].

Однако следует отметить, что данные применяемых для целей юридических технологий наук используются не напрямую, а лишь после их преобразования в специфическое технологическое знание, на основании которого и можно точно установить, какие конкретно юридико-технологические средства необходимо использовать в реальной юридической деятельности в целях достижения желаемого ее субъектом результата. Совокупность технологических знаний такого рода и основанных на них знаний юридико-технических средств, юридико-технологических правил, способов, приемов и методов может составлять содержание юридической технологии как прикладной юридической науки.

Если к юридической технике относят систему приемов, способов, средств, правил подготовки, рассмотрения, принятия и обнародования компетентными органами наиболее совершенных по форме, структуре, содержанию и изложению нормативных правовых, правоприменительных и интерпретационных актов, то юридические технологии рассматривают в качестве более объемного понятия.

Содержание юридических технологий составляют не только приемы, способы, правила создания нормативных правовых и иных юридических актов, но и определенные действия, стадии, этапы, обуславливающие процесс подготовки, обсуждения, принятия, опубликования соответствующих юридических актов [82, С. 55]. Как полагает С.Н. Болдырев, специфику процессов подготовки и изложения юридических актов на том или ином этапе определяет то обстоятельство, что лежащие в основе этих процессов приемы и способы становятся типичными только для данных этапов, стадий. Целевая направленность юридических технологий как раз и состоит в согласовании и обеспечении последовательности действий, стадий, этапов, определяющих процессы подготовки и

принятия законов, подзаконных нормативных актов, правоприменительных и иных юридических актов [7, С. 65].

В то же время следует отметить, что термин «юридические технологии» пока не обрел четкой определенности и должного места в теории права. Его привлекательной стороной является то, что он подчеркивает динамику тех приемов, способов, средств, правил, которыми руководствуются компетентные органы в процессе подготовки и принятия нормативных правовых и иных юридических актов. Юридические технологии раскрывают механизм функционирования компонентов юридической техники. Свойства юридических технологий проявляются в видовом многообразии технологий юридической деятельности.

По мнению В.И. Червонюк, законодательные технологии «в социально- правовом смысле – это методы применения технико-юридических, политических, информационных, психолого-идеологических и иных средств, приемов, обеспечивающих подготовку и принятие необходимого определенным социальным группам или всему обществу закона, а также используемые в этих целях законодательные процедуры. Это также методы давления на законодателя или общественное мнение, направленные на достижение тех же целей» [76, С. 437-442]. Сказанное в равной степени может характеризовать значение юридических технологий в отношении и правоприменительной, и правоинтерпретационной деятельности.

По нашему глубокому убеждению, юридическая техника и юридические технологии – тесно взаимосвязанные составные части юридического процесса, а именно: подготовки и принятия нормативных, правоприменительных и правоинтерпретационных актов.

Следует подчеркнуть, что особенно значимо использование средств юридической техники, которое направлено на достижение конкретной цели, – это воплощение в нормативных и иных правовых актах целесообразных по содержанию и форме, качественных по структуре правовых установок как основы эффективного правового регулирования общественных отношений. Техничко-юридический инструментарий, как утверждает С.Н. Болдырев, улучшает качество и должным образом повышает социальную значимость принимаемых и функционирующих юридических актов во всем их многообразии [8, С. 79].

Чисто техническое, в значительной степени скрытое, кажущееся сугубо внутренним проявление элементов юридической техники постоянно испытывает влияние потенциала юридических технологий как явления, исходящего из внешней среды. Так, проявления правовой политики, публичной критики процессов правотворчества, изъянов и ошибок в правоприменительной деятельности оказывают значительное влияние на процессы разработки, принятия, изложения, обнародования соответствующих нормативных правовых и иных юридических актов.

Итак, при подготовке, обсуждении, принятии, изложении, обнародовании законов, подзаконных нормативных актов, актов применения норм права, интерпретационных актов в рамках взаимосвязанного механизма обнаруживают и проявляют себя структуры юридической техники и юридических технологий, что имеет существенное теоретическое и практическое значение.

Традиционное представление о юридической технике как о системе средств, приемов, способов, правил разработки, принятия, применения, толкования компетентными органами соответствующих юридических актов в современных условиях несколько утрачивает свою автономию, сугубо механическую структуру в связи с усложнением, объемностью

процессов правотворчества, реализации (и прежде всего применения) законов и подзаконных нормативных актов, проведения правового всеобуча и правового воспитания членов общества, повышения уровня правосознания и правовой культуры субъектов правовых отношений.

Сохраняя свои функциональные свойства, юридическая техника может добиваться своей целевой направленности только в тесном контакте с адекватной юридической технологией в соответствующих формах правовой деятельности и при неременной опоре на стратегию и тактику правовой политики, проводимой на данном этапе развития общества и государства. Таким образом, есть все основания рассматривать юридическую технику и юридические технологии в качестве двух сторон единых процессов по принятию, применению, толкованию многочисленных нормативных правовых актов.

В юридической литературе высказано мнение о том, что понятие «юридическая техника» рассматривается как достаточно неточное и где-то противоречивое, и есть только дань традиции [4, С. 11].

Возможно, данный термин не имеет достаточно полной юридической определенности, специфики, поскольку сочетается с различными смысловыми понятиями. Н.Н. Тарасов различает технократическую, естественнонаучную и социокультурную разновидности техники [67, С. 8]. Эти термины были заимствованы юридической наукой, адаптировались в сферах научной мысли, обрели свою содержательную специфику и наиболее четко отразились в понятиях «юридическая техника», а затем и «юридическая технология». На наш взгляд, нет никаких оснований отказываться от этих понятий, так как другие термины суть содержания сложившихся смысловых конструкций не изменят.

Неконструктивным представляется мнение о том, что термин «юридическая техника» следует заменить другим – «юридическая технология» [13, С. 8-9; 50, С. 44-45]. Юридические технологии имеют значительно более объемную содержательную базу по сравнению со структурой юридической техники. Элементы юридической техники выступают в качестве довольно точного инструментария, лежащего в основе придания юридическим актам желаемого качества. Юридические технологии – явление в большей степени динамическое, обладающее многообразием элементов, выходящее за пределы параметров юридической техники. Поэтому, как представляется, было бы необоснованно подменять содержательные аспекты юридической техники потенциалом юридических технологий, поскольку такая подмена могла бы устранить, размыть ту целевую направленность, которая всегда была присуща юридической технике в ее буквальном понимании.

Например, подобный подход к анализу соотношения понятий юридической техники и технологии принят за основу А.А. Деревниним. Автор, обосновывая вывод об истинности определения юридической технологии, сформулированного С.С. Алексеевым, и, соответственно, об ошибочном определении его сути В.Н. Карташовым, пишет: «Учитывая те значения, которые имеют «техника» и «технология» в современном языке¹⁷, наиболее правильно, как мы думаем, использовать их при рассмотрении проблем юридической техники в следующих смыслах <...> юридической технологией являются технические приемы изложения нормативных и индивидуальных актов. Такое понимание юридической технологии вполне согласуется с тем значением слова «технология», которое содержится в

¹⁷ Во взятом А.А. Деревниним за основу Словаре русского языка С.И. Ожегова 1991 года под редакцией Н.Ю. Шведовой технология определяется как «совокупность производственных ме-тодов и процессов в определенной отрасли производства, а также научное описание способов производства».

словарях. Суждение же на этот счет В.Н. Карташова расходится с таким его значением, а потому и ошибочно» [23].

Следует отдельно отметить, что В.Н. Карташов, в отличие от С.С. Алексеева и подавляющего большинства других ученых, создает свою концепцию юридической технологии, при этом основывается не только на терминологических особенностях понятия «технология», но и обращается за подтверждением своей теории к другим правовым учениям, тесно связанным с практическим, материальным аспектом юридической деятельности, например, к криминалистике как научно-прикладной дисциплине, обслуживающей юридическую деятельность в уголовно-правовой сфере. Так, автор включает в содержание юридической технологии некоторые заимствованные из криминалистики элементы, способствующие более успешному осуществлению юридической деятельности, а именно: основываясь на том, что тактика и стратегия присущи не только следственной и судебной, но и любой юридической практике, он вводит в состав технологии юридическую стратегию и юридическую тактику по аналогии с криминалистической тактикой и криминалистической стратегией [32, С. 19].

Кроме того, В.Н. Карташов выделяет в юридической технологии и гносеологический аспект, вследствие чего он различает два значения юридической технологии. В первом значении он понимает под юридической технологией «...основанный на определенных принципах, планах и прогнозах процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений (актов), в ходе которого используются необходимые средства, приемы, способы и методы юридической деятельности», а во втором – систему знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и планомерной юридической практики [32, С. 22].

Таким образом, В.Н. Карташов расширяет установленную Н.А. Власенко и К.Н. Княгининым сферу действия юридической технологии, включая в нее процесс обнародования правовых актов, вводит в содержание юридической технологии два новых, ранее не выделявшихся, элемента – тактику и стратегию, вычленяет из юридической техники познавательную сторону и соотносит технику и технологию обратно пропорционально тому, как это делалось до него: техника является составной частью технологии, а не наоборот¹⁸.

В.В. Лазарев, исследуя проблему учета решений Конституционного Суда РФ в законодательной деятельности, расставляет понятийные акценты следующим образом: юридическая техника понимается в ее широком и узком значении, то есть «речь идет не только о средствах (технике) выражения законодательной воли в тексте закона, но и об отношениях, связанных с подготовкой законопроекта вообще. Прежде всего, имеется в виду «технология»» [45, С. 47].

А.К. Черненко полагает, что «правовая технология есть метод конструирования устойчивой правовой системы» [77, С. 25].

Кроме того, несмотря на отличия проведенных выше видений понятия юридической технологии или их отличия от концепций юридической техники, всем им присуща одна принципиально объединяющая их черта. А именно: как видно из предыдущего исследования, все авторы, оперирующие понятием «юридическая технология», прежде всего, видят предназначение юридической технологии в обслуживании процесса создания

¹⁸ Позиция В.Н. Карташова уже разделяется некоторыми учеными. Например, с его определением соотношения техники и технологии согласны Р.А. Ромашов, С.В. Бахвалов, С.В. Судакова, посвятившие свои кандидатские диссертации исследованию различных видов юридической технологии. Но Т.В. Кашанина включает технологию в состав техники, как это делают С.С. Алексеев и его последователи.

итоговых правовых актов различной юридической силы (преимущественно построенных в форме правовых актов-документов). Различие между ними заключается только в объеме охвата инструментарием юридической техники сопутствующего этому или следующего за ним процесса.

Например, Н.А. Власенко указывает, что в качестве создаваемых средствами юридической техники и приемами юридической технологии юридических решений как итогов юридической деятельности в широком смысле слова могут выступать «нормативные правовые акты, решения суда по гражданскому делу, гражданско-правовой договор, акт-толкование Устава области, сборник нормативных правовых актов по тому или иному вопросу, комментарий к закону области и т. п.» [14, С. 8].

Таким образом, и у авторов, декларирующих предназначение юридической технологии, мнения сходятся в одном: она предназначена для обеспечения организации деятельности, предшествующей созданию правовых актов, а юридическая техника сводится к средствам, обеспечивающим эту деятельность.

Например, В.Н. Карташов в качестве средств юридической техники выделяет средства общесоциальные (язык, выражающие его части речи, знаки, языковые единицы, буквы, цифры, понятия, суждения, разнообразные социальные нормы), специально-юридические (юридические понятия и термины, акты и иные правовые предписания и т. п.) и технические (приборы и инструменты: множительная техника, компьютеры, оргтехника и т. п.) [32, С. 18]. Все эти средства объединены общей целью использования – они предназначены для создания и тиражирования текстов правовых актов. Такой подход к пониманию сферы обслуживания юридической деятельности инструментарием юридической техники представляется нам верным, так как наглядно показывает сферу применения юридической техники и юридической технологии.

Таким образом, из приведенного выше анализа концепций юридической техники и юридических технологий видно, что расширение понятия юридической техники приведенными выше способами или введение дополнительного понятия юридических технологий обусловлены принципиальными обстоятельствами. Однако, как и ранее, основное предназначение юридической техники и технологии представленные авторы видят в создании правовых актов-документов (причем в создании преимущественно текстов правовых актов) и сообразно этому обосновывают систему средств техники или методов, способов, правил и приемов технологии. Между тем юридическая деятельность не сводится только к созданию правовых документов, помимо этого она может осуществляться в форме применения, соблюдения, исполнения и использования права.

Однако для того чтобы эффективно создавать право и применять его, необходима определенная упорядоченная система, своеобразный свод правил, принципов, приемов, способов и методов, объединяемых в одном системном образовании, иначе возникает большая вероятность нарушения функционирования системы в целом. Таким системным образованием, сформировавшимся в процессе накопления юридических средств и их нарастающего использования в юридической практике, становится, по нашему мнению, выделяющаяся из юридической техники юридическая технология.

Поэтому есть все основания утверждать, что главным источником формирования юридической технологии явилась юридическая техника, усложнение составных элементов которой и потребовало выделения юридической технологии в относительно самостоятельную сферу знаний, предметом которой является системное взаимодействие новой разновидности явлений – юрико-технологических средств, состав и

взаимодействие которых и есть собственное содержание и форма юридической технологии.

Литература

1. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Уголовное судопроизводство. 2006. № 3. С. 4-6.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982.
3. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Саратов, 1989.
4. Баранов В.М. Предисловие // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 11.
5. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
6. Бойко Л.М. Теоретические проблемы законодательной техники. Проблемы совершенствования современного законодательства. М., 1997.
7. Болдырев С.Н. Юридическая техника и судебная власть: концептуальный анализ. М., 2010.
8. Болдырев С.Н. Юридическая техника и юридические технологии: соотношение и значение // Право и политика. 2011. № 4. С. 20-25.
9. Братусь С.И. Значение систематизации советского законодательства и теоретические вопросы, возникающие при систематизации: Тезисы докладов и сообщений. М., 1961.
10. Брауде И.Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 52-59
11. Брауде И.Л. Избранное: Очерки законодательной техники. Некоторые вопросы системы советского права. М., 2010.
12. Вишневский А.Ф., Дмитрук В.Н. Теория и практика подготовки проекта нормативного правового акта. Минск, 2005.
13. Власенко Н.А. Законодательная технология: Теория. Опыт. Правила. Иркутск, 2001.
14. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
15. Волков С.В., Малышева Н.И. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники: Обзор мнений Л.А. Барышевой, Р.А. Ромашова и других ученых относительно понятия юридической техники // Правоведение. 2006. № 2. С. 182–198
16. Галузо В.Н. Систематизация законодательства в России: историко-правовое исследование. М., 2009.
17. Гетманова А.Д. Логика для юристов. М., 2008.
18. Глигич-Золотарева М.В. Метаморфозы правового регулирования // Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений: материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 1-2.
19. Головкин Р.Б., Краснов М.А. Технология регулирования общественных отношений: правовое противодействие: Монография. Владимир, 2012.
20. Давыдова М.Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. Волгоград, 2009.

21. Денисов Г.И. Юридическая техника: теория и практика // Журнал российского права. 2005. № 8. С. 86-96.
22. Джабасов А.А. Политические технологии избирательных кампаний: проблема категориального осмысления // Вестник МГУ. Серия 12: Политические науки. 2000. № 2. С.56-62.
23. Деревнин А.А. О понятии юридической техники. URL: <http://www.izpi.ru>
24. Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
25. Долотова Д.В. Техника и технология правовых актов (на примере правовых актов, издаваемых в уголовно-исполнительной системе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2012.
26. Егоров С.Н. Силлогизм. СПб., 2007.
27. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.
28. Иванец Г.И. Законодательные технологии: постановка проблемы // Право и политика. 2001. № 2.
29. Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008.
30. Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М., 2014.
31. Карташов В.Н. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии). Ярославль, 2007.
32. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005.
33. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007.
34. Кашанина Т.В. Юридическая техника в сфере частного права. М., 2009.
35. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Законодательная технология субъектов Российской Федерации. Ярославль, 2010.
36. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1997.
37. Керимов Д.А. Законодательная техника. М., 1998.
38. Керимов Д.А. Кодификация и законодательная техника. М., 1962.
39. Керимов Д.А. Культура и техника законотворчества. М., 2000.
40. Кичигин Н.В., Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал российского права. 2011. № 5. С. 13–29.
41. Корж П.А. Юридическая техника: учебное пособие. Пермь, 2014;
42. Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991.
43. Красавчиков О.А. Советская наука гражданского права. Свердловск, 1961.
44. Краткая философская энциклопедия. М., 1994.
45. Лазарев В.В. Техника учета решений Конституционного Суда Российской Федерации в законодательной деятельности // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001.
46. Ленк Х. Размышления о современной технике / пер. с нем.; под ред. В.С. Степина. М., 1996.

47. Максимова Е.В. Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: Монография. Уфа, 2012.
48. Марков М. Технология и эффективность социального управления. М., 1982.
49. Миняшева Г.И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов: монография. Уфа, 2012.
50. Миронов А.Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 44–45.
51. Михалкин Н.В. Логика и аргументация в судебной практике. СПб., 2004.
52. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
53. Нормография: теория и методология нормотворчества / под ред. Ю.Г. Арзамасова. М., 2007.
54. Ожегов С.И. Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. 23-е изд. М., 1991.
55. Пиголкин А.С. Законотворчество в Российской Федерации. М., 2004.
56. Пиголкин А.С. Подготовка проектов нормативных актов. М., 1968.
57. Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сборник статей / под общ. ред. С.В. Полениной, В.М. Баранова и др. М., 2007.
58. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
59. Прянишников Е.А. Законодательная техника. М., 2004.
60. Руденко Л.Д. Технология социальной работы. Ярославль, 2004.
61. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М., 1998.
62. Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права: монография. М., 2011.
63. Смирнова А.Ю. Политические процессы и технологии в избирательных кампаниях 1996– 2004 гг. как объективная реальность современной России: дис. ... канд. полит. наук. Кострома, 2004.
64. Современный словарь иностранных слов. СПб., 1994.
65. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология. М., 1976.
66. Сырых В.М. Законотворчество как вид социального проектирования // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 45–46.
67. Тарасов Н.Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 7 -11.
68. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
69. Технологии социальной работы / под общ. ред. Е.И. Холостовой. М., 2001.
70. Технология. СПб., 1817.
71. Титова Л.Г. Технология власти. Ярославль, 2004.
72. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника. М., 2000.
73. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники // Законность. 2003. № 5.
74. Тихонова С.С. Юридическая техника в уголовном праве. Н. Новгород, 2008.
75. Философия науки и техники / под ред. В.С. Степина, В.Т. Горохова, М.Л. Розова. М., 1995.

76. Червонюк В.И. Теория государства и права. М., 2007.
77. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997.
78. Чигидин Б.В. Юридическая техника российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
79. Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2006
80. Энциклопедический словарь / под ред. И.Е. Андреевского. СПб., 1891. Т. 3.
81. Юридическая техника: вопросы теории и истории: материалы межвуз. науч.-теор. конф., 17 июня 2005 г. СПб., 2005; Чухвичев Д.В. Законодательная техника. М., 2006.
82. Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара // Юрист. 2000. № 1.
83. Юридическая техника: словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. М., 2014.
84. Юридические технологии в правовой политике современной России: сборник научных статей / под общ. ред. А.В. Малько, М.А. Костенко. Таганрог, 2011.

Kolesnik I.V. Juridicheskaja tehnika i juridicheskaja tehnologija v sovremennoj rossijskoj pravovoj nauke / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ КАК ФОРМА ЮРИДИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹⁹

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Юридическая практика имеет разнообразные проявления, поэтому в современной теории права предпринят ряд успешных попыток сформулировать понятие «юридическая деятельность», определить ее основные характеристики, структуру и виды²⁰. Результатом фундаментальных исследований указанных и других аспектов юридической деятельности явилась разработка прикладных проблем юридической техники и юридических технологий.

Причем полагаем, что сложившиеся в научной литературе и приведенные выше представления о соотношении юридической техники и юридических технологий как о родовых образованиях, обслуживающих своим инструментарием юридическую деятельность, не являются убедительными и соответствующими современным потребностям теории и практики. Одними учеными они рассматриваются либо как часть и целое (такое видение соотношения техники и технологии, как уже отмечалось, разделяют, например, С.С. Алексеев, В.Н. Карташов, А.А. Деревнин, Т.В. Кашанина), другими жестко разделяются как самостоятельные явления и понятия (эта позиция характерна для Н.А. Власенко, К.Н. Княгинина и некоторых других ученых). Разумеется, их разграничение в рамках юридической деятельности обоснованно и необходимо, но это разграничение существует как их диалектическое взаимодействие, взаимопроникновение.

Юридическая технология фактически «вырастает» из юридической техники, которая при современном уровне научного и практического интереса к прикладным аспектам осуществления юридической деятельности во всем многообразии ее видов приобретает характер особых системных знаний, выполняющих специфические функции в рамках общей теории права.

Однако следует отметить, что юридическая технология является не единственной существующей в теории права и отраслевых правовых науках концепцией, в рамках

¹⁹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

²⁰ Эти проблемы были исследованы, например, в работах В.Н. Карташова «Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 2 Правотворческая практика, система и структура пра-ва: Текст лекций» (1996) и «Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики)» (1992), Н.Н. Вопленко и А.П. Рожнова «Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции» (2004) и других.

которой концентрируется знание о прикладных аспектах осуществления различных видов юридической деятельности. Здесь следует говорить о юридической деятельности.

На этом основании в настоящее время в правовых науках наметилась ориентация на создание упорядоченной системы средств, способов, приемов юридической деятельности, используемых субъектами общественных отношений для достижения правовых целей в конкретных правовых ситуациях при совершении юридически значимых действий. Наиболее наглядным результатом этого процесса является количественное увеличение структурных элементов юридической техники как наиболее разработанной на данный момент теоретико-правовой концепции, посвященной исследованию прикладных вопросов осуществления юридической деятельности.

Соответственно, такое увеличение структурных элементов юридической техники и все большее их «расслоение», разнородность, удаление друг от друга по целевой направленности (какие-то элементы предназначены для составления текста закона, а какие-то – для допроса подозреваемого) объективно порождает потребность в их эффективном системном использовании, без которого в условиях усложнения социальных отношений субъекты права не могут надлежащим образом осуществлять свои интересы, определять и реализовывать свои правовые цели.

Прямым следствием этого процесса логического развития юридико-технической концепции является возросший научный интерес к юридическим технологиям как к образованию, способному расширить на системной основе разрозненные знания о средствах юридической техники с помощью системы методов, способов, правил, приемов осуществления эффективной юридической деятельности.

Таким образом, основываясь на изложенном анализе особенностей научного исследования различных аспектов юридической деятельности, можно сделать вывод о том, что развитие учения о юридической деятельности, которое связано с усложнением общественной жизни, требующей более развитых форм ее юридического опосредования, логически приводит к формированию юридической технологии как системы правил и научных знаний о них.

В научной литературе выделяют несколько видов юридической деятельности в зависимости от состава ее субъектов и участников, характера допустимых в ее пределах юридических действий и операций, используемых для осуществления этих действий и операций средств, степени интенсивности государственно-властного характера этих действий и т. д. В зависимости от данных критериев различными учеными составляются различные видовые классификации юридической деятельности. В частности, как отмечает Д.Ю. Шапсугов, в реальности имеются следующие виды юридической деятельности: правотворческий, правоисполнительный и правоохранительный. Н.Г. Александров, М.И. Байтин и И.С. Самощенко выделяют правотворческую, правоприменительную, учредительную и контрольную юридическую деятельность; В.М. Горшенев – правотворческую (подвиды: законодательная и нормотворческая), кодификационную, правоисполнительную, правоохранительную и контрольно-надзорную юридическую деятельность; А.В. Мицкевич – правотворческую, правоприменительную, распорядительную, интерпретационную, контрольную, учредительную, правоконкретизирующую юридическую деятельность [27, С. 57; 41, С. 509 и др.].

Д.Ю. Шапсугов выделяет три фундаментальные разновидности юридической деятельности, «...каждая из которых имеет свои специфические особенности и вместе с

тем лишь в единстве отражают как целостность права и обязанности, так и самой юридической деятельности». Речь идет о деятельности по:

- а) формированию права, обязанности и запретов,
- б) формулированию и закреплению права, обязанности и запретов,
- в) реализации права и обязанности [41, С. 509-510].

В отличие от Д.Ю. Шапсугова и перечисленных им ученых, В.И. Леушин дополнительно выделяет в самостоятельный вид юридической деятельности «договорную деятельность», которая складывается в сфере индивидуального правового регулирования между гражданами и юридическими лицами при использовании ими норм права [21, С. 27].

Его точку зрения разделяет А.А. Тенетко [34], относящий индивидуальные правовые акты, издаваемые при осуществлении выделяемого В.И. Леушиным вида юридической деятельности, к актам-регламентаторам, которыми вместе с нормативными правовыми актами обеспечивается полная и всесторонняя регламентация общественных отношений, устанавливаются субъекты конкретного правоотношения, объем их субъективных прав и обязанностей, а также определяются момент возникновения конкретного правоотношения, условия его развития и прекращения.

Краткий анализ приведенных выше классификаций юридической деятельности показывает, что все авторы выделяют в качестве отдельного ее вида деятельность правотворческую, а большинство авторов – и деятельность правоприменительную. Остальные виды юридической деятельности до сих пор являются предметом для дискуссий.

В настоящее время некоторыми учеными активно разрабатываются различные аспекты учения о судебном доказывании, которому, например, посвящена фундаментальная монография М.К. Треушникова [37]. Другие исследователи, например, И.В. Решетникова, даже предпринимают попытки разработать на базе этого учения концепцию доказательственного права в России как межотраслевого правового института в системе права. Изданы многочисленные монографии по вопросам доказательственного права [11, 25, 31, 32].

Однако ближайший анализ как учения о судебном доказывании, так и доказательственного права показывает, что они не смогут вместить весь инструментарий, обеспечивающий процесс осуществления всех видов юридической деятельности на всех ее стадиях и тем самым заменить концепцию юридической технологии.

В частности, это в первую очередь обусловлено сферой применения указанных выше концепций – их положения распространяются только на один вид юридической деятельности – правоприменительный, они охватывают не всю деятельность по применению права, а только один из способов осуществления этой деятельности – юрисдикционный, и, наконец, в основном они посвящены изучению деятельности судьи лишь на одной функциональной стадии – стадии установления фактических обстоятельств по делу. В результате этого за пределами учения оказываются другие функциональные стадии правоприменения.

Кроме того, названным учением не охватывается техника и тактика деятельности органов дознания и предварительного расследования в рамках уголовного процесса, в то время как в настоящее время, с учетом необходимости расширения сферы исследования прикладных аспектов юридической деятельности, теории права требуется концепция, охватывающая все виды и стадии юридической деятельности и включающая в себя

средства и правила, не урегулированные нормами процессуального и материального права.

Некоторые средства, правила, способы и приемы осуществления юридической деятельности изучаются в рамках отраслевых процессуальных наук арбитражного, гражданского и уголовного процессов, однако, как и в случае с учением о судебном доказывании, этими науками охватывается только юрисдикционный способ осуществления правоприменительной деятельности. Кроме того, в рамках этих наук сконцентрированы только те инструментальные составляющие технологии применения права судами, которые нормативно регламентированы, что значительно ограничивает технологический инструментарий субъекта юридической деятельности.

Более всего прикладные вопросы осуществления юридической деятельности раскрыты в криминалистике, которая содержит практически полный набор средств, правил, приемов, способов и методов правоприменения. Однако и криминалистика не может заполнить образовавшиеся в настоящее время пустоты в обеспечении прикладной стороны юридической деятельности соответствующим инструментарием, поскольку она ориентирована на обслуживание только одного типа правоприменения и только специальными субъектами этой деятельности – дознавателями и следователями – при проведении дознавательных и следственных мероприятий в рамках общественных отношений, регулируемых уголовным законодательством.

Также некоторые технические и технологические элементы раскрываются в рамках криминологии, виктимологии и юридической психологии, но они содержат лишь фрагментарный набор таких элементов и, как и криминалистика, ориентированы на применение в уголовно-правовой сфере.

В последнее время также активно развиваются юрислингвистика, герменевтика, которые, как считают их создатели, представляют высшую форму юридической техники и должны ее заменить. Представляется, что по своей сути эти новые институты не могут быть использованы в качестве образования, идентичного по своему значению и сфере охвата юридической технологии и даже юридической технике. Они занимают только небольшую часть той ниши, которая отведена юридической технике.

Таким образом, основываясь на изложенном анализе особенностей различных существующих в науке права концепций о некоторых прикладных сторонах осуществления юридической деятельности, можно сделать вывод о том, что они не обеспечивают системную организацию знаний о юридических технических средствах осуществления различных видов юридической деятельности в реальной правовой действительности. Полагаем, такую роль в нынешних условиях может выполнить юридическая технология. Именно с помощью этой концепции можно свести воедино на данный момент фрагментарные и разобщенные научно-практические концепции, посвященные отдельным вопросам осуществления юридической деятельности (в том числе и концепции юридической техники: законодательной, правоприменительной, техники индивидуальных правовых актов и т. п.).

Установив сущность юридических технологий, можно перейти к вопросу об определении понятия. Однако для более глубокого раскрытия этой проблемы, с нашей точки зрения, необходимо разрешить следующее: как юридическая технология соотносится с юридической деятельностью, что она представляет собой в динамическом аспекте: это активная преобразовательная деятельность или статичный свод рекомендаций?

В правовой науке к юридическим технологиям применяются оба этих подхода. Например, Н.А. Власенко является сторонником статичного определения юридической технологии, рассматривая ее как «...порядок применения и использования методов и приемов по подготовке юридического решения» [4, С. 7]. Соответственно, исходя из такого понимания, юридическая технология нетождественна юридической деятельности.

В отличие от него, В.Н. Карташов относит юридическую технологию (в том числе правоприменительную) к деятельностной сфере, указывая, что в практическом смысле она представляет собой «...процесс подготовки, оформления и обнародования разнообразных правовых решений» и включает в свой состав также «...сами действия и операции по разработке, принятию и обнародованию (опубликованию) правовых решений (актов)» [15, С. 22]. То есть ученый фактически отождествляет юридическую технологию с юридической деятельностью.

Несколько иначе подходит к проблеме определения содержания юридической технологии К.Н. Княгинин, который признает в ней наличие и статического, и динамического начал в качестве равноценных, не разделяя при этом технологию на технологию «в узком» и «в широком» смыслах и не низводя деятельную составляющую технологии до уровня одного из многочисленных элементов содержания, как это делает В.Н. Карташов.

В частности, К.Н. Княгинин на основе своего собственного вывода о практической сложности сосуществования обоих выделяемых им равноценных начал в рамках одного понятия предлагает условно, для удобства использования и оперирования в теоретических и практических исследованиях, разделить технологию на две части и использовать под разными наименованиями: «технология» и «технологический процесс».

По его мнению, среди явлений, охватываемых понятиями «техника», «технология» и производными от них понятиями, необходимо выделять отличающиеся по своей природе вещи: с одной стороны, практическую деятельность людей, а с другой – идеальные представления, знания о том, как эту деятельность надо осуществлять, описания возможных путей свершения определенных действий. С точки зрения автора, и подобные описания, и деятельность, в ходе которой они реализуются, обыкновенно именуются технологией.

В связи с этим, по его мнению, если не отказаться от этого распространенного словоупотребления, то необходимо будет, заводя речь о технологии, всякий раз уточнять, что здесь имеется в виду: деятельность или знания о порядке и правилах осуществления этой самой деятельности.

На этом основании ученый делает вывод о том, что «альтернативным и, как представляется, более целесообразным вариантом использования понятия “технология”» является сведение его содержания исключительно к знаниям, рекомендациям, описаниям, касающимся практической деятельности.

Саму же деятельность, в ходе которой реализуются программирующие ее описания, можно обозначить таким, к примеру, понятием, как «технологический процесс» [17, С. 3], и в таком понимании технологический процесс, как нам представляется, практически аналогичен юридической практике как материально-преобразовательной стороне юридической деятельности.

Представляется, что за основу понимания характера юридической технологии как динамического или статичного образования нельзя взять ни одно из приведенных выше определений. Они, на наш взгляд, не в полной мере учитывают сущностной характер

юридической технологии, которая, прежде всего, является системным образованием, а потому имеет сложный, объемный состав. В силу этого она должна рассматриваться в двух аспектах: во внешнем – по отношению к объекту ее упорядочивающего и преобразующего воздействия, и во внутреннем – по отношению к составным частям и механизму самой юридической технологии как системы.

Соответственно, в зависимости от того, в каком аспекте она выступает, меняется и ее начало.

Так, по отношению к упорядочиваемым и организуемым при помощи и ее структурных элементов общественным отношениям (во внешней сфере) она представляет собой совокупность юрико-технологических средств осуществления юридической деятельности, в ходе которой преобразуются соответствующие общественные отношения. То есть в этом понимании юридическая технология является своего рода инструкцией о том, что именно необходимо предпринять для того, чтобы достичь поставленной правовой цели, каким образом необходимо осуществлять ту или иную активно-преобразовательную юридическую деятельность.

В этом своем аспекте она статична и, соответственно, нетождественна юридической деятельности в целом или какой-то ее стороне, части, которая понимается нами так же, как ее определяет Н.А. Власенко, как «...система целенаправленных действий и операций, направленных на решение юридической задачи; способ обеспечения правовых начал в обществе; вид более общей человеческой деятельности, которая часто определяется как способ существования человека, как система материально-практических, интеллектуальных и духовных операций» [4, С. 6].

Полагаем, что юридическая технология в своем прикладном значении является образованием, вспомогательным по отношению к юридической деятельности. Она фактически создана для того, чтобы обслуживать осуществление юридической деятельности своими юрико-технологическими структурными элементами, и в этом смысле мы не можем согласиться с точкой зрения В.Н. Карташова, фактически отождествившего юридическую технологию с юридической деятельностью. Если даже не принимать во внимание сущностные различия технологии и деятельности, прямым следствием такого подхода к соотношению этих понятий явится утрата юридической технологией статуса самостоятельной теоретико-правовой концепции.

Если же рассматривать юридическую технологию во внутреннем аспекте, то здесь она приобретает деятельностное начало, проявляющееся в отыскании юрико-технологических средств осуществления юридической деятельности наиболее оптимальным образом, с учетом условий конкретной правовой ситуации, способствующих достижению желаемого субъектом этой деятельности правового результата в кратчайшие сроки и с минимальными материальными, временными и правовыми затратами.

Соответственно, исходя из такого понимания характера юридической технологии, в этом своем аспекте она также не тождественна юридической деятельности и ее отдельным составляющим, так как направлена на получение юрико-технологического знания о юрических технологических средствах осуществления юридической деятельности.

Принимая во внимание и гносеологический характер юридической технологии, одним из основных составляющих ее деятельного начала следует выделить интеллектуально-волевою деятельность по созданию новых и совершенствованию уже имеющихся приемов, правил, способов, методов, составляющих ее структуру, в том числе и путем исследования данных об объективированных результатах применения этих правил и методов в

юридической деятельности, а также приспособлениях под насущные потребности активно-преобразовательной юридической деятельности теоретического знания фундаментальных наук.

Именно благодаря этому деятельностному характеру внутреннего аспекта юридическая технология является не просто совокупностью различных структурных элементов, а саморазвивающейся системой.

Эта особенность юридической технологии подтверждается приведенной выше позицией В.М. Баранова, который отметил, что она может стать некой автономной системой, движимой собственной динамикой и внутренними изменениями, «имманентно» развивающейся «на собственных корнях» [28].

Соответственно, этот дуалистический характер юридической технологии определяющим образом влияет на ее внутреннее содержание, сказывается на ее объекте и предмете.

Так, если в своем научном (познавательном) аспекте юридическая технология направлена на выяснение сущности попадающих в сферу ее воздействия явлений окружающего мира, определение их структуры и функций, объяснение причин и механизма их возникновения и дальнейшего развития, то в своем практическом (прикладном) аспекте она направлена на упорядоченное, системное применение научных знаний в реальной предметно-преобразовательной деятельности для достижения конкретной материальной цели (установление фактических обстоятельств по рассматриваемому судом гражданскому или уголовному делу, оптимальная организация судебного заседания, процесс допроса свидетелей, заключение сделки, создание текста нового закона и т. д.).

Соответственно, такой дуализм сказывается на характере воздействия юридической технологии на объект. Так, с одной стороны, она воздействует на объект в целях его практического преобразования в соответствии с целями юридической деятельности, а с другой – в целях его познания для дальнейшего совершенствования юридической деятельности.

Соответственно, предметом воздействия юридической технологии, как в познавательном, так и в преобразовательном смысле, выступает не только текст правового акта, задачи которого решает юридическая техника (Б.В. Чигидин, А.А. Тенетко), но и юридическая деятельность в целом, в ходе осуществления которой создается и реализуется право. Юридическая технология выступает здесь как средство упорядоченного оптимизирующего преобразования правовой действительности.

Выявленный дуалистический характер юридической технологии определяет ее цели и задачи. При этом необходимо отметить, что по тому, какие цели ставятся перед юридической технологией тем или иным ученым, можно без больших затруднений ответить на вопрос, что он понимает под самой юридической технологией, так как, в конечном счете, цели и задачи какого-либо явления фактически определяют и его внутреннее содержание, структуру и механизм действия.

Например, Н.А. Власенко видит цель юридической технологии в упорядочивании юридической деятельности по созданию, изменению правовых норм (законодательная технология), по принятию индивидуальных актов-документов (правоприменительная технология), по разъяснению, систематизации права (соответственно, праворазъяснительная и систематизационная технологии). В связи с этим он отмечает, что каждая частная (специальная) технология имеет свои задачи и цели, и о них можно говорить лишь как о части общего «ствола» технологии [8, С. 8-10].

Более широко определяет цели юридической технологии В.Н. Карташов, который указывает, что «главная задача юридической технологии как науки – это выявление экономических, политических, социальных, юридических и других закономерностей с целью определения и использования наиболее качественных и эффективных юридических действий и операций, требующих минимальных средств и методов, временных, людских и иных ресурсов в целом» [15, С. 22].

На наш взгляд, ни один из приведенных выше перечней целей и задач не может быть в полной мере применен к юридической технологии в том смысле, в котором она понимается нами, так как в них не в полной мере учитывается ее сложная теоретико-прикладная природа.

Так, с одной стороны, как отмечают некоторые ученые, целью юридической технологии должно быть обеспечение субъектов юридической деятельности юридико-технологическими средствами создания и реализации права (своего рода юридическими орудиями труда), а с другой – получение знания о сущности средств, приемов, методов и правил создания и реализации норм права в юридической деятельности; приспособление данных различных наук под конкретную цель создания или реализации права; разработка на этой базе правил поведения, стандартных алгоритмов, шаблонов поведения субъектов юридической деятельности с целью достижения ими оптимального желаемого правового результата; упорядочивание, систематизация юридической деятельности и выработка средств осуществления юридической деятельности в рамках этих шаблонов; разработка инструкций, рекомендаций, методик и других внешних форм выражения юридико-технологического знания относительно осуществления различных видов юридической деятельности.

Специфика объекта юридической технологии проявляется в том, что целью гносеологической ее стороны является изучение практики применения инструментария юридической технологии в конкретных правовых ситуациях с точки зрения его эффективности и совершенствования на этой основе юридико-технологического инструментария на основе полученного таким образом нового знания. Благодаря этому своему свойству юридическая технология имеет право называться самосовершенствующейся системой.

Таким образом, сущность юридической технологии состоит в единстве и взаимодействии познавательного, преобразующего и упорядочивающего воздействия субъекта на подлежащие преобразованию общественные отношения, складывающиеся по поводу создания и реализации права.

В рамках юридической технологии осуществляется освоение и приспособление данных различных юридических и неюридических наук под конкретную цель создания и использования юридико-технических средств для разработки на этой базе алгоритмов поведения субъектов юридической деятельности с целью получения ими оптимального желаемого правового результата.

Проанализируем представленные определения с целью выяснения существенных признаков понятия и составления авторского определения. В представленных определениях «юридической технологии» немного общего. Однако при детальном рассмотрении можно выделить определенные общие черты, которые как действительно принадлежат юридической технологии, так и приписаны ей вследствие недостаточной определенности рассматриваемого понятия.

Во-первых, представленные определения сходятся в том, что юридическая технология – это деятельность человека, то есть форма активного отношения человека к окружающему миру, содержание которой составляет его (мира) целесообразное изменение и преобразование.

Во-вторых, авторы едины во мнении, что эта деятельность носит сознательный, целенаправленный, интеллектуально-волевой характер и направлена на формирование правового бытия.

В-третьих, если эта деятельность целенаправленна, то следует указать результат, который необходимо получить. Таким результатом являются правовые решения, или акты. Нужно отметить, что результаты юридической деятельности могут быть не только положительными, но и отрицательными. Например, недостатки законодательства могут возникать как сознательно, так и в результате добросовестного заблуждения субъектов законодательного процесса.

В первом случае необходимо, по-видимому, говорить о таких явлениях, как правонарушение, злоупотребление правом (правовой произвол), юридические софизмы и уловки, наконец, лоббизм [12, 23]. В другом случае речь идет о так называемой ошибочной юридической деятельности, то есть непреднамеренном деянии (действии, бездействии) субъекта законодательного процесса, нарушающем общие принципы и нормы материального и процессуального права, другие юридические предписания, не достигающем целей правового регулирования и требующем определенных мер социально-правовой защиты [40]. В конкретизации к представленному примеру речь идет о правотворческой ошибке – официально реализованном добросовестном заблуждении, результате неправильных действий нормотворческого органа, нарушающих общие принципы либо конкретные нормы правообразования, не соответствующих уровню и закономерностям государственно-необходимого развития регулируемой деятельности и влекущих путем издания ложной нормы права неблагоприятные социальные и юридические последствия [2, С. 357].

В-четвертых, юридическая технология тесно связана с юридической техникой. Как считает Н.А. Власенко: «Если юридическая технология отвечает на вопрос: как делать, в какой последовательности осуществлять те или иные юридические операции, – то юридическая техника отвечает на вопрос: с помощью каких приемов, каких средств должны осуществляться те или иные технологические операции, действия» [4, С. 9].

В-пятых, юридическая технология как особая юридическая деятельность имеет сложный характер, что обусловлено, с одной стороны, ее влиянием на существующее позитивное право, с другой стороны, сама технология частично формализована в действующих правовых актах. «Технология в современных условиях – сложное иерархическое образование, которое включает в себя инструментально-аппаратные средства, используемые в производстве материальных изделий, в сферах услуг, политики, культуры, процедуры, предполагающие разделение и координацию деятельности, подсистемы принятия решений, управления, контроля, коммуникаций, информации и знаний, все виды природных, человеческих, финансовых, энергетических, когнитивных и антропотехногенных ресурсов, а также совокупность социальных, экологических и демографических последствий в локальном, региональном и глобальном масштабах», – утверждает А.И. Ракитов [26; 30, С. 746; 36]. Таким образом, юридическая технология требует постоянного пополнения различного рода ресурсов, и ее развитие невозможно без их поглощения.

В-шестых, внутренне технология представляет собой систему этапов, осуществляемых в определенной последовательности. Нарушение этой последовательности с неизбежностью влечет снижение качества правового акта, на создание которого направлена юридическая технология.

Дефекты правового акта могут быть самые разнообразные: от формально-логических ошибок в тексте до отсутствия необходимых материальных и духовных ресурсов, которые должны обеспечить его действие.

Несмотря на определенную общность суждений, немногие авторы отмечают, что, во-первых, юридическая технология является частью юридической практики и имеет тесную связь не только с юридической техникой, но также с юридической тактикой и стратегией. Во-вторых, как правильно отмечает А.К. Черненко, грамотно выстроенная юридическая технология – залог качества правовых актов и устойчивости правовой системы [39, С. 26-28]. Тем не менее, мы считаем, что ограничиваться констатацией данного признака в определении понятия «юридической технологии» не стоит, так как суть определения какого-либо понятия состоит в перечислении всех существенных признаков, дабы отграничить данное понятие от сходного. В-третьих, в юридической технологии находят свое отражение конкретно-исторические условия юридической деятельности: политические, экономические, религиозные, социальные, культурные, технические и др. [33, С. 14-16]. В-четвертых, процесс становления права (и юридической технологии) шел как «сверху», то есть от доктрины к практике, так и «снизу», то есть от реальных отношений через их обобщение и типизацию к становлению системы норм. Таким образом, нужно отметить двухстороннюю генеральную связь между юридической технологией и юридической практикой. В-пятых, актуально и правильно отражено понимание юридической технологии как науки, системы знаний о средствах, способах и методах наиболее эффективной и плодотворной юридической практики. Это дает возможность применять при разработке данной проблемы научный аппарат и позволяет прогнозировать развитие проблемы, основываясь на определенных принципах и планах.

Специфической и главной функцией науки является приобретение знания, функцией техники – использование определенных средств и продуктов, функцией технологии – применять знания об использовании этих средств. При этом цель науки – познавать; цель технологии – объединение наличного знания науки с арсеналом доступных средств для достижения запланированного результата. Как пишет В.М. Баранов, «Формирование юридической технологии в полном и точном смысле этого термина есть результат развития современной правовой науки. Часто вновь обретенные юридические знания сразу используются для создания новых правовых процедур. Порой знания даже специально ищут ради некоторого организационно-технического применения» [28, С. 12]. В итоге автор заключает, что «постоянные сетования об отсутствии либо слабости механизмов реализации норм права и законодательных актов и есть призывы к выработке новой правовой технологии» [28, С. 13]. В современных работах принято объединять доктринальные и нормативные начала, например, так: «Под правоприменительной техникой можно понимать совокупность теоретических положений, правовых требований, специальных приемов и средств оформления и составления документов юридического процесса» [19, С. 37].

Юридическая технология – это не только управляющая, но и управляемая система [1, С. 374-390]. Только путем постоянного взаимодействия с ней и влияния на нее можно достичь создания эффективно действующих правовых актов.

Кроме перечисленных, нам хотелось бы отметить еще один признак – связь юридической технологии с уровнем общей и, в частности, правовой культуры общества. Только развитая культура позволяет обществу создавать высокотехно-логичные правовые акты. Обозначенный тезис можно легко подтвердить, взяв за основу историю развития права, когда при низком уровне культуры правовые акты казуистичны (например, Салическая правда и общество Франков), а при высоком – в значительной мере абстрактны (римское право и римское общество).

Также нужно отметить, что не все ученые разделяют необходимость внедрения в науку понятия «юридическая технология». Например, В.А. Белов считает, что «понятие «юридическая техника» является устойчивым и традиционным для правоведения. Попытка его замены приведет к еще большей путанице понятий и терминов» [3, С. 9]. А.В. Иванчин полагает, что в условиях разброса мнений касательно понятия самой законодательной техники бесперспективным является внедрение в учение о данной технике неологизмов, к числу которых автор относит понятия юридической (в том числе правоприменительной) технологии [14, С. 29]. Подобной позиции придерживается и академик Е.А. Климов: «нередко известные вещи переобозначаются «тарабарскими» словами. Вместо «методы», «средства» появляются «технологии», «многомерный инструментарий»» [16, С. 25].

Сохранение критически осмысленных научных положений имеет, безусловно, важное значение, однако фобия введения новых категорий ставит под угрозу выполнение одной из главных задач науки – задачу приращения знания.

На наш взгляд, отвержение понятия «юридическая технология», выражаемое некоторыми авторами, объясняется, главным образом, опасениями перед вероятностью возникновения терминологической путаницы в науке. Кроме того, свою лепту вносит и определенная дань традиции, своего рода, привычность звучания существующего термина «юридическая техника». Однако подобная ригидность только усугубляет ситуацию. Вместо развития передового опыта, закрепления и детального обоснования новых знаний, усилия тратятся на приспособление существующих теорий к отношениям, которые объективно не могут быть в них встроены.

Пытаясь вплести выпадающие из общей системы элементы, авторы вводят внутреннюю и внешнюю форму, узкий и широкий подход, манипулируют с границами формы и содержания, хотя в подобном случае достаточно лишь назвать вещи своими именами и «лишние» элементы сами расположатся в «порядке самом естественном». Нужно согласиться с мнением Г.И. Муромцева, что в результате таких изощрений «понятие «юридическая техника» приобретает все большую многозначность и подвижность, что крайне нежелательно, поскольку всякая научная категория должна иметь лишь одно значение» [24, С. 23].

Основываясь на приведенном исследовании соотношения юридической технологии с юридической техникой и юридической деятельностью можно сформулировать следующее определение: юридическая технология представляет собой систему знаний об оптимальном использовании юридико-технических средств, в рамках стратегий, тактик, методов, способов, правил, приемов, используемых в процессе формирования, закрепления и реализации правовых норм для удовлетворения индивидуальных и общественных потребностей и интересов.

В теории права организационную сторону юридической деятельности в самом общем виде выражает понятие «юридический процесс», которое используется при раскрытии

содержания правоприменительной деятельности и иногда – правотворческой. Так, в основном в теории права выделяются следующие виды юридического процесса: учредительный процесс, правотворческий процесс [7, С. 5-10]², правоприменительный процесс и иногда – процесс праворазъяснительный [5, С. 15-17]. Теория различных правоосуществительных, а также правообеспечительных юридических процессов в теории права пока не разработана, хотя исследования в этом направлении ведутся. Например, в 2005 году вышло в свет объемное монографическое исследование А.Н. Кучера, фактически посвященное проблемам правоиспользовательного процесса, озаглавленное: «Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект» [20, С. 113].

Само понятие «юридический процесс» используется в теории права и отраслевых юридических науках в разных смыслах.

Например, по мнению Е.П. Шикина, юридический процесс представляет собой «...процесс движения, развития материального права от его создания до полной реализации» [42, С. 10].

Другие ученые определяют юридический процесс и отдельные его виды как деятельность. Обычно подобное понимание процесса характерно для ученых, анализирующих проблемы правоприменительного процесса в рамках термина «судопроизводство». Так, Н.Н. Вопленко раскрывает правоприменительный процесс как «...логически взаимосвязанное развитие действий и операций, из которых и складывается вся деятельность по изданию правовых актов различной юридической силы и совершению юридически значимых поступков» [6, С. 50]; по мнению М.С. Шакарян, «гражданское судопроизводство (гражданский процесс) – это урегулированная гражданским процессуальным правом деятельность суда, участвующих в деле лиц и других участников процесса, а также органов исполнения судебных постановлений (судебных приставов-исполнителей)» [10, С. 22]. О.А. Чванов практически также определяет правоприменительный процесс, считая, что с объективной стороны реализация права (правореализационный процесс) представляет собой совершение в известной последовательности, в сроки и в месте, предусмотренные нормами права правомерных действий [38, С. 102].

Д.М. Чечот объединяет приведенные выше позиции. Он пишет: «...гражданский процесс может определяться как порядок совершения процессуальных действий. <...>

С другой стороны, процесс следует анализировать как саму по себе деятельность по рассмотрению гражданских дел. Можно сказать, что «порядок» находится в статике, а процессуальная деятельность – это «динамика» гражданского процесса» [9, С. 6].

Кроме этого, исходя из организационной сущности управленческих отношений²¹, ученые выделяют в структуре юридического процесса две составляющие ее части – формирующую и функционирующую.

Формирующая часть юридического процесса представляет собой систему способов, правил и методов осуществления организационной деятельности для достижения целей конкретной юридической деятельности, осуществления материальных правоотношений, а

²¹ Например, Ю.М. Козлов отмечает, что «...организация – это внутреннее содержание управленческих отношений, составляющее суть управления как процесса упорядочивающего воздействия на те или иные субъекты. Организация включает в себя как элемент формирующего свойства (построение систем, объединение людей в коллективы и т. д.), так и функционирующего свойства (динамика систем, управленческих связей, самого процесса управления). См.: Козлов Ю.М. Управление народным хозяйством в СССР. М., 1971. Ч. 2: Система управления народным хозяйством. С. 126–127.

функционирующая – саму организационную деятельность, посредством совершения которой и достигаются цели юридической деятельности.

Таким образом, на основе приведенного выше анализа можно сделать вывод о том, что юридический процесс в смысле порядка осуществления процессуальной деятельности относится к формирующей части юридического процесса, а юридический процесс, обозначаемый термином «судопроизводство» и под которым понимается реальная деятельность, – к функциональной части юридического процесса.

При этом возникает вопрос о соотношении с юридическим процессом понятия «юридическая процедура», которое иногда отождествляется с юридическим процессом, а иногда – с правоприменительной технологией.

Следует отметить, что в теории права соотношение этих понятий до сих пор является предметом научных дискуссий. Причем в авторских концепциях различных ученых можно отыскать все три возможных варианта соотношения этих понятий: некоторые авторы определяют эти понятия как тождественные [22, С. 25], другие отмечают, что понятие «процедура» шире понятия «процесс» [43, С. 25], а третьи, наоборот, рассматривают процессуальную форму как совокупность процедур [8, С. 13].

Юридический процесс и юридическая процедура, на наш взгляд, относятся к одной и той же организационной стороне составляющих юридическую деятельность отношений. Они представляют собой родственные понятия, но, полагаем, что отождествление их, как и включение процесса в структуру процедуры, является неверным. Как отмечают И.М. Зайцев и Н.А. Рассахатская, «юридический процесс может рассматриваться как совокупность последовательно совершаемых действий и постановляемых актов и включает в себя как различные правовые процедуры, так и судебные процессы (судопроизводства)» [13, С. 49]. По мнению этих авторов, процессуальная форма создана для упорядочения деятельности суда и иных участников судопроизводства (конституционного, гражданского, административного, уголовного). Иные порядки юридической деятельности – не процессы, а процедуры [13, С. 50].

Таким образом, процедура, в отличие от судопроизводства, применяется во внесудебных производствах, то есть заложенные в ней правила обращены в первую очередь к органам и учреждениям представительной и исполнительной власти. При этом юридическая процедура – это составная часть материального права. В отличие от процессов она регламентируется материально-правовыми нормами, содействует реализации материального регулятивного правоотношения [29, С. 62].

Такой же деятельный и материально-правовой характер процедуры проявляется и в процедуре правотворческой, которая определяется как «...установленный порядок прохождения проектов законов и других нормативно-правовых актов, вплоть до их принятия и вступления в силу» [35, С. 549], то есть как нормативно урегулированные действия уполномоченных субъектов по принятию (изданию) правовых актов.

Основываясь на выявленном соотношении юридической процедуры с юридическим процессом, можно сделать вывод о том, что юридическая процедура, наряду с судопроизводством, составляют функциональную часть юридического процесса, в ходе которой в рамках юридического процесса и осуществляется организационная деятельность.

Литература

1. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 1998.
2. Баранов В.М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики. Саратов, 1989.
3. Белов В.А. Юридическая техника российского налогового законодательства (общетеоретический анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
4. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010.
5. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. М., 1976.
6. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
7. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Ярославль, 1979. С. 5–10.
8. Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1976.
9. Гражданский процесс: учебник / под ред. В.А. Мусина, М.А. Чечиной, Д.М. Чечота. 2-е изд. М., 1998.
10. Гражданское процессуальное право / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004.
11. Демушкин А.С. Документы и тайна. М., 2003.
12. Денисов С.А. Типичные приемы законодательной техники, используемые в интересах групп управленцев // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 254–268.
13. Зайцев И.М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. 1995. № 2. С. 47–50.
14. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2003.
15. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005.
16. Климов Е.А. О некоторых нежелательных традициях в работе диссертационных советов по педагогическим и психологическим наукам // Бюллетень ВАК Минобрнауки России. 2002. № 1. С. 22-28.
17. Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991.
18. Козлов Ю.М. Управление народным хозяйством в СССР. М., 1971. Ч. 2: Система управления народным хозяйством.
19. Корж П.А. Юридическая техника: учебное пособие. Пермь, 2014.
20. Кучер А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005.
21. Леушин В.И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. Красноярск, 1987.
22. Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976.
23. Любимов А.Л. Формирование лоббистских правоотношений в российском обществе: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

24. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
25. Новицкий В.А. Теория российского процессуального доказывания. Ставрополь, 2002.
26. Педагогика: педагогические теории, системы, технологии / под ред. С.А. Смирнова. М., 2008.
27. Правотворчество в СССР / под ред. А.В. Мицкевича. М., 1973.
28. Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.
29. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
30. Ракитов А.И. Прогноз развития науки и технологий в России на период до 2025 года // Вестник Российской академии наук. 1998. № 8. Т. 68. С. 746-753.
31. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997.
32. Решетникова И.В. Курс доказательственного права в российском гражданском производстве. - М., 2000.
33. Семенова Н.В. Конфликтная юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2002.
34. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 1999.
35. Теория государства и права / под ред. М.Н. Марченко. - М., 2009.
36. Традиционная и современная технология (философско-методологический анализ) / отв. ред. В.М. Розин. - М., 1999.
37. Треушников М.К. Судебное доказывание. - М., 2005.
38. Чванов О.А. Механизм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 1995.
39. Черненко А.К. Философия права. - Новосибирск, 1997.
40. Чувакова Л.А. Отличие ошибочной юридической деятельности от сходных правовых явлений // Актуальные проблемы теории правовой системы общества: сборник научных трудов / отв. ред. В.Н. Карташов. - Ярославль, 2002. - Вып. 2. - С. 57-62.
41. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства. - М., 2003.
42. Шикин Е.П. Структура юридического процесса и эффективность права // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. - Ярославль, 1976. - 32 с.
43. Шиндяпина М.Д. Стадии юридической ответственности. - М., 1998.

Kolesnik I.V. Juridicheskie tehnologii kak forma juridicheskoy dejatel'nosti / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В СИСТЕМЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ²²

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Как отмечалось, юридические технологии в значительной степени «зависят» от юридической деятельности и ее разновидностей. Поэтому весьма важно рассмотреть вопрос о классификации юридических технологий и определить место в системе юридических технологий правоприменительной технологии.

Наиболее разработанной нам представляется классификация юридической технологии в зависимости от природы той или иной юридической практики. Так, можно выделить: правотворческую, правоприменительную, правосистематизирующую, интерпретационную юридические технологии. При этом нужно отметить, что в силу сложной пространственной структуры каждая из перечисленных технологий имеет свои виды (подвиды). В правотворческую технологию включаются законодательная технология и технология принятия подзаконных нормативных правовых актов, причем последнюю можно подразделить, исходя из состава компетентного органа, на коллегиальную и единоначальную.

В.И. Червонюк и И.В. Гойман-Калинский утверждают, что «законодательные технологии многообразны: по содержанию они подразделяются на технологии согласования интересов, их лоббирования, технологии продвижения законодательных инициатив, блокирования законопроектов и др.» [16, С. 31]. Мы считаем, что приведенные примеры не являются присущими исключительно законодательной технологии. Существование таких технологий, как лоббирование и согласование интересов, допустимо в любой юридической практике, а следовательно, речь идет о разновидностях не законодательной, а юридической технологии.

Все же более перспективной является классификация законодательной технологии, основанная на критерии отраслевой принадлежности создаваемых законов, поскольку каждая отрасль права имеет собственную специфику, отражающуюся, в том числе, и в элементах законодательной технологии. Следовательно, можно выделить технологию создания гражданского, уголовного, административного, налогового, трудового, бюджетного законодательства.

²² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

В правоприменительную технологию включаются: судебная, следственная, нотариальная, договорная технология, а также технология подготовки и принятия подзаконного правового ненормативного акта [4, С. 9]. Безусловно, существуют и иные виды правоприменительной технологии. Естественно, что в обозначенных видах (подвидах) правоприменительной технологии можно выделить собственные виды. Например, в следственной технологии можно выделить технологию проведения допроса, обыска и других следственных действий [1].

В зависимости от характера деятельности и ее юридического результата в литературе выделяют «четыре относительно самостоятельных типа правовой систематизации:

- а) практику учета правовых актов; б) их консолидации;
- в) инкорпорации;
- г) кодификации нормативных правовых актов.

Причем все эти типы практики состоят из определенных видов и подвигов юридической систематизации. Каждый тип, вид, подвид правосистематизирующей практики характеризуется специфическими юридическими действиями и операциями, средствами (юридической техникой) и способами (юридической тактикой) их осуществления, результатами, процессуальной формой и т. д.» [8, С. 20-21], то есть особой юридической технологией. Следовательно, правосистематизирующую технологию можно подразделить на следующие виды: технологию учета правовых актов, их консолидации, инкорпорации, кодификации.

В свою очередь, технология юридического учета включает в себя подвиды: технология журнального, картотечного, автоматизированного учета и технология ведения контрольных текстов действующих правовых актов.

Технологии инкорпорации в зависимости от субъектов можно классифицировать на: официальные, официозные (полуофициальные) и неофициальные. В дополнение можно выделить технологии полной и частичной, хронологической и предметной, а также иной инкорпорации.

Технологии кодификации можно подразделить на технологии создания конституций, основ законодательства, кодификационных законов, кодексов, уставов, положений, правил.

С позиции технико-тактического критерия, интерпретационную технологию можно разделить на технологии: грамматическую; логическую; систематическую; исторического толкования.

По сфере действия выделяют технологии нормативного и казуального характера.

По характеру результатов в интерпретационной технологии можно выделить технологии адекватного, ограничительного, расширительного толкования [5, С. 353-358].

Несмотря на сказанное выше, но только с позиции юридической техники, в науке существует и иная точка зрения. Например, В.М. Сырых, рассуждая о юридической технике, приходит к выводу, что «качественное различие законотворческой и правоприменительной деятельности государства, его органов объективно обуславливает и качественное различие предметов законодательной и юридической техники. В этих условиях юридическая техника как совокупность законодательной и правоприменительной техники предстает по преимуществу механическим, а не органически целостным образованием» [15, С. 15-16].

С такой точкой зрения можно согласиться только отчасти. Действительно, законодательная и правоприменительная техника (в терминологии В.М. Сырых) имеют

различные предметы: в первом случае это текст нормативного акта, во втором – правоприменительного, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Однако данное обстоятельство ничуть не умаляет возможности применения одинаковых средств техники к формированию и дальнейшему существованию указанных актов. Кроме того, в науке не подвергается сомнению, что как правотворческая, так и правоприменительная практика являются разновидностями общей юридической практики, из чего с необходимостью следует, что элементы, их составляющие, также будут являться разновидностями соответствующих элементов, входящих в состав общей юридической практики. Сказанное о технике можно спроецировать и на технологию.

Есть мнение, что к перечисленным видам юридической технологии необходимо добавить «научно-прикладную (доктринальную)» [4, С. 9] технологию. Подобное выделение при понимании юридической технологии как науки, системы знаний о средствах, способах и методах эффективной и планомерной юридической практики позволяет детальней уяснить сущность, природу и назначение процессов юридической технологии.

В зависимости от значимости цели, поставленной перед юридическими технологиями, Н.А. Власенко предлагает выделять генеральную (основную) технологию и технологии частные, второстепенные. Последние, по мнению автора, зависят и предполагаются задачами и целями юридического производства, генеральной технологией, ее логикой. Каждая частная (специальная) технология имеет свои задачи и цели, и о них можно говорить лишь как о части общего «ствола» технологий [4, С. 8]. Нам представляется, что выделение частных (второстепенных) технологий ошибочно, поскольку все юридические технологии в равной степени важны для достижения правового результата. К подобному выводу приходит и автор предложенной классификации.

«С позиции итогового результата каждый технологический процесс независим и одинаково важен. В противном случае неизменно будет страдать качество юридического документа, которое напрямую зависит от степени отступления от правил технологии и техники» [4, С. 9].

Результатом юридической технологии является правовой акт, о чем отмечалось выше, следовательно, можно выделить юридические технологии, результатом которых являются нормативные правовые акты и юридические технологии, результатом которых являются ненормативные правовые акты.

Кроме того, по характеру правовых актов юридические технологии можно подразделить на технологии создания и функционирования законов, постановлений, договоров, указов, приказов, распоряжений, инструкций и т. д.

По уровню развития применяемой технологии следует выделить технологию создания:

- высокотехнологичных правовых актов;
- актов среднего технологического развития;
- низкотехнологичных правовых актов.

При этом следует отметить, что характер применяемых технологий не является решающим критерием в определении степени совершенства акта. Главным принципом создания качественного акта является сбалансированное использование имеющихся средств. Поэтому создание полноценного акта возможно путем применения короткой технологической цепочки действий.

По времени действия можно выделить относительно постоянные и временные юридические технологии. Постоянные (стабильные) юридические технологии имеет смысл подразделить на технологии формирования правовых актов:

- а) неопределенно-длительного;
- б) временного действия.

Спецификой постоянных юридических технологий при формировании правовых актов неопределенно-длительного действия является, прежде всего, направленность на стабильное регулирование общественных отношений в долгосрочной перспективе. Таким образом, значительно большее внимание должно уделяться юридической стратегии, планированию, определению целей и прогнозированию. Акты временного действия характеризуются тем, что они принимаются на период времени, ограниченный определенной датой или указанием события, которое обязательно должно произойти. Здесь в качестве технологической особенности следует выделить отсутствие необходимости издания какого-либо акта для прекращения действия временного правового акта. Отличительной чертой является также возможность преобразования акта временного действия в акт неопределенно-длительного действия посредством издания специального акта [13, С. 57].

Для временных технологий характерно деление на технологии создания актов в переходный период и технологии инновационного (экспериментального) характера. Технология создания актов в переходный период характеризуется тем, что эти акты носят переломный (революционный) характер. В отличие от постоянных технологий, опирающихся на традиции и действующее право, технология создания переходных актов, в силу отсутствия преемственности, должна исходить из общих принципов и ориентироваться на поставленные цели. Следовательно, особое значение приобретает контроль законности, простоты и эффективности принимаемых актов. Также следует подчеркнуть, что акты переходного периода, в отличие от актов временного действия, не ограничены каким-либо сроком действия и могут значительное время регулировать общественные отношения без замены соответствующими постоянными правовыми актами.

Инновационные юридические технологии разрабатываются, главным образом, учеными-юристами в рамках определенной правовой доктрины. Целью инновационных технологий является совершенствование существующих, а также разработка, обоснование и внедрение (апробация) новых механизмов правового регулирования. В итоге производится селекция наиболее оптимальных форм правового воздействия на общественные отношения. При положительной оценке практикой экспериментальной технологии, последняя через правовой опыт преобразуется в стабильную юридическую технологию.

По субъекту использования можно выделить общие юридические технологии и технологии, специфичные для отдельных субъектов: органов местного самоуправления, субъектов РФ, Российской Федерации в целом, а также международно-правовые технологии.

По форме нормативно-правового закрепления можно выделить: технологии, регламентированные нормативными актами (например, технология проведения следственных действий), и технологии, зафиксированные в деловых обыкновениях (например, технологии некоторых индивидуально-правовых договоров).

Можно выделить и другие виды юридических технологий, отражающих особенности создания тех или иных правовых актов и процесс правового регулирования общественных

отношений. Однако это требует целостного теоретического осмысления феномена правоприменительной технологии. Общими являются такие юридические технологии, которые обычно применяются в любой юридической деятельности. К ним можно отнести: технологию лоббирования [12], технологию работы с информацией, составляющей тайну [7], и т. д.

Представленные автором классификации и виды юридической технологии не являются исчерпывающими. Каждый из названных видов юридической технологии может рассматриваться как преобладающий, а может занять место дополнительного. На данном этапе развития наиболее востребованное назначение предложенных оснований классификации юридических технологий – это определение круга проблем, стоящих перед наукой, а также выделение направления ее дальнейшей разработки.

Представляется, что более рациональной является классификация юридической технологии в зависимости от видов юридической деятельности. Дело в том, что именно этот критерий позволяет сформировать принципиально автономные структурные композиции различных видовых технологий. С учетом этого базовой для данной работы является классификация юридической технологии на право творческую и правореализационную, в числе которой особо следует выделить правоприменительную.

Можно согласиться с В.Я. Колдиным, утверждающим, что «проблема технологического уровня правоприменения возникла не на пустом месте. Технологический уровень и качество правоприменительной деятельности, ее эффективность, прямо связанные с деятельностью всего государственного аппарата, имеют также прямую причинно-следственную связь с кризисом правовой реформы» [11, С. 89].

Правоприменительная технология как самостоятельный вид юридической технологии охарактеризована в трудах многих современных теоретиков права. Например, Н.А. Власенко различает помимо правоприменительной технологии нормотворческую, праворазъяснительную, систематизационную, научно-прикладную технологии и технологию подготовки и принятия индивидуальных актов [4, С. 9]. В.Н. Карташов и С.В. Бахвалов выделяют правотворческую, интерпретационную и правосистематизирующую технологии [3, С. 6; 8, С. 18]. Некоторые ученые включают технологию в структуру юридической техники, например, Т.В. Кашанина, которая по этому критерию выделяет также правотворческую технику, технику опубликования нормативных актов, технику систематизации нормативных актов, интерпретационную технику и правореализационную технику, которым соответствуют такие же виды технологий [9, С. 85]. Иначе говоря, автор «не расщепляет» технику и технологии в этих правовых ситуациях.

Применительно к классификации юридических технологий по видам юридической деятельности следует отметить, что В.Н. Карташов не просто выделяет в отдельный вид правоприменительную технологию, как делают другие ученые, а называет эту технологию «правоприменительной (правореализационной)». Но это не означает, что он включает в данный вид технологии, помимо правоприменения, еще технологии исполнения, использования и соблюдения права как разновидности правореализационных технологий.

Некоторые же ученые, например, С.С. Алексеев, Р.А. Ромашов, включают правоприменительную технологию в состав другой технологии, более объемной по содержанию.

Так, С.С. Алексеев, классифицируя юридическую технику (составным элементом которой является технология, как совокупность приемов использования юридико-технических средств) по видам создаваемых при помощи ее инструментария правовых

актов, выделяет всего два вида техники: законодательную (правотворческую) и технику индивидуальных актов [2, С. 272], в которую им и включается техника создания правоприменительных актов, то есть правоприменительная техника и технология.

В отличие от С.С. Алексеева, Р.А. Ромашов выделяет четыре основные, как пишет данный автор, «технологические конструкции права», к которым относит: технологии формально-юридического и социально-юридического правообразования и технологии регулятивной и охранительной правореализации. Основой его классификации, как и у приведенных выше ученых, являются виды обслуживания мой инструментарием юридической технологии юридической деятельности – правотворческая и правореализационная. При этом под технологией формально-юридического правообразования Р.А. Ромашов понимает исходное правообразование, выражающееся в принятии нормативного правового акта, а под социально-юридическим – производное правообразование, заключающееся в издании акта применения права [14, С. 85].

Следовательно, правоприменительную технологию он фактически рассматривает как составную часть правореализационных технологий, в структуру которых им включаются различные юридико-технологические средства, которые мы относим к составу правоприменительной технологии. Это «...приемы сбора и анализа фактических материалов, выбора нормы, подлежащей применению в данном конкретном случае, принятия правоприменительного решения и обеспечения реализации данного решения теми, кому оно адресовано» [14, С. 94]. Таким образом, этот автор просто перечисляет технологии, выделяемые некоторыми учеными в правовой науке как функциональные стадии правоприменения, последнюю из которых обычно в состав функциональных стадий не включают, а относят к процедурным стадиям.

Таким образом, выделяя правоприменительную технологию в качестве вида юридической технологии либо подвида правореализационной технологии (или технологии создания индивидуальных актов), признается возможность существования правоприменительной технологии в качестве самостоятельного образования, обладающего специфическими признаками и элементами, обособляющими ее в самостоятельную юридико-технологическую систему.

Все указанные выше разновидности правоприменительной технологии выделяются без специального обоснования критериев классификации и без подробных характеристик их структуры и особенностей.

Например, В.Н. Карташов после изложения своей основной приведенной выше видовой классификации юридической технологии указывает, что в составе юридической технологии могут быть созданы также «судебная, следственная, дознавательская... и т. п.» [8, С. 18] технологии, и этим ограничивается.

Критикуя его за неполноту этой классификации, критерием которой является субъект правоприменительной деятельности, Т.В. Кашанина, как нам представляется, прибегает практически к такому же способу изложения своей видовой классификации правоприменительных и других технологий. В частности, она пишет, что помимо перечисленных выше разновидностей юридической технологии, выделяемых В.Н. Карташовым, в этот перечень можно включить: «...технику проведения дознания, экспертизы, исполнения судебного решения, проведения работы по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних, заключения договоров, назначения пенсий, регистрации и выплаты пособий безработным, адвокатскую, нотариальную технику и др.» [10, С. 43].

Таким образом, Т.В. Кашаниной в один и тот же перечень включены подвиды различных видов юридической технологии (правоприменительной технологии, технологии использования и исполнения права), выделенные к тому же по различным классификационным критериям (по субъектному составу, по способу осуществления деятельности, по процедурным стадиям и др.).

Более последователен в разработке вопроса о видах правоприменительных (правореализационных) технологий Р.А. Ромашов. Он выделяет отдельную видовую группу технологии принятия правоприменительного решения, к которой, с его точки зрения, относятся технология подготовки проекта правоприменительного решения, технология принятия проекта правоприменительного решения, технология обеспечения реализации данного решения теми, кому оно адресовано.

По нашему мнению, в рамках правоприменительной деятельности, например, судов таких технологий быть не может ввиду урегулированной нормами соответствующих отраслевых процессуальных кодексов процедуры принятия правоприменительного решения (судебного акта). В частности, с учетом данной процедуры можно сделать вывод, что в рамках юрисдикционного правоприменения отсутствуют процессуальные формы, регламентирующие процедуру подготовки и принятия проекта правоприменительного акта. Итоговые правоприменительные акты принимаются судом в условиях тайны судебного совещания и объективируются вовне в качестве правоприменительных актов уже в полностью готовом виде либо в виде резолютивной части. Выделение же в правоприменительной процедуре отдельно технологии подготовки и принятия правоприменительных решений будет нарушением основополагающих требований процессуального законодательства. Своеобразный порядок подготовки проекта судебного акта помощником судьи и его рассмотрения судьей может быть закреплён только во внутреннем служебном документе, не имеющем процессуального характера и относящемся к сфере организации работы суда.

На основании изучения и анализа классификаций юридических технологий можно установить ряд существенных особенностей правоприменительной технологии, которые будут раскрыты в последующих главах диссертации.

Литература

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е.Р. Криминалистика / под ред. Р.С. Белкина. М., 2008.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
3. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
4. Власенко Н.А. Законодательная технология (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. Иркутск, 2001.
5. Вопленко Н.Н., Шириков А.С., Пишина С.Г. Законодательная техника и эффективность толкования права // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 353–358.
6. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5. Правосистематизирующая практика: Текст лекций. Ярославль, 1999.

7. Исаков В.Б. Современные информационные технологии в законотворчестве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001

8. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники: сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000.

9. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2007.

10. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008.

11. Колдин В.Я. Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. 2014. № 3. С. 89.

12. Любимов А.Л. Профессиональный лоббизм. Технологии лоббирования. М., 2008.

13. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2007.

14. Ромашов Р.А. Юридическая техника и юридическая технология: некоторые проблемы теоретического моделирования и практического внедрения // Юридическая техника: вопросы теории и практики: материалы межвузовской научно-технической конференции. Санкт-Петербург, 17 июля 2005 г. СПб., 2005.

15. Сырых В.М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей: в 2 т. / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2001. Т. 1. С. 15–16.

16. Червонюк В.К., Гойман-Калинский И.В. Согласование интересов как вид современных законодательных технологий // Государство и право. 2004. № 8. С. 31.

Kolesnik I.V. Pravoprimeritel'naja tehnologija v sisteme juridicheskikh tehnologij / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.

© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.

© Наука. Мысль, 2016.

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ²³

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

В отечественной, в том числе новейшей юридической литературе, предлагаются самые различные дефиниции правоприменительной техники и зачастую в них содержатся элементы технологии правореализации. «Под правоприменительной технологией, – отмечает П.А. Корж, – можно понимать совокупность теоретических положений, правовых требований, специальных приемов и средств для оформления и составления документов юридического процесса» [18, С. 37], исходя из того, что «правоприменительная техника – это юридико-технические ресурсы, направленные на эффективное применение правовых норм». В.Ф. Калина, озаглавив один из параграфов своего учебника для прикладного бакалавриата «Правоприменительная техника», предпочел избежать ее дефиниции, но в другом разделе книги предложил определение правореализационной техники как «совокупность способов и средств, с помощью которых осуществляется документальное оформление и осуществление права» [15, С. 156]. Некоторые исследователи вместо определения понятия дают перечисление ее составляющих: «правоприменительная техника включает в себя:

- правила оформления и построения правоприменительных актов;
- способы легализации правовых документов;
- способы разрешения коллизий в праве и преодоления пробельности;
- способы процедурно-процессуального оформления юридической практики» [29, С. 113].

Выделение правоприменительной технологии в качестве вида юридической деятельности дает возможность признать существование правоприменительной технологии как сложного юридического процесса, обладающего специфическими признаками и элементами, обособляющими ее в самостоятельную юридико-технологическую систему. Особенности правоприменительной технологии как разновидности юридической технологии позволяют сформулировать определение понятия «правоприменительная технология». Правоприменительная технология представляет собой систему организационно-процедурных требований, приемов, правил и

²³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

оформляющих их знаний об оптимальном использовании юридико-технических средств, в рамках определенных стратегии, тактики, методов, способов, принципов, используемых в деятельности по применению правовых норм для достижения социально полезной цели. При этом технология применения права на каждом таком этапе, стадии отличается специфическим набором юридико-технических средств, используемых в целях достижения задач конкретной стадии.

Понятие «юридико-технические средства» дает возможность обобщить все те явления (инструменты и процессы), которые должны обеспечивать достижение поставленных целей. Представляется, что главное в теории юридических средств – это то, «какие социальные задачи эти правовые механизмы могут решать, где и в каком порядке их можно использовать в практической правовой деятельности для достижения социально значимых результатов» [23, С. 20; 24, С. 74].

Данная категория связывает идеальное (цель) с реальным (результат), включая одновременно как фрагменты идеального – инструменты, так и фрагменты реального – технологию. Именно в этой плоскости названные разнородные юридические феномены можно рассматривать в качестве средств, именно в этом срезе правовой жизни они приобретают особые свойства – свойства явлений, действующих в связке «цель – средство – результат» [20, С. 17]. В системе детерминант правовой активности юридические средства имеют особое значение, и их недооценка крайне отрицательно сказывается на эффективности механизма действия права [9, С. 119].

В юридической науке понятие «средство» употребляется в самых разных значениях: его используют и в отношении к праву в целом [26], и в отношении к многообразным режимам правового регулирования, элементам его механизма [2; 4, С. 217-223]. В свою очередь и сам термин «правовые средства» имеет известную неопределенность. Кроме того, в подавляющем большинстве научных работ термины «правовые средства» и «юридические средства» употребляются как взаимозаменяющие, равнозначные. В рамках данной работы также не считаем нужным проводить между ними различия.

Категория «правовые средства» позволяет определить роль и место различных юридических явлений в реализации интересов субъектов в процессе правового упорядочения. Правовые средства, являясь элементами механизма правового регулирования, иллюстрируют его как логически завершенную систему. «Механизм правового регулирования – это технологическая схема правового регулирования. Зная механизм правового регулирования, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе. А значит, он в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев» [14, С. 266].

Основываясь на изложенном, и с учетом теоретических и практических аспектов явления, представляется целесообразным сформулировать определение юридико-технических средств как правовых явлений, выражающихся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей.

Выше было сказано, что юридические средства призваны связывать цель и результат. Этимологически термин «средство» происходит от слова «средний», «серединный». Средство, таким образом, является связующим звеном между субъектом и объектом, между идеальной, мысленной моделью и материальным результатом. Поэтому

юридические средства, выступая специфическим посредником, с неизбежностью включают в себя как фрагменты идеального, так и фрагменты реального [16, С. 249].

Фрагменты идеального – это инструменты, средства-установления, в качестве которых выступают субъективные права, обязанности, льготы, запреты, поощрения, наказания и т. д. Фрагменты реального – это технология, средства деяния, направленные на использование инструментов, и, прежде всего, акты реализации прав и обязанностей.

В юридической литературе правовые средства рассматриваются только как сугубо субстанциональные феномены [4; 9, С. 120; 19, С. 329; 23, С. 18]. На наш взгляд, данная точка зрения отражает только часть истины. Дело в том, что внимание только на инструментальную сторону понимания юридических средств и при игнорировании технологичности средств-деяний не позволяет полноценно учитывать все те факторы, при помощи которых можно достичь поставленных целей. По нашему убеждению, результат невозможно получить только посредством субстанциональных явлений, которые автоматически не приводят к нужному эффекту. Требуются действия, поступки, операции (система действий), деяния, усилия, активность, связанные с использованием предоставленного законодательством правовых инструментов.

Таким образом, правовые средства, включающие в себя правовые инструменты, начинают работать в рамках соответствующих правовых технологий.

К технологиям в этой связи можно отнести акты реализации прав и обязанностей, являющиеся самостоятельными элементами механизма правового регулирования. Таким образом, практически вся юридическая деятельность – правотворческая, интерпретационная, правоприменительная – охватывается соответствующими разновидностями юридических технологий. К примеру, правотворческий орган, принимая нормативные документы, реализует тем самым соответствующие права и обязанности, которыми наделен. Аналогичное можно сказать и об иных видах юридической деятельности, стержнем которых выступают акты реализации прав и обязанностей, а результатом являются иные правовые акты – правоприменительные, интерпретационные и др. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что правоприменительную деятельность как элемент механизма правового регулирования, можно с полным основанием характеризовать и как соответствующие технологии. Правоприменительная деятельность, «вооруженная» своими технологиями, как бы «внедряет» в механизм реализации права соответствующие правовые средства и при необходимости устраняет препятствия в использовании субъективных прав обеспечивать использование субъективных прав и соблюдение юридических обязанностей, устраняет дефекты в деятельности по использованию правовых средств и др.

Полагаем, что для уяснения сущности обосновываемой нами концепции правоприменительной технологии имеет важное значение вопрос о соотношении правоприменительной технологии с правоприменительным процессом и процедурой. Так, правоприменительную технологию с правоприменительной процедурой, процессом отождествляет Н.Н. Волпенко, который во введении к своему исследованию, посвященному проблемам применения права в контексте законности, пишет: «Режим законности правоприменения в значительной мере обусловлен особенностями «технологии» – процедуры правоприменительной деятельности. Именно поэтому в работе большое внимание уделяется правоприменительному процессу, анализу составляющих его элементов» [8, С. 8].

Являясь по своему социальному содержанию и назначению одной из разновидностей социального управления, применение права по некоторым своим чертам близко к правотворчеству, что также накладывает отпечаток на механизм его осуществления. Это, как полагает О.В. Хусаинова, объясняет, почему такие широко употребляемые понятия, как «применение права», «правоприменительная деятельность» и «правоприменительный процесс», отражают как общие, так и особо специфические черты и свойства, которые присущи государственно-властной реализации права [27, С. 13].

В юридической литературе не всегда проводится грань между данными понятиями, и, как следствие, они зачастую применяются в качестве синонимов. По мнению Н.Г. Колотова, проанализировавшего эти понятия с позиции философских категорий «сущность», «содержание» и «форма», термин «применение права» выражает сущность данного вида реализации права, «правоприменительная деятельность» – его содержание, а «правоприменительный процесс» – форму [17, С. 8].

Более конкретно высказался Н.Н. Вопленко, утверждающий, что термин «применение права» выражает специфику данной формы реализации права во множестве других форм его осуществления, а понятие «правоприменительный процесс» отражает основные моменты, организационную сторону и последовательность правоприменительной деятельности, раскрывая его внутреннюю динамику. Главным моментом в понимании и познании сущности правоприменительного процесса являются организационно-правовые отношения, которые и составляют его содержание. А потому как эти отношения носят характер властной реализации правовых предписаний, в правовом регулировании правоприменения используется система специальных юридических приемов и средств, которые обеспечивают точность перевода велений государства на уровень индивидуальных правовых предписаний [8, С. 32].

Система средств и приемов обеспечения надлежащей реализации закона представляет собой многообразные нормативно-правовые, организационно-управленческие, информационно-познавательные и иные компоненты. И, как представляется, именно поэтому в совокупности понятия «применение права», «правоприменительная деятельность» и «правоприменительный процесс» на уровне их общетеоретической абстракции интегрированно отражают как статическую, так и динамическую стороны данного социального явления.

Как отмечает Н.Н. Вопленко, «...в структуре правоприменительной деятельности можно выделить два вида или два «пласта» общественных отношений – организационные и организуемые» [8, С. 37].

При этом в качестве «организуемых» в рамках правоприменительной деятельности выступают отношения материально-правового характера, то есть отношения адресатов правоприменительного акта, характеризующие действия непосредственных носителей прав и обязанностей, для обеспечения которых потребовалось вмешательство компетентных органов или уполномоченных должностных лиц, а в рамках организуемых – процессуально-процедурные отношения [22, С. 62].

Соответственно, на основе выявленной ранее сущности юридической технологии можно сделать вывод о том, что особенности этой технологии определяются именно спецификой организационных отношений, которые, по мнению В.М. Горшенева и П.Е. Недбайло, отличаются от «организуемых» тем, что, «...во-первых, имеют вспомогательный, служебный характер во взаимоотношениях с «организуемыми» отношениями; во-вторых, <...> складываются не ради осуществления своих интересов, а

ради реализации «чужого интереса», заложенного в «организуемых» отношениях; в-третьих, <...> обычно имеют иной состав участников, нежели состав участников, связанных с ними «организуемых» отношений» [11, С. 32].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что правоприменительная технология не может быть признана понятием, идентичным правоприменительному процессу, как в целом, так и отдельным ее составляющим.

Правоприменительная технология как системное саморегулируемое образование научно-прикладного характера не ограничивается только юридическими средствами, способствующими применению права. В рамках технологии также создается и совершенствуется юридико-технологическое знание об этих средствах, в связи с чем содержание правоприменительной технологии гораздо объемнее правоприменительного процесса в целом и его формирующей стороны в частности.

Выявленные особенности правоприменительной технологии и ее соотношение с правоприменительным процессом сказываются и на структурной организации этого вида юридической технологии.

В частности, как отмечалось, для формирующей части правоприменительного процесса, составляющей нормативную основу правоприменительной технологии, характерна жесткая процессуальная форма, под которой понимается закрепленный нормами процессуального права соответствующего вида порядок осуществления процессуальных действий [12, С. 30].

При этом следует указать, что правоприменительная деятельность, в отличие от деятельности правотворческой, имеет более детально регламентированную процессуальную форму, которая традиционно указывается учеными-теоретиками в качестве одного из существенных признаков этого вида юридической деятельности. Например, процессуальная форма, подразумевающая жесткую процедурно-процессуальную регламентацию совершения действий по применению права, указывается в числе конституирующих признаков правоприменительной деятельности С.С. Алексеевым, Н.Н. Вопленко, И.Я. Дюрягиным, Н.И. Матузовым, А.В. Малько, А.П. Рожновым, А.С. Тверитиным, О.Я. Чвановым и другими учеными [1, С. 150; 6, С. 72-73; 7, С. 21; 13, С. 81; 19; 21; 25, С. 5-6; 28, С. 36]2.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что применение права представляет собой реализацию императивных государственно-властных предписаний, в связи с чем от субъектов правоприменительной деятельности требуется неукоснительная точность в интерпретации заключенной в нормах права воли законодателя в правоприменительной практике и в воплощении ее в принимаемом по итогам деятельности правоприменительном акте. В случае же деформации нормативного правового предписания на уровне правоприменения нарушается режим законности в государстве.

По нашему мнению, именно эта специфическая особенность формирующей части правоприменительного юридического процесса и обуславливает своеобразие правоприменительной технологии, так как процессуальные формы правоприменительной деятельности по своей сущности очень близки к юридико-технологическим средствам, сконцентрированным в рамках правоприменительной технологии. Этот вывод вытекает из того, что процессуальные формы фактически содержат в себе принципы развития процессуальной деятельности во времени, совокупность внутренне единых правил, организующих внутренне однородные организационные процессуальные действия и

обусловливающих своеобразие этой деятельности по рассмотрению и разрешению однородных юридических дел.

При этом учеными в рамках гражданского процесса выделяются следующие процессуальные формы правоприменительного процесса: процессуальные производства, процессуальные режимы, процессуальные стадии. В этих процессуальных формах сосредоточена совокупность необходимых и однородных по содержанию требований, предъявляемых к действиям участников процесса в целях оптимизации достижения результатов правоприменительной деятельности [8, С. 62-72]. В отраслевых процессуальных науках вопросы о сущности и содержании перечисленных выше процессуальных форм до сих пор дискутируются.

Так, процессуальные стадии определяются и как логически взаимосвязанные и последовательно развивающиеся этапы правоприменительной деятельности [8, С. 56], и как относительно обособленные группы правоприменительных действий (операций), выражающие развертывание содержания правоприменительной деятельности [3, С. 232].

Некоторые ученые также предлагают разделять эти стадии на функциональные, которые раскрывают процесс функционирования правосознания правоприменителя по решению стоящей перед ним задачи рассмотрения и разрешения юридического дела, и на процедурные, которые представляют собой совокупность ряда процессуальных правоотношений, объединенных ближайшей процессуальной целью [8, С. 57-58]. В науке до сих пор не завершена дискуссия о количестве и содержании этих стадий.

В отличие от процессуальных (функциональных и процедурных) стадий, которые, несмотря на споры о понятии, содержании, количестве, все же признаются подавляющим большинством ученых как форма процесса, в науке до сих пор нет главенствующего мнения по вопросу о том, а существуют ли вообще как самостоятельные формы процесса процессуальные режимы и процессуальные производства. Выделивший их в качестве относительно самостоятельных элементов юридической процессуальной формы и давший им определения В.М. Горшенев указывал, что, по его мнению, «...процессуальное производство – это составной элемент процессуальной формы, характеризующий расчлененность юридического процесса по предметному основанию и отражающий объективную потребность общественного разделения труда, профессиональной специализации деятельности участников юридического процесса» [10, С. 10]. В свою очередь, «...процессуальный режим – это атмосфера процессуальной деятельности, совокупность требований, обеспечивающих обстановку целесообразного благоприятствования для оптимального осуществления действий всех участников юридического процесса» [10, С. 11].

Процессуальный режим и процессуальное производство являются парными категориями, находящимися в единстве и взаимосвязи. Если производство характеризует в основном внешнее строение процессуальных отношений, то режим раскрывает внутреннюю систему требований, в соответствии с которыми осуществляется правоприменительная деятельность. В совокупности же данные юридические конструкции обеспечивают основанный на законности и целесообразности единый порядок рассмотрения однородных юридических дел [8, С. 72]. Таким образом, процессуальная форма является дополнительным структурным элементом правоприменительной технологии, который отсутствует в структуре других правоосуществительных технологий и менее развернут по объему в технологии правотворческой, в составе которой этот структурный элемент все же выделяется некоторыми учеными. Например,

процессуальные стадии, процессуальные производства и процессуальные режимы названы составляющими внутренней формы законодательной технологии С.В. Бахваловым [5, С. 7-8]2. Правоприменительная технология как системное саморегулируемое образование научно-прикладного характера не ограничивается только использованием в определенных рамках юридико-технических средств, сюда же включается знание об этих средствах и способах их использования, в связи с чем содержание правоприменительной технологии гораздо объемнее правоприменительного процесса в целом и его формирующей стороны в частности. Правоприменительная технология не может быть идентичной правоприменительному процессу как в целом, так и отдельным ее компонентам. Для правоприменительного процесса характерна жесткая процессуальная форма как закрепленный нормами процессуального права порядок осуществления процессуальных действий. Поэтому процессуальная форма является дополнительным признаком правоприменительной технологии. Иначе, правоприменительная технология включает в свое содержание процессуальную форму.

Выявленные особенности правоприменительной технологии в ее соотношении с правоприменительным процессом сказываются и на структурной организации этого вида правоприменительной технологии.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что применение права представляет собой реализацию императивных государственно-властных предписаний, в связи с чем от субъектов правоприменительной деятельности требуется неукоснительная точность в интерпретации заключенной в нормах права воли законодателя в правоприменительной практике и в воплощении ее в принимаемом по итогам деятельности правоприменительном акте. В случае же деформации нормативного правового предписания на уровне правоприменения нарушается режим законности в государстве.

По нашему мнению, именно эта специфическая особенность формирующей части правоприменительного юридического процесса и обуславливает своеобразие правоприменительной технологии, так как процессуальные формы правоприменительной технологии. Этот вывод вытекает из того, что процессуальные формы фактически содержат в себе принципы развития процессуальной деятельности во времени, совокупность внутренне единых правил, организующих внутренне однородные организационные процессуальные действия и обуславливающих своеобразие этой деятельности по рассмотрению и разрешению однородных юридических дел. Таким образом, процессуальная форма также является сущностным признаком правоприменительной технологии.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1996.
2. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. М., 1981. Т. 2.
4. Алексеев С.С. Теория права. 2-е изд. М., 1995.
5. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
6. Вопленко Н.Н., Рожнов А.П.. Правоприменительная практика: понятие, основные черты и функции. Волгоград, 2004.

7. Вопленко Н.Н. Реализация права: учебное пособие. Волгоград, 2001.
8. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
9. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ). М., 2002.
10. Горшенев В.М. Некоторые методологические проблемы теории юридического процесса // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности в СССР. Ярославль, 1977.
11. Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. М., 1976.
12. Гражданское процессуальное право / под ред. М.С. Шакарян. М., 2004.
13. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Теоретические вопросы. Свердловск, 1973.
14. Исаков В.Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С.С. Алексеева. М., 1987.
15. Калина В.Ф. Юридическая техника. М., 2014.
16. Категов А.С. Механизм применения права и правовая система современной России (теоретико-методологический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
17. Колотов Н.Г. Принятие решения как стадия процесса применения норм права: автореф. дис... канд. юрид. наук. Свердловск, 1980.
18. Корж П.А. Юридическая техника: учебное пособие. Пермь, 2014.
19. Малько А.В. Проблемы правовых средств // Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2007.
20. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: в 2 т. М., 2008. Т. 2: Право.
21. Матузов Н.И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. 2001. № 10. С. 5–13.
22. Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991.
23. Сапун В.А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории. Владивосток, 1992.
24. Сапун В.А. Теория правовых средств и механизм реализации права. СПб., 2002.
25. Тверитин С.А. Правоприменение как особая форма реализации права: лекция. Домодедово, 2002.
26. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. М., 1988.
27. Хусаинова О.В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
28. Чванов О.А. Механизм правоприменения: дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 1995.
29. Юридическая техника: словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. М., 2014.

Kolesnik I.V. Ponjatie i priznaki pravoprimenitel'noj tehnologii / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

СТРУКТУРА ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ²⁴

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Правоприменительные технологии имеют сложное строение и в различных видах юридической деятельности могут проявляться различным образом. В то же время, поскольку все возможные варианты юридических технологий имеют одинаковые сущностные признаки, полагаем целесообразным рассмотреть правоприменительную технологию как разновидность юридических конструкций.

Следует отметить, что, поскольку в теории права проблематика правоприменительной технологии исследовалась в гораздо меньшем объеме, чем вопросы техники и технологии законотворчества, определения понятия правоприменительной технологии в научной литературе встречаются очень редко и зачастую их можно сконструировать только путем интерпретации предлагаемого тем или иным ученым определения юридической (или законодательной) технологии с учетом специфики правоприменительной деятельности.

Необходимо отметить, что для юридической науки термин «юридическая конструкция» не является новым. Целая правоведческая школа – школа конструктивной юриспруденции (вторая половина XIX века) – определяла юридическую конструкцию как одно из главных средств, которое использует правовая наука, в частности, при восполнении пробелов в праве. Выдающимся представителем данной школы является Р. Иеринг, называвший толкование низшей юриспруденцией, противопоставляя ей высшую – анализ, конструкцию и систематизацию юридических отношений [14, С. 63-71].

Русские дореволюционные юристы также занимались проблемами юридических конструкций. Так, Н.М. Коркунов отмечал: «Если бы изучение права ограничивалось одним толкованием, то не только юристам каждого отдельного государства, но даже каждому новому поколению юристов одной и той же страны приходилось бы начинать дело изучения сызнова, так как законы нередко меняются быстрее людских поколений...» [23, С. 348]. И далее автор пишет: «Между тем, несмотря на разнообразие и изменчивость права, в нем есть и постоянные или, по крайней мере, более устойчивые элементы, не меняющиеся с каждой переменной законодательных определений. Юридическая

²⁴ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

нормировка отношений меняется гораздо быстрее и легче, чем сами отношения и их основные элементы. Поэтому если за основу изучения права принять не нормы юридические, как это бывает при толковании, а юридические отношения, то получаются более прочные и устойчивые выводы» [23, С. 348-349].

Н.М. Коркунов был категорически не согласен с утверждением С.А. Муромцева в том, что прием юридической конструкции является только «особенностью юридического воззрения» [23, С. 349-350]. Он определял конструкции как общенаучный метод, который присущ как естественным, так и общественным наукам. В качестве примера Н.М. Коркунов приводит конструкции из сферы астрономии и кристаллографии: «Совершенно такое же не только практическое, но и научное значение имеет и юридическая конструкция. Между ней и конструкциями, например, астрономическими и кристаллографическими нет принципиального различия» [23, С. 350-353].

Термин «юридическая конструкция», как полагает Т.А. Доценко, в современной юридической науке понимается неоднозначно [10, С. 317]. Так, одни авторы отождествляют юридическую конструкцию с логической дедукцией [37, С. 73], другие – с теоретическими положениями [29], третьи – со способом регулирования общественных отношений [12], четвертые раскрывают юридические конструкции как средство юридической техники [3, С. 275] и т. д.

Несомненно, что огромный вклад в определение сущности и содержания юридических конструкций, их значения в исследовании теории права, в нормотворческой и правоприменительной деятельности был внесен А.Ф. Черданцевым. По его утверждению, «юридическая конструкция представляет собой идеальную модель, отражающую сложное структурное строение урегулированных правом общественных отношений, юридических фактов или их элементов» [40, С. 131]. Далее А.Ф. Черданцев пишет: «Юридическая конструкция, во-первых, служит формой отражения действительности, является упрощенным, огрубленным образом общественных отношений, урегулированных правом. Во-вторых, юридическая конструкция создается в результате абстракции...» [42].

Следует согласиться с Р. Лукичем, полагающим, что «создание конструкций (в праве, как и в других отраслях науки) – трудное, ответственное и опасное дело...» [26, С. 278]. «Трудным оно является потому, что необходимо найти лучший способ понимания и отражения чрезвычайно сложной правовой реальности; ответственным и опасным потому, что последствия недоброкачественных или излишних конструкций могут оказаться весьма тяжелыми» [26, С. 278-279].

Конструкция должна соответствовать своему предназначению и, по утверждению К.М. Коркунова, она должна удовлетворять определенным условиям. «Первое из этих условий, – пишет автор, – условие полноты. Конструкция должна покрывать все возможные частные случаи. И все они должны укладываться в рамках. Второе условие – условие последовательности. Правильная конструкция должна быть последовательна и притом в двояком отношении. Сама она не должна составлять исключения из общих юридических положений, а должна быть согласована с ними. Кроме того, конструкция должна быть такова, чтобы решение всех частных вопросов, относящихся к данному отношению, получалось бы как необходимый логический вывод. И, в-третьих, конструкция должна быть естественной и простой. Потому что сложная или неестественная конструкция не облегчит, а затруднит понимание» [23, С. 353-354].

Рассматривая виды юридических конструкций, следует согласиться с мнением А.Ф. Черданцева, который выделяет нормативные юридические конструкции, выраженные в

нормах права, и теоретические, применяемые правовой наукой в качестве метода познания права [40, С. 150]. Но, по нашему убеждению, как таковой, грани между нормативной и теоретической конструкциями, которая бы резко отделяла одну от другой, не существует. Юридическая наука изучает нормы права, а, следовательно, и нормативные юридические конструкции, которые выражены и закреплены в нормах права.

Исследуя конструкции, определяя их недостатки, юридическая наука дает предложения с целью их развития и совершенствования, а также разрабатывает новые конструкции, более адекватно отражающие регулируемые правом отношения, лучше отвечающие интересам государства на том или ином этапе развития общества. Использование совершенных юридических конструкций законодателем, в свою очередь, ведет к совершенствованию законодательства.

Справедливо отметил Р. Лукич: «Правовая конструкция создается путем выделения из правовых понятий низшего порядка того общего, что присуще им в качестве таковых. Тем самым конструируется новое понятие, охватывающее все понятия низшего порядка, из которых оно создано; при этом обычно выявляется главное во всех этих понятиях, их основная идея, и таким образом глубже постигается их сущность, а соответствующие нормы лучше увязываются в одно целое» [26, С. 276].

Создание конструкций преследует цель поиска лучшего способа понимания и отражения в норме права чрезвычайно сложной правовой реальности. Конструкция должна точно и наиболее полно охватывать те нормы права, из которых она выводится и средством создания которых является.

Таким образом, юридические конструкции представляют собой комплексы правовых средств, которые образуют типизированные модели, соответствующие своеобразной разновидности общественных отношений. Весьма важным является выявление особенностей юридических конструкций в различных видах юридической деятельности и в правоприменении.

По нашему мнению, структура правоприменительной технологии включает следующие элементы: правоприменительная стратегия и тактика, методы и способы, правила и приемы, а также дополнительный элемент – процессуальную форму, состоящую из процессуальных производств, режимов и стадий. Приведенный инструментарий правоприменительной технологии основан на использовании комплекса юридико-технологических средств, подбор которых осуществляется непосредственно субъектом правоприменения с учетом особенностей конкретного правоприменительного казуса.

По вопросу структуры юридической технологии, и соответственно структуры правоприменительной технологии, единства мнений в отечественной правовой доктрине не сложилось. Например, Н.А. Власенко выделяет только один юридико-технологический элемент – порядок применения средств, методов и приемов подготовки и принятия итоговых юридических решений – соответственно, средства, методы и приемы рассматриваются им в структуре юридической техники [6, С. 6-9].

К.Н. Княгинин включает в структуру юридической технологии приемы и способы использования средств юридической техники и знаний об этих приемах и способах и выводит юридико-технические средства за рамки технологии, позиционируя технику и технологию в качестве параллельных образований [20, С. 3-4]. Составители (А.В. Малько, М.А. Костенко, В.В. Яровая) одного из самых современных словарей-справочников «Юридическая техника» полагают, что «Правоприменительная техника включает в себя:

– правила оформления и построения правоприменительных актов;

– способы легализации правовых документов;
– способы разрешения коллизий в праве и преодоления пробельности;
– способы процедурно-процессуального оформления юридической практики» [44, С. 113].

В.Н. Карташов, в отличие от указанных ученых, вводит в состав структуры юридической технологии дополнительные элементы, позволяющие отойти от понимания технологии исключительно как механизма использования юридической техники. Он выделяет в юридической технологии семь элементов:

«1) юридическую технику, как совокупность средств юридической деятельности; 2) юридическую тактику как систему приемов, способов и методов оптимальной юридической деятельности; 3) юридическую стратегию – научно обоснованные принципы, долгосрочные планы, прогнозы и методы деятельности; 4) сами действия и операции по разработке, принятию и обнародованию (опубликованию) правовых решений (актов); процессуальные формы деятельности (юридические стадии, производства режимы); показатели, характеризующие качество и эффективность юридической деятельности, а также временные, финансовые и иные затраты на эту деятельность; 7) соответствующие виды, формы, средства и методы контроля и надзора за законностью, качеством и эффективностью принимаемых юридических решений (актов)» [17, С. 22].

Представляется, что избранный В.Н. Карташовым вариант решения оптимален, поскольку такое видение содержания юридической технологии более всего отвечает ее сущности как единого комплексного института, использование структурных элементов которого в юридической деятельности должно способствовать повышению ее эффективности и качества. Отметим, что данным ученым, с нашей точки зрения, в структуру юридической технологии включены заимствованные из криминалистики и преобразованные с учетом специфических особенностей технологии такие понятия как «тактика» и «стратегия».

Вместе с тем, при рассмотрении вопроса о соотношении юридической технологии и юридической деятельности, включая в содержание юридической технологии, с одной стороны, средства, приемы, способы и методы осуществления оптимальной юридической деятельности, а с другой стороны – непосредственно осуществляемые при помощи указанных средств, приемов, способов и методов действия и операции, В.Н. Карташов тем самым фактически отождествляет юридическую технологию с юридической деятельностью.

Также представляется не совсем оправданным включение в состав юридической технологии элементов, напрямую не относящихся к процессу осуществления юридической деятельности, – показателей, характеризующих качество юридической деятельности, затрат на эту деятельность, элементов контроля за итоговыми юридическими актами.

Вопрос о содержании юридической технологии может быть основан на сопоставлении вариантов «наборов» элементов, представленных Н.А. Власенко, К.Н. Княгининым, В.Н. Карташовым, А.Н. Мироновым, И.В. Колесник и А.Н. Илясовым. Сопоставление позиций названных ученых по вопросу содержания юридических технологий наглядно представлено в табличной форме.

**Элементы структуры юридической технологии:
сопоставление позиций некоторых авторов**

Княгинин К.Н. ²⁵	Власенко Н.А. ²⁶	Илясов А.Н. ²⁷	Колесник И.В. ²⁸	Карташов В.Н. ²⁹	Миронов А.Н. ³⁰
–	Средства				Субъект
–	Методы			–	Объект
–	–	–	Тактика		
–	–	–	Стратегия		
–	–	Правила		Процессу- альные формы	Техника
–	–	Принципы	Действия и операции (производство по принятию акта)		
Приемы		–	Приемы	Показатели (критерии) эффективности	
Способы	–	–	Способы	Виды, формы, средства и методы контроля и надзора (условия и факторы) эффективности	

Исходя из приведенной выше таблицы, полагаем, что элементами юридической технологии являются следующие:

- юрико-технологическая стратегия,

²⁵ Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991. С. 3–4.

²⁶ Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997. С. 6–9.

²⁷ Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 92.

²⁸ Колесник И.В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной тех-нологии в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. С. 62.

²⁹ Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологи-ческие аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12–13.

³⁰ Миронов А.Н. Юридическая технология нормативных правовых актов: монография. Уфа, 2008. С. 19.

- юридикo-технологическая тактика;
- юридикo-технологические методы и способы;
- юридикo-технологические правила и приемы.

Прежде чем говорить о каждом из структурных элементов правоприменительной технологии, следует отметить, что юридикo-технические средства достаточно подробно и качественно изучены в рамках проводимых исследований юридической техники (В.М. Баранов, В.Н. Карташов, М.Л. Давыдова, Т.А. Кашанина и др.). Повторное исследование их сущности и предназначения вряд ли оправдано, однако обосновать их с позиции технологичности правоприменения все же стоит. Так, общая структура входящих в состав правоприменительной технологии юридикo-технических средств аналогична той, которая присутствует во всех других разновидностях юридической деятельности – это термины и понятия, юридические конструкции, презумпции, фикции и т. п. Эти средства могут быть классифицированы по различным критериям: по их предметно-физическим характеристикам, по разновидностям правоприменительной деятельности, при осуществлении которой они применяются, по режиму использования, по источнику происхождения и т. д.

При этом наиболее общим практически для всех видов технологий является состав общесоциальных средств, включающий языковые, логические, терминологические, лингвистические и другие подобные средства, применяемые при создании различных правовых актов и документов, которые в разных видах юридической деятельности создаются при помощи одних и тех же общесоциальных средств, объединяющих в себе такие средства, как язык, единицами которого являются знаки, языковые единицы, понятия, суждения, социальные нормы и т. п. Эта система общесоциальных средств используется и в правоприменительной технологии.

Более специфичен состав средств, объединяемых в группе специально-юридические, что обусловлено юридикo-правовой спецификой каждого отдельного вида и подвида юридической деятельности. Каждый вид и подвид юридической деятельности регламентируется специальным законодательством, имеющим свои специфические юридические понятия, термины, конструкции, правовые предписания, акты и иные правовые явления, выработанные наукой и практикой соответствующей отрасли права. Все это говорит о том, что состав специально-юридических средств, используемых в правоприменительной технологии, так же максимально широк и определяется отраслевым законодательством. Например, специально-юридические средства, используемые в деятельности гражданских и арбитражных судов, состоят из юридических понятий и терминов, устанавливаемых в гражданском, административном и уголовном законодательстве; правовых предписаний, содержащихся в отраслевых законах; рекомендаций вышестоящих судебных инстанций и обычаев, сформированных в процессе осуществления правоприменения.

По своему содержанию особенностями обладают объединяемые в составе технологии материально-технические средства, состав которых определяется спецификой осуществления того или иного вида юридической деятельности. К материально-техническим средствам, используемым в правоприменительной технологии, можно отнести разнообразные технические приспособления, приборы, инструменты, вещества, способствующие осуществлению юридической деятельности.

Относительно таких элементов правоприменительной технологии, как юридикo-технологические стратегия и тактика, следует отметить, что их содержание определяется

спецификой, задачами и целями правоприменительной деятельности вообще и ее отдельных видов. В связи с этим следует вести речь и о необходимости разработки стратегии и тактики каждой стадии правоприменительной деятельности в зависимости от стоящих перед субъектом правоприменения задач, определяемых спецификой конкретного юридического факта.

Существуют общие требования к стратегическим и тактическим планам, определяющим последовательность и содержание деятельности субъекта права. Эти планы должны отвечать ряду критериев. Во-первых, они должны строиться с учетом целей правоприменительной деятельности, достижение которой обеспечивается минимальными затратами, в кратчайший срок и при использовании оптимально необходимого технологического инструментария (средств, правил, приемов и способов юридической технологии). Во-вторых, они должны складываться из этапов реально выполнимой физической или интеллектуально-волевой деятельности и содержать набор юридико-технологических средств, доступных конкретному субъекту правоприменительной деятельности в конкретной правореализационной ситуации, быть способным развертываться в динамике, с учетом стадий соответствующей деятельности и их прохождения во времени.

Такие структурные элементы правоприменительной технологии, как технологические правоприменительные методы, способы по своей сути являются родственными понятиями, различающимися по объему обобщения и охвата массива юридической деятельности.

С учетом направленности предмета регулирования этого элемента юридической технологии можно выделить способы, приемы, правила и методы использования средств юридической техники и отдельно – способы, приемы, правила и методы осуществления юридической деятельности/

Необходимость выделения в структуре юридической технологии первой совокупности юридико-технологических средств обусловлена тем, что одни и те же юридические технические средства могут быть по-разному применены в юридической деятельности.

К примеру, такое юридико-техническое средство, как компьютер, может использоваться как разновидность печатной машинки – для изготовления текстов судебных актов; как приспособление, которое позволяет извлекать необходимую аналитическую, нормативную и судебно-практическую информацию из различных справочно-информационных систем таких как «Гарант», «Консультант Плюс», «Кодекс» и т. д., а также из Интернета в целях определенной помощи интеллектуально-волевой деятельности правоприменителя при рассмотрении дела; в качестве механизма воспроизведения аудио-, видеозаписей, содержащих информацию, имеющую существенное значение по делу; как накопитель аналитической информации по итогам осуществления правоприменительной деятельности; как средство реализации программы «Электронное правосудие», которая в настоящий момент введена в том числе в судах в рамках Федеральной целевой программы «Электронная Россия».

При судебном разбирательстве непосредственно могут быть применены современные телекоммуникационные технологии. Например, для обеспечения возможности участия в процессе лиц, которые находятся в отдаленных населенных пунктах России и не имеют развитого сообщения с городами, где расположены арбитражные суды, при проведении судебного заседания может быть использована система видеосвязи.

Внедрение данных систем влечет за собой необходимость разработки новых способов и правил использования правоприменительных средств.

Таким образом, приведенный выше инструментарий правоприменительной технологии включает комплекс юридико-технологических средств, подбор которых осуществляется непосредственно субъектом правоприменения с учетом особенностей конкретного правоприменительного казуса.

Более индивидуален по своему содержанию состав включаемых в правоприменительную технологию правоприменительных технологических правил, так как в них отражаются закономерности, определяемые спецификой осуществления деятельности по применению права компетентными органами. Причем эти правила различаются даже внутри правоприменительной технологии – по ее видам. Некоторые из этих правил в силу своей универсальности или особого значения для всей юридической деятельности в целом получают свое закрепление в нормативных правовых актах. Например, правила сбора и оценки доказательств, процедурные правила принятия решения судом и др.

Однако даже в таком специфическом элементе правоприменительной технологии все же существуют две группы технологических правил, которые сравнительно одинаковы во всех видах правоприменительной технологии.

В первую группу входят правила составления текстов правоприменительных актов, которые включают различные логические и языковые правила, схожие для всех видов правоприменения. Соответственно, в состав этой группы входят и правила специфические, которые не могут быть использованы всеми правоприменителями (например, судьей, комиссией по делам несовершеннолетних и др.). Это, например, формально-реквизитные и структурные правила составления правовых актов.

Ко второй группе относятся процедурные правила, применяемые при принятии правоприменительных решений (актов), в числе которых имеются общие правила, определяемые спецификой режима осуществления правоприменительной деятельности.

Что касается приемов правоприменительных технологий, то они особенно близки и по содержанию, и по специфике к технологическим правоприменительным правилам, однако в конкретной правоприменительной ситуации их выделение методологически и практически необходимо.

При этом в указанные выше понятия вкладывается следующий смысл:

Юридико-технологическая стратегия – оптимальное использование согласованных юридико-технологических средств, предусмотренное планом организации конкретной юридической деятельности с учетом обеспечения единства выделяемых стадий, способствующих достижению поставленных целей и задач.

Юридико-технологическая тактика – оптимальное использование согласованных юридико-технологических средств, предусмотренное для осуществления юридической деятельности на некоторых ее этапах и достижения определенных (ближайших, частных, промежуточных, второстепенных и т. п.) целей этой деятельности.

Юридико-технологические методы – объединенные в единое целое родственные способы достижения конкретных целей юридической деятельности.

Юридико-технологические способы – согласованная совокупность родственных приемов, используемых для достижения конкретной цели юридической деятельности.

Юридикo-технологические правила – основополагающие положения, отражающие определенные закономерности, которые выделяются при осуществлении деятельности по созданию и реализации права, как в целом, так и на ее стадиях, этапах.

Юридикo-технологические приемы – частные, наиболее оптимальные и эффективные в заданной правовой ситуации правила использования юридических средств при осуществлении юридической деятельности.

Таким образом, юридическая технология предполагает использование юридико-технических средств посредством юридических способов воздействия на действительность, являясь отражением или конструированием их системного взаимодействия в виде юридико-технологических принципов, правил, приемов, способов, методов, которые применяются субъектами права для получения юридически значимых результатов.

При этом юридико-технические средства – прерогатива и основа исследования юридической техники, а потому – это различные предметы и явления, используемые в процессе осуществления юридической деятельности, то есть под средствами понимается то, при помощи чего осуществляется воздействие на что-либо, «предмет», «инструмент» обеспечения деятельности, носящий по отношению к этой самой деятельности внешний характер. Соответственно, под юридико-техническими средствами, как уже отмечалось, нами понимаются различные средства – предметы и явления, используемые при осуществлении юридической деятельности.

Выстроенная нами структура – горизонтальная модель юридической технологии – соответствует общефилософскому понятию структуры, согласно которому структура – это «...относительная, но существенная выделенность, дискретность частей и фаз или стадий изменений и развития, а вместе с тем, определенная и тоже устойчивая, сохраняемая упорядоченность, определенный строй всей совокупности отношений, связей и взаимодействия между этими частями, фазами и стадиями, объединяющимися в некоторое единое целое» [43, С. 129].

Однако юридическая технология является системным образованием, структурные элементы которой соподчинены и находятся в разновариантной функциональной взаимосвязи. Эта связь представляет отношения такой зависимости, при которой использование одного элемента структуры юридической технологии невозможно без задействования других ее элементов, изменение одного ее структурного элемента взаимно обусловлено изменением другого. Таким образом, структура юридической технологии является системой функционально связанных элементов, которая «...в целом может успешно функционировать, то есть выполнять свою роль в том случае, когда каждый из образующих ее элементов в данный период времени оптимален» [43, С. 152].

Например, наличие технических средств невозможно без использования в рамках определенных технологий. Например, аудиотехника обуславливает необходимость задействования при ее практическом использовании других элементов структуры технологии: правил, приемов, способов и методов, обеспечивающих возможность реального использования этого средства в юридической деятельности.

Подводя итог рассмотрению вопроса об элементах юридической технологии, следует отметить, что на нормативном, прикладном и доктринальном уровнях пока не существует детально проработанных технологий со структурной организацией, идентичной приведенной в настоящей работе и отвечающей раскрытым выше требованиям системности. Некоторым исключением из этого правила является криминалистика, в

рамках которой фактически разрабатываются вопросы о следственной и дознавательской технологии. В различных процессуальных кодексах и материальных законах закреплены только общая схема, принципы и задачи юридической деятельности. Аспекты же собственно технологии этой деятельности, своего рода «технологического знания», не проработаны.

Как отмечалось, при анализе особенностей правоприменительной технологии невозможно ее одновременное инструментальное наполнение базовыми средствами, правилами, приемами, способами и методами, которые подходили бы для всех видов правоприменения. Каждый отдельный вид применения права отличается по типу организации правоприменения, кругу правоотношений, входящих в сферу деятельности соответствующих органов, объему их компетенции, реализуемым ими целям и задачам, субъектам правоприменения и другими специфическими особенностями, которые неизбежно отражаются на составе и содержании используемых при осуществлении того или иного вида правоприменительной деятельности.

Специфическая особенность правоприменительной деятельности – ее жесткая процедурно-процессуальная организация. Весь процесс применения права осуществляется не произвольно по субъективному усмотрению правоприменителей, а в специально установленных процессуальных и процедурных формах, с использованием процедур и средств, позволяющих детально разобраться в фактической ситуации, отделить факты, имеющие юридическое значение, верно истолковать и применить конкретную норму права, правильно определить и закрепить в правоприменительном акте обязанности и ответственность субъектов возникшего правоотношения. В результате правоприменения осуществляется конкретизация положений норм права, перевод достаточно общих правовых предписаний, моделей на непосредственных участников фактических отношений в точно зафиксированных в индивидуальном правоприменительном акте и обязательных к выполнению правовых велениях. Учитывая необходимость соблюдения правоприменителями принципов законности, оперативности и эффективности правоприменительной деятельности, нормоустановителем выработана процедура, определяющая порядок перевода требований норм права на уровень конкретных носителей субъективных прав и юридических обязанностей. В связи с этим правоприменительный процесс становится целенаправленным, на него в меньшей мере влияют случайные факторы, что способствует укреплению законности и правопорядка в обществе, обеспечению защиты интересов личности [21, С. 67].

Другими словами, обязательный дополнительный структурный элемент всех видов правоприменительной технологии составляет процессуальная форма, составными частями которой являются в числе прочего процессуальные стадии – объединенные общей целью этапы осуществления правоприменительной деятельности.

Технология применения права на каждом таком этапе, стадии отличается специфическим набором правил, требований, процессуальных механизмов, используемых в целях достижения задачи каждой такой стадии.

Применение права, как и всякий процесс, подразделяется на отдельные стадии, которые представляют собой относительно самостоятельные процедуры (виды деятельности), осуществляемые компетентными должностными лицами и направленные на решение конкретной правоприменительной задачи. Стадии правоприменения характеризуют логику и последовательность действий при рассмотрении и решении юридического дела.

Деление правоприменительного процесса на стадии имеет, в первую очередь, важное научно-теоретическое значение, так как способствует наиболее глубокому осмыслению сущности правоприменения в целом, облегчает теоретический анализ правоприменительной деятельности, способствует ее научному исследованию, чем создает возможность наиболее эффективного использования научных разработок и рекомендаций в практической деятельности правоприменительных органов. При этом каждая стадия, будучи относительно обособленным звеном, частью правоприменительной деятельности, находится в тесной взаимосвязи с остальными. Лишь последовательное и правильное осуществление каждой из совокупности однородных правоприменительных действий обеспечивает эффективность правоприменения в целом.

В правовой науке выделяют две группы таких стадий: функциональные и процедурные. Из них функциональные стадии представляют собой этапы развития правоприменительной деятельности в ее интеллектуально-волевом аспекте, направленном на решение конкретного правового казуса, а процедурные – этапы осуществления материальной, активно-преобразовательной стороны правоприменительной деятельности непосредственно в правоприменительном процессе. В теории права вопрос о составе функциональных стадий осуществления правоприменительной деятельности до сих пор остается предметом обсуждения [1, С. 127].

Необходимо отметить, что с позиции отраслевых наук, в частности, науки уголовного, уголовно-процессуального и гражданского процессуального права процесс применения права составляют реальные этапы, которые проходит в своем развитии юридическое дело с момента принятия решения о его возбуждении (например, в уголовном процессе возбуждение уголовного дела, передача дела по подследственности, предварительное расследование или следствие, предварительное слушание, судебное следствие, прения сторон, постановление приговора и др.). Общая же теория права со своей стороны рассматривает стадии правоприменительного процесса как логическую последовательность действий при вынесении правоприменительного акта. В связи с этим следует согласиться с предложением рассматривать процесс применения права с объективной и субъективной сторон. Так, с объективной стороны – это процесс разбирательства юридического дела, из системы взаимосвязанных правоприменительных действий, а с субъективной – процесс логической смены необходимых в целях правоприменения действий, который позволяет проследить последовательность интеллектуально волевой деятельности правоприменителя по юридической квалификации дела и принятию решения. Причем объективная и субъективная стороны процесса применения права находятся в неразрывном и постоянном единстве [11, С. 50-52; 24, С. 15; 25, С. 39; 27, С. 23; 33, С. 221; 34, С. С. 9].

На доктринальном уровне выделяются следующие функциональные стадии:

- установление фактических обстоятельств дела, установление юридической основы дела – выбор и анализ юридических норм, решение дела и документальное оформление принятого решения [2, С. 155; 8, С. 31; 39, С. 73];

- установление фактических обстоятельств дела, формирование юридической основы дела, решение дела, государственно-принудительная реализация правоприменительного акта (дополнительная стадия);

- установление фактических обстоятельств дела, выбор нормы права и юридическая квалификация дела, проверка и толкование нормы права, решение дела, контрольно-исполнительная стадия [30] и др.

Как видно из приведенных выше перечней, все они фактически включают в себя три функциональные стадии осуществления правоприменительной деятельности: установление фактической основы дела, установление юридической основы дела и принятие решения. Стадия исполнения принятого решения и контроля за этим исполнением включается в состав функциональных стадий не всеми учеными, и, полагаю, это более всего отвечает сущности функциональных стадий, представляющих собой этапы развития интеллектуально-волевой деятельности правоприменителя по решению конкретной правовой ситуации.

На наш взгляд, данная точка зрения представляется наиболее убедительной. Выделение в отдельные стадии правоприменительного процесса таких, как проверка подлинности правовой нормы, ее действия во времени, пространстве и по кругу лиц, а также толкование применяемой правовой нормы не вполне обоснованно. Без деятельности по проверке подлинности правовой нормы и ее толкованию юридическая квалификация дела невозможна, и, таким образом, данные стадии более точно считать не самостоятельными, а составляющими стадию установления юридической основы дела.

Некоторые правоведы полагают, что если «говорить о стадиях и быть терминологически, а также и юридически точными, то первая и вторая стадии в общетеоретической структуре правоприменительного процесса объединяются в одну» [16, С. 8]. Подтверждение данного мнения можно обнаружить и в высказываниях тех, кто полагает, что исследование фактических обстоятельств и установление юридической основы дела протекают практически одновременно. При этом констатируется, что исследование фактических обстоятельств и их юридическая квалификация являются, в сущности, подготовительными действиями к применению нормы права, а собственно применением права считают стадию вынесения правоприменительного решения [3, С. 330-331; 28, С. 21].

Для правильного понимания данного вопроса следует иметь в виду, что конкретные правоприменительные процессы отличаются друг от друга, как по составу участников, так и по организационно-правовым формам и способам осуществления. В одних случаях, по утверждению А.С. Категова, правоприменение выглядит как несложный единовременный акт должностного лица, как действие, не требующее особой процедуры для познания обстоятельств рассматриваемой жизненной ситуации и ее правильного юридического разрешения. В других – правоприменение выступает как сложный последовательно развивающийся комплекс правореализующих действий и актов различных его участников, в котором организующие и властные действия и акты должностных лиц органов государства определяют его возникновение, ход и завершение [19, С. 180]. Указанные действия основываются на нормативно-правовых предписаниях и «опредмечиваются» в форме соответствующих актов-документов. Правовая форма упорядочивает действия правоприменяющих субъектов, придает им юридическую определенность и обеспечивает строгую последовательность их осуществления.

С общетеоретической точки зрения, как было отмечено выше, более целесообразно выделять три основные стадии правоприменительного процесса. Однако при этом не

отрицается связь между первой и второй стадиями, также как и между второй и третьей – они взаимообуславливают друг друга и осуществляться одна без другой не могут³¹.

Первой стадией правоприменения является стадия установления фактической основы дела.

В зависимости от сложности и сущности фактических обстоятельств они устанавливаются различными лицами, и процесс их установления представляет различную по степени трудности деятельность. Юридические факты различаются по сфере общественных отношений, где они произошли, и поэтому влекут за собой разные последствия. Одни из них имеют положительное значение и оценку, другие – отрицательное.

Любые юридические факты должны быть установлены достоверно. Если они установлены неполно или вызывают сомнение, применение права окажется необоснованным и незаконным, вследствие чего одни могут незаслуженно получить какие-либо блага, другие незаслуженно их утратить. Справедливо утверждение А.Ф. Черданцева о том, что «установление фактов нельзя уподобить установлению столба из горизонтального положения в вертикальное. Установление фактов есть не что иное, как сбор информации об этих фактах, доказывание их наличия или отсутствия» [41, С. 250]. Однако необходимо учесть, что полнота и достоверность часто имеют оценочный и относительный характер.

Реальный факт, который предстоит установить, зачастую находится в прошлом. Термином «факт» обычно обозначают ограниченное пространство и временем отрезок действительности, а также достоверное знание, отражающее данную действительность.

Достижение объективной истины по делу тесно связано с доказыванием. Доказательственная деятельность сводится к следующим действиям: а) отыскание, обнаружение доказательств; б) сбор и фиксация, то есть документальное оформление; в) анализ доказательств в их совокупности, то есть определение их достаточности для подтверждения фактов, которые затем будут положены в основу решения [9].

Для некоторых решений закон требует приведения доказательств с объяснением, почему одни доказательства приняты, а другие отвергнуты. При этом выводы о доказанности обстоятельств и достоверности доказательств требуют раскрытия содержания тех фактических данных, на которых основано решение. Приведение в решении доказательств с объяснением того, почему одни из них положены в основу выводов, а другие отвергнуты, – необходимое условие мотивированности решения; «закон требует, чтобы были приведены доказательства, причем в решении должно быть объяснено не только почему одни доказательства отвергнуты, но и почему другие доказательства признаны достоверными» [27, С. 226]. Особое внимание должно быть уделено мотивировке решения при применении норм, предусматривающих выбор решения «по усмотрению», «в случаях необходимости», «с учетом обстоятельств конкретного дела». Все указанные действия служат одной цели – правильной квалификации фактов.

³¹ Отметим справедливость подчеркивания рядом ученых все более углубляющегося, усложняющегося и обогащающегося характера правоприменения, в ходе которого происходит одновременное обращение правоприменителя то к фактическим обстоятельствам, то к нормативной основе дела; это приводит к тому, что на практике довольно трудно разграничить временные рамки выполнения действий по установлению фактов и действий по выбору и анализу норм права, а также о непосредственной взаимозависимости и взаимосвязи правоприменения с правопониманием и правотворчеством. Подробнее об этом см.: Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2006. С. 536; Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Теоретические и практические проблемы правопонимания: сборник статей. М., 2009. С. 30; Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 60–63.

Следующая стадия – установление юридической основы дела, а именно: нахождение к фактическим обстоятельствам дела правовой нормы, проверка ее подлинности и юридической силы, действия во времени, в пространстве и по кругу лиц, а также толкование применяемой правовой нормы.

Эта стадия отграничивается от предыдущей скорее в творческом плане. На практике они между собой взаимосвязаны, представляются едиными. Никогда фактические обстоятельства не устанавливаются без уверенности в их правовой значимости. Следовательно, сам факт еще до его окончательного установления оценивается с точки зрения права. Подбор правовой нормы или юридическая квалификация дела может совершенствоваться в процессе дальнейшего выяснения фактических обстоятельств.

Правильная юридическая квалификация как логико-оценочная деятельность, направленная на выявление юридической природы фактических обстоятельств дела в соответствии с системой действующих норм, предопределяет успешное рассмотрение и разрешение дела. Как нельзя достичь объективной истины в правоприменении, когда не выяснены с необходимой полнотой и достоверностью все фактические обстоятельства дела, так невозможно получить их и тогда, когда при наличии необходимых фактов допускается ошибка в квалификации. Чтобы правильно определить юридическую значимость обстоятельств дела, правоприменитель должен представлять себе систему права в ее целостности и единстве, иметь возможность выбрать именно ту правовую норму (или нормы), которая предусматривает данный случай, на него рассчитана. Неправильная юридическая квалификация в большинстве случаев влечет за собой неправильное разрешение дела по существу [5, С. 36-38]. Каждое дело по факту, имеющему юридическое значение, должно разрешаться субъектами правоприменения на основании права, а не на основании субъективного усмотрения. В противном случае правоприменение не достигнет своей цели.

Необходимо отметить, что законы и другие нормативные акты действуют значительное время, в течение которого могут дополняться, изменяться или отменяться; от правоприменителя требуется тщательно следить за развитием законодательства, всякий раз при разрешении дела убеждаться, что избранная им правовая норма действует в настоящее время, ее текст отвечает оригиналу, она распространяет свою силу на тех лиц, в отношении которых осуществляется правоприменение.

В процессе юридической квалификации необходимо также разобраться в тексте правовой нормы, выяснить ее содержание. Иначе сознательно допускается возможность принятия ошибочного решения, не отвечающего воле законодателя.

Толкование норм права – это особая интеллектуально-волевая деятельность субъектов по установлению подлинного содержания и порядка реализации субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений [38, С. 116]. Этот интеллектуально-волевой процесс состоит из уяснения правового предписания и последующего его разъяснения. Разъяснение – специальная деятельность определенных органов и лиц, цель которой – обеспечить правильное, единообразное осуществление норм права, устранить неясности и возможные ошибки при ее применении [32, С. 328]. «Необходимость толкования норм права обусловлена их признаками, особенностями форм выражения вовне и функционирования, внешнего оформления норм права, их языково-логической и юридической формой» [40, С. 129]. В ходе толкования с помощью особых правил толкования общие и абстрактные предписания переводятся в плоскость конкретных высказываний, облегчающих соотнесение юридически значимых признаков

отдельного случая с признаками, предусмотренными гипотезой конкретной нормы. Тем самым, происходит переход от неопределенности в правовой оценке той или иной жизненной ситуации к правовой определенности.

Таким образом, сущностью второй стадии правоприменения является соотнесение жизненной ситуации с конкретной правовой нормой (или правовыми нормами), что с необходимостью включает в себя проверку подлинности и действия правовой нормы, а также ее уяснение правоприменителем и, в случае необходимости, разъяснение заинтересованным лицам.

Третьей стадией процесса применения права является принятие решения по делу и вынесение акта применения. Это завершающая и, вместе с тем, основная стадия, в то время как все предшествующие стадии подготавливают предварительные условия и материалы для окончательного решения по делу. В нем властно распространяется действие применяемой нормы на факт, определяются права и обязанности конкретных субъектов. Если предварительные правовые оценки выступают средством, способствующим установлению фактических обстоятельств дела и подлежащей применению правовой нормы, то окончательная квалификация служит основанием для принятия правоприменительных решений и фиксируется в официальном акте государственных органов. Именно с учетом окончательной (генеральной) квалификации происходит индивидуализация субъективных прав и юридических обязанностей.

Решение по делу сопровождается одновременно вынесением правоприменителем (письменно или в иной форме) индивидуально-правового акта, являющегося юридическим фактом и служащим основой для возникновения, изменения или прекращения правоотношения [9, С. 57]. Исполнение же решения является активно преобразовательной деятельностью и должно относиться к процедурным стадиям правоприменительного процесса.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право. М., 2009.
2. Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1996.
3. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1982. Т. 2.
4. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 2006.
5. Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
6. Власенко Н.А. Юридическая техника как комплексная система знаний // Доктринальные основы юридической техники / под ред. Н.А. Власенко. М., 2010. С. 6–9.
7. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
8. Вопленко Н.Н. Реализация права: учебное пособие. Волгоград, 2001.
9. Герасимова Н.П. Установление фактических обстоятельств дела в правоприменительной деятельности (на основе материалов органов внутренних дел): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2000.
10. Доценко Т.А. Сущность юридических конструкций // Проблемы юридической техники: Сборник статей / под ред. В.М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 317.
11. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.
12. Ерошенко А.А. Гражданско-правовая защита личной собственности в СССР // Советское государство и право. 1968. № 6. С. 106–110.

13. Ершов В.В. Теоретические и практические проблемы правопонимания, правотворчества и правоприменения // Теоретические и практические проблемы правопонимания: сборник статей. М., 2009.
14. Иеринг Р. Юридическая техника. СПб., 1906. С. 63–71.
15. Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008.
16. Карташов В.Н. Применение права. Ярославль, 1980.
17. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества: в 2 т. Ярославль, 2005.
18. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 12–13.
19. Катеков А.С. Механизм применения права и правовая система современной России (теоретико-методологический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002.
20. Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991.
21. Коженевский В.Б. Применение норм права как особая форма их реализации в правовом государстве // Проблемы правоприменения в современной России: сборник статей. Омск, 2007.
22. Колесник И.В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
23. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1898.
24. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
25. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.
26. Лукич Р. Методология права. М., 1981.
27. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 2010.
28. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма. М., 1976.
29. Мальцевич В.В. Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. 1965. № 6. С. 39–141.
30. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004 // СПС «Консультант-Плюс».
31. Миронов А.Н. Юридическая технология нормативных правовых актов: монография. Уфа, 2008.
32. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1960.
33. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1968.
34. Пьянов Н.А. Истина в правоприменительной деятельности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1987.
35. Самойлюк Р. Н. Методы осуществления государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис.. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013.
36. Тузов Н.А. Мотивирование и преюдиция судебных актов. М. 2006.
37. Ушаков А.А. Очерки советской законодательной стилистики. Пермь, 1967.
38. Ходукин Д.В. Формы правовых предписаний (теоретико-методологический аспект): дис...канд. юрид. наук. СПб., 2001.
39. Чванов О.А. Механизм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995.
40. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.

41. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999.
42. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. 1972. № 3. С. 12–14.
43. Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. Саратов, 2005.
44. Юридическая техника: словарь-справочник / под ред. А.В. Малько. М., 2014.

Kolesnik I.V. Struktura pravoprimeritel'noj tehnologii / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ³²

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Внешняя форма представляет собой способ существования и выражения воле содержания правоприменительной деятельности. В качестве такого внешнего выражения, чаще всего, выступают разнообразные акты-документы, в которых находят отражение не только элементы содержания правоприменительной деятельности, но и непосредственно внутренняя (процессуальная) форма.

Вместе с тем, некоторые ученые-юристы к внешней форме правоприменительной деятельности относят и так называемые акты-действия [2, С. 12]. Существование актов-действий обусловлено специфическим характером определенной правоприменительной деятельности, необходимостью упрощения ее структуры. Чаще всего они выражаются устно (например, приказы и распоряжения в воинском подразделении) или с помощью знаков и жестов (действия сотрудника ГИБДД, осуществляющего регулировку движения транспортных средств). Нередко акты-действия получают последующее закрепление в документе (например, в протоколе судебного заседания отражаются решения судьи по вопросу удовлетворения или отказа в удовлетворении заявленных ходатайств).

Внешние формы выражения выявляются некоторыми авторами и в законодательной технологии. Например, С.В. Бахвалов указывает, что внешней формой выражения содержания законодательной технологии являются «...разнообразные акты-документы, внешне закрепляющие законодательные действия» [1, С. 7].

Итоговым (результативным) элементом правоприменения в структуре правоприменительной деятельности является правоприменительный акт. Издание правоприменительного акта является завершающим этапом всей правоприменительной деятельности, объективируемой в форме официального юридического документа, регламентирующего поведение сторон правоприменительного отношения и активно воздействующего как на общий, так и на непосредственный объект правоприменительной деятельности. Правоприменитель обязан выбрать оптимальный вариант поведения, который необходимо избрать, соизмеряя конкретную жизненную ситуацию с общим предписанием закона. Найденный вариант адресуется конкретному субъекту в четко

³² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

определенной жизненной ситуации, как конкретное его поведение, что изложено в том субъективном праве и юридической обязанности, которыми обладают субъекты правоприменительной деятельности. Правоприменительный акт, являясь вполне конкретным результатом правоприменения, четко определяет характер, объем, возможность, а также время и место правового поведения субъектов, помимо определения цели намечает и пути ее достижения. Таким образом, правоприменительные акты – это правовые акты определенных субъектов правоприменительной деятельности, принятые в конкретной жизненной ситуации.

Всему разнообразию актов применения права присущи некоторые общие черты:

- это разновидность правовых актов. Соответственно, правоприменительным актам присущи многие признаки, характерные для любых юридических актов;

- они относятся к разновидности актов реализации права наравне с договорами, расписками, заявлениями и т. п.;

- в отличие от нормативных, правоприменительные акты связаны с разрешением конкретных обстоятельств юридического дела. Соответственно, они адресуются персонально-определенным лицам (например, сторонам в споре).

Юридическое содержание актов применения составляют не только персонально-определенные, но и индивидуально-конкретные веления. Следовательно, правоприменительный акт конкретизирует, индивидуализирует и персонифицирует нормативное правовое предписание, содержащееся в нормативных актах, применительно к конкретной ситуации, ее участникам и т. п., то есть не создается новая норма права, а происходит реализация уже существующего закона [4, С. 89];

- рассматриваемые акты официально закрепляют (фиксируют) и оформляют правоприменительное решение по конкретному юридическому делу. Правоприменительный акт вовсе не тождественен собственно решению по делу. Акт-документ выступает в качестве специфического средства, которое делает решение доступным для восприятия. И не случайно законодатель размещает вопросы о принятии, оглашении и изложении в виде документа решений суда в разных структурных единицах текста (статьях) (например, в АПК РФ есть ст. «Принятие решения», «Изложение решения», «Объявление решения») [3, С. 37; 14, С. 456];

- правоприменительные акты носят властный характер, который выражается в обязательности для тех лиц, которым данный акт адресован. В литературе встречается ошибочное мнение, что акт применения права – это государственно-властный акт [9], но, как мы отмечали ранее, правоприменение – это не прерогатива государственных органов. В рамках юридического лица, например, также может осуществляться правоприменение;

- обязательность и определенная соподчиненность актов позволяет говорить об их юридической силе. Так, областной суд вправе своим правоприменительным актом отменить решение суда первой инстанции;

- обязательность и властность актов правоприменения не могут существовать сами по себе в силу их провозглашения. Всегда возникает необходимость в определенных «стимуляторах» как позитивной, так и негативной направленности. В частности, правоприменительные акты обеспечиваются всевозможными материальными и духовными, поощрительными и принудительными, организационными и иными мерами, включая меры государственного воздействия. Например, исполнение решения суда гарантируется мерами гражданско-правового, административного и уголовного воздействия [15, С. 387];

– это акты не любого участника, а только строго установленных компетентных субъектов правоприменительной деятельности, которые, в свою очередь, издаются лишь по вопросам своей компетенции;

– правоприменительные акты должны приниматься с соблюдением строго определенной для них процедурно-процессуальной формы. Такая форма закрепляется в соответствующих нормативных правовых предписаниях и она дифференцирована в зависимости от вида акта применения права [8, С. 613];

– акт применения права выступает в качестве самостоятельного юридического факта (состава), который специально нацелен на возникновение, изменение или прекращение правоотношений и вызывает индивидуально-определенные юридические последствия. По сути, правоприменительный акт связан с реальным преобразованием тех или иных сфер общественной жизни, удовлетворением конкретных личностных потребностей и интересов [4, С. 90];

– правоприменительный акт рассчитан на однократное применение в отличие от нормы права [7, С. 129]. Однако следует учитывать, что один и тот же акт (например, решение суда) может уже после исполнения использоваться в другом процессе между теми же сторонами (речь идет о так называемой преюдициальной силе решения).

На основе анализа перечисленных признаков, можно сформулировать следующее определение понятия «правоприменительный акт» – это обязательная составляющая правоприменительной деятельности, которая представляет собой конкретно-определенный юридический акт, совершаемый на основе соответствующих правовых норм и достоверных сведений о фактах компетентными субъектами права по конкретному юридическому делу в соответствии с волей законодателя.

В более частной своей интерпретации правоприменительный акт – это официальный акт-документ, закрепляющий решение компетентного субъекта правоприменительной деятельности по конкретному юридическому делу и содержащий персонально-адресованные и индивидуально-определенные обязательные юридические предписания.

Классификацию правоприменительных актов можно проводить по различным основаниям и критериям [6, С. 21-26; 8, С. 613-614; 9; 10, С. 12; 16, С. 13; 17, С. 109-117].

В зависимости от субъектов правоприменительной деятельности выделяются акты:

- а) государственных и негосударственных органов;
- б) представительных и исполнительных органов;
- в) судов (конституционных, арбитражных, общей юрисдикции);
- г) контрольно-надзорных органов (прокуратура); и т. п.

По функциям принято разграничивать регулятивные и охранительные (превентивные, правовосстановительные, карательные, компенсационные и т. д.) правоприменительные акты.

В зависимости от роли и значения акты дифференцируются на основные (главные), которые закрепляют итоговое правоприменительное решение (например, решение арбитражного суда), вспомогательные, которые носят промежуточный характер и обеспечивают подготовку основного акта (например, определение о принятии дела к производству и назначении подготовки судебного разбирательства), а также дополнительные, возникающие в случае, если в основном акте не отражены какие-то важные стороны и факты (например, ст. 178 АПК РФ говорит о дополнительном решении в случае, если а) по какому-либо требованию, в отношении которого лица, участвующие в деле, представили доказательства, судом не было принято решение; б) суд, разрешив

вопрос о праве, не указал в решении размер присужденной денежной суммы, подлежащее передаче имущество или не указал действия, которые обязан совершить ответчик; в) судом не разрешен вопрос о судебных расходах) [16, С. 17].

В зависимости от юридических последствий издания выделяют правоконстатирующие, правоизменяющие, правонаделющие и правопрекращающие акты.

По способам юридического воздействия правоприменительные акты можно разграничить на обязывающие, запрещающие, управомочивающие, рекомендуемые и поощряющие.

В зависимости от порядка издания правоприменительные акты делят на принятые коллегиально (коллективные) и на основе единоначалия (единоличные).

По срокам действия все правоприменительные акты можно разделить на:

а) постоянные и временные;

б) акты однократного действия (постановление о наложении административного штрафа) и длящегося действия (решение о назначении пенсии).

В зависимости от территории, на которую распространяется действие соответствующего акта, принято вести речь об актах федерального, республиканского, областного, краевого, местного, локального значения и т. п.

По кругу лиц (адресатов) акты могут быть рассчитаны на граждан, их коллективы, организации, иностранцев, должностных лиц и т. п.

По категоричности требований правоприменительные акты дифференцированы на императивные (такое предписание не может быть изменено адресатом по своему усмотрению) и диспозитивные (содержащие предписание на случай, если адресаты самостоятельно не установили иные условия и требования определенного поведения) [10, С. 15].

Кроме того, возможна классификация правоприменительных актов по юридической силе; по сферам общественной жизни, на регулирование которых такие акты направлены (например, хозяйственные, социальные, экономические и т. п.); по степени общности правоприменительных предписаний (персонально определенные и общие. Последние, как правило, связаны с осуществлением проверок, надзора, контроля); по отраслям, по наименованию (приговор, решение, протокол, приказ, определение и т. п.); в зависимости от сложности структуры (относительно простые и весьма сложные); а также по иным основаниям.

Учитывая специфику правоприменительной технологии, полагаем, что внешней формой выражения ее содержания являются инструкции, рекомендации, методики и другие способы объективации вовне информации о юридико-технологических стратегии и тактике, юридико-технических средствах, юридико-технологических правилах, приемах, способах и методах осуществления оптимальной юридической деятельности по созданию, применению и осуществлению права.

При этом, исходя из общеупотребительного понятия инструкции как указания о порядке выполнения какой-либо работы, пользования машиной, прибором и т. д. [13, С. 500], рекомендации – как совета, указания, методики – как совокупности методов и приемов выполнения чего-либо, под юридико-технологической инструкцией как внешней формой выражения технологии (юридико-технологического знания) мы понимаем объективированные вовне (то есть на материальных носителях) императивные указания о порядке выполнения различных действий и операций в рамках юридической деятельности, а также использования юридико-технических средств, объединенные общей целью –

достижения желаемого субъектом соответствующей юридической деятельности правового результата; под юридико-технологическими рекомендациями, соответственно, – обьективированные вовне советы и предложения о порядке выполнения различных действий и операций, а также использования юридико-технических средств для достижения необходимого правового результата; под юридико-технологическими методиками – обьективированную вовне систему рекомендаций о совокупности юридико-технологических правил, приемов и других составляющих содержание юридической технологии элементов, при помощи которых регулируется и осуществляется юридическая деятельность.

Из приведенных выше определений явствует, что инструкции, рекомендации и методики как внешние формы выражения юридической технологии и ее разновидностей различаются как по формальным признакам, так и по материальным.

В частности, юридико-технологические правоприменительные инструкции заключают в себе указания о применении юридических технологических средств,

которые для субъекта правоприменительной юридической деятельности носят обязательный характер. Как правило, на уровне юрисдикционного вида правоприменения в качестве таковых выступают принимаемые высшими юрисдикционными органами инструкции по организации работы в судах, в которых содержатся обязательные для исполнения судами правила ведения делопроизводства и т. п. Например, в настоящее время для арбитражных судов обязательна к исполнению принятая Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации в 2002 году «Инструкция по делопроизводству», в которой в том числе изложены юридико-технологические рекомендации о юридических технических средствах, юридико-технологических правилах и способах организации промежуточной деятельности в этих судах, способствующей осуществлению основной функции судов по отправлению правосудия. В частности, в данной инструкции содержится свод правил оформления и ведения арбитражного дела, заверения документов и т. п.

Юридико-технические правоприменительные рекомендации не имеют для субъектов юридической деятельности такого же императивного характера, как инструкции. Этим внешним формам выражения юридико-технологического знания присуща диспозитивность, и отказ от их использования либо неправильное их использование не влекут признание таких действий или бездействия, например, правоприменителя, противоправными, как это было бы в случае его уклонения от исполнения или неправильного исполнения юридико-технологических указаний, содержащихся в инструкции. То есть такие действия не могут быть квалифицированы как правоприменительная ошибка.

Следовательно, юридико-технологические правоприменительные рекомендации не имеют официального статуса, на уровне правоприменения они в подавляющем своем большинстве являются результатом правового мониторинга различного уровня, осуществляемого как вышестоящими, так и низовыми правоприменительными органами. Например, применительно к арбитражным судам юридико-технологические правоприменительные рекомендации могут быть выражены в обобщениях судебной практики рассмотрения конкретных категорий дел, которые проводятся арбитражными судами первой, апелляционной, кассационной и надзорной инстанций. Причем Высший Арбитражный Суд оформляет свои рекомендации постановлениями Пленума или информационными письмами. Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа закрепляет свои рекомендации по вопросам правоприменения (в том числе фактически содержащие юридико-технологические указания) постановлениями своего Президиума.

Юридикo-технологические правоприменительные методики по своим формальным признакам во многом сходны с юридикo-технологическими правоприменительными рекомендациями. В частности, как и рекомендации, они не обязательны для субъектов юридической деятельности, с рекомендациями их объединяет также способ создания и объективации. Однако методики отличаются как от рекомендаций, так и от инструкций по материальному признаку.

В частности, несмотря на приведенные выше признаки, отличающие инструкции от рекомендаций, они все же сходны по своему содержанию, а именно: в их рамках объединяются указания, советы и предложения о применении некоторых разрозненных юридикo-технологических средств.

В отличие от этого, материальным признаком правоприменительных юридикo-технологических методик является именно их внутренняя организация: они представляют собой именно совокупность, согласованную и однонаправленную систему юридикo-технологических правоприменительных рекомендаций. По своей сути, методики – приспособленные для конкретных правотворческих или правореализационных ситуаций алгоритмы, своды рекомендаций, в которых сконцентрированы именно те составляющие юридикo-технические средства, применение которых в совокупности позволит конкретному субъекту юридической деятельности достичь желаемого им правового результата. Поэтому все составляющие юридикo-технологической методики находятся во взаимодействии, соподчинены и взаимообусловлены.

Из этой материальной особенности юридикo-технологических правоприменительных методик вытекает еще одно, но уже второстепенное их отличие от инструкций и рекомендаций. Всем правоприменительным методикам присуща большая степень индивидуальности и конкретности, чем это характерно для других внешних форм выражения юридической технологии, которые в основной своей массе носят общий характер и могут быть применены к различным правовым ситуациям, что практически невозможно в случае с методиками, которые обычно создаются для решения конкретной (пусть и типовой) правовой ситуации.

Например, могут быть созданы юридикo-технологические правоприменительные методики разрешения различных категорий дел (об установлении юридического факта, о расторжении договора, о привлечении к уголовной ответственности за причинение тяжкого телесного повреждения и т. д.), но в то же время инструкций и рекомендаций по этим же вопросам создать практически невозможно, так как они будут носить общий характер.

Эта особенность юридикo-технологических правоприменительных методик выделяет их в ряду других форм объективации юридикo-технологического знания, потому что грамотно разработанная методика позволяет повысить качество юридической деятельности, снизить риск правоприменительных ошибок и сократить количество ситуаций, в которых субъект правоприменительной деятельности вынужден действовать в условиях риска.

Некоторый опыт создания юридикo-технологических правоприменительных методик осуществления правоприменительной деятельности имеется и в рамках арбитражного и гражданского процессуального права. Например, несколько монографий, посвященных этим вопросам, издано под редакцией И.В. Решетниковой [11, 12]. В «Справочнике по доказыванию в гражданском процессе», выдержавшем уже три издания, и в практическом пособии «Особенности рассмотрения дел в арбитражном процессе» в схематичном виде

изложены методики установления арбитражным судом и судом общей юрисдикции фактических обстоятельств по некоторым категориям дел.

Отдельные вопросы технологии использования права и вопросы юридико-технологической правоприменительной методики заключения гражданско-правового договора фактически рассматриваются, например, в работе А.Н. Кучеры [5].

Вместе с тем, эти попытки создания юридико-технологических правоприменительных методик осуществления различных видов юридической деятельности не носят системного характера, за исключением, пожалуй, методик расследования различных видов преступлений.

В завершение исследования внешних форм выражения юридико-технологического знания следует отметить, что видовой ассортимент этих форм не ограничивается только теми, которые рассмотрены нами в этом параграфе. Иначе говоря, любое изложение содержания юридико-технологических правил, приемов, методов на материальных носителях может считаться своеобразной формой объективации юридической технологии. Отличие может состоять только в степени императивности этих средств и в уровне их концентрации.

Литература

1. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
2. Гарапшин К.М. Правоприменительная практика в советском общенародном государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 1985.
3. Григорьев Ф.А. Акты применения права. Саратов, 1995.
4. Карташов В.Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5. Правосистематизирующая практика: текст лекций. Ярославль, 1999.
5. Кучера А.Н. Теория и практика преддоговорного этапа: юридический аспект. М., 2005.
6. Лазарев В.В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1975.
7. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М., 2007.
8. Марченко М.Н. Теория государства и права. М., 2004.
9. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права. М., 2004.
10. Постнов А.С. Механизм детерминации правоприменительных актов: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 2006.
11. Решетникова И.В. Особенности рассмотрения дел в арбитражном процессе. М., 2008.
12. Решетникова И.В. Справочник по доказыванию в гражданском процессе. М., 2009.
13. Советский энциклопедический словарь. М., 1980.
14. Теория государства и права / под ред. В.К. Бабаева. М., 1999.
15. Теория государства и права / под ред. В.М. Корельского, В.Д. Первалова. М., 2000.
16. Травкин А.А. Сущность и сферы (пределы) действия правоприменительных актов (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008.
17. Юсупов В.А. Правоприменительная деятельность органов управления. М., 1979.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

КЛАССИФИКАЦИЯ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ³³

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

В вопросе об основных критериях классификации правоприменительных технологий, полагаем, что базовыми на данном этапе исследований этой проблемы должны быть классификационные критерии, определяемые спецификой самой правоприменительной деятельности. Разумеется, можно классифицировать правоприменительные технологии по признакам, определяемым особенностями самой технологии: по степени нормативной регламентации содержания структурных элементов, по объёму, по степени стабильности (временные и долговременные технологии), по степени индивидуализации (общие и частные, индивидуальные) и т. д. Однако для проведения подобного рода классификаций необходим более конкретный предметный юридико-технологический материал, но его, по нашему мнению, пока недостаточно.

Например, состав процессуальных стадий в доктрине вызывает гораздо меньше вопросов, поскольку эти стадии, как правило, нормативно регламентированы в процессуальном законодательстве и предметом дискуссии в этой части может быть только вопрос о том, какую классификацию этих стадий целесообразнее применять – «горизонтальную» или «вертикальную».

При этом горизонтальной мы называем классификацию, содержащую в себе перечень всех процедурных стадий, которые последовательно проходит правоприменитель – от получения дела до его завершения в соответствующей инстанции.

Вертикальные же классификации состоят из стадий, отражающих движение правового дела по всем ступеням иерархии того или иного правоприменительного органа – от нижестоящего до вышестоящего (с учетом возможности обжалования решения нижестоящего правоприменительного органа). В отличие от функциональных стадий, состав которых неизменен для каждого вида правоприменительной деятельности, состав процедурных стадий каждого вида правоприменительной деятельности различается, что затрудняет создание единой процедурно-процессуальной технологии, существование которой может выражаться в юридико-технологической стратегии как элементе структуры правоприменительной технологии в целом.

³³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

Процессуальные стадии также могут быть использованы в качестве критерия классификации правоприменительных технологий, поскольку каждая функциональная или процедурная стадия имеет свою специфику. В связи с этим, технологии осуществления правоприменения на каждой такой стадии различаются по составу объединяемых в них юридико-технологических средств, что определяется объемом компетенции и полномочий каждого субъекта правоприменительной деятельности в отдельности и закрепленным в соответствующем процессуальном законодательстве набором процедурных стадий осуществления этим субъектом правоприменительной деятельности. Таким образом, состав технологий осуществления правоприменительной деятельности на процедурных стадиях, в отличие от функциональных, определяется выделяемыми в рамках соответствующих отраслевых правоприменительных процессов (арбитражного, гражданского, уголовного, административного и т. д.) процедурными стадиями правоприменения.

В этой связи полагаем, что, исходя из функциональной направленности и целей создания юридической технологии и ее правоприменительной разновидности, основным классификационным критерием должны являться виды правоприменительной деятельности, для обслуживания которых и создается технология применения права.

В этих целях рассмотрим выделяемые в теории права виды и типы правоприменительной деятельности, которые могут послужить в качестве критериев построения различных видовых классификаций правоприменительной технологии.

В частности, правоприменительная деятельность, как отмечалось, специфична и неоднородна, и в правовой науке по способу применения права выделяют следующие виды правоприменения: оперативно-исполнительный и правоохранительный; регулятивный и правоохранительный [9, С. 129];

контрольно-установительный, правоохранительный и юрисдикционный [1, С. 151]; исполнительно-разрешительный (регулятивно-констатирующий и правоохранительный), поощрительный и юрисдикционный [4, С. 28]; разрешительно-распорядительный, (оперативно-исполнительный), контрольно-надзорный и юрисдикционный [5, С. 82-88]; позитивный и юрисдикционный; исполнительно-распорядительный и правоохранительный [6, С. 399]; судебный, управленческий и административный [11, С. 259]; и др.

Как видно из приведенного выше (и далеко не полного) перечня различных видов правоприменительной деятельности по способу ее осуществления, единой позиции в этом вопросе на доктринальном уровне не имеется. Однако сопоставление этих классификаций показывает, что в основном учеными выделяются юрисдикционный (иногда включаемый в состав правоохранительного способа правоприменения), разрешительно-распорядительный (или, как его еще называют, исполнительно-разрешительный, оперативно-исполнительный, поощрительный, регулятивный), правоохранительный (иногда включаемый в состав исполнительно-разрешительного и контрольно-надзорного способов) способы применения права.

Так как этот критерий, по нашему мнению, является основным при классификации юридической деятельности на виды, так как своеобразие созданной таким образом видовой классификации юридической деятельности «...обусловлено особенностями компетенции субъектов права и спецификой юридической процедуры, в форме которой протекает сама деятельность» [5, С. 82], полагаем, что именно он может быть взят за основу в качестве базового при классификации правоприменительных технологий.

С учетом указанной специфики способа правоприменения полагаем, что в рамках правоприменительной технологии необходимо также построить классификацию технологий, определяемую субъектом правоприменения, так как состав юридико-технологических средств, используемых в том или ином виде правоприменительной деятельности, во многом определяется компетенцией субъекта этой деятельности.

Основываясь на выявленных выше классификационных критериях правоприменительных технологий, можно построить следующую пространственную модель типологии правоприменительных технологий, в которой каждая видовая классификация связана и соподчинена с предыдущей классификацией, является ее детализацией.

1. Правоприменительные технологии, критерием выделения которых является способ осуществления правоприменительной деятельности:

- юрисдикционная технология;
- правоохранительная технология;
- разрешительно-распорядительная технология.

Данные правоприменительные технологии, в свою очередь, классифицируются на различные виды по субъекту правоприменительной деятельности.

В частности:

Юрисдикционная технология по субъектам разделяется на подвиды:

- технология арбитражных судов;
- технология гражданских судов;
- технология военных судов и других судов;
- административная технология (технология налоговых органов, подразделений органов внутренних дел и других государственных органов, к компетенции которых относится рассмотрение дел об административных правонарушениях).

1.2. Правоохранительная технология по субъектам разделяется на подвиды:

- технология деятельности органов полиции;
- технология деятельности органов прокуратуры и следственного комитета;
- технология деятельности федеральных органов государственной безопасности.

1.3. Разрешительно-распорядительная технология разделяется на подвиды:

- технология деятельности органов государственной власти;
- технология деятельности органов местного самоуправления и т. д.

2. Технологии, классифицируемые по субъекту правоприменительной деятельности, в свою очередь, могут быть классифицированы по стадиям осуществления правоприменительной деятельности ее субъектами.

2.1. По процедурным стадиям правоприменения в арбитражных судах по экономическим спорам и судах общей юрисдикции по гражданско-правовым спорам выделяются технологии:

- принятия иска к производству;
- возбуждения производства по делу;
- подготовки дела к судебному разбирательству;
- судебного разбирательства по делу в суде первой инстанции;
- принятия итогового судебного акта по делу судом первой инстанции;
- пересмотра не вступивших в законную силу судебных актов в апелляционном порядке;
- пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в кассационном порядке;
- пересмотра вступивших в законную силу судебных актов в порядке надзора;

– пересмотра вступивших в законную силу судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам;

– исполнения судебных актов.

2.2. По процедурным стадиям правоприменения в судах общей юрисдикции по уголовно-правовым спорам выделяются технологии:

– предварительного расследования (предварительного следствия и дознания досудебном производстве);

– возбуждения уголовного дела (досудебное производство);

– подготовки судебного заседания в суде первой инстанции;

– судебного разбирательства в суде первой инстанции;

– апелляционного производства;

– кассационного производства;

– производства в надзорной инстанции;

– исполнения приговора;

– пересмотра приговоров ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств;

– производства в суде с участием присяжных заседателей.

3. Правоприменительные технологии, критерием выделения которых являются функциональные стадии правоприменительной деятельности:

Технология установления фактических обстоятельств дела.

Технология выбора и анализа подлежащей применению нормы права.

Технология принятия правоприменительного решения (акта).

Следует отметить, что указанный перечень правоприменительных технологий является примерным и зависит от того, какие виды и типы выделяются тем или иным ученым в правоприменительной деятельности. Кроме того, нами приведены классификации технологий, рассчитанных на позитивную правоприменительную ситуацию, когда деятельность субъектов правоприменительной деятельности протекает при нормативно заданных условиях, четко определенных в процессуальном законодательстве.

Однако в реальной правоприменительной деятельности такие эталонные условия правоприменения имеются не всегда, иногда правоприменителю приходится действовать в условиях нетипичной ситуации, то есть осуществлять нетипичное правоприменение, которое понимается, например, Н.Н. Вопленко, как такое правоприменение, «...которое с точки зрения правовой основы или по своему фактическому составу содержит элементы, отклоняющиеся от идеальной модели правоприменения, и связано с необходимостью затраты дополнительных поисковых усилий при разрешении конкретного дела» [4, С. 39-40].

К таким нетипичным условиям правоприменения можно отнести, например, пробел в праве, противоречие в нормах права, регламентирующих сходные правоотношения, деятельность в условиях правоприменительного риска, деятельность с повышенным риском совершения правоприменительной ошибки и др.

Так, после уяснения действительного смысла правовой нормы, правоприменитель может обнаружить правовые нормы, находящиеся в коллизии с правовой нормой, подлежащей применению. Следовательно, возникает необходимость преодоления коллизии между правовыми нормами, претендующими на реализацию, что возможно только при следовании определенным правилам квалификации при противоречивости норм.

Отдельным видом нетипичного применения права являются случаи, когда фактические обстоятельства, подлежащие оценке, находятся в сфере правового регулирования, но законодатель по каким-либо причинам не урегулировал их (молчание в праве) и, следовательно, отсутствует конкретная норма, регулирующая данные обстоятельства. В таком случае правоприменителю приходится преодолевать пробелы, в том числе с помощью таких приемов как аналогия закона и аналогия права. Согласимся с В.В. Фидаровым в том, что «аналогия закона и аналогия права составляют единый правовой институт в механизме правового регулирования, главной функцией которого является казуальное преодоление пробелов в праве с целью обеспечения соответствия между правом как динамической системой и развитием общественных отношений, а также в целях наиболее полной и оперативной реализации задач правового регулирования» [3, С. 21; 10, С. 14].

С учетом этого можно выделить различные технологии осуществления правоприменения в нетипичных условиях правоприменения (технологии нетипичного правоприменения). К ним относятся, например, технология деятельности в условиях правоприменительного риска, технология исправления правоприменительных ошибок, технология предотвращения правоприменительных ошибок, технология преодоления пробелов в праве, технология компенсации противоречий в праве и др.

В отличие от других видов правоприменительных технологий, критериями классификации которых были различные признаки правоприменительной деятельности, технологии нетипичного правоприменения могут функционировать только в сочетании с базовыми правоприменительными технологиями. Это обусловлено тем, что для каждого вида правоприменительной деятельности существуют свои, в том числе и нормативно установленные правила действий субъектов права в нетипичных правоприменительных ситуациях, которыми и определяется состав и содержание технологий нетипичного правоприменения, используемых при соответствующем способе правоприменения.

Таким образом, содержание каждого вида и подвида правоприменительной технологии определяет свойственную им специфику. Однако, несмотря на имеющиеся отличия, общим для всех правоприменительных технологий является наличие сходных структурных элементов (стратегии, тактики, методов, способов, правил, приемов), представляющих формы объективации знания об использовании юридико-технических средств в области применения права.

Такие формы являются своего рода способом объективации этих юридико-технологических знаний, так как «...форма дает возможность показать способы организации и внешнего выражения ее содержания» [2, С. 7].

Вероятно, в современных условиях необходимо осуществить модернизацию технологического уровня правоприменительной деятельности, взяв за основу предлагаемые в литературе шаги: «на первом этапе... воспользоваться типовыми технологическими инструментами, уже апробированными в родственных видах государственной деятельности... Следующим этапом модернизации... должны стать адаптация типовых технологических инструментов и создание собственных алгоритмов, программ и фондов» [7, С. 90-91]. Поэтому в следующей главе будет предложено авторское видение правоприменительной технологии в деятельности арбитражных судов.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право: Начальный курс. М., 1996.
2. Бахвалов С.В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
3. Власенко Н.А. Об аналогии в современном процессуальном праве // Российская юстиция. 2005. № 7. С. 32-36.
4. Вопленко Н.Н. Реализация права: учебное пособие. Волгоград, 2001.
5. Вопленко Н.Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.
6. Кашанина Т.В. Юридическая техника. М., 2008.
7. Колдин В.Я. Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. 2014. № 3. С. 90–91.
8. Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе РФ: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
9. Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права. М., 1999.
10. Фидаров В.В. Пределы допустимости применения института аналогии права и аналогии закона в правовой системе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов. 2009.
11. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М.. 2002.

Kolesnik I.V. Klassifikacija pravoprimenitel'nyh tehnologij / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ТЕХНОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ³⁴

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Правоприменительная технология в деятельности арбитражных судов (далее – технология арбитражного судопроизводства) в целом выступает в качестве одной из разновидностей правоприменительных технологий. Основанием для ее вычленения служит специфика осуществления правоприменительной деятельности арбитражных судов. Можно согласиться с аргументами П.А. Коржа о специфике гражданского и арбитражного процессов:

«Во-первых, большая часть документов уголовного и административного процессов формализованы. То есть существуют утвержденные формы, например, постановлений, протоколов, поэтому при их составлении остается только грамотно заполнить соответствующие графы.

Во-вторых, неформализованные документы уголовного и административного процесса (такие как судебные акты, жалобы и представления, заявления и ходатайства) в целом сходны с соответствующими документами гражданского (арбитражного) процесса.» [4, С. 37].

При этом отдельно следует отметить, что произошедшее объединение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации на данном этапе не изменяет определяющим образом технологии осуществления арбитражными судами правоприменительной деятельности, поскольку произошло только изменение организации судебной системы. В перспективе обсуждается возможность интеграции арбитражных судов и судов общей юрисдикции в единую судебную систему, функционирующую на основе единства гражданского судопроизводства по правилам, определенным единым кодексом гражданского судопроизводства, который бы учитывал особенности судопроизводства как по общегражданским делам, так и по делам, связанным с предпринимательской и иной экономической деятельностью. В настоящее время арбитражное судопроизводство отправляется по правилам, регламентированным специальным законом – Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации,

³⁴ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

в который внесены точечные изменения в связи с объединением высших судов и изменением в связи с этим порядка надзорной проверки принятых нижестоящими арбитражными судами судебных актов.

Обсуждается концепция единого процессуального кодекса, который предусматривает слияние Гражданско-процессуального и Арбитражного-процессуального кодексов, а также Кодекса административного судопроизводства (КоАС). Данную концепцию «продвигает» председатель комитета Государственной Думы России по законодательству П. Крашенинников, который полагает, что именно таким образом можно устранить противоречия между отраслями процессуального права. Предполагается, КоАС, прошедший первое чтение в марте, будет принят в целом, концепция Крашенинникова рассматривается пока как неокончательная [11, С. 3].

На прикладном уровне объединение вышестоящих судебных инстанций арбитражных судов и судов общей юрисдикции для арбитражных судов проявилось в изменении порядка обжалования судебных актов арбитражных судов на уровне надзорной инстанции.

Так, согласно ч. 1 ст. 291.1 АПК РФ, вступившие в законную силу решения и определения арбитражных судов республик, краев, областей, городов федерального значения, автономной области, автономных округов; постановления и определения арбитражных апелляционных судов; решения и определения арбитражных судов округов, принятые ими в первой инстанции; решения и определения Суда по интеллектуальным правам, принятые им в первой инстанции; определения арбитражных судов округов и Суда по интеллектуальным правам, вынесенные ими в процессе кассационного производства, если указанные судебные акты обжаловались в арбитражном суде кассационной инстанции, образованном в соответствии с Федеральным конституционным законом от 28 апреля 1995 года № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»; постановления и определения арбитражных судов округов и Суда по интеллектуальным правам, принятые по результатам рассмотрения кассационной жалобы (жалобы), могут быть обжалованы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации порядке кассационного производства.

В соответствии со ст. 308.1 АПК РФ вступившие в законную силу решения и определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, принятые по первой инстанции, если указанные решения и определения были предметом апелляционного рассмотрения; определения Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные по результатам рассмотрения апелляционных жалоб, представлений на решения или определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, принятые по первой инстанции; определения Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вынесенные в порядке кассационного производства, могут быть пересмотрены в порядке надзора Президиумом Верховного Суда Российской Федерации по надзорным жалобам лиц, участвующих в деле, и иных лиц, указанных в ст. 42 АПК РФ.

Статьей 308.10 АПК РФ также установлено, что Председатель Верховного Суда Российской Федерации или заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации по жалобе заинтересованных лиц вправе внести в Президиум Верховного Суда Российской Федерации представление о пересмотре судебных постановлений в порядке надзора в целях устранения фундаментальных нарушений норм материального права и (или) норм процессуального права, которые повлияли на законность обжалуемых судебных постановлений и лишили участников спорных материальных или

процессуальных правоотношений возможности осуществления прав, гарантированных настоящим Кодексом, в том числе права на доступ к правосудию, права на справедливое судебное разбирательство на основе принципа состязательности и равноправия сторон, либо существенно ограничили эти права.

Однако при этом, несмотря на изменения в порядке обжалования судебных актов нижестоящих арбитражных судов, технология осуществления арбитражными судами правоприменительной деятельности по рассмотрению экономических споров существенных изменений не претерпела, регулирующие правоприменительную деятельность арбитражных судов базовые нормы АПК РФ изменений не претерпели.

Так, арбитражную технологию следует рассматривать как оптимальное использование юридико-технических средств в рамках определенной стратегии, тактики, методов, способов, правил и приемов, в регламентированной законом процедурно-процессуальной форме, применяемых данными судами при отправлении правосудия в рамках своей компетенции. Несомненно, в части использования структурных компонентов и выбора юридико-технологических средств арбитражная технология родственна другим правоприменительным технологиям, в особенности технологиям применения норм права иными органами правосудия, в частности судами общей юрисдикции.

Отсюда следует, что технология арбитражных судов по своей видовой специфике близка иным технологиям правоприменения. Это проявляется, главным образом, в области правоприменения судами общей юрисдикции, рассматривающих дела гражданского или уголовного характера. По этим признакам ее структурная составляющая идентична структурам многих других юрисдикционных технологий в части составных компонентов и наполнения юридико-технологических средств и процессуальных форм, в которых она осуществляется.

Таким образом, структура арбитражной технологии состоит из следующих компонентов: арбитражной стратегии, арбитражной тактики, арбитражных методов и способов, арбитражных правил, приемов. Наряду с этим, невзирая на некоторое сходство по структурной составляющей с другими правоприменительными технологиями, арбитражная обладает отдельными своими особенностями, позволяющими отграничивать ее от иных технологий. Своеобразие имеющихся отличий состоит, прежде всего, в особенностях субъекта правоприменительной деятельности, а также предмета и процессуальной особенности самой деятельности.

Поэтому в состав арбитражной технологии считаем необходимым включить присущую ей процессуальную форму, в которую входят процессуальное производство, процессуальный режим и процедурные стадии.

Например, от арбитражной технологии существенно отличается технология рассмотрения в суде дел уголовного характера. Это объясняется тем, что Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации законодательно закреплена специфический механизм и специфические субъекты правоприменительной деятельности по расследованию уголовных правонарушений на первой функциональной стадии правоприменения. На этой стадии осуществляется предварительное следствие, в ходе которого участниками расследования выясняются все обстоятельства, имеющие значение для дела, происходит юридическая квалификация совершенных деяний, в арбитражной же практике данная процедура или стадия отсутствует, так как этот вид деятельности осуществляется органами дознания (полиция и др.) и предварительного следствия.

По завершении предварительного расследования подобного рода дела направляются на утверждение прокурору, а затем направляются в судебную инстанцию общей юрисдикции для рассмотрения в судебном процессе, где и будет установлена истина по данному уголовному делу. Судья по уголовным делам, имея первичный источник информации в виде материалов уголовного дела, осуществляет судебное следствие, в то же время в отличие от него арбитражный судья должен все материалы дела добывать сам, не прибегая к помощи каких-либо иных инстанций, в частности правоохранительных органов.

Указанная выше особенность позволяет оказывать определенное давление на используемый юридический инструментарий технологии раскрытия преступления и судебного следствия по уголовным делам. Данная технология как бы состоит из двух взаимосвязанных частей. К первой относятся правовые средства, способы, и соответствующие методы по реализации процесса раскрытия и расследования преступления органами дознания и следствия. Ко второй принято относить правовые средства, способы и методы юридической деятельности, используемые судом в процессе судебного следствия. Правовые средства, используемые в дознании и следствии, разработаны наиболее основательно в таких науках, как криминалистика, криминология и виктимология.

Этого нет в арбитражном правоприменении, что, видимо, обусловлено определенными особенностями в добывании доказательственной базы при осуществлении уголовного и арбитражного процессов. Здесь следует помнить, что в уголовном процессе доказывание вины находится в компетенции представителя органов прокурорского надзора и связано с таким важным принципом права, как презумпция невиновности. В арбитражном же процессе, напротив, ведущим является принцип диспозитивности, состязательности сторон, вследствие чего судья обязан основываться на доказательствах, представленных в суд заинтересованными сторонами процесса, при этом установление достоверности фактических обстоятельств по рассматриваемому делу лежит на суде, к этому действию не привлекаются ни следователи, ни дознаватели.

Принимая во внимание сказанное, необходимо отметить, что потенциал названных нами правовых технологических средств в арбитражной технологии на первоначальной или, как мы ее обозначили, функциональной стадии, непременно обязан быть более массивным по сравнению с ресурсом, используемым при раскрытии преступления и последующем судебном следствии по уголовным делам.

Необходимо также иметь в виду, что вследствие диспозитивности норм гражданского права юридические средства, методы и способы установления арбитражным судьей юридических фактов, имеющих существенное значение для рассматриваемого дела, существенно отличны от фактических данных уголовного судопроизводства. Арбитражный суд, как очевидно, не вправе использовать при опросе свидетелей все имеющиеся в арсенале правовые средства, способы и методы, применяемые органами следствия и судом в уголовном процессе.

Принципиальное различие арбитражной технологической процедуры от технологии правоприменения судами общей юрисдикции при исследовании материалов судебных дел, связанных с гражданско-правовыми, семейно-правовыми или трудовыми отношениями, объясняется особенностью материалов, исследуемых органами арбитражного судопроизводства, а также участвующими в деле субъектами.

Арбитражный суд как специфический орган, в компетенцию которого входит исследование дел, главным образом, связанных с экономическими вопросами, вследствие этого имеет свою специфику, вступая в правоотношения с различными физическими и юридическими лицами по различным проблемам. Подобного рода юридическая практика, особенно связанная с процедурой банкротства, а также особый состав субъектов, участвующих в судебном процессе, предполагает особо высокие требования к качеству юридических документов, представляемых в суд участниками (сторонами) арбитражного процесса. Наряду с этим важным представляется и то, что стороны, участвующие в арбитражном процессе, призваны привлечь адвокатов, способных оказать квалифицированную юридическую помощь высокого уровня с тем, чтобы обеспечить предоставление суду достаточного объема доказательств по исследуемому арбитражному делу, а также в ходе судебного заседания квалифицированно представить интересы своих клиентов.

В связи со сказанным отметим, что содержательная составляющая арбитражной технологии, в отличие от гражданско-процессуальной, располагает менее обширными средствами, правилами и способами, направленными на установление юридических фактов, имеющих важное значение для рассматриваемого дела, а также деятельностью по выбору и анализу необходимой нормы права, ввиду концентрации судопроизводства исключительно на экономических спорах.

Арбитражные суды в ходе отправления правосудия руководствуются положениями норм АПК РФ и другими правовыми нормами действующего законодательства, закрепляющими процесс рассмотрения различных по специфике категорий дел. Отсюда не случайно, что в теории российского права, на что обращает внимание М.И. Клеандров, арбитражный процесс рассматривается как совокупность процессуальных правовых норм, направленная на регулирование общественных отношений в форме осуществляемых арбитражным судом и другими участниками судопроизводства действий по реализации экономического правосудия [2, С. 124].

Вместе с тем, по нашему мнению, деятельность арбитражных судов не может заключаться только в совершении предусмотренных процессуально-правовыми нормами действий. В реальной процессуальной практике судьей конкретное дело исследуется путем отправления правосудия, при этом законодательно обеспечены не все составляющие элементы этого процесса. Например, в АПК РФ почти не урегулированы нормами права вопросы о тактике и процедуре опроса лиц, участвующих в деле, а также допроса свидетелей, о средствах и правилах определения предмета доказывания и ряда других.

В рамках этого следует присоединиться к мнению М.А. Рожковой о том, что теории арбитражного процессуального права ученые почти напрочь забыли о своем предназначении – способствовать, как это можно, реализации норм материального права. И далее, – утверждает она, – жаль, что научные исследования в сфере теории и практики процессуального права, которым руководствуются судьи арбитражных судов, проводятся главным образом по отраслевому принципу, без принятия во внимание специфики воздействия материального права на арбитражное процессуальное законодательство» [10, С. 191].

Это говорит в пользу того, что проблемы применения норм права в деятельности арбитражных судов могут быть в достаточном объеме осуществлены в рамках правоприменительной технологии.

На основе проведенных анализа и синтеза правоприменительной деятельности арбитражного суда можно предложить следующую схему, позволяющую раскрыть главное содержание описанных нами ранее элементов, составляющих структурный скелет юридической технологии с учетом специфики правоприменительной деятельности арбитражных судов. Наряду со сказанным следует иметь в виду, что предложенная схема технологии правоприменительной деятельности арбитражных судов структурируется по ее функциональным стадиям. Отсюда, в этой технологии можно отдельно выделить технологию установления фактических обстоятельств дела, а также другие виды технологии: например, выбора и анализа нормы права, принятия решения по рассматриваемому конкретному делу.

При этом важно иметь в виду, что главной спецификой первых двух названных нами стадий является то, что они взаимодействуют параллельно. И, как утверждает ряд исследователей (например, И.Я. Дюрягин, В.В. Лазарев, П.Е. Недбайло и некоторые другие), в повседневной правоприменительной деятельности судьи фактически одновременно реализуют функции по выбору и анализу подлежащей применению правовой нормы и наряду с этим успешно устанавливают обстоятельства дела, имеющие важное значение для рассматриваемого спорного судебного дела [1, С. 50-52; 5, С. 15; 6, С. 39; 7, С. 23; 8, С. 221; 9, С. 9].

Для нас важно также обратить внимание на обстоятельство, которое позволяет сделать умозаключение о том, что проблемы, связанные с реализацией судом интеллектуально-волевых качеств судьи на первой стадии, где осуществляется выбор и анализ нормы права, которую необходимо применить по рассматриваемому делу, а также реализацией судебных обязанностей по принятию решения, традиционно раскрываются в сфере правоприменительной технологии.

Технология данной стадии в определенной степени идентична технологии выбора и анализа правовой нормы, которую необходимо применить по рассматриваемому судебному делу. Такое положение объясняется тем, что как первая, так и вторая стадии этого процесса диалектически обусловлены, они призваны взаимно обогащать друг друга. Вследствие этого не всегда предоставляется возможность разграничить их во времени. Например, на стадии установлении фактических обстоятельств дела в первую очередь следует выявить нужную для дела норму права, а затем дать ей личное толкование. Чтобы это сделать, необходимо четко представлять себе все детали имеющихся юридических фактов. В связи с этим К.Н. Княгинин справедливо отмечает, что суждения о действующих нормах права и юридических фактах, имеющих важное значение для дела, происходит одновременно, поэтому правоприменитель ищет в юридических фактах признаки, «предусмотренные в гипотезах правовых норм» [3, С. 55].

Из утверждения К.Н. Княгинина следует, что в ходе первой стадии применения норм права судьей производится предварительное исследование юридических фактов в целях их сопоставления с содержанием гипотезы, которая вероятно может быть применена; на второй же стадии им на основании избранной правовой нормы может быть произведена итоговая квалификация всего имеющегося юридического состава правонарушения, выявленного на первой стадии правоприменительного процесса.

Вместе с тем, для установления безошибочной правовой квалификации по исследуемому делу важно осуществить проверку истинности ранее произведенной оценки всех имевших место юридических фактов. Кроме этого, необходимо еще раз исследовать

смысл и содержание правовой нормы, избранной для квалификации противоправного деяния.

Для того чтобы определить, верно ли избрана нужная или подходящая правовая норма, необходимо осуществить нескольких четко определенных этапов такой проверки. Первым делом следует проверить, исходя из толкования уяснения, соответствие текста избранной нормы права, затем производится проверка самой правовой нормы на подлинность текста официальной публикации, а также классическое действие правовой нормы в пространстве, во времени, и по кругу лиц, не забыв установить также статус нормы права. Проведя обозначенные процедуры, важно осуществить дополнительные меры, связанные с процессом уяснения на основе казуального толкования нормы права, установив при этом, насколько норма права соответствует имеющимся юридическим фактам.

По завершении указанных действий, связанных с контролем фактической и юридической составляющих дела, суд вправе дать свою итоговую квалификацию. В случае если обнаружится какой-либо пробел в действующем законодательстве или коллизия в нем, соответствующую квалификацию следует давать посредством применения правовых средств и способов восполнения и устранения обнаруженных пробелов и коллизий.

Что касается второй стадии, то стратегия правоприменения здесь заключается в последовательной реализации вышеназванных операций, связанных с интеллектуально-волевыми действиями.

Имеющиеся в этой сфере проблемы достаточно полно разработаны в общей теории права и, по нашему мнению, нет необходимости в каком либо дополнительном пояснении ни в отношении стратегии, ни в отношении тактики использования в ходе практической правовой деятельности имеющегося арсенала инструментальной составляющей технологии процесса правоприменения.

Третья функциональная стадия правоприменения связана с вынесением решения по делу в виде акта применения. Эту стадию называют еще заключительной стадией. Установленные на предыдущих стадиях фактическая и правовая основы исследуемого дела – подготовительные, тот фундамент, опираясь на который правоприменитель может и должен вынести итоговое решение.

С учетом сказанного, арбитражную технологию можно разграничить на самостоятельные виды, взяв за основу соответствующие функциональные стадии:

- технология установления юридических фактов (фактических обстоятельств), имеющих существенное значение для исследуемого конкретного дела;
- технология правовой квалификации по исследуемому делу;
- технология по вынесению акта применения по исследуемому делу (принятие итогового решения по делу).

Соответственно, каждый указанный вид арбитражной технологии имеет свойственные функциональной стадии стратегии, тактику, методы, способы, правила и приемы.

Вместе с тем, мы понимаем, что охарактеризованные технологии, применяемые в арбитражной юридической практике, носят преимущественно общий характер, но, как бы то ни было, все-таки бесспорным является факт о том, что исследование юридических технологий очень важно с теоретической и практической позиций для совершенствования современной российской правовой системы.

Литература

1. Дюрягин И.Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.
2. Клеандров М.И. Экономическое правосудие в России: прошлое, настоящее, будущее. М., 2006.
3. Княгинин К.Н. Охранительные правоприменительные акты: вопросы теории и технологии. Свердловск, 1991.
4. Корж П.А. Юридическая техника: учебное пособие. Пермь, 2014.
5. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 1999.
6. Лазарев В.В. Применение советского права. Казань, 1972.
7. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М., 2010.
8. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1968.
9. Пьянов Н.А. Истина в правоприменительной деятельности: автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1987.
10. Рожкова М.А. Основные понятия арбитражного процессуального права. М., 2003.
11. Чуракова О. Единый и неделимый кодекс // Ведомости. 2014. 29 октября. С. 3.

Kolesnik I.V. Osobennosti pravoprimeritel'noj tehnologii v dejatel'nosti arbitrazhnyh sudov / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

**ТЕХНОЛОГИЯ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАКТИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА
АРБИТРАЖНОМ СУДЕ³⁵**

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Технология установления фактических обстоятельств дела применяется на начальной стадии правоприменения. В современной процессуальной литературе проблемы реализации судами интеллектуальной деятельности в период выбора и исследования подлежащей применению по делу правовой нормы, а также деятельности по принятию решения рассмотрены несоизмеримо больше, чем осуществление судом деятельности по установлению реальной основы дела. Между тем, эта стадия не менее важна, чем следующие за нею. Положительный результат в работе по установлению фактических обстоятельств дела во многом определяет положительный исход дела в целом.

Цель данной правоприменительной стадии состоит в попытке установления судьей, рассматривающим конкретное дело, всех имеющихся юридических фактов, действительно имевших место в реальной жизни до начала судебного дела. В своем исследовании С.М. Амосов утверждает, что главная цель судебного производства состоит в объективном выявлении событий, действительно имевших место, участниками которых были истец и ответчик. Суд в завершении дела должен иметь представление о фактических, а не иллюзорных поступках [1, С. 29].

На данной функциональной стадии установления фактических обстоятельств дела, кроме общесоциальных (языка и языковых единиц и др.), специально-юридических (юридических понятий и терминов и др.) и части технических средств, используя которые мы материализуем вынесенные (принятые) судебные акты или другие документы, применяются и такие технические средства, которые своим предназначением имеют сбор, анализ и закрепление полученных доказательств.

Например, в соответствии со ст. 78, п. 3 ст. 155, п. 5 ст. 154 АПК РФ суд имеет необходимые полномочия на применение различных технических средств: фото-, звуковая и визуальная запись, видеофиксация всего судебного процесса, процедуры осмотра имеющихся материальных доказательств. Данные технические средства используются

³⁵ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

главным образом в целях юридического закрепления собранных по рассматриваемому делу доказательств.

Но, как полагает М.К. Треушников, с которым нельзя не согласиться, порой по объективным причинам ни секретарь, ни судья, ни представители сторон судебного процесса не в состоянии правильно выполнить работу по воспроизведению видео- и аудиозаписей. Здесь нужен специалист, который должен быть привлечен судом для обеспечения деятельности судебного заседания [8, С. 266-276].

Правильный выбор способов и методов на данной функциональной стадии зависит от умения выбрать необходимые юридические технические средства, необходимые для установления фактических обстоятельств дела (общесоциальных, технических, специально-юридических).

Наряду с этим, исследовательская работа арбитражного судебного органа по установлению имеющих юридические фактов по рассматриваемому делу, происходящая не только и не столько на материально-предметном, но и на интеллектуальном уровне, предполагает, что в качестве технологического инструментария арбитражной технологии также используется и нематериальная деятельность судьи по осуществлению юридических технологических стратегий и тактик.

В рамках рассматриваемой нами первой функциональной стадии перед началом реализации правоприменительной деятельности суду следует определиться с выбором стратегии реализации деятельности на данном этапе, а затем избрать нужные тактические ходы осуществления отдельных целевых этапов этой деятельности. Как правило, выбор стратегии определяется стоящими перед судом тактическими задачами, которые необходимо решить на каждой стадии правоприменительной деятельности.

Следует отметить, что определенный параметр частных проблем стратегии и наиболее общих проблем тактики реализации деятельности по установлению фактических обстоятельств дела в процессе арбитражного судопроизводства имеет достаточную правовую нормативную регламентацию. Так, согласно положениям, закрепленным в ст. 133, 135, 153, 162, 165, 166 АПК РФ, суд на первоначальной стадии процесса правоприменения должен определиться с предметом доказывания, затем на основе имеющих юридические факты приступить к процедуре по сбору доказательств, а завершается начальный этап исследованием и оценкой собранных доказательств.

В качестве следующего составляющего звена (элемента) арбитражной технологии выступают юридические технологические средства реализации судебным органом основных направлений деятельности по установлению юридических фактов, имеющих важное значение для дела.

Перечень этих способов очень широк. Применительно к исследуемой нами стадии следует выделить следующие способы, имеющие принципиальное значение для данной стадии: способы выявления доказательств, их сбора, закрепления (фиксации), проверки (контроля), способы оценки доказательств и их теоретического и практического исследования.

На основании позиций И.В. Решетниковой, М.К. Треушникова, изложенных в ранее указанных монографиях, посвященных проблемам доказывания в гражданском и арбитражном процессах [5, 8], а также положений, содержащихся в учебных пособиях по арбитражному процессу и АПК РФ, необходимо выделить следующие способы выявления доказательств по делу, сбора, оценки и их исследования, используемые арбитражным судом.

Так, в соответствии со ст. 134, 135 АПК РФ существуют следующие общие способы выявления доказательств по делу:

1) ознакомление: с поступившим в суд иском заявлением и приобщенными к нему письменными доказательствами, а также с отзывом на иск;

2) собеседование с истцом, сторонами и лицами, участвующими в деле;

3) избрание правовой нормы, регулирующей данный вид отношений;

4) ознакомление с разъяснениями вышестоящих судебных инстанций: постановлениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, а также постановлениями Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившими силу постановлениями Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационными письмами Верховного Суда Российской Федерации, обобщениями судебной практики и рекомендациями арбитражных судов соответствующих округов и апелляционных судов и т. д.

К способам сбора доказательств можно отнести:

- представление доказательств лицами, участвующими в деле, и их представителями (ст. 41, 126 АПК РФ);

- истребование доказательств судом от лиц и организаций, у которых они находятся, по своей инициативе либо по ходатайству участвующих в деле лиц в случае, если они не могут получить их самостоятельно (ст. 66 АПК РФ);

- направление судебного поручения о предоставлении доказательств (ст. 73 АПК РФ);

- вызов в суд в качестве свидетеля (ст. 88 АПК РФ);

- назначение экспертизы (ст. 82 АПК РФ).

На основе анализа нормативной базы и АПК РФ следует выделить следующие способы оценки доказательств:

- оценка относимости доказательств (ст. 67, 71 АПК РФ);

- оценка допустимости (ст. 68, 71 АПК РФ);

- оценка достоверности (ст. 71 АПК РФ);

- оценка достаточности (ст. 71 АПК РФ);

- оценка взаимной связи доказательств в их совокупности (ст. 71 АПК РФ).

В АПК РФ также выделяются ряд способов исследования доказательств:

- осмотр и оглашение письменных доказательств и заключения эксперта (ст. 75, 86 АПК РФ);

- 2) осмотр вещественных доказательств (ст. 76–79 АПК РФ);

- получение объяснений от лиц, участвующих в деле (ст. 81 АПК РФ);

- допрос свидетелей и экспертов (ст. 88, 86 АПК РФ);

- воспроизведение аудио- или видеозаписи (ст. 89, 155 АПК РФ).

Применительно к изложенному следует отметить, что приведенные выше способы выявления, сбора и исследования доказательств по делу используются арбитражным судом при рассмотрении дел в порядке общего производства. При рассмотрении дел в порядке упрощенного производства, учитывая специфику производства по ним, установленную главой 29 АПК РФ, данные способы применяются не в полном объеме, поскольку указанные дела рассматриваются единолично судьей без вызова сторон по представленным ими в установленный судом срок доказательствам.

В соответствии с ч. 5 ст. 268 АПК РФ суд исследует изложенные в представленных сторонами документах объяснения, возражения и (или) доводы лиц, участвующих в деле, и

принимает решение на основании доказательств, представленных в течение указанных сроков.

С учетом изложенного при рассмотрении дел в процедуре упрощенного производства суд не использует такие применяемые в общей процедуре способы выявления, сбора и исследования доказательств по делу, как собеседование с истцом, сторонами и лицами, участвующими в деле, когда они не могут получить их самостоятельно; направление судебного поручения о предоставлении доказательств; вызов в суд в качестве свидетеля; назначение экспертизы; получение объяснений от лиц, участвующих в деле; допрос свидетелей и экспертов.

Соответственно, учитывая, что способ представляет собой согласованную совокупность родственных приемов, которые используются для достижения конкретной цели, можно сделать вывод, что каждый из приведенных выше юридико-технологических способов состоит из ряда юридико-технологических приемов, объединенных общей целью соответствующей деятельности.

Высшую степень консолидации юридико-технологических элементов представляют собой юридические технологические способы технологии установления фактических обстоятельств арбитражными судами.

Содержание этих методов неоднородно, что обусловлено широким спектром задач, для решения которых они используются.

При помощи таких чувственно-рациональных методов познания, как наблюдение, сравнение, описание и моделирование, суд посредством осуществления интеллектуальной составляющей технологии правоприменения определяет предмет доказывания и круг подлежащих установлению по делу доказательств и исследует доказательства.

Обращаясь к формально-логическим методам, суд, опять же на интеллектуальном уровне, формирует свои суждения, умозаключения, рассуждения относительно изучаемых им «фактов жизни», а также анализирует логические построения, выдвигаемые участвующими в деле лицами и содержащиеся в различных письменных источниках, представляемых в материалы дела.

Специальные методы исследования иных наук применяются судом уже преимущественно на физическом уровне правоприменительной деятельности.

Например, используя физико-химические методы анализа состава, структуры, свойств веществ и материалов, судья, как уже отмечалось в разделе о средствах правоприменительной технологии, может обнаружить явные подчистки и дописки в представленных ему на обозрение документах.

При помощи математических методов измерения, сравнения, вычисления судья осуществляет оценку доказательств и делает выводы о достаточности, достоверности доказательств по делу либо о необходимости отклонения одних доказательств и поиска других доказательств. Эти методы особенно широко применяются в рамках обязательственных дел о взыскании задолженностей по различным обязательствам, а также санкций за невыполнение этих обязательств.

В процессе правоприменительной деятельности чувственно-рациональные и математические методы могут комбинироваться.

Психологические методы введены нами в состав технологии с учетом того, что, несмотря на документальный уклон именно арбитражного правоприменения (доказательственная база в основном состоит из документов), в нем задействованы живые люди со своими устремлениями, эмоциями, психологической мотивацией. Поэтому судья,

кроме всего прочего, должен учитывать особенности психологических реакций участвующих в деле лиц и пытаться использовать их в целях установления истины по делу.

При помощи специально-правовых методов и правил судья организует рассмотрение дела в целом и его стадий, планирует проведение отдельных судебных действий. Эти методы преимущественно закреплены в АПК РФ и в основном имеют императивное значение для судьи. Основным специально-правовым методом арбитражного суда следует назвать императивно-диспозитивный метод, в котором, с одной стороны, сочетаются равноправие сторон, а с другой – властное положение суда по отношению к сторонам и другим участвующим в арбитражном процессе лицам.

Императивно-диспозитивный метод арбитражного процессуального права определяющим образом влияет также и на процессуальную арбитражную форму.

Деятельность арбитражного суда по реализации норм права, как и любые иные виды правоприменительной деятельности, следуют сложившимся на практике правилам, в которых как в зеркале находят свое отражение наиболее общие закономерности и специфические черты арбитражной правоприменительной функции.

В составе арбитражной технологии, по нашему представлению, существует два вида таких правил – общие и специальные.

К числу общих юридических технологических правил можно отнести правила законности при рассмотрении дела, равноправия сторон, равенства сторон, независимости судей, обоснованности, состязательности, справедливости, гласности, а также процессуальной соразмерности и экономии, а также другие правила-принципы, являющиеся базовыми для правоприменительной деятельности всех видов и типов.

Помимо этого, деятельность судьи на стадии изучения фактических обстоятельств по определению, сбору, исследованию и оценке доказательств подчинена специальным правилам, регламентирующим только вопросы, относящиеся к деятельности суда на этой стадии. Некоторые из этих правил нормативно регламентированы АПК РФ и относятся только к деятельности арбитражного суда, некоторые такой регламентации не имеют и применяются не только арбитражными судами, но и всеми правоприменительными органами на начальной функциональной стадии правоприменения³⁶.

К числу нормативно установленных специально для арбитражных судов относятся, например, правила получения, сбора и оценки добытых доказательств: правила их получения установлены ч. 1 ст. 64 АПК РФ, п. 2 ст. 50 Конституции РФ; правила их представления и истребования закреплены в ст. 66 АПК РФ; правила исследования доказательств установлены ч. 1 ст. 70 АПК РФ; правила оценки доказательств установлены ст. 71 АПК РФ.

³⁶ К нормативно регламентированным правилам толкования письменных источников, пожалуй, можно отнести правила, изложенные в ст. 431 ГК РФ, которые, в свою очередь, отсылают к правилам толкования языковым и систематическим. Здесь законодатель рекомендует при толковании условий договора принимать во внимание буквальное значение содержащихся в нем слов и выражений, а в случае неясности смысла документа и после этого – сопоставить это условие с другими условиями и смыслом договора в целом. Если же смысл договора не уяснен и после применения указанных выше правил языкового толкования, законодатель рекомендует прибегнуть к систематическому толкованию и выявить общую волю сторон, приняв во внимание всю сопутствующую договору переписку, практику взаимоотношений сторон, их последующее поведение, обычаи делового оборота.

К специальным процессуальным правилам, не имеющим такой регламентации и применяющимся всеми правоприменительными органами, относятся, например, различные правила толкования документов и правовых норм³⁷.

В арбитражном процессуальном праве и в целом в арбитражной процессуальной науке эти приемы практически не освещены, за исключением, может быть, основных приемов оценки доказательств, но и они освещены в достаточно примитивном виде, что вынуждает практикующих судебных работников эмпирически восполнять обнаруженные ими пробелы в законе.

Более или менее проработаны юридико-технологические тактические приемы проведения судьей судебных заседаний и рассмотрения дела в целом. Однако при этом практически оставлены без внимания, как на нормативном, так и на доктринальном уровнях, тактические и технические приемы осуществления судьей деятельности по опросу участвующих в деле лиц, их представителей и допросу свидетелей, экспертов; тактические приемы познания, исследования и оценки обстоятельств дела и доказательственной информации, основанные на законах формальной логики, а также использование технических средств при исследовании доказательств в виде письменных документов, обнаруженных различных вещественных доказательств, использования аудио, видеотехники и справочно-информационных систем³⁸.

Между тем, как уже отмечалось, без знания этих тактических и технических приемов и средств практически невозможно достичь поставленной цели в процедуре установления юридических фактов по делу, имевших место в действительности.

В результате судья вынужден обращаться к отраслевым научным знаниям, в сфере деятельности которых исследуются и успешно применяются приемы, способы и средства, которые могут быть приспособлены к нуждам арбитражного правоприменения.

Так, например, психологические приемы допроса и опроса свидетелей, экспертов, лиц, принимающих участие в деле, специалистов должны разрабатываться не только в рамках уголовного, но и арбитражного процессов. Можно предложить для использования в арбитражном процессе следующие тактические приемы, разрабатываемые в рамках криминалистики.

Прежде всего, к ним относятся приемы нахождения психологического контакта судьи с лицами, которых он допрашивает или опрашивает в ходе судебного заседания:

1) пробуждение доверия к судье путем уважительного отношения к опрашиваемому, допрашиваемому; 2) формирование восприятия судьи в качестве независимого и компетентного специалиста.

³⁷ Перечень тактических и технических приемов, применяемых судьей арбитражного суда в процессе рассмотрения дела при опросе сторон и иных участвующих в деле лиц, их представителей, а также при допросе свидетелей, экспертов, составлен нами на основе анализа тактических приемов, применяемых в уголовном процессе, излагаемых в различных трудах по криминалистике и на основе взглядов ведущих современных ученых-процессуалистов: Треушников М.К. Судебные доказательства. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005. С. 167–267; Справочник по дока-зыванию в гражданском судопроизводстве / под ред И.В. Решетниковой. 3-е изд., перераб. М., 2006. С. 22–29, 40–42; Особенности рассмотрения дел в арбитражном процессе: практическое пособие / отв. ред. А.А. Арифупин, И.В. Решетникова. М., 2005. С. 27–109; Гусева А.В., Рассецкая Т.А. Криминалистика: учебное пособие для вузов. М., 2005. С. 34–38, 50–54, 91–144; Криминалистика / под ред. И.Ф. Пантелеева. М., 1984. С. 78–98, 180–214, 319–341

³⁸ Исходя из логического толкования положений ст. 88, 154, 162 АПК РФ, можно сделать вывод о том, что арбитражным процессуальным законодательством установлены вопросно - ответный и свободный способы допроса свидетеля: свидетель дает показания в форме свободного рассказа об имеющих значение для дела событиях и отвечает на вопросы судьи и участвующих в деле лиц.

Особого внимания заслуживают приемы анализа показаний в процессе допроса с целью обеспечения их правдивости, достоверности, полноты и позиции допрашиваемого, опрашиваемого, применение которых в арбитражном процессе может повысить качество деятельности судьи по исследованию и оценке доказательств:

- прием установления неискренности опрашиваемого или допрашиваемого: наблюдение за его поведением и психологическими реакциями при допросе или опросе; свидетель или опрашиваемое лицо дает слишком подробные и эмоциональные показания об обстоятельствах, которые не имеют существенного значения для дела, уклоняясь при этом от сообщения важной для дела информации;
- приемы выявления и пресечения лжесвидетельства, которые заключаются в последовательном выполнении таких действий: а) тщательно проанализировать показания свидетеля с целью выявления в них признаков, которые могут свидетельствовать о его неискренности; б) изучить материалы дела относительно свидетеля, и, получив данные о воздействиях, оказываемых на него участниками дела и их представителями, провести повторный допрос свидетеля; в) при заявлении свидетелем о том, что он давал ложные показания, выяснить обстоятельства, которые отвечают реальности событий, а также мотивы, на основании которых имели место заведомо ложные показания.

В состав используемых в рамках арбитражной технологии юридических технологических приемов диссертантом также включены приемы психологического воздействия на опрашиваемого, допрашиваемого в процессе допроса, опроса, которые направлены на получение правдивых показаний и преодоление установки на ложь и, которые, несмотря на неизбежную корректировку с учетом диспозитивного характера арбитражного процесса, все же могут принести заметную пользу при установлении имеющихся юридических фактов (фактических обстоятельств дела):

- ускорение темпа опроса или допроса с постановкой уточняющих вопросов с целью выявления противоречий в показаниях;
- неожиданное задавание среди второстепенных главных вопросов;
- замедление темпа допроса для выяснения отдельных деталей важных для дела обстоятельств;
- при выявлении противоречий в показаниях либо явном проявлении физиологических реакций, свидетельствующих о скрытом внутреннем психическом напряжении, повторное и подробное разъяснение свидетелю правил об уголовной ответственности за заведомо ложные показания.

В приведенной выше схеме тактических и технических приемов перечислены те из них, которые могут быть полезны судье при рассмотрении им арбитражного дела. При этом следует отметить, что используемые в тактике приемы опроса или допроса преимущественно реализуются путем постановки судьей вопросов, адресованных свидетелю или иному опрашиваемому лицу, и предоставления им доказательственной информации.

Как и всякая познавательная деятельность, правоприменительная деятельность судьи регулируется в числе прочих и законами логического мышления, в пределах которых разрабатываются проблемы о законах и правилах интеллектуальной деятельности, обеспечивающих их истинность.

Соответственно, к числу входящих в состав арбитражной технологии юридических технологических приемов мы относим и тактические формальнологические приемы³⁹.

Приемы, используемые при дедуктивном методе, особенно эффективны при установлении фактических обстоятельств типовых, повторяющихся споров, квалифицирующие признаки которых детально проработаны в ходе правоприменительной практики и подробно изложены в гипотезах и диспозициях норм.

Применение этих приемов требует наличия у судьи определенной интуиции и активного обращения к судебной правоприменительной практике. Это могут быть нетипичные дела либо дела, в которых стороны не выполняют требований суда о нормативном и доказательственном обосновании их позиций.

Аналогия зачастую используется в условиях пробельности правового регулирования, когда судья вынужден основывать свои выводы на предварительных версиях, созданных путем сравнения и отождествления со сходными правоотношениями, которые получили свое закрепление в праве.

Анализ и синтез являются основными приемами, востребуемыми на этой стадии правоприменения. Признаки исследуемого правоотношения детализируются при помощи приема анализа, а синтезирующая деятельность правоприменителя состоит в общей оценке установленной в процессе аналитической деятельности информации, имеющей тесную связь с задачами и конечными результатами исследования.

Можно предложить к использованию в арбитражном процессе судьей следующий примерный перечень технических приемов изучения письменных доказательств:

1) способы обнаружения подчистки в документе: а) микроскопическое исследование документа при помощи лупы с простым увеличением, лупы с подсветкой или микроскопа; б) осмотр документа на просвет, в проходящем свете; 2) приемы выявления дописок в документе: а) осмотр документа с помощью лупы или микроскопа в рассеянном или косо падающем освещении; б) совмещение сравниваемых документов при наблюдении их на просвет в проходящем свете (если проверяемый документ является одним из экземпляров документов, выполненных одновременно в нескольких экземплярах через копировальную бумагу); 3) приемы выявления травления и смывания документа: а) обычное визуальное наблюдение; б) осмотр документа с помощью лупы или микроскопа.

Как видно из приведенного перечня, при помощи даже простейших технических средств судья, обладающий элементарными знаниями, может составить мнение о степени подлинности предоставленного ему письменного доказательства. Соответственно, судья должен обладать техническими средствами, при помощи которых он может реализовать технические приемы исследования доказательств.

Таким образом, в структуру арбитражной технологии изучения фактических обстоятельств дела включаются различные юридические технологические средства, способы и приемы по реализации на этой стадии действующих норм права. Среди них важнейшее значение имеют приемы и способы логического мышления, тактические психологические приемы, тактические технические средства, приемы и способы и др.

Как уже отмечалось при характеристике данного элемента юрисдикционной технологии, основной характеристикой процессуальной формы выступает ее жесткая нормативная регламентация. Не является исключением из общего правила и арбитражная

³⁹ Примеры использования формально-логических приемов в арбитражной технологии составлены нами на основе анализа общего содержания этих приемов, выделяемого в формальной логике (изучение основано на монографии Тер-Акопова А.А. Юридическая логика. 2-е изд., стереотип. М., 2006), и путем их наложения на практику арбитражного правоприменения.

процессуальная форма, так как ее соблюдение служит гарантией и существенным условием законности принимаемых арбитражным судом определений, решений и постановлений.

Составляющими процессуальной формы являются процессуальные производства, процессуальные режимы и процессуальные стадии.

Можно выделить и производства, определяемые спецификой рассматриваемых арбитражным судом дел: общеисковое производство (раздел 2 АПК РФ); производство по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений (раздел 3 АПК РФ); производство по делам об установлении юридических фактов (глава 27 раздела 4 АПК РФ); производство по делам, рассматриваемым в упрощенной процедуре (глава 29 раздела 4 АПК РФ) и др.

Естественно, характер арбитражного процесса сказывается и на режиме соответствующего производства. Поскольку процессуальное производство и процессуальный режим – это парные категории, каждому процессуальному производству свойствен свой процессуальный режим.

Например, применительно к сопоставлению административного и общеискового арбитражных процессуальных производств следует отметить, что исходя из специфики административных производств, процессуальный режим в них является более императивным, властным, чем в общеисковом производстве, в котором степень его диспозитивности гораздо выше. Это выражается в нормативном закреплении большего количества обязанностей за административным органом, что обусловлено необходимостью защиты арбитражным судом в этом процессе «слабой стороны», которой в данном случае считается сторона, противостоящая административному органу.

В арбитражном процессе достаточно жестко регламентированы процедурные этапы, стадии реализации правоприменительной деятельности, хотя в арбитражном процессе до сих пор дискутируется вопрос о количестве этих стадий. Однако эта дискуссия никоим образом не влияет на степень императивности для правоприменителей процессуальных требований, регламентирующих деятельность судьи на каждом таком этапе.

Для нашей концепции арбитражной технологии в связи со стадиями важно то, что они фактически представляют собой нормативно регламентированные юридические технологические стратегические планы реализации функции по отправлению правосудия арбитражными судами, и в этом амплуа они выражаются в качестве составной части арбитражной технологии.

Арбитражная судебная технология установления фактических обстоятельств дела включает следующее:

1. Юридическая технологическая стратегия – на данной стадии стратегия правоприменительной деятельности состоит в реализации набора действий по осуществлению определенной последовательности специальных операций, которые, правда, не всегда должны жестко исполняться и могут подвергаться определенной корректировке в зависимости от особенностей того или иного дела:

а) определение предмета доказывания;

б) выявление доказательств (установление юридических фактов), входящих в предмет доказывания, которые по возможности могут быть подтверждены или опровергнуты;

в) выявление источников доказательственной базы;

г) распределение бремени доказывания;

- д) выбор наиболее эффективных средств, способов и приемов сбора доказательств;
- е) организационная работа по сбору доказательственной базы;
- ж) оценка собранных доказательств.

2. Юридическая технологическая тактика:

- а) определение предмета доказывания;
- б) обнаружение доказательств;
- в) сбор доказательств;
- г) исследование и оценка собранной доказательственной базы.

3. Юридические технологические методы:

а) чувственно-рациональные методы: наблюдения; сравнения; описания; моделирования; эксперимента и др.;

б) формально-логические методы: анализа и синтеза; индукции и дедукции; аналогии и традукции; построения гипотезы; обобщения, систематизации, классификации;

в) специальные методы других наук: математические; кибернетические; психологические; физические;

г) юридические методы: аналитические правовые методы; процессуальные методы организации рассмотрения и планирования отдельных судебных действий.

4. Юридические технологические способы:

- а) сбор доказательств;
- б) закрепления;
- в) проверки;
- г) оценки доказательств;
- д) исследования доказательств.

5. Юридические технологические правила:

а) общие правовые правила: законность, обоснованность и справедливость правоприменительной деятельности;

б) общие правила разумности процессуальной деятельности: соразмерности, экономии и т. д.

в) специальные процессуальные правила: получения, предоставления, истребования, оценки доказательств и т. д.;

г) толкования источников и норм права.

6. Юридические технологические приемы:

а) тактические приемы формально-логического познания: формирования понятия; построения дедуктивных и индуктивных умозаключений; установления причинно-следственной связи при помощи метода абстрагирования; построения умозаключений по аналогии; построения гипотез; логического доказывания и опровержения;

б) тактические приемы проверки доказательств: проверки относимости, допустимости, достоверности;

в) тактические психологические приемы допроса и опроса участников дела: установления контакта судьи с допрашиваемым и опрашиваемыми; анализа показаний с целью установления их достоверности и полноты; психологического воздействия на допрашиваемого (опрашиваемого), направленные на получение правдивых показаний; помощи допрашиваемому (опрашиваемому) в припоминании имеющих существенное значение для дела обстоятельств;

г) технические приемы осмотра всех имеющихся доказательств (письменных и вещественных): выявления подчистки, дописки, допечатки, исправления, травления и

смывания текста документа, замены листов или страниц, технической подделки подписей, печатей и т. п.

д) технические приемы использования спецсредств: использования фототехники; использования аудиотехники; использования видеотехники.

7. Процессуальная форма: процессуальные стадии; процессуальное производство; процессуальный режим.

Следует особо подчеркнуть, что на данной функциональной стадии особенно важны такие структурные элементы, как стратегия и тактика, которые на последующих стадиях существенно уступают место методам и способам, правилам и приемам, потому как рассматриваемая нами начальная стадия процесса право-применения стратегически и тактически направлена на выбор методов, способов, правил и приемов для принятия итогового решения в дальнейшем.

При этом особенно эффективными методиками являются:

- а) по делам, возникающим из гражданско-правовых отношений;
- б) по делам, связанным с административными правоотношениями;
- в) по делам о взыскании убытков.

Литература

1. Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.
2. Гусева А.В., Рассецкая Т.А. Криминалистика: учебное пособие для вузов. М., 2005.
3. Криминалистика / под ред. И.Ф. Пантелеева. М., 1984.
4. Особенности рассмотрения дел в арбитражном процессе: практическое пособие / отв. ред. А.А. Арифудин, И.В. Решетникова. М., 2005.
5. Решетникова И.В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. Екатеринбург, 1997.
6. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. 3-е изд., перераб. М., 2006.
7. Тер-Акопова А.А. Юридическая логика. 2-е изд., стереотип. М., 2006.
8. Треушников М.К. Судебные доказательства. 4-е изд., испр. и доп. М., 2005.

Kolesnik I.V. Tehnologija ustanovlenija fakticheskikh obstojatel'stv dela v arbitrazhnom sude / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

**ТЕХНОЛОГИЯ ВЫБОРА И АНАЛИЗА АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ НОРМЫ ПРАВА,
ПОДЛЕЖАЩЕЙ ПРИМЕНЕНИЮ ПО ДЕЛУ⁴⁰**

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

После установления фактических обстоятельств дела судья переходит ко второй функциональной стадии своей деятельности – к выбору и анализу правовой нормы, которую необходимо применить по конкретному делу.

Как нами отмечалось ранее, технология установления фактических обстоятельств дела имеет сходство с технологией выбора и анализа правовой нормы, подлежащей применению по рассматриваемому делу. Во многом это объясняется тем, что первая и вторая стадии взаимно диалектически взаимосвязаны и взаимообусловлены, они как бы служат взаимным дополнением друг друга. Так, при установлении обстоятельств дела исследуются наступившие юридические факты, имеющие важное значение для решения исследуемого судебного дела. Для выяснения юридических фактов важно правильно выбрать нужную норму права и дать ей верное личное толкование. Чтобы сделать это, необходимо иметь полную информацию о действительных фактических обстоятельствах исследуемого дела.

В практической деятельности применение норм права являет собой процесс постоянного обращения то к юридическим фактам, то к правовым нормам действующего законодательства и обратно. Затем на основе поведенного анализа нормы права осуществляется субъектом правоприменения более глубокое исследование обстоятельств, имеющих важное значение для судебного дела. В дальнейшем вновь возникает необходимость обращения к нормам права, если возникает потребность в уточнении отдельных невыясненных обстоятельств, и так до тех пор, пока субъект правоприменения не достигнет истины по делу, после чего можно переходить к стадии вынесения решения.

Вместе с тем, следует помнить, обращает наше внимание А.Ф. Черданцев, что в случае, если на первой стадии не будет осуществлена предварительная правовая квалификация имеющихся юридических фактов, на второй стадии судья, полагаясь на правильную квалификацию избранной правовой нормы, проводит окончательную

⁴⁰ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

квалификацию всех имеющихся юридических фактов, имеющих важное значение для дела [7, С. 112; 15, С. 113].

При этом первоначальная квалификация юридического факта осуществляется на самой первой стадии исследования конкретного дела, в период накопления фактических обстоятельств, имеющих значение по находящемуся в производстве делу, а также к выбору тех или иных правовых норм. Квалификационная работа на этой стадии, как правило, носит предварительный характер, так как выбор нормы права, подлежащей применению по делу, в дальнейшем может получить совершенно другой результат в связи с обнаружением новых юридических фактов, то есть изменения касаются процесса квалификации.

Поэтому для правильной правовой квалификации по исследуемому делу важно сверить результаты предварительной правовой оценки всего юридического состава дела, исходя из условий гипотезы и диспозиции избранной правовой нормы, а затем предпринять попытку повторного анализа правовой нормы.

Верное определение избранной нормы права, подлежащей применению, проверяется неоднократным обращением к повторным проверкам, то есть эта деятельность многоэтапная.

Проверка правильности текста избранной нормы права – первый этап в реализуемой процедуре правоприменителя. На втором этапе производится проверка на соответствие текста правовой нормы или правового акта официальной публикации и, наконец, наступает третий этап, в ходе которого предоставляется возможность проверить действие нормы права в пространстве, во времени, и по кругу лиц. После установления верности текста действующему законодательству, следует осуществить действия, связанные с уяснением ее толкования и использованием приема казуального толкования, установив, насколько соответствует обстоятельствам и юридическим фактам, установленным первой стадии.

Проверив и уяснив фактическую и юридическую стороны дела, правоприменитель производит окончательную правовую квалификацию по исследуемому делу.

Соответственно, схематично структура арбитражной технологии выбора и анализа нормы права при использовании тех же средств, что указаны на предыдущей стадии, выглядит следующим образом:

Общий план деятельности по выбору и анализу нормы права:

- поиск нормы права, соответствующей данному делу;
- установление подлинности текста нормативного правового акта, содержащего правило поведения по рассматриваемому делу;
- проверка подлинности нормы права;
- проверка действия нормы права во времени, в пространстве и по кругу лиц;
- сверка статуса правовой нормы;
- уяснение смысла и содержания правовой нормы (ее толкование в форме уяснения и разъяснения);
- поиск нормы, если обнаружится пробел в праве;
- корректировка выбранной правовой нормы и предварительной квалификации спорного правоотношения на основе результатов проверки, толкования и оценки правовой нормы;
- итоговая оценка правовой нормы и окончательная юридическая квалификация.

Общенаучные методы и способы осуществления деятельности по выбору правовой нормы и ее анализу:

- формально-логические методы – аналогия, традиция, гипотеза, анализ и синтез, индукция и дедукция, систематизация, классификация и др.;
- правовые методы – аналитические правовые методы.

Правила, которым должна подчиняться деятельность по выявлению и анализу правовых норм:

1) общие правовые правила – правила законности, обоснованности и справедливости правоприменительной деятельности; восполнения пробелов, толкования.

2) специальные процессуальные правила установления юридических обстоятельств дела:

а) правила проверки на соответствие правовых норм:

– правила проверки подлинности текста правового акта, в котором содержится соответствующая норма права;

– правила проверки подлинности нормы права;

– правила определения времени действия правовой нормы;

– правила пространственного определения действия правовой нормы;

– правила определения по кругу лиц, в отношении которых действует правовая норма;

б) правила толкования – языковые, логические, систематические и другие правила толкования;

в) правила восполнения пробелов в праве:

3) рассмотрение судебного дела по аналогии закона возможно только в исключительных случаях полного или частичного отсутствия правового регулирования рассматриваемого дела. При этом применение аналогии закона связано с рядом специальных правил:

– если аналогия непосредственно законом запрещена, то делать какие-либо заключения, используя ее, нельзя, если же действующее законодательство допускает наступление юридических последствий с наличием конкретных норм, тогда в ограниченном виде;

– правоположение, выработанное правоприменителем в результате использования аналогии закона, не может противоречить ни одной из норм действующего законодательства;

– заключительное решение дела с использованием аналогии закона предоставляет возможность поиска той или иной правовой нормы в соответствующей отрасли права, и только при отсутствии такой нормы в рассматриваемой отрасли законодательства можно обратиться к законодательным положениям иной отрасли права.

Приемы осуществления деятельности по обнаружению юридического основания исследуемого дела можно подразделить на тактические и технические.

Тактические приемы формально-логического познания:

1. прием формирования понятия (основан на последовательном использовании приемов анализа, абстрагирования, синтеза, сравнения, дедукции);

2. приемы построения дедуктивных умозаключений (на основе суждений и форме простого категорического силлогизма, условных разделительных, неполных умозаключений);

3. приемы построения индуктивных умозаключений (путем построения полных индукций, неполных индукций, научных индуктивных умозаключений на основе методов единственного сходства, единственного различия, соединенного метода сходства и различия, метода сопутствующих изменений, метода остатков);

4. приемы установления причинно-следственной связи при помощи метода абстрагирования;

5. приемы построения умозаключений по аналогии;

6. приемы построения гипотез (общих и частных, юридических версий при помощи методов анализа и синтеза);

7. на основании логических приемов осуществление проверки на предмет отсутствия противоречий в нормах права;

8. на основании логических законов реализация приемов логического доказывания и в необходимых случаях опровержения.

Тактические приемы проверки правильности текста исследуемой нормы права можно, в свою очередь, подразделить на:

- тактические приемы проверки подлинности нормы права;
- тактические приемы по толкованию исследуемых правовых норм;
- тактические приемы восполнения пробелов в праве: аналогия закона;
- аналогия права;
- субсидиарное применение законодательства;
- преодоление пробелов в праве на основании судебного обычая;
- тактические приемы преодоления коллизий в законе;
- технические приемы использования оргтехники и др.

Как уже отмечалось, на стадии, связанной с процессом выбора и последующего анализа нормы права, подлежащей применению судьей, осуществляется окончательная юридическая квалификация дела. Одной из основных причин, которые могут затруднить такую квалификацию, являются различные дефекты права, к которым в том числе относятся пробелы в праве и правовые коллизии. При выявлении таких дефектов юридическая квалификация осуществляется с использованием методики восполнения имеющихся пробелов в праве и исключения обнаруженных коллизий.

В связи с этим на исследуемой нами стадии большое значение имеют различные технологические приемы устранения дефектов права и, в частности, преодоления пробелов в праве.

Под пробелом в праве понимается полное или частичное отсутствие, а также неполнота норм права в действующем законодательстве, используя которые можно успешно восполнить отсутствующий недостаток в правовом регулировании относительно коллизионного правоотношения. Устранение пробелов возможно только на нормативном уровне путем принятия новой или внесения изменений в существующую норму. Преодоление пробелов в праве осуществляется путем использования входящих в технологический инструментарий правоприменительной технологии приемов преодоления таких пробелов, к которым относятся прием аналогии закона и прием аналогии права.

Возможность использования этих технологических приемов преодоления пробелов в праве существует только при допущении их использования законом. Так, пробел в правовом регулировании правоотношений, рассматриваемых в рамках уголовных и административных дел, означает запрет для правоприменителя на дальнейшее ведение уголовного и административного дела. Здесь действует принцип: «Нет преступления не

указанного в законе, нет наказания, не предусмотренного в законе». То есть результатом выявления пробела в уголовно-правовом и административно-правовом регулировании является либо отказ в возбуждении уголовного или административного дела, либо вынесение оправдательного вердикта.

В отличие от этого, пробел в регулировании гражданско-правовых отношений не влечет за собой прекращение правоприменительного процесса. Здесь действует иной принцип: «Разрешено то, что не запрещено». Соответственно, при наличии пробела в праве отказать в правосудии невозможно. В этом случае правоприменитель обязан прибегнуть к различным приемам преодоления таких пробелов, допускаемым гражданским законодательством. Это приемы аналогии закона и аналогии права, приемы, как принято говорить, субсидиарного применения законодательства и преодоления пробелов в законе на основании судебного обычая.

Применение указанных приемов возможно во всех случаях, если на это законодателем не установлено прямого запрета. Например, возможность применения аналогии закона закреплена в п. 1 ст. 6 ГК РФ, аналогии права – в п. 2 ст. 6 ГК РФ.

Применение аналогии закона означает возможность применения к неурегулированному отношению нормы закона, регулирующей сходные правоотношения. Прием аналогии права применяется в случае невозможности заполнения пробела в правовом регулировании при помощи аналогии закона по причине отсутствия в законе нормы права, регулирующей сходные правоотношения. При такой ситуации спорное правоотношение регулируется исходя из общих принципов и смысла права, под которыми понимаются общеправовые и отраслевые принципы права и правовой регуляции.

На втором этапе правоприменительной деятельности судья осуществляет толкование избранной им правовой нормы, регулирующей аналогичные спорные правоотношения. Вопросы толкования широко разрабатываются в праве и им посвящено значительное количество научной литературы.

Толковать означает взять в толк, понять значение чего-либо, осмыслить его содержание. То есть толкование права представляет собой процесс, совокупность правил, приемов, способов преодоления возникших у судьи неясностей при ознакомлении с выбранной им в процессе правоприменительной деятельности нормой права, регулирующей, по его мнению, спорные правоотношения.

Причем в науке существуют диаметрально противоположные взгляды на то, в каких случаях судья должен прибегнуть к толкованию нормы права: когда она ему неясна или в любом случае. Первая позиция была особенно распространена в дореволюционной цивилистике. Например, как указывал в свое время Е.В. Васьковский, кассационный гражданский департамент неоднократно обращал внимание на то, что если «буквальный смысл закона ясен, то суд обязан руководствоваться им, не прибегая к дальнейшему толкованию» [6, С. 51]. Такая позиция представляется не совсем верной, потому что помимо буквальной неясности, вызванной недостатками языковых составляющих нормы права, у правоприменителя могут возникнуть сложности в уяснении смысла нормы, вызванные дефектами ее логической конструкции.

Кроме того, процесс распространения нормы права на конкретный жизненный случай довольно сложен, и нельзя назвать практически ни одной нормы, которая бы имела абсолютную ясность для всех правоприменителей.

Еще дореволюционный ученый К. Малышев говорил о том, что толкованию должны подвергаться все нормы права, применяемые правоприменителем [12, С. 282; 16]. Однако

и эта позиция не может быть признана бесспорной, поскольку вызывает большой вопрос о необходимости проведения судьей процедуры уяснения содержания нормы права, которая ему ясна.

В связи с этим стоит согласиться с позицией по этому вопросу А.В. Слесарева, который указывает: «...как бы то ни было, но реальная ситуация такова: правоприменитель, считая закон ясным, толковать его не будет» [13, С. 42].

В науке выделяются различные виды способов толкования. Так, А.В. Аверин, а в свое время Е.В. Васьковский, выделяют словесный и реальный способы толкования [1, С. 171; 6, С. 56], А.Ф. Черданцев – языковой, исторический, систематический, логический способы [16, С. 35], С.С. Алексеев – грамматический (филологический), логический, систематический, специально-юридический, историко-политический и функциональный способы [2, С. 177], А.В. Слесарев – языковой, логический, специально-юридический способы [13, С. 50].

Как видно из приведенного обзора, различных классификаций способов толкования норм права в теории права множество, причем и это еще не предел. Например, более столетия назад Е.В. Васьковский выделял следующие виды способов толкования: грамматический, арифметический, геометрический и целый ряд других необычных видов толкования правовых норм [6, С. 95-96].

Безусловно, каждый из существующих в науке видов толкования имеет под собой реальную почву и свою нишу применения. Однако представляется, что для целей нашего исследования следует воспользоваться классификацией способов толкования, включающей в себя наиболее востребованные в судебной арбитражной практике способы, обусловленные формами существования права и непосредственно сущностью предмета толкования, – правовые акты-документы.

В частности, в качестве такового эти акты объективируются вовне, в правовой действительности, как письменные тексты, запечатленные на материальном носителе при помощи языковых средств и сконструированные по логическим правилам создания суждений и умозаключений.

Наиболее часто дефекты правовых норм (а под дефектами мы понимаем такую формулировку и конструкцию нормы права, в результате которых у судьи возникает необходимость в проведении дополнительных операций по уяснению содержания этой нормы права, по ее толкованию) возникают именно на языковом или логическом уровнях создания такого правового акта. Соответственно, и содержание нормы в этих случаях может быть уяснено при помощи тех же правил, по которым и строился текст.

Основываясь на этих особенностях внешнего выражения фиксации, построения правовых актов, русский юрист-правовед Н.М. Коркунов отмечал, что силой закона является закрепленное в нем правило, которое логически вытекает из сказанного [10, С. 299].

Это же отмечал и другой видный дореволюционный ученый-цивилист Е.В. Васьковский, который писал, что «грамматическое толкование определяет смысл закона по его словам, а логическое – толкует слова согласно их смыслу» [6, С. 92].

На этом основании в качестве базовых для технологии правоприменительной деятельности можно выделить в качестве основных способов толкования языковой и логический способы толкования, соответствующие формам существования права (языковой и логической).

При этом под языковым способом толкования понимается способ, представляющий собой уяснение смысла и содержания нормы права, вытекающих из составляющих ее слов и выражений, а под логическим, соответственно, способ толкования, при котором при помощи правил, приемов и законов формальной логики анализируется логическая структура понятий, суждений и умозаключений, составляющих текст правовой нормы, логика изложения нормы в целом.

Применительно к выделенному нами языковому способу толкования следует отметить, что такое толкование традиционно рассматривается как приоритетное, это связано и обусловлено тем, что главным информационным потоком раскрытия смысла и содержания норм права является его языковая форма, в связи с чем неясность нормы может быть обусловлена именно несовершенством этой формы выражения права [13, С. 51].

Правила языкового толкования, включенные диссертантом в приведенный выше состав правил правоприменительной технологии толкования, составлены путем унификации правил, составляющих содержание выделяемых В.А. Васьковским, А.В. Авериним, А.В. Слесаревым в рамках таких родственных языковому толкованию способов, как грамматический, смысловой, филологический, текстуальный [1, С. 200-212; 6, С. 98-100; 13, С. 54-67].

Это обусловлено тем, что они основаны практически на одних и тех же правилах и учитывают однородные особенности предмета толкования.

Причем здесь следует отметить, что Е.В. Васьковский в состав языкового, грамматического способа толкования, называемого им еще «смысловым», включал также правила проверки логической структуры текста правовой нормы. Это обусловлено предлагаемым им содержанием смыслового способа толкования, в ходе которого, по мысли автора, интерпретатор в процессе толкования должен «рассмотреть лексический элемент нормы» [6, С. 108-109].

Полностью разделяя позицию автора относительно объема и характера действий правоприменителя при языковом, грамматическом толковании нормы, следует не согласиться с объединением этих способов толкования в один с толкованием логическим (Е.В. Васьковский называет этот способ толкования смысловым), поскольку правила логики, определяющие порядок построения понятий, суждений и умозаключений принципиально отличны от правил грамматики. Поэтому нет смысла в их объединении в рамках одного способа толкования, тем более что по своей сути все способы толкования, какие только можно выделить в науке и выдумать, фактически являются «смысловыми», так как целью толкования всегда является уяснение смысла толкуемой нормы.

Соответственно, так как язык права складывается из различных элементов, в изложенной выше технологии толкования правовых норм языковой способ толкования разделен на подвиды: правила их лексического, синтаксического и стилистического толкования.

В связи с изложенным в рамках лексического толкования изучается смысловая нагрузка слов, из которых составлена норма права, в рамках стилистического толкования рассматриваются способы толкования, обусловленные стилистикой нормы права, которые опосредуются определенным подбором слов и употреблением синтаксических конструкций, в рамках синтаксического способа толкования исследуются способы сочетания слов в предложениях, из которых состоит норма права. «Процесс толкования

норм права, – как справедливо замечает Л.В. Соцуро, – объективно обусловлен, он подчиняется “законам диалектической логики”» [14, С. 7].

Способы логического толкования выделяются диссертантом в отдельную группу, поскольку, как уже отмечалось, после языковых, второе место по частоте правотворческих (и правоприменительных) ошибок занимают именно дефекты логической конструкции нормы права. В связи с этим возникает необходимость в определении способов логического толкования.

Большинство ученых выделяют логические способы толкования в качестве самостоятельных способов толкования, хотя и иногда называют такое толкование сопоставительным, или реальным. Однако полагаем, что терминология в данном случае не имеет особого значения, так как все они понимают под обозначаемым разными наименованиями один и тот же способ уяснения содержания правовой нормы, который осуществляется при помощи приемов формальной логики [1, С. 213-222; 6, С. 91; 13, С. 58].

Включенные диссертантом в содержание технологии логического толкования правила и приемы составлены на основе классификаций, предложенных Е.В. Васьковским (правила логического, реального толкования) и А.В. Слесаревым (логические приемы толкования), которые переработаны, дополнены диссертантом и являются наиболее традиционными, устоявшимися в правоприменительной практике.

Кроме этого, в содержание технологии правоприменительного толкования также входят приемы специально-юридического толкования, предлагаемые С.С. Алексеевым и А.В. Слесаревым, под которыми они понимают разновидность толкования, основанного на уяснении правовых норм с помощью юридических знаний о специально-юридических средствах юридической техники (термины,

конструкции, определения и т. д.) об общих началах и смысле гражданского законодательства [3, С. 184; 13, С. 69-70].

С.С. Алексеев даже выделяет этот способ толкования в качестве основного способа толкования правовых норм, так как, по его мнению, именно он позволяет рассматривать толкование в качестве вершины юридической науки и юридического искусства, где смыкаются теоретическое и специальное познания, где они раскрывают свою силу и возможности при разрешении конкретных юридических дел [4, С. 135].

Полагаем, что такой способ толкования выделен в качестве самостоятельного вполне справедливо, хотя и в той части, которая основана на уяснении смысла нормы посредством толкования категорий и терминов он и пересекается с языковым способом толкования, поскольку данные термины также выражены при помощи слов.

Однако при этом не вызывает сомнения то, что правила толкования таких специально-юридических языковых конструкций определяются не только общими языковыми правилами лексики, но и специальными юридическими правилами юридической науки. В связи с изложенным считаем необходимым включить в схему технологии толкования также специально-юридический способ и раскрыть некоторые его приемы.

Как отмечалось, в правовой доктрине выделяют и другие способы толкования норм права, которые могут применяться правоприменителем по своему усмотрению. Наиболее устоявшиеся из них – это систематический, функциональный, телеологический и исторический способы толкования.

Однако мы не включаем их в состав правил и приемов толкования правоприменительной технологии второй функциональной стадии правоприменительной

деятельности, поскольку цель работы иная. В схеме содержится лишь указание на эти способы и их суть⁴¹.

Это обусловлено тем, что необходимо не выдвигать новые революционные классификации способов толкования правовых норм, а наполнить содержание предлагаемой концепции правоприменительной технологии проверенными правоприменительной практикой и временем правилами, приемами и способами, которые могут быть применены правоприменителем в реальной практике без ущерба для дела.

Основываясь на изложенном, можно заключить, что примерное содержание технологии толкования правовой нормы в арбитражном процессе составляют следующие способы, приемы и правила:

- языковое (грамматическое) толкование правовой нормы;
- логическое уяснение смысла и содержания правовой нормы;
- систематические способы толкования правовой нормы;
- специально-юридические способы толкования правовой нормы.

1. Языковое (грамматическое) толкование правовой нормы (уяснение содержания толкуемой нормы) осуществляется путем исследования лексической, синтаксической и стилистической особенностей толкуемой нормы права:

а) исследование лексического элемента нормы с целью определения смысла отдельных слов и словесных предложений при помощи системы правил лексического толкования:

– если творцом правовой нормы сделано пояснение в тексте нормативного правового акта, в каком смысле употреблено слово, то именно в таком смысле оно должно быть принято;

– если законодателем не сделано пояснение относительно того, в каком значении употребляется то или иное слово, ему должен придаваться смысл, определяемый принятым в языке словоупотреблением;

– если в нормативном правовом акте имеют место быть специальные термины, и смысл их не всегда определен законодательно, то следует исходить из их общего понимания, которое они имеют в других отраслях знания;

– применяемым словам должен придаваться тот смысл, который они имели период подготовки проекта законодательного акта;

– исследуя значение слова, нельзя упускать из вида специфику местных наречий и диалектов, которыми законодатель мог воспользоваться;

– толкование слов должно иметь логическую связь и обусловленность с другими аналогичными словами и контекстуальную связанность с общим смыслом, в котором его принято употреблять;

– словам должны быть придаваемы оттенки, соответствующие стилю законодателя;

– в случае сомнения в значении двусмысленного слова предпочтение должно отдаваться обычному значению.

Способы лексического толкования различны:

– обращение к параллелизмам (этот способ заключается в поиске других норм закона, в которых содержится слово, смысл которого не ясен, и проведении на этой базе исследования по правилам индукции);

⁴¹ Конструкция приемов такого толкования излагается по: Алексеев С.С. Проблемы теории пра-ва: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2. С. 179–181.

– применение дедуктивного метода, при котором смысл слова определяется на основе его этимологии, то есть на основе этимологии слова строится умозаключение, из которого выводится новое знание об исследуемом предмете – о смысле исследуемого слова;

б) исследование синтаксического элемента (исследование значения слов не порознь, а в предложениях, обособленных определениях и обстоятельствах, выраженных причастными и деепричастными оборотами, то есть уяснение смысла фразы в целом). Способы синтаксического толкования:

– смысл выражений, представляющих определенную трудность в восприятии вследствие своей сложности, необходимо понимать исходя из их соответствия синтаксическим правилам языка;

– из равновозможных вариантов толкования необходимо выбрать тот, синтаксическое строение которого соответствует синтаксическому строению нормы права, избранной для толкования;

в) исследование стилистического элемента (исследование стилистического строения нормы права, уяснение особенностей слога закона). Основное правило стилистического толкования: из нескольких равновозможных вариантов толкования следует предпочитать тот, стилистическое строение формулировки которого будет соответствовать стилистическому строению толкуемой нормы.

2. Логическое уяснение смысла и содержания правовой нормы следует проводить исходя из анализа логической связи между соединенными в одно предложение понятиями, а также логической конструкции нормы в целом при помощи приемов и законов формальной логики, логический анализ связи норм через отношения, урегулированные нормами права.

Способы логического толкования:

– из равновозможных вариантов толкования следует предпочитать тот, который является безупречным с точки зрения формальной логики;

– норма права, получившая разъяснение субъектом легального толкования, осуществившим такое толкование в рамках своей компетенции с соблюдением установленного порядка разъяснения, подлежит применению;

– понимание правовой нормы, не подлежащей официальному разъяснению, осуществляется в соответствии с установленной логической связью с иными нормами права, при этом:

а) интерпретируя норму права, судья обязан исходить из презумпции ее логической связи с нормами права. Например, несмотря на нахождение даже в различных кодексах, все же в ближайшей логической связи состоят нормы права, закрепленные в ст. 1, 375, 415 ГК РФ и ст. 4, 52, 53, 36, 37, 75, 125 АПК РФ, так как они на материальном и процессуальном уровне закрепляют принцип диспозитивности гражданского права и арбитражного процесса. То есть, перечисленными нормами на материальном уровне закреплена свобода физических и юридических лиц в приобретении и осуществлении ими имеющихся у них гражданских прав, а на процессуальном уровне обеспечена фактическая реализация данных материальных прав путем установления свободы распорядительных действий сторон и других участвующих в арбитражном процессе лиц (а именно, их права самим решать вопрос о возбуждении дела в арбитражном суде, определять объем изучения судом спорного правоотношения, выбирать суд, прекратить рассмотрение спора

в любое время, по своему усмотрению отказаться от исковых требований либо признать их и т. д.);

б) предпочтение должно отдаваться результату, полученному при толковании нормы в совокупности с теми, которые стоят в ближайшей к ней логической связи, и лишь при неуспехе такого толкования необходимо пользоваться нормами, стоящими в отдаленной связи;

в) аналогичное требование должно исполняться и в случае систематического нахождения нормы права от стоящего рядом к более отдаленному, например, от статьи к главе, от главы к разделу, от раздела целиком к самому акту, от одного правового акта к группе. Это обусловлено тем, что всякая норма права является, прежде всего, элементом согласованной структуры и, соответственно, не может рассматриваться в отрыве от правой системы в целом. Этим же подходом руководствуется и Конституционный Суд РФ (далее – КС РФ), интерпретационная деятельность которого должна рассматриваться судьями арбитражного суда как методологическая. В частности, в соответствии с ч. 2 ст. 16 Конституции РФ, никакие конституционные положения не должны и не могут противоречить установленным основам конституционного строя России. Таким образом, интерпретация КС РФ любых конституционных норм не может не соответствовать нормам первой главы Конституции, которыми закреплены эти основы.

С другой стороны, КС РФ вправе толковать конституционные нормы только таким образом, чтобы в результате не возникало противоречий между установленным этим судом смыслом этой конституционной нормы с иными нормами конституции;

– правовая норма, не имеющая официального толкования, может быть истолкована исходя из собственного основания, но только в случае если само основание законодательно закреплено по следующим основаниям: поправовому принципу, по правовой цели, по мотиву и другим основаниям;

– если у нормы права нет официального толкования, судья, перед тем как приступить к личному толкованию (интерпретации), обязан воспользоваться имеющейся логической связью исследуемой нормы с другими нормами по самым разным связям, а затем предпринять попытку установления соответствия толкуемой нормы принципам права и нормам международного права, исходя из примата норм международного права.

Способы и приемы устранения логической неясности правовой нормы:

– доведение буквального толкования правовой нормы до абсурда;

– логическое преобразование высказываний, полученных из других путем применения к первым соответствующих логических приемов;

– логическое выведение – это действие по созданию нового знания из предшествующего знания. Сущность логического выведения заключается в дедукции.

Пример применения приема логического вывода путем полной дедукции в правоприменительной деятельности судебных арбитражных органов приведен в п. 1 Информационного письма ВАС РФ от 21 июня 2004 года № 77.

Исходные данные таковы: одно из унитарных государственных предприятий обратилось с иском в арбитражный суд по делу об оспаривании постановления службы судебных приставов по исполнительному документу, направленного ему налоговой инспекцией.

Рассмотрев материалы исполнительного производства, арбитражный суд вынес решение о прекращении дела, сославшись при этом на то, что судебные дела об оспаривании деяний судебных приставов, ведущих исполнительное расследование,

согласно ст. 90 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве», должны рассматриваться в судах общей юрисдикции.

Однако кассационная арбитражная инстанция данное решение суда первой инстанции отменила и направила дело на повторное рассмотрение, заметив при этом, что судебное определение вынесено с нарушением норм АПК РФ, вступившего в законную силу с 1 сентября 2002 года.

ВАС РФ, проанализировав эту правовую ситуацию, указал, что, согласно ст. 329 (ч. 1) АПК РФ, деяния судебного пристава могут быть оспорены и повторно рассмотрены в арбитражном суде в соответствии с нормами, установленными АПК РФ и иными нормами федерального законодательства.

Необходимо также иметь в виду, что после принятия и вступления в 2002 году в законную силу АПК РФ п. 1 ст. 90 Федерального закона от 21 июля 1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» применяется исключительно с учетом действующих норм процессуального законодательства, согласно которым юридические и физические лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, вправе оспорить в арбитражном суде любые деяния судебного пристава за исключением решений судов общей юрисдикции.

Этот вывод был сделан ВАС РФ путем использования приема логического толкования, называемого «логическое выведение» при помощи полной дедукции: на базе отдельных правовых положений АПК РФ, например, ч. 1 ст. 329, ч. 1 ст. 27, п. 2 ст. 29 и ч. 1 ст. 197, этой судебной инстанцией был сформулирован правовой принцип подведомственности арбитражному суду дел об оспаривании постановлений должностных лиц органов принудительного исполнения по исполнению исполнительных документов, выданных не только арбитражным судом, но и налоговыми органами, если этими документами нарушаются права и интересы заявителей, ведущих предпринимательскую или какую-либо иную экономическую деятельность;

– выводы из умозаключений степени – это один из видов умозаключений, в которых, как утверждал Гуляев А.М., всесылки и выводы выступают в роли суждений об отношениях степени «больше – меньше» и т. д. [8, С. 29];

– выводы из понятий. Сущность этого логического приема толкования состоит в следующем: юридическое понятие включает в себе юридические признаки обозначаемого им явления. При толковании путем вывода из понятия смысл нормы права уясняется с помощью раскрытия содержания понятия через входящие в него признаки. Таким образом, у правоприменителя появляется возможность сопоставить данное понятие с другими содержащимися в интерпретируемой норме понятиями и, соответственно, уяснить смысл нормы права в целом.

Например, при помощи этого правила может быть уяснено содержание п. 2 ст. 609 ГК РФ в части вопроса о том, договоры аренды какого конкретно имущества подлежат государственной регистрации.

Согласно положениям этой статьи договор аренды недвижимого имущества подлежит обязательной государственной регистрации, если иное не установлено действующим законодательством. Чтобы уяснить, в каких случаях договор аренды подлежит регистрации, «развертываем» понятие «недвижимое имущество», принципиально влияющее на форму заключения договора, то есть раскрываем его признаки и таким образом даем определение этого понятия.

Признаки и определение недвижимого имущества даны в ст. 130 п. 1 ГК РФ, в соответствии с которым таким имуществом являются объекты, как это было установлено еще во времена действия частного римского права, прочно связанные с землей, и перемещение которых невозможно без несоразмерного ущерба их назначению.

Раскрыв, таким образом, содержание понятия «недвижимое имущество», интерпретируем при помощи логического приема «вывода понятий» смысл п. 2 ст. 609 ГК РФ следующим образом: «Договор аренды имущественных объектов, прочно связанных с землей, перемещение которых невозможно без несоразмерного ущерба их назначению, а также иных приравненных к ним Законом объектов, подлежит государственной регистрации, если иное не установлено законом»;

– вывод по аналогии – это логическое умозаключение, в результате построения которого, как справедливо отмечает Н.И. Кондаков, приобретает знание о присущих признаках, свойственных одному предмету, на основании полученного нового знания, что он содержит в себе сходство с другими предметами [9, С. 475]. Данный способ толкования обусловлен наличием в законодательстве различных неполных перечней (обстоятельств): «и другие», «в аналогичных случаях» [11, С. 96].

Систематический способ толкования правовой нормы состоит в понимании смысла нормы права с учетом ее места в системе права, отрасли права, в правовом институте.

Правило систематического уяснения смысла нормы права: уяснение правовой нормы, у которой отсутствует статус официального толкования, осуществляется на основе систематического расположения – от ближайшего к более отдаленному. Это обусловлено тем, что всякая норма права является, прежде всего, элементом согласованной структуры и, соответственно, не может рассматриваться в отрыве от правовой системы в целом.

Например, этим же подходом руководствуется и Конституционный Суд России, интерпретационная деятельность которого должна рассматриваться судьями арбитражного суда как методологическая.

Специально-юридический способ толкования правовой нормы заключается в уяснении содержания норм права на основе правовых знаний с целью недопущения искажений в понимании сущности и содержания права в целом.

Приемы специально-юридического толкования правовой нормы, основанные на юридико-технических особенностях их изложения:

– нормативное толкование – содержание этого приема сводится к реконструированию нормативного предписания на основе текста правовой нормы и переводу описательного предложения в нормативное.

Путем использования данного приема толкования ВАС РФ в п. 32 своего совместного в Верховным Судом РФ Постановления Пленума от 1 июля 1996 года № 6/8 «О некоторых вопросах, связанных с применением части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» интерпретировал содержание п. 1 ст. 166 ГК РФ следующим образом: несмотря на отсутствие в данной норме и в других нормах ГК РФ нормативных предписаний о допустимости признания ничтожных сделок недействительными, как судами общей юрисдикции, так и арбитражными судами, они все-таки могут быть признаны недействительными по искам заинтересованных лиц или по инициативе самого суда;

– отраслевое толкование – в ряде случаев содержание и свойства правовых норм определяются отраслевой типизацией содержащихся в них правовых предписаний. Соответственно, отраслевой прием толкования основан на установлении отраслевой принадлежности интерпретируемой нормы права и определении на этой основе пределов

допустимости применения инструментария одной отрасли права к отношениям, составляющим предмет другой отрасли права.

В качестве примера применения этого приема толкования в правоприменительной практике арбитражного суда можно привести материалы следующего судебного дела.

Государственное учреждение предъявило иск к ОАО о взыскании с него, в том числе пени на основании п. 8 ст. 16 Закона РФ «О государственном материальном резерве» за необеспечение количественной сохранности материальных ценностей государственного резерва. Судебный орган первой инстанции уменьшил размер подлежащей взысканию с ОАО неустойки (пени), применив к спорным правоотношениям норму ст. 333 ГК РФ, в соответствии с положениями которой суд вправе по своему усмотрению уменьшить неустойку, в случае если она явно несоразмерна сложившимся обстоятельствам. Применение к спорным правоотношениям положений ст. 333 ГК РФ было обосновано судом тем, что между участниками судебного процесса сформировались гражданско-правовые отношения по хранению ценностей мобилизационного резерва, ввиду чего к ним применимы положения гражданского законодательства и, в частности, ст. 333 ГК РФ.

Однако Федеральный арбитражный суд Северо-Кавказского округа (с 6 августа 2014 года – Арбитражный суд Северо-Кавказского округа) не согласился с принятым решением суда первой инстанции, отменил своим постановлением данное решение и взыскал с ОАО пеню в полном размере, сославшись на следующие обстоятельства. Не приняв во внимание, что ОАО является хранителем материальных ценностей государственного резерва для мобилизационных нужд Российской Федерации, суд первой инстанции неверно квалифицировал спорные правоотношения как гражданско-правовые и применил к ним норму ст. 333 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В частности, применяя ст. 333 Кодекса, суд не учел, что правоотношения, вытекающие из хранения материальных ценностей государственного резерва, являются не гражданско-правовыми, а публичными. Соответственно, к ним должны применяться не нормы гражданского законодательства, а нормы Федеральных законов «О государственном материальном резерве» и «О федеральном бюджете на 2003 год». Эти нормативные акты подлежат применению, поскольку в целях обеспечения публичных интересов законодатель вправе устанавливать меры принуждения в связи с несоблюдением законных требований государства. Ответственность за необеспечение количественной сохранности материальных ценностей государственного резерва в виде взыскания пени установлена п. 8 ст. 16 Закона РФ «О государственном материальном резерве».

На приведенном примере видно, что суд кассационной инстанции положил в основу своего постановления сопоставление отраслевой принадлежности двух норм права: п. 8 ст. 16 Закона РФ «О государственном материальном резерве», на основании которого с ответчика была взыскана неустойка, и ст. 333 ГК РФ, на основании которой суд первой инстанции снизил ее размер. Сделав вывод о том, что указанная норма гражданского законодательства неприменима к публичным отношениям, в сфере регулирования которых возникло спорное правоотношение, кассационный суд вынес решение об отмене решения суда первой инстанции;

– конструктивное толкование. Суть данного приема специально-юридического толкования заключается в уяснении содержания соответствующих юридических конструкций (на примере гражданского законодательства это могут быть тип,

вид и особенности договора, различные презумпции, фикции, способы защиты нарушенных прав).

Например, виндикационный спор может быть рассмотрен только после уяснения содержания конструкции «добросовестный приобретатель»;

– терминологическое толкование основано на уяснении юридического смысла тех или иных специально-юридических терминов, понятий («реституция, «виндикация», «юридическое лицо» и т. д.).

Таким образом, рассматриваемая в данном параграфе арбитражная технология выбора и анализа правых норм ориентирована на использование следующих юридических технических средств:

а) общесоциальных: язык и языковые единицы, категории формальной логики;

б) технических: компьютер как носитель справочно-аналитических баз данных нормативных источников и судебной правоприменительной практики;

в) специально-юридических: правовые категории, понятия и термины, правовые акты, акты применения (постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, информационные письма Верховного Суда Российской Федерации, обобщения судебной практики и рекомендации арбитражных судов соответствующих округов и апелляционных судов и т. д.).

Литература

1. Аверин А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания су-дей: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.

2. Алексеев С.С. Общая теория государства и права. Академический курс в двух томах. М., 2000. Т. 1: Проблемы теории права.

3. Алексеев С.С. Общая теория государства и права. Академический курс в двух томах. М., 1982. Т. 2.

4. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.

5. Алексеев С.С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Свердловск, 1973. Т. 2.

6. Васильковский Е.В. Учение о толковании и применении гражданских законов: Цивилисти-ческая методология. Одесса, 1901. Ч. 1.

7. Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

8. Гуляев А.М. Русское гражданское право. СПб., 1913.

9. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник. М., 1976.

10. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1908.

11. Лазарев В.В. Понятие пробелов в праве // Советское государство и право. 1967. № 4. С. 96.

12. Малышев К. Курс общего гражданского права России. СПб., 1878. С. 282; Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979.

13. Слесарев А.В. Судебно-арбитражное толкование норм гражданского права. СПб., 2005.

14. Соцуро Л.В. Неофициальное толкование норм права. М., 2000.
15. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.
16. Черданцев А.Ф. Толкование советского права. М., 1979.

Kolesnik I.V. Tehnologija vybora i analiza arbitrazhnym sudom normy prava, podlezhashhej primeneniju po delu / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ТЕХНОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ АРБИТРАЖНЫМ СУДОМ СУДЕБНОГО АКТА⁴²

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Технология принятия арбитражным судом итогового судебного акта по арбитражному делу (завершающая стадия правоприменительного процесса) направлена на исследование формально-реквизитных приемов технологии принятия итогового судебного акта по арбитражному делу и языковых правил и приемов составления текстов судебных актов.

При этом принятие итогового судебного акта по делу является третьей функциональной стадией правоприменительного процесса, которую иногда называют его завершающей стадией. Соответственно, существует и арбитражная технология разрешения дела по существу (принятия по делу итогового судебного акта).

Вопросы технологии изготовления текстов правовых актов, в том числе актов правоприменительных, являются предметом исследования именно юридической технологии, причем рекомендации ученых по конструированию текстов этих актов с известными ограничениями могут быть успешно применены и при создании текстов индивидуальных правоприменительных юрисдикционных правовых актов.

Вопросы техники построения текстов судебных актов арбитражных судов и судов общей юрисдикции раскрыты в многочисленных исследованиях в рамках отраслевых процессуальных наук. Выявлено, что используются следующие технико-юридические средства принятия решения:

а) общесоциальные средства: из области языкознания – непосредственно языковые единицы, терминология и стилистика; из области литературоведения – структура и композиция; из области делопроизводства и документоведения – реквизиты и формуляр; из области формальной логики – логические категории и конструкции;

б) технические средства: оргтехника, печатная техника;

в) специально-юридические средства: аргументация, юридические понятия и термины, правовые предписания, документы правоприменительной практики.

Таким образом, схематично структура арбитражной технологии по вынесению акта применения выглядит так:

1. Методы, способы выявления нормы права и ее анализа.

⁴² Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

- а) формально-логические методы: аналогия и дедукция, гипотеза, анализ и синтез, обобщение, индукция и дедукция, систематизация, классификация и др.;
 - б) правовые методы, способы – аналитические правовые методы.
2. Правила принятия решения:
- а) общие правовые правила – правила законности, обоснованности и разумности правоприменительной деятельности;
 - б) специальные юридические процессуальные правила принятия решения:
 - процессуальные правила принятия решения на интеллектуально-волевом уровне: процедурные правила принятия решения; процедурные правила оглашения решения;
 - процессуальные правила изготовления текста решения: правила, определяющие структуру решения; правила, определяющие содержание решения; правила, определяющие порядок оформления решения на бумажном носителе (делопроизводственные правила);
 - в) формально-реквизитные правила составления текста решения;
 - г) языковые правила составления текста решения (стилистические, лексические, грамматические правила составления текста решения);
 - д) логические правила составления текста решения.
3. Тактические и технические приемы принятия решения:
- а) языковые приемы построения текста решения:
 - стилистические приемы, относящиеся к тексту решения в целом, – точность, ясность, перерабатываемость, процессуальная экономия, выразительность;
 - лексические приемы построения текста решения – фразеологическая ясность, однозначность, апробированность, экспрессия, самообъяснимость, экономичность используемых терминов;
 - грамматические приемы построения текста решения;
 - б) формально-логические приемы и законы, используемые при построении текста решения:
 - формально-логические приемы построения суждений;
 - приемы построения дедуктивных умозаключений;
 - приемы построения индуктивных умозаключений;
 - приемы построения логических выводов;
 - приемы использования законов формальной логики при построении текстов решений (законов тождества, противоречия, достаточного основания, исключенного третьего);
 - в) гносеологические приемы построения текста решения:
 - приемы выбора адекватного лингвистического средства для выражения того или иного понятия;
 - приемы точного определения предмета доказывания, приемы адекватного отражения в тексте правового акта познанных явлений объективной действительности;
 - г) специально-юридические приемы принятия решения:
 - приемы юридической квалификации;
 - процессуальные приемы изложения и оформления текста решения;
 - д) формально-реквизитные приемы составления текста решения;
 - е) технические приемы использования технических средств при изготовлении текста решения.

Считаем необходимым дополнить сказанное, раскрыв содержание наиболее распространенных юридико-технологических правил и приемов в их практическом преломлении на примере арбитражных судов апелляционной инстанции.

При подготовке и оформлении судебных актов арбитражных судов используются следующие реквизиты, состав которых определяется их видом (решение, постановление или определение) и нормативно закрепленным перечнем информации, которая должна в них содержаться. Речь идет о формально-реквизитных правилах:

1. Герб РФ;
2. наименование судебной инстанции;
3. справочные данные о судебном органе;
4. наименование вида судебного акта;
5. номер дела;
6. номер апелляционного производства;
7. место вынесения судебного акта;
8. дата вынесения судебного акта;
9. дата оглашения судебного акта;
10. дата изготовления полного текста судебного акта;
11. состав суда;
12. данные о лице, ведущем протокол судебного заседания (предварительного судебного заседания);
13. данные о лицах, присутствовавших в судебном заседании (предварительном судебном заседании) от имени участников процесса;
14. данные о лице, подавшем апелляционную жалобу;
15. данные об обжалуемом судебном акте;
16. тексты описательной, мотивировочной и резолютивной частей судебного акта;
17. подпись (подписи) судей, принявших судебный акт.

В связи с этими требованиями к оформлению реквизитов решений судебного апелляционного органа являются следующие:

Реквизиты судебных актов набираются в Microsoft Word шрифтом Times New Roman. Обычно судами выбирается шрифт размером 12, 13, 14 через 1 или 1,5 интервала.

Герб. В соответствии с Федеральным конституционным законом от 25 декабря 2000 года № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации» [1] на бланках судебных актов помещается одноцветный Государственный герб РФ без геральдического щита. Герб следует размещать в верхней части первого листа бланка судебного акта, посередине тестового поля.

Официальное название судебного органа (п. 1 ч. 2 ст. 271 АПК РФ). В этом реквизите приводится полное наименование суда, которое должно указываться в следующей строке (или через одну пустую строку) после герба. Как правило, наименование суда выравнивается по центру документа, набирается прописными буквами, жирным шрифтом, через два пробела между словами:

Арбитражный апелляционный суд

3. Справочные данные о суде. Этот реквизит не указывается в бланках постановления и протокола судебного заседания. В его состав входят следующие данные о суде: адрес, телефон отдела делопроизводства, номер факса, наименование

электронной почты, реквизиты сайта суда. Эти данные указываются в строке после названия суда и форматируются в одну или две строки. В последнем случае в первой строке обычно указывается адрес суда, его телефон и факс, а во второй – его электронная почта и реквизиты сайта; строки выравниваются по центру документа, текст в строках набирается строчными буквами, нежирным шрифтом, через один пробел между каждым словом, размер шрифта 10, например: ул. Тарковского, д. 34, г. Ставрополь, 368000, тел./факс (8665) 36-26-25, E-mail: 21aas@mail.ru, Сайт: <http://121aas.arbitr.ru/>

4. Название судебного решения в виде акта применения. Состав и структура этого реквизита определяются видом судебного акта.

Так, если это постановление, то в наименовании судебного акта указывается либо полный вариант наименования постановления: «Постановление апелляционного арбитражного судебного органа по результатам проверки законности и обоснованности решений (определений) арбитражных судов, не вступивших в законную силу», либо сокращенный: «Постановление апелляционного арбитражного суда». Эта формула приводится в следующей строке или через одну пустую строку после справочных данных о суде и форматируется в строки, определяемые размером наименования.

Как правило, эти строки наименования выравниваются по центру; текст в строках набирается жирным шрифтом; первая строка набирается прописными буквами, вторая, третья и четвертая строки набираются строчными буквами.

Обычно, если наименование приводится в пространной редакции, оно форматируется в четыре строки, в которых указываются:

в первой строке – постановление,

во второй строке – апелляционного арбитражного суда,

третьей строке – по результатам проверки законности и обоснованности решений (определений),

четвертой строке – арбитражных судов, не вступивших в законную силу.

Например:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

апелляционного арбитражного суда

по проверке законности и обоснованности решений (определений)

арбитражных судов, не вступивших в законную силу

В сокращенной редакции наименование чаще всего форматируется в две строки, тождественные по содержанию первой и второй строкам пространной редакции наименования: Постановление апелляционного арбитражного суда.

В случае если этот документ является определением суда, то в наименовании судебного акта указывается: «Определение арбитражного суда апелляционной инстанции» и вид принятого определения. Эта формула приводится через одну пустую строку после справочных данных о суде и форматируется в три строки, в которых указывается: в первой строке – определение, во второй строке – апелляционного арбитражного суда, в третьей

строке – наименование определения, например: о принятии жалобы к производству или о возвращении жалобы, или об отложении рассмотрения апелляционной жалобы и т. д.

Эти строки выравниваются по центру, текст в строках набирается жирным шрифтом. Первая и третья строки набираются прописными буквами, а вторая – строчными буквами. Третья строка набирается через одну пустую строку от второй строки реквизита: Определение апелляционного арбитражного суда о принятии апелляционной жалобы к производству.

Иногда наименование определения не указывается.

5. Номер дела, номер апелляционного производства, место и время принятия акта судебным органом согласно ст. 271 АПК РФ. Эти реквизиты располагаются в следующей или через одну пустую строку от названия судебного акта, форматируются в две строки с выравниванием по ширине, набираются строчными буквами, нежирным шрифтом.

В первой строке указываются: слева – полное название города, в котором находится суд, справа – номер дела, под которым оно проходит в апелляционном суде. Во второй строке указываются слева – дата вынесения решения, справа – номер апелляционного производства. При этом некоторые апелляционные суды опускают или номер апелляционного производства, или номер дела, что, с нашей точки зрения, не совсем верно. Дата оформляется буквенно-цифровым способом,

без сокращений:

город Ярославль, дело № А11-23478/2012
28 сентября 2012 года № 11АП-22/2012.

6. Даты объявления резолютивной части принятого судебного акта и его изготовления в полном объеме.

Эти реквизиты располагаются в следующей или через одну пустую строку от даты вынесения судом акта применения, форматируются в одну или две строки, выравниваются по ширине. Если используется вариант форматирования в две строки, то в первой строке указывается время оглашения судебного решения, а во второй – дата изготовления его текста в полном объеме. Даты оформляются буквенно-цифровым способом, без сокращений и располагаются друг под другом:

Резолютивная часть объявлена 11 октября 2011 года. Полный текст постановления изготовлен 14 октября 2011 года.

Как правило, названные реквизиты указываются только в постановлении. Однако в ряде случаев, учитывая отсутствие в АПК РФ соответствующего запрета, а также принимая во внимание нагрузку судов, такие реквизиты имеются и в некоторых определениях, ввиду объемности и сложности которых их текст не может быть изготовлен судьями непосредственно в совещательной комнате до оглашения резолютивной части соответствующего судебного акта (зачастую это определения о приостановлении или о прекращении производства по апелляционной жалобе, об истребовании доказательств). В таких случаях судьи после возвращения из совещательной комнаты оглашают резолютивную часть принятого определения, а полный текст определения изготавливают в течение 5 следующих рабочих дней, применяя по аналогии права положения ч. 2 ст. 176 АПК РФ.

7. Состав суда, вынесшего судебное решение на основании ст. 271 АПК РФ. Этот реквизит располагается в следующей или через одну пустую строку от предыдущего реквизита. В постановлениях и принятых коллегиально определениях этот реквизит форматируется в три строки, которые выравниваются по ширине, текст в строках

набирается нежирным шрифтом, строчными буквами, первое слово в первой строке реквизита набирается с большой буквы.

Состав суда, вынесшего судебное решение, обозначается: «председательствующий» и «судьи». Инициалы председательствующего и судей указываются после их фамилий: председательствующего Иванов А.Н., судей: Петровой Н.П., Кузькиной В.Н.

В определениях, принятых единолично, этот реквизит состоит из одной строки, в которой указывается фамилия и инициалы: судья: Сидоров А.Н.

8. Данные о лице, ведущем протокол судебного заседания (предварительного судебного заседания). Этот реквизит содержится в постановлениях и определениях, принятых в судебном заседании (предварительном судебном заседании). Он располагается в очередной строке после предыдущего реквизита, форматируется в одну строку, выравнивается по ширине, набирается нежирным шрифтом, строчными буквами, с маленькой буквы. В реквизите данные о лице, ведущем протокол, указываются в следующей последовательности: должность (секретарь судебного заседания, помощник судьи, судья), фамилия, инициалы.

9. Данные о лицах, присутствовавших в судебном заседании (предварительном судебном заседании), согласно ст. 271 АПК РФ, от имени участников процесса. Этот реквизит содержится в постановлениях и определениях, принятых в судебном заседании (предварительном судебном заседании). Он располагается в последующей строке, форматируется в строки по количеству участников процесса, представители которых присутствовали в судебном заседании, выравнивается по ширине, набирается нежирным шрифтом, строчными буквами.

Первая строка реквизита является вводной, набирается с маленькой буквы и содержит формулу: «при участии». Во второй, третьей, четвертой и последующих строках перечисляются лица, присутствовавшие в заседании. Во второй строке указываются лица, присутствовавшие в заседании от истца (заявителя), в третьей – от ответчика (заинтересованного лица), в четвертой – от третьего лица и т. д. Ко второй, третьей и последующим строкам могут быть присоединены добавочные строки в целях указания всех лиц, присутствовавших в заседании от имени соответствующего участника процесса, а также в случаях множественности лиц на стороне истца, ответчика (процессуальное соучастие) и участия в деле нескольких третьих лиц. В этом реквизите также указываются данные о присутствовавших в заседании экспертах, свидетелях, переводчиках.

Во второй и последующих строках данные о присутствующих лицах указываются в следующей последовательности: а) процессуальное положение в деле (законный представитель (например, руководитель организации-истца), представитель по доверенности, адвокат и т. д.); б) полная фамилия, инициалы; в) наименование (служебное удостоверение, паспорт и т. д.) и реквизиты (номер, серия, дата, орган, выдавший его) документа, удостоверяющего личность; г) наименование (выписка из решения общего собрания акционеров об избрании директором, доверенность и т. д.) и реквизиты (номер, дата, срок действия) документа, удостоверяющего процессуальное положение и определяющего процессуальные полномочия. В случае если к участию в деле привлечено несколько третьих лиц, либо на стороне истца (заявителя), ответчика (заинтересованного лица) имеется множественность лиц, указание приведенных выше реквизитов представителя предваряется ссылкой на наименование соответствующего участника процесса, интересы которого он представляет:

при участии: от истца (заявителя): главного специалиста Иванова И.Ю., служебное удостоверение № 501 от 12.01.06 г.; от ответчика (заинтересованного лица): представителя по доверенности Артюхина И.П., паспорт 60 00 46839, выдан 01.09.2001 г. ОВД Ворошиловского р-на г. Ростова-на-Дону, доверенность от 29.07.08 г., действительна до 29.08.2011 г.; от третьих лиц: от ООО «Вымпел» – адвоката Самохина Б.А., адвокатское удостоверение № 8608 12 23.05.2008 г., ордер № 66 от 19.07.11 г., от ОАО «Плаксима» – начальника юридического отдела Петрова С.П., служебное удостоверение № 235 от 10.06.2009 г. (выдано на три года), доверенность № 104 от 06.03.09 г., действительна до 05.01.2011 г.; свидетеля Тихонова П.С., паспорт 60 00 456290, выдан 11.02.2003 г. ОВД Кировского р-на г. Ростова-на-Дону.

Данные о лице, подавшем апелляционную жалобу. Этот реквизит располагается в последующей строчке, форматируется в 1-2 строки в зависимости от длины текста, выравнивается по ширине, без абзацного отступа, набирается нежирным шрифтом, строчными буквами, начинается с маленькой буквы, со слов: рассмотрев апелляционную жалобу гр-на...

В строке «Данные о подавшем апелляционную жалобу лице» указываются в следующей последовательности: а) процессуальное положение в деле (истец, ответчик и т. д.); б) полное наименование.

Если жалоба подана юридическим лицом, в реквизите «наименование» указываются: а) организационно-правовая форма (полностью, а не аббревиатура –

ООО, ОАО, ЗАО, ПКФ, ТОО и т. д.); б) полное название этого лица в соответствии с подп. «а» п. 1 ст. 5 Федерального закона от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и учредительными документами.

Если жалоба подана индивидуальным предпринимателем или гражданином, не имеющим этого статуса, в реквизите «наименование» указываются: а) статус (индивидуальный предприниматель или гражданин); б) фамилия, имя и отчество: рассмотрев апелляционную жалобу истца – общества с ограниченной ответственностью «Прогресс», или ответчика – индивидуального предпринимателя Петрова Сергея Сергеевича.

Данные об обжалуемом судебном акте согласно все той же ст. 271 АПК РФ. Этот реквизит располагается в последующей строке, форматируется в шесть и более строк, в зависимости от количества участвующих в деле лиц, выравнивается по ширине, набирается нежирным шрифтом, строчными буквами, с маленькой буквы.

Содержание строк следующее:

– в первой строке указываются: вид обжалуемого решения, определения судебного органа, дата его принятия и номер дела, по которому он принят;

– во второй строке дается наименование арбитражного судебного органа, которым было вынесен обжалуемый судебный акт;

– в третьей строке указываются реквизиты судьи (коллегии судей), принявшего обжалуемый судебный акт;

– в четвертой и последующих строках приводятся данные о лицах, участвующих в деле, в рамках которого принят обжалуемый судебный акт (состав этих данных аналогичен тому, который указывается в отношении лица, подавшего жалобу), информация о каждом таком лице излагается в отдельной строке;

– в последней строке реквизита указываются предмет спора, претензия заявителя: на решение от 2.04.012 г. по делу № А22-1118-2012-13 Арбитражного суда Республики Алания, принятое судьей Сидоровой Т. П. по иску (заявлению) общества с ограниченной ответственностью «Прогресс» к ответчику (заинтересованному лицу) индивидуальному предпринимателю Иванову Ивану Игоревичу; третьи лица: ООО «Вымпел», ОАО «Плаксима» о взыскании арендной платы.

В определениях апелляционного суда об оставлении жалобы без движения или ее возвращении, или о принятии ее к производству допускается указание в данном реквизите только первых двух строк: на решение от 20.06.07 г. по делу А12268-2011-23.

12. Реквизиты текстов согласно п. 8–13 ч. 2 ст. 271 АПК РФ). Описательная часть акта применения начинается со слова «установил» с двоеточием, которое отделяется сверху и снизу пустыми строками, форматируется по центру, набирается прописными буквами, жирным шрифтом.

Следующий после этой формулы текст описательной, а затем мотивировочной частей судебного акта печатается в границах установленных полей, форматируется по ширине, набирается строчными буквами, нежирным шрифтом, через один пробел между каждым словом.

Тексты судебного акта с его описательной и мотивировочной сторон должны быть однородными, без выделения их отдельных фрагментов курсивом, жирным шрифтом, подчеркиванием, шрифтом другого размера или вида.

13. Реквизиты текста резолютивной части судебного акта. Слово «постановление» («определение») в резолютивной части, как правило, отделяется сверху и снизу пустыми строками, форматируется по центру, пишется прописными буквами, жирным шрифтом, с двоеточием.

Текст резолютивной части пишется без абзаца (в левый край), он также должен быть однородным.

14. Подпись (подписи). Этот реквизит располагается обычно через одну пустую строку от последней строки резолютивной части, набирается нежирным шрифтом, строчными буквами. В состав данного реквизита включаются:

а) должность лица; б) личная подпись этого лица; в) расшифровка подписи судьи.

В зависимости от того, каким составом суда принят соответствующий судебный акт, этот реквизит форматируется в одну или три строки.

В случае если судебный акт принят единолично, реквизит форматируется в одну строку, в которой указываются инициалы и фамилия принявшего его судьи.

В случае если судебный акт принят коллегиально, реквизит форматируется в три строки, каждая из которых отделяется от других пустыми строками. В первой строке указывается председательствующий, во второй и третьей – судьи. Инициалы и фамилия председательствующего, судей располагаются друг под другом. После слова «судьи» двоеточие не ставится.

Требования к бланкам судебных решений апелляционного арбитражного суда.

Судебные решения оформляются на бумаге формата А4 (210 на 297 мм).

Каждый лист судебного акта должен иметь поля такого размера, который обеспечивает прочтение всего текста документа даже после его подшивки в материалы дела, то есть левое поле должно иметь ширину не менее 25–30 мм, а при печати на обороте листа такие параметры, соответственно, должно иметь правое поле документа.

Печатание текста осуществляется по следующим требованиям: от левой границы документа делается отступ согласно ГОСТу и выравнивается по ширине. Первую строчку следует начинать с абзацного отступа (его размер обычно составляет 1,25–1,5 см) от левой границы документа.

3. При оформлении текста решения судебного органа все страницы нумеруются. Нумерация страниц обычно производится автоматически, номера страниц проставляются в верхнем колонтитуле листа, посередине текстового поля документа, размер шрифта – 10; верхний и нижний колонтитулы – 2.

Юридической наукой разработаны и систематизированы технико-юридические правила использования языковых средств составления текстов правоприменительных актов, которые можно назвать языковыми правилами. Их можно разделить на три относительно самостоятельные группы: стилистические правила; лексические правила; грамматические правила.

Стилистические особенности составления судебных актов.

Правовой акт, вынесенный судебным органом – это, прежде всего, официальный юридический документ, что предусматривает особый порядок его составления, так как он носит официальный характер и требует придерживаться определенных правил его изложения. Как и каждому функциональному стилю, официально-деловому стилю присущ комплекс типических признаков, определяющих его внутреннюю структуру. В частности, для названного стиля характерны следующие основные черты, которые должны быть обеспечены и в судебных актах:

1) официальность, безличность изложения обеспечивается путем объективного, беспристрастного изложения материала, без его резкой стилевой индивидуализации, в так называемом нулевом, ровном и спокойном стиле, который не должен вызывать ненужных эмоций и ассоциаций, могущих отвлечь от восприятия сути документа; изложение осуществляется от третьего лица;

2) безэмоциональность, отсутствие экспрессивности обеспечивается путем нейтрального изложения, без призывов, восклицательного и вопросительного знаков препинания, многоточия, эпитетов и метафор, эмоционально-оценочной лексики и фразеологии;

3) логическая организованность, связность и последовательность изложения достигаются за счет композиционной сбалансированности, жесткой логической сцепки смысловых фрагментов текста, отсутствия разрывов логических цепочек в повествовании;

4) стандартизация, формализация изложения обеспечивается однотипной композиционной схемой построения текста документа, выражающейся в своеобразном синтаксисе документов (внешняя стандартизованность), а также широким использованием в нем трафаретных и стандартных юридических оборотов, принятых в юридической среде формул изложения, канцеляризмов, штампов и клише (внутренняя, языковая стандартизованность). Стандартизованность изложения является основным средством обеспечения логической организованности и однозначности текста;

5) точность достигается, во-первых, путем использования приводимых в тексте терминов в их действительном смысле и, во-вторых, частым повторением отдельных терминов на отдельных участках текста документа. Используемые в документе термины следует употреблять, как правило, в одном смысловом значении и в соответствии с терминологией, принятой в тех правовых актах, из которых они заимствованы;

6) ясность, простота документа обеспечивается путем использования однозначных и доступных для понимания широкого круга лиц терминов, разъясненных средствами контекста. Текст судебного акта должен быть изложен с соблюдением правил русского языка, простым и доступным для понимания языком, не допускающим возможности его двоякого толкования. В судебном акте не должно содержаться большого количества причастных и деепричастных оборотов ввиду того, что они не позволяют точно отображать смысловое понимание и плохо фиксируют смысловые значения, то есть в тексте должно быть меньше запятых, тире и двоеточий, должно быть больше точек, а в целом все-таки лучше излагать все короткими по конструкции предложениями;

7) краткость изложения (лапидарность) достигается путем компактного и лаконичного изложения материала в тексте документа, что обеспечивает экономность текста. Текст документа должен быть оптимально-выверенным и лаконичным, в нем недопустимы как многословие, так и речевая недостаточность;

8) предметность, конкретность документа обеспечивается за счет исключения из его текста различного рода рекомендаций, советов, цитат из книг, а также общих, абстрактных формулировок, поскольку выполняемый в официальном порядке правоприменительный акт-документ должен быть посвящен индивидуальному делу, являющемуся предметом рассмотрения конкретного субъекта юридической деятельности, и содержать принятый по итогам этого рассмотрения юридический вывод.

Соответственно, перечисленная выше специфика использования официального стиля изложения определяет специфику лексики и грамматики составляемых этим стилем судебных актов.

Лексические особенности составления судебных актов.

Как уже отмечалось, одной из основных типичных составляющих использования официального делового стиля является его стандартизованность, в связи с чем особенность лексики судебных актов проявляется в активном использовании в них юридических терминов, фразеологизмов и процедурной лексики.

Терминология судебных актов. Можно выделить следующие требования к употреблению терминов в судебных актах:

1. в судебных актах должна использоваться терминология соответствующего процессуального законодательства;

2. терминология документа должна соответствовать терминологии тех норм, на реализацию которых он направлен;

3. в судебных актах должен соблюдаться принцип единства терминологии, соответствии с которым недопустимо обозначение в одном тексте различных несовпадающих между собой понятий одним и тем же термином;

4. термины необходимо употреблять только в прямом, официально закрепленном значении, употребление их в иносказательном, переносном смысле, не совпадающим с официальным, либо общеизвестным, недопустимо;

5. если в тексте правового акта, откуда он заимствован, отсутствует определение соответствующего термина, он употребляется в общелингвистическом значении;

6. в тексте не могут использоваться устаревшие и вышедшие из употребления термины;

7. в судебном акте должны употребляться по возможности простые и понятные термины;

8. термины должны быть подобраны таким образом, чтобы точно, определенно и недвусмысленно выразить обозначаемые ими понятия;

9. замена терминов синонимами либо их искажение недопустимы;

10. сложносоставные термины должны воспроизводиться в тексте судебного акта полностью, так как исключение даже одного их элемента может исказить смысл текста (например, «предупредить об уголовном наказании за дачу заведомо ложных показаний», а не «предупредить об уголовном наказании за дачу ложных показаний»);

11. используемые в актах применения судебных органов специальные неюридические термины должны употребляться так же, как и в используемом смысле иных сфер употребления;

12. при использовании в судебном акте малоизвестных технических и других специальных терминов в его тексте необходимо дать их развернутое определение.

Фразеология судебных актов. Другим важным лексическим элементом судебных актов являются фразеологизмы, особое значение которых определяется спецификой текста этих документов. В частности, текст правового акта судебного органа должен включать чередование стандартных и свободных словесных рядов, его логическую основу составляет стандартный текст, который и наделен фразеологизмами, воспроизводящимися в тексте судебного акта в качестве готовых, заранее заданных, шаблонных языковых единиц, которые также играют роль своеобразных логических «якорей». Фразеологизмы как бы создают «скелет» текста. Использование в тексте судебного акта фразеологизмов позволяет обеспечить краткость и однозначность этого текста, достичь его оптимальной формализации и логической организованности, то есть приблизить судебный акт к заданной стилистике.

В судебных актах используется два вида фразеологизмов – общедокументальные, которые не имеют юридической природы и заимствованы из сферы общего документооборота, и юридические, созданные на основе речевых оборотов, содержащихся в различных правовых актах и предназначенных для профессиональной юридической лексики.

Судебные акты применения имеют строго официальный характер, поэтому в них преобладают стандартизированные фразеологизмы – так называемые канцеляризмы, клише (штампы) – стандартизированные, шаблонные обороты и слова, использование которых требует форма правового документа, которые позволяют точно, полно и кратко обозначить и передать имеющую правовое значение информацию (например, «надлежит», «заключить договор, о нижеследующем на условиях», «на основании изложенного», «руководствуясь изложенным», «вышеизложенное – вышеуказанное», «доказывание», «отложение» (судебного заседания), «перерыв» (в судебном заседании), «причинитель» (вреда), «выгодо-приобретатель», «подвергнуть штрафу» и т. д.).

Использование в судебных актах фразеологизмов должно соответствовать следующим требованиям:

- в актах судебных органов необходимо употреблять фразеологизмы со сниженной экспрессией и эмоциональной окраской;
- фразеологизмы не должны употребляться в ущерб требованию краткости документа;
- в актах применения судебных органов должны преобладать такие разно-видности фразеологизмов, как общедокументальные и специально-юридические канцеляризмы и клише (штампы);

- выбор подходящих канцеляризованных и клише должен определяться особенностями фразеологии законов и подзаконных актов, применению которых посвящен конкретный судебный акт, а также рекомендациями вышестоящих право-применительных органов соответствующей системы и обычаями правоприменительной практики;

- канцеляризмы и клише (штампы) необходимо воспроизводить полностью, без изменения и сокращения.

Процедурная лексика судебных актов. Процедурная лексика в совокупности с терминами образует опорную, стилиобразующую лексику официально-делового документа.

Основной особенностью процедурной лексики является то, что слова (даже многозначные) используются в тексте документа только в одном возможном значении, определяемом спецификой сферы, в рамках которой составляется тот или иной документ. Так, смысловое значение слов и словосочетаний, составляющих процедурную лексику актов применения арбитражных судов, определяется арбитражным процессуальным и материальным законодательством, применяемым этими судами. Соответственно, слова, относящиеся к процедурной лексике арбитражных судов, не могут использоваться в судебных актах в значениях, отличных от того, какое им придается указанным массивом законодательства.

К процедурной лексике можно отнести следующие слова и словосочетания: денежные средства (деньги), производить расчет (рассчитываться), нести ответственность (подвергаться в случае нарушения штрафам, материальным взысканиям и т. д.), стороны (истец и ответчик в арбитражном процессе), третьи лица (участники арбитражного процесса, заявляющие или нет претензии относительно предмета спора) и т. п.

Общепотребительная лексика судебных актов. Несмотря на то, что судебные акты отличаются широким использованием терминологии и стандартизированной фразеологии, все же их основу составляют общепотребительные слова и выражения, поскольку текст судебного акта адресован, прежде всего, участникам судебного процесса, которые в основном не имеют высшего юридического образования. В связи с этим лексика судебного акта должна быть построена таким образом, чтобы они понимали смысл этого акта без переводчика с юридического языка на разговорный русский язык.

В силу официально-деловой стилистики судебных актов использование в них общепотребительных слов и выражений должно осуществляться в соответствии со следующими правилами:

- слова, словосочетания, обороты, должны быть преимущественно однородными, стилистически нейтральными, книжными, без эмоциональной окраски (например, в судебных актах принципиально недопустимы следующие формулировки: «Ответчик бесовестно нарушал условия договора», «Притязания истца не имеют элементарной правовой основы...» и т. д.);

- в судебном акте не должны использоваться формы разговорной речи, жаргона (например, «разностная торговля», «льготуемые суммы», «загребастали», «инвентаризационные органы» и т. п.);

- слова должны использоваться в судебном акте с учетом их лексической семантики (реального значения), нельзя придавать словам значение, отличное от общелингвистического (если это слово не является термином) (например, «между истцом и ответчиком возникли договорные правоотношения»);

- употребляемые в судебном акте слова должны лексически сочетаться с другими словами (например, не «оплатить задолженность», а «погасить задолженность»; не «погасить ссуду», а «погасить задолженность по ссуде» и т. д.);
- в судебных актах недопустимы тавтологические конструкции, в которых соединяются одинаковые по смыслу, но разные по звучанию слова (например, «вина доказана доказательствами», «сам лично был свидетелем», «организаторы торгов организовали их с нарушением требований»);
- в текстах судебных актов необходимо избегать иноязычных заимствований при наличии равнозначных слов и понятий в русском языке («дефиниция», «витальный» и т. д.);
- в судебных актах недопустимы неоговоренные в их тексте аббревиатуры сокращения (за исключением нормативно установленных и общеизвестных сокращений типа: ГК РФ, АПК РФ, ОАО и т. д.), а также сокращения, не используемые в официальной лексике, например, если в деле участвует несколько истцов ответчиков, недопустимо присваивать им порядковые номера и писать «истец № 1, ответчик № 2», либо указывать «И-1, И-2»);
- из судебных актов должны исключаться многозначные слова и выражения типа: «обычно», «нередко», «в случае необходимости», «только», «исключительно», «по возможности» и т. д., которые позволяют неоднозначно трактовать их содержание;
- текст судебного акта должен быть экономным, в связи с чем следует избегать в нем как излишней словесной нагрузки, так и речевой недостаточности, неоправданных сокращений (примером излишней словесной нагрузки могут служить фразы типа: «взыскать с завода денежную сумму 10 тысяч рублей имеющейся задолженности» (правильно: «взыскать с завода 10 тысяч рублей задолженности»); «правопреемником акционерного общества после реорганизации его путем преобразования является...» (правильно: «правопреемником акционерного общества после его преобразования является...»)), а примером речевой недостаточности следующие: «исполнение обязательства, произведенное надлежащим образом, прекращает его» (правильно: «исполнение обязательства, произведенное надлежащим образом, прекращает его действие»).

В числе языковых правил можно отдельно выделить грамматические.

Особенности грамматики судебных актов выражаются в их морфологии и синтаксисе, которые определяются своеобразием официального языка.

Морфология судебных актов. Морфология как раздел грамматики определяет грамматическую форму слов, из которых и составляется текст документа.

Морфологии судебных актов присущи особые признаки:

- не используются глаголы 1-го лица и личные местоимения (например, «решаю», «постановляю», «я определил»);
- часто употребляются отглагольные существительные с суффиксами «-ани-», «-ени-» (обычно с приставкой «не-») (например, «осуществление», «неоказание», «неисполнение», «изъятие» и т. д.);
- широко используются глаголы страдательного залога (например, «вина индивидуального предпринимателя подтверждается следующими обстоятельствами», а не «следующие обстоятельства подтверждают вину индивидуального предпринимателя»);
- не применяются междометия, слова с уменьшительными и увеличительными суффиксами, выражающими субъективную оценку правоприменителя;

- широко применяются союзы «а также», «а равно», «либо», «как», «так и» практически не используются союзы «да», «да и», «не то», «хоть», «и вот», «и тут» в роли соединений, поскольку их применение не только не отвечает требованиям официального языка, но и может видоизменить смысл текста;

- часто используются различные сокращения, аббревиатуры (МВД, АПК РФ, РОВД, ОАО).

Синтаксис судебных актов. Основными синтаксическими конструкциями являются предложение и абзац, построение которых также определяется особенностями формально-делового стиля, в котором составляются судебные акты.

Требования к построению предложений в судебных актах:

1) в судебных актах недопустимо использование предложений с вопросительным и восклицательным знаками препинания;

2) необходимо, чтобы каждый член предложения согласовывался между собой (например, «представленные для обозрения договор и счет-фактура», «большая часть свидетелей дали непротиворечивые показания»);

3) предложения необходимо делать по возможности короткими и простыми, количество причастных и деепричастных оборотов в них необходимо сводить к минимуму;

4) сложные предложения не следует перегружать придаточными, так как это осложняет усвоение текста;

5) в предложении необходимо использовать преимущественно прямой порядок слов: подлежащее должно предшествовать сказуемому (ответчик признал...), определение – определяемому слову (кредитные отношения), а управляющее слово – дополнению и обстоятельству (фиксировать цены, направить в первую инстанцию);

6) при использовании в предложении прямого порядка слов необходимо учитывать, что в нашей письменной речи информационная роль порядка слов возрастает к концу предложения, в связи с чем в целях расстановки верных смысловых акцентов вспомогательную информацию необходимо излагать в начале предложения (до сказуемого), а основную – в конце предложения (после сказуемого);

7) в предложениях разрешается использование парных ключевых слов, что позволяет обеспечить логическую организованность и связность текста документа (например, «на основании доказательств, исследованных в судебном заседании»);

8) использование прямой речи должно быть сведено в судебном акте к минимуму (например, в ряде случаев цитирование показаний участников процесса может сделать судебный акт более убедительным);

9) конструкция предложения не должна быть перегружена союзами, знаками препинания (кроме того, их необходимо использовать правильно, например, не следует забывать, что союз «или» является разделительным, означает наличие какой-то альтернативы, а союз «и» – соединительным и означает одновременное наличие тех признаков, которые им соединены);

10) не следует начинать и заканчивать предложение цифрами, так как при прочтении может быть трудно определить, где заканчивается одно предложение и начинается следующее.

Более сложной по своему строению синтаксической конструкцией является абзац, который понимается, во-первых, как графическая единица текста (фрагмент текста от одной красной строки до другой), во-вторых, как синтаксическая единица текста (часть текста) и, в-третьих, как композиционная единица текста (часть содержания текста,

обладающая относительной смысловой законченностью, состоящая из группы предложений, выражающих более или менее законченную мысль).

В отличие от предложения, абзац как графическая единица текста имеет общую тему, связанную по смыслу со всем текстом документа.

В грамматике можно выделить ряд следующих правил, применимых к построению абзацев в текстах судебных актов:

1) в целях усиления логической организованности текста и улучшения его смыслового восприятия в текстах судебных актов абзацами следует обозначать не только те его структурные части, которые выделены в АПК РФ, но и смысловые отрезки внутри этих структурных составляющих судебного акта. Это облегчает усвоение текста судебного акта.

2) изложение различных сторон содержания документа необходимо начинать с абзаца, выделяемого красной строкой, в данном случае абзац будет служить переходом от одной мысли к другой;

3) при построении абзаца следует руководствоваться общим правилом, в соответствии с которым образцовый абзац включает в себя три составляющих части: зачин, фразу и комментарий. В абзацном зачине формируется тема абзаца, сообщается, о чем дальше пойдет речь. Во фразе находится главная информация абзаца. В комментарии подводится общий итог отраженной речи в абзаце. Как принято считать, комментарий как отдельная часть начинается со слов: в этой связи, в результате этого и т. п. Однако не всегда возможно провести строго установленные границы между различными частями абзаца;

4) построение абзаца в усеченном варианте (без завершающего тезиса или иных его составляющих) возможно только при условии, что это диктуется композицией текста и при этом не нарушаются его смысловые связи;

5) как правило, длина абзаца составляет от 3 до 7 предложений. В текстах судебных актов абзац может состоять как из одного предложения, так и из 8–10 предложений. Длина абзаца должна определяться общим правилом, в соответствии с которым он является внутренне замкнутой смысловой единицей;

6) предложения в абзаце должны быть взаимосвязаны, каждое последующее предложение в абзаце должно быть связано с предыдущим. В середине абзаца не может быть предложения, логически не вытекающего из содержания предыдущих предложений.

Таким образом, указанные технологические особенности показывают и дополняют построенную схему арбитражной технологии завершающей стадии.

Литература

1. Российская газета. 2000. 27 декабря.

Kolesnik I.V. Tehnologii prinjatija arbitrazhnym sudom sudebnogo akta / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВИЛА И ПРИЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕКСТОВ СУДЕБНЫХ АКТОВ⁴³

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Учитывая, что текст итогового документа арбитражного правоприменения систематизирует в себе все технологии, применяемые при его подготовке и вынесении, считаем необходимым более подробно рассмотреть наиболее важные элементы арбитражной технологии – логические правила построения текстов судебных актов.

Текст документа – это определенным образом связанная информация. Одна из основных особенностей языка письменной деловой речи состоит в жесткой логической организации изложения, при помощи которой обеспечивается конкретность, ясность, смысловая законченность и однозначность документов, выполненных в этом стиле. Такая степень текстовой организации обеспечивается за счет применения при изложении материала специальных способов связи структурных элементов текста, определенных типов изложения информации, а также за счет использования при конструировании текста законов и приемов формальной логики.

Текст документа состоит из слов, предложений и абзацев. Логическая целостность абзацев и более крупных по объему фрагментов текста достигается путем расположения в них предложений в последовательной (цепной) или параллельной связи [7, С. 29-42; 21, С. 86]¹.

При последовательной связи предложения составляются таким образом, чтобы каждое последующее предложение абзаца или более объемного фрагмента текста вытекало по своему смыслу из предыдущего, было его логическим следствием. Значит, в цепной связи второе предложение связано с первым, третье – со вторым, четвертое – с третьим и т. д. Схематично эта связь выгладит так: 1 – 2 – 3 – 4 – 5 – ...

При параллельной связи предложения не развиваются одно из другого, а соподчиняются первому, в котором задается общая тема изложения. В следующих предложениях поясняется и конкретизируется смысл первого предложения, в связи с чем все последующие предложения абзаца подчинены первому предложению этого же абзаца и грамматически должны быть увязаны с ним по смысловому значению.

⁴³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

Одним из способов обеспечения цепной или параллельной связи предложений в абзацах и более крупных фрагментах текста являются всякого рода повторы⁴⁴, при помощи которых достигается смысловая связность текста, обеспечивается его соответствие главной теме, которой он посвящен.

В зависимости от вида повторяемых языковых единиц можно выделить следующие виды повторов, при помощи которых могут быть связаны предложения в судебном акте⁴⁵:

1) лексические повторы, при которых связь предложений обеспечивается путем использования в них одних и тех же слов, словосочетаний, выражений, однокоренных слов, например: «В силу п. 2, 4 ст. 453 ГК РФ при расторжении договора обязательства сторон прекращаются. Стороны не вправе требовать возвращения того, ...» или: «Двадцать первого марта 2014 года на внеочередном общем собрании акционеров решения о проведении годового общего собрания акционеров общества не принимались в связи с отсутствием кворума. Совет директоров принял решение о проведении годового общего собрания акционеров общества 30 июня 2014 года»;

2) смысловые (синонимичные) повторы, при которых в связываемых предложениях употребляются различные по звучанию, но сходные по смыслу слова и выражения, обозначающие один и тот же объект, предмет, явление (для этого могут использоваться синонимы, антонимы, различные признаки одного и того же подразумеваемого понятия, полное наименование предмета и его последующее сокращенное обозначение), например: «Как видно из материалов дела и установлено судебными инстанциями, 5 мая 2012 года пансионат и общество заключили договор № 102. В этом договоре стороны определили права и обязанности по реализации путевок базы отдыха со 2 мая по 16 октября 2004 года»;

3) местоименные повторы, при которых в следующем предложении имя, наименование упоминавшегося в предыдущем предложении объекта, предмета, явления, факта заменяется на соответствующее местоимение (при этом оно может также употребляться с существительным предыдущего предложения), например: «В ходе проверки установлено, что общество использует ККМ «Микро-103К», которая не включена в государственный реестр ККТ для вида деятельности «Отели и рестораны»... По результатам проверки составлен протокол об административном правонарушении от..., где этот факт квалифицирован как...» или «В ходе проверки установлено, что общество использует ККМ «Микро-103К». Эта ККМ не включена в государственный реестр ККТ...»;

4) грамматические (синтаксические) повторы, при которых в следующем предложении повторяется одна и та же грамматическая конструкция, но уже с другим лексическим наполнением, например: «В апелляционной жалобе ответчик просил арбитражный суд отменить свое прежнее решение в связи с тем, что... Истец в отзыве на апелляционную жалобу возражал против ее удовлетворения в связи с тем, что...».

⁴⁴ Под повторами в языкознании понимается такой тип логико-грамматической связи между предложениями и абзацами, в котором в последующем предложении в неизменном или в измененном виде повторяются различные фрагменты предыдущего предложения или абзаца

⁴⁵ Виды повторов как средство связи предложений рассматриваются в работах: Макаренко Е.А. Роль контекстуальных синонимов в обеспечении связности текста // Вестник СамГУ. 2006. № 10/2 (50). С. 162–169; Сафонова С.С. Экспрессивно-коммуникативные модификации предложений-высказываний местоименно-союзного типа // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань, 2004. С. 122–123; Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 87–89 и другие ученые.

В зависимости от расположения членов повторов в тексте документа эти повторы могут быть контактными, дистантными и сквозными:

- в контактных повторах его составляющие следуют друг за другом или располагаются в непосредственной близости друг от друга, например, в следующих друг за другом предложениях;
- в дистантных повторах его члены рассредоточены и отдалены друг от друга значительными фрагментами текста;
- в сквозных повторах члены этих повторов фиксируются в контексте всего текста документа, образуя сквозную линию тематической связи.

Если контактный повтор обеспечивает минимум, необходимый для связности и единства текста в малом текстовом блоке (например, в абзаце), то дистантный повтор способен прочерчивать линию связи для некоторой локальной темы документа. Сквозной же повтор выстраивает тематический стержень документа в целом, то есть выделяет его главную тему [14, С. 89]. Контактными могут быть все из перечисленных выше повторов, а дистантными и сквозными – только семантические повторы (лексические и смысловые). Дистантное и сквозное расположение грамматических и местоименных повторов не рекомендуется ввиду того, что в результате разделения членов этих повторов большими фрагментами текста утрачивается смысловая связь между предложениями, для связи которых они применяются.

Для цепной и параллельной связи предложений внутри абзаца характерно использование различных видов контактных повторов, например:

- логическая последовательность изложения мыслительной деятельности: «прежде всего», «вначале», «во-первых», «во-вторых», «в-третьих» и т. п.;
- противоречие: «однако», «между тем», «в то время как», «тем не менее»;
- соотношение причин и следствий: «вследствие этого», «следовательно», «сообразно с этим», «в результате этого или чего», «кроме того», «к тому же»;
- переход от одной мысли к другой: «прежде чем перейти к..., следует», «рассмотрев, теперь перейдем к...», «необходимо остановиться на...», «следует рассмотреть...»;
- вывод: «таким образом», «ввиду изложенного», «итак», «подводя итог, необходимо отметить...».

Одна из основных особенностей языка официальной письменной деловой речи состоит в том, что активно используются методы формальной логики, которые в том числе определяют и типы изложения, применяемые в документах такой стилистики. В посвященной этому вопросу литературе принято выделять несколько основных типов такого изложения: определение, описание, повествование, рассуждение, констатация, предписание [1; 2, С. 121; 3; 4; 5; 9; 10; 15; 18; 21; 23]. Судебные акты представляют собой тексты смешанного типа, в которых содержатся такие типы изложения, как описание – последовательное отображение составных частей сложного объекта или явления [2, С. 121], повествование (изложение хода событий во времени или последовательности отображения частей сложного события [2, С. 121]) и рассуждение как тип смысловой связи, основанный на причинно-следственных отношениях [2, С. 121]. При этом в судебных актах названные типы изложения приобретают утверждающе-констатирующий и предписывающе-констатирующий характер, что обусловлено правовой природой этого вида документов.

Для каждого типа изложения в языкознании выработаны общие требования, которые определяются целевым назначением соответствующего типа изложения должны быть соблюдены при построении текста.

При изложении в судебном акте определенного материала в форме описания важно следовать определенным правилам:

- описательный тип изложения применяется в целях отображения такой совокупности признаков, явлений, предметов или событий, которая существует одновременно и относится к одному и тому же объекту;

- описание предполагает выделение квалифицирующих, наиболее существенных с правовой точки зрения признаков, элементов исследуемого объекта, при помощи которых осуществляется дополнительная конкретизация его имеющих существенное значение для рассматриваемого судом спора характеристик;

- элементы описания объекта должны приводиться в определенной связи, которая должна обеспечить в итоге целостное представление об объекте описания. Связь между элементами описания может осуществляться на основе временных, пространственных, функциональных или иных отношений;

- элементы описания должны располагаться по степени значимости для квалификации спорных правоотношений;

- в описании предложения могут связываться параллельно или последовательно в зависимости от общей композиции текста;

- описание должно носить конкретный характер, точно и ясно отображать составные элементы исследуемого объекта;

- описание применяется в описательной и мотивировочной частях судебного акта.

2. При изложении в судебном акте определенного материала в форме повествования следует выполнять определенные правила:

- повествовательный тип изложения применяется в целях отображения процессов и событий, имеющих временную протяженность;

- схема повествования должна включать исходное начало, процесс развития завершение события, поскольку целью повествования является фиксация отдельных стадий изменения объекта;

- в повествовании должны быть отражены только наиболее значимые для рассматриваемого спора этапы развития описываемого события (то есть те, которые имеют существенное значение для дела, влияют на квалификацию спорных правоотношений);

- ход событий в повествовании должен отображаться в последовательности, определяемой хронологией объекта повествования. Материал может быть изложен в прямой или обратной хронологической последовательности. Отступление от такой последовательности допустимо только в случаях, когда это диктуется логикой изложения (например, автору необходимо усилить, стилистически выделить связь, взаимообусловленность некоторых разьединенных во времени явлений и событий, для этого он может подавать излагаемый текст последовательно, используя при этом хронологию и включать отступления);

- в повествовании информация должна излагаться в определенной смысловой связи, этапы развития объекта повествования необходимо располагать таким образом, чтобы подчеркнуть их взаимообусловленность;

- в повествовании обычно применяется цепная связь предложений;
- повествование применяется при изложении описательной и мотивировочной частей.

3. При изложении в судебном акте определенного материала в форме рассуждения необходимо соблюдать следующие правила:

- в судебных актах рассуждение как тип изложения носит доказательственный характер, то есть оно используется в целях доказывания фактов, выявленных судом на стадии установления фактических обстоятельств дела, либо опровержения фактов, представленных участвующими в деле лицами;

- рассуждение как тип изложения должно строиться таким образом, чтобы полно и понятно отразить мыслительный процесс логического доказывания⁴⁶, который протекает в сознании правоприменителя. В связи с этим структура рассуждения должна включать структурные элементы логического доказывания – тезис, аргумент (основание) и демонстрацию⁴⁷ и строиться с учетом формально-логических правил доказывания;

- заключительной частью рассуждения является вывод, выражаемый в судебном акте в форме констатации или предписания. При этом констатация может завершать промежуточные рассуждения, содержащиеся в мотивировочной части и являющиеся основной для последующих рассуждений. В отличие от констатации, предписание является итогом основного рассуждения, направленного на решение вопроса о степени обоснованности притязаний сторон по делу. Оно завершает судебный акт и излагается в его резолютивной части;

- рассуждение как тип изложения используется в мотивировочной и заключительной⁴⁸ частях судебного решения.

Судебные акты должны быть правильно аргументированы и построены в соответствии с законами и приемами формальной логики. Знание этих законов и приемов, а также умелое оперирование ими является одним из основных факторов, определяющих качество работы правоприменителя.

Значение логики для правоприменения сложно переоценить. В свое время известный ученый-юрист В.Н. Кудрявцев отмечал, что трудно найти иную сферу общественных отношений, где отступление от логических формально-определенных законов, неверное построение выводов и заключений, использование неправдивых аргументов смогли бы принести такой большой вред, как в правоприменительной деятельности [13, С. 49]. Логическая последовательность в рассуждениях, неуклонное следование законам логического мышления в правовой деятельности – обязательное правило для любого юриста-практика. «Знание логики составляет необходимый элемент общей духовной культуры судей. Их высокая логическая культура, умение стройно и убедительно излагать свои мысли является важнейшим средством завоевания ими авторитета и уважения среди сослуживцев, руководства, специалистов различного

⁴⁶ Логическое доказывание в юридической деятельности определяется в формальной логике как процесс мышления, направленный на обоснование вывода о природе события путем ссылки на фактические обстоятельства, правовые нормы, руководящие разъяснения высших судебных органов и научные положения. См.: Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. М., 2006. С. 150.

⁴⁷ Тезис – это то, что требуется доказать; аргумент (основание) – это факт, аксиома, содержащееся в правовой норме положение и тому подобные основания, из которых следует истинность тезиса; демонстрация – это логическая связь тезиса с основанием в форме дедуктивного или индуктивного умозаключений. См.: Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. М., 2006. С. 150–155.

⁴⁸ В резолютивной части, как уже отмечалось, излагается итог рассуждения – предписание.

профиля. От умения судей строить умозаключения и исследовать доказательства, принимать решения зависит во многом эффективность правосудия» [17, С. 19].

Особое значение логики для процесса применения права состоит в том, что в ходе этого процесса познание правоприменителя протекает в форме логического перехода от известного к неизвестному. Вывод от известного к неизвестному представляет собой взаимосвязанную цепь умозаключений, для правильного построения которых правоприменитель неизбежно прибегает к таким логическим приемам как дедукция, индукция, аналогия, сравнение, анализ, синтез и др. Все эти логические формы используются в процессе перехода к неизвестному не как замкнутые явления, а как взаимообусловленные формы, способствуя этим совершенствованию достоверного знания, переходу от предполагаемого к истинному знанию.

Следовательно, знание основных правил и законов логики в правоприменительной деятельности способно уменьшить количество ошибок, среди которых, как показывает практика, значительную долю занимают именно логические ошибки, под которыми, как правило, понимают непреднамеренный алогичный результат мыслительной деятельности, допускаемый на каждой стадии правоприменения, что приводит к неправильному применению и толкованию норм права, а следовательно, к отмене таких решений⁴⁹.

Можно выделить следующие формально-логические законы, которые могут быть использованы при построении судебных актов:

Закон тождества. В соответствии с этим законом (а есть а) предмет мысли пределах одного рассуждения, одного доказательства, одной теории остается неизменным [8, С. 144]. Применительно к тексту судебного акта этот закон находит свою конкретизацию по следующим основаниям: все новые мысли при их повторении в тексте документа должны иметь то же содержание, значение, что и в предыдущем фрагменте этого текста. Соблюдение этого закона при построении текста документа позволяет обеспечить его смысловую однозначность, конкретность и определенность. Нарушение этого закона влечет за собой два вида логических ошибок – подмену понятия и подмену тезиса.

Подмена понятия заключается в том, что в тексте документа одно понятие заменяется на другое, одинаковое по звучанию, но отличающееся по смыслу (омоним) или сходное по смыслу в понимании автора (синоним). Например, понятие «реставрация» заменяется при дальнейшем изложении на понятия «ремонт», «реконструкция», которые хотя и близки по смыслу к исходному, но ему не тождественны. В целях недопущения этой ошибки необходимо: во-первых, повторять соответствующее понятие в тексте документа в одном и том же значении, без замены его синонимами, поскольку не существует синонимов, абсолютно идентичных по смыслу; во-вторых, использовать для обозначения искомого понятия термины с однозначным и определенным значением; в-третьих, в случае, когда понятие обозначается многозначным термином, омонимом (например, термин «акт» может обозначать как документ, так и действие), использовать в этом тексте данный термин только в одном значении, предварительно обозначив в документе, в каком из своих значений он понимается автором текста.

Подмена тезиса (предмета доказывания) заключается в том, что в тексте документа правоприменитель приводит систему доказательств, обосновывающих тезис, отличный от первоначально сформулированного. Результатом этой ошибки является то, что все

⁴⁹ О логических ошибках в процессе применения права см.: Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9; Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 80.

доказательства, приводимые в обоснование выдвинутого тезиса, являются либо недостаточными, либо не относящимися к предмету доказывания [21, С. 126-127].

Основным средством исключения этой логической ошибки является соблюдение следующих формально-логических правил доказывания и опровержения, сформулированных по отношению к тезису, аргументам и демонстрации: во-первых, используемый при изложении текста документа тезис должен быть сформулирован точно, ясно и однозначно, а также оставаться неизменным в процессе всего доказывания и опровержения; во-вторых, приводимые в рассуждении аргументы должны быть истинными и непротиворечивыми; в-третьих, демонстрация в рассуждении должна быть построена с соблюдением правил построения дедуктивных умозаключений, в которых мысль развивается от общих суждений к частным выводам, и индуктивных умозаключений, в которых мысль движется от отдельных фактов к обобщению (например, тезис должен находиться в прямой связи с приводимыми в его обоснование аргументами [22, С. 159]); в-четвертых, при использовании такого логического приема доказывания, как опровержение, соответствующий фрагмент документа, в котором приводится это опровержение, следует конструировать с учетом сформулированных в рамках формальной логики способов опровержения тезиса, аргумента и демонстрации. В частности, способами опровержения тезиса являются установление ложности вытекающих из тезиса следствий и доказательство антитезиса; способом опровержения аргумента является установление и доказывание его ложности; способом опровержения демонстрации является установление ошибки в построении умозаключения, связывающего тезис и основание [22, С. 155-156].

2. Закон непротиворечия. В соответствии с этим законом (а и не – а) не могут быть истинными два суждения (две мысли), одно из которых отрицает другое [8, С. 144]. Применительно к тексту судебного акта этот закон конкретизируется следующим образом: в тексте документа не может содержаться констатации истинности двух противоположных суждений об одном и том же предмете, явлении, событии, взятых в одно и то же время, в одном и том же месте.

Соблюдение названного закона при построении текста документа позволяет обеспечить его смысловую последовательность, согласованность и взаимосвязанность его фрагментов. Нарушение этого закона влечет за собой наличие противоречий в тексте документа⁵⁰, которые могут привести к невозможности исполнения требований судебного акта. Главным условием применения закона непротиворечия является то, что фиксируемые в тексте документа суждения не должны быть противоречивыми, то есть первое суждение не должно утверждать нечто одно, а второе суждение – другое об одном и том же событии, взятом в одном и том же отношении. Не содержат противоречия суждения о событии, предмете, взятых в разных отношениях либо рассматриваемых в разное время, в связи с чем к ним не применяется закон непротиворечия [22, С. 127-128].

3. Закон исключенного третьего. Этот закон означает, что в предмете указанный признак либо отсутствует, либо нет (или – или) [8, С. 150]. Названный закон фактически дополняет действие закона непротиворечия, поскольку он гласит, что два противоречащих друг другу рассуждения не могут одновременно быть нереальными или действительными. Одно из них обязательно истинное, а другое – ложное, третье суждение исключено. Применительно к тексту судебного акта он конкретизируется следующим образом: текст

⁵⁰ Эти противоречия могут быть контактными и дистантными – в зависимости от степени удаленности друг от друга противоречий, явными и скрытыми – в зависимости от очевидности противоречий, темпоральными (временными), территориальными (пространственными), содержательными и иерархическими – в зависимости от природы их появления.

судебного акта должен конструироваться таким образом, чтобы исключить двоякую трактовку одного и того же события, явления, предмета.

Ошибки в применении этого закона могут возникнуть при построении альтернативы: противопоставляемые суждения должны быть противоречивыми, а не противоположными. При этом противоречивыми называются два суждения, основанные на взаимоисключающих понятиях, если в одном из них нечто утверждается о каком-либо предмете, а в другом то же самое отрицается о том же предмете, взятом в том же времени и отношении, и третье суждение таким образом невозможно. Например, противоречивыми являются суждения: «Решение суда основано на законе» и «Решение суда не основано на законе». Противоположные же суждения, в отличие от противоречивых, допускают наличие третьего суждения, поскольку основываются на контрарных понятиях, представляющих собой крайние проявления противоположных качеств (добрый – злой) и допускающих в связи с этим множество промежуточных вариантов.

4. Закон достаточного основания. Этот закон означает, что любая подлинная мысль должна иметь реальное подтверждение другими мыслями, которые являются достоверными [20, С. 493]. Применительно к тексту судебного акта он конкретизируется следующим образом: приводимые в судебном акте выводы должны основываться на других выводах, действительность которых доказана в предыдущих фрагментах текста. Этот закон получил свое закрепление в отраслевом процессуальном законодательстве, в котором закрепляется требование об обоснованности судебных актов. Например, в АПК РФ установлено, что суд обязан принять меры к всестороннему, полному и объективному исследованию доказательств по делу.

Анализ логических правил построения текстов арбитражных судебных актов дает возможность сформулировать рекомендации по их грамотному использованию для обеспечения конкретности, ясности, смысловой законченности и однозначности судебных документов.

Литература

1. Белановский С.А. Глубокое интервью. М., 2001.
2. Белановский С.А. Методика и техника фокусированного интервью. М., 1993.
3. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М., 2001.
4. Брандес М.П. Стилистика текста: Теоретический курс. М., 2004.
5. Вавулина А.В. Русский язык для юристов. М., 2007.
6. Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
7. Власенко Н.А., Стародубцев С.В. Основы теории юридических документов. М., 2006.
8. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997.
9. Горшков А.И. Стилистика текста и функциональная стилистика. М., 2006.
10. Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юриста. Казань, 1986.
11. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. М., 2008.
12. Казгериева Э.В. Логические ошибки в судебном правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
13. Кудрявцев В.Н. Общая теории квалификации преступлений. М., 1999.

14. Лавыш М.А. Организация лексики малого прозаического текста: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1987.
15. Ларин М.В., Сокова А.Н. Оформление служебных документов. М., 2006.
16. Макаренко Е.А. Роль контекстуальных синонимов в обеспечении связности текста // Вестник СамГУ. 2006. № 10/2 (50). С. 162–169.
17. Михалкин Н.В. Логика и аргументация в судебной практике. СПб., 2004.
18. Рахманин Л.Б. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1986.
19. Сафонова С.С. Экспрессивно-коммуникативные модификации предложений-высказываний местоименно-союзного типа // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань, 2004. С. 122–123.
20. Стилистика и литературное редактирование / под ред. В.И. Максимова. М., 2007.
21. Тенетко А.А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999.
22. Тер-Акопов А.А. Юридическая логика. М., 2006.
23. Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1998.

Kolesnik I.V. Tehnologii prinjatija arbitrazhnym sudom sudebnogo akta / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

СТРУКТУРА И ПОСТРОЕНИЕ (КОМПОЗИЦИЯ) СУДЕБНЫХ АКТОВ АРБИТРАЖНОГО СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ⁵¹

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвященное рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Требования к структуре и содержанию судебного акта апелляционного суда установлены помимо норм АПК РФ требованиями ГОСТ Р 6.30–2003, а также информационно-методическими документами арбитражных судов (в частности, п. 39 Информационного письма ВАС РФ от 13 августа 2004 года № 82; Информационно-методическим письмом ВАС РФ от 30 января 1997 года № 5; постановлениями федеральных арбитражных судов Северо-Кавказского и Волго-Вятского округов (с 6 августа 2014 года – АС СКО и АС ВВО), арбитражных апелляционных судов).

Методически обоснованным, направленным на реализацию задач настоящего исследования является анализ структурного построения судебных решений в виде актов применения, выносимых арбитражными судами. Структура и содержание вводной части акта применения арбитражной апелляционной судебной инстанции подчинены правилам, изложенным в п. 1–7 ч. 2 ст. 271 АПК РФ. При построении вводной части определения апелляционного суда применяется, как правило, аналогия закона. Кроме того, дополнительные реквизиты вводятся в эту часть постановлением ВАС РФ от 13 августа 2004 года № 82. В частности, ВАС РФ рекомендует указывать в этой части судебного решения (и, по аналогии закона – в постановлении) дату оглашения его завершающей (резолютивной) составляющей и вынесения итогового акта применения судебным органом.

Структура и содержание этой части акта применения регламентированы исчерпывающе и буквально, по сути, п. 1–7 ч. 1 ст. 271 АПК РФ представляют собой трафарет вводной части акта применения арбитражного суда, который повторяется в неизменном виде в каждом постановлении и определении, вне зависимости от принявшего их суда и категории спора.

Различия между вводными частями судебных актов различных арбитражных судов могут заключаться только в их внешнем оформлении (то есть в последовательности перечисления установленных в п. 1–7 ч. 1 ст. 271 АПК РФ реквизитов вводной части, в их расположении друг относительно друга и в написании текста вводной части).

⁵¹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

Соответственно, отличаться будут и приводимые в содержании вводной части данные, индивидуализирующие конкретное дело, в процессе рассмотрения которого принято конкретное определение или постановление.

В отличие от вводной части, содержание следующей составляющей – описательной части судебного акта апелляционной арбитражной инстанции – раскрыто законодателем в ч. 2 указанной статьи АПК РФ не буквально, а путем общего указания на вопросы, которые должны быть в ней отражены судьей.

В частности, согласно п. 8–11 данной нормы в описательной составляющей судебного решения необходимо указывать:

- в кратком виде следует излагать содержание вынесенного и обжалуемого решения (определения);
- критерии, на основании которых в апелляционной жалобе содержится требование о проверке на предмет обоснованности и на соответствие закону вынесенного решения (определения);
- доводы, содержащиеся в отзыве на поданную апелляционную жалобу;
- объяснения сторон и участников судебного заседания.

Учитывая справочно-информационную направленность, специфика рассматриваемого спора сказывается на содержании этой части постановления в очень небольшой степени. В описательной части можно выделить даже определенную структуру, последовательность изложения, которая определяется во многом (но не во всем) нормативно закрепленными в приведенных выше положениях ст. 271 АПК РФ требованиями о составе информации, которая должна быть приведена в этой части акта применения.

Вместе с тем, содержание описательной части более индивидуально, чем содержание вводной части акта применения суда и в меньшей степени поддается детализации, поскольку оно во многом определяется стороной, подавшей жалобу в апелляционный судебный орган, и иными участниками арбитражного процесса. Это объясняется тем, что целью правоприменителя при конструировании описательной части судебного акта служит изложение содержания обжалуемого решения, оснований обжалования и позиций по жалобе иных лиц участников процесса. Законодатель также не указывает каких-либо дополнительных или обязательных реквизитов описательной части акта применения, определяемых категорией дела.

В связи с изложенным, несмотря на наличие определенной структуры, содержание отдельных структурных элементов описательной части является только примерным и не может быть сведено к шаблонным фразам, из которых состоит рассматриваемая нами часть акта судебного применения.

Поэтому примерное содержание описательной части является следующим.

В первом фрагменте этой части судом приводится краткое изложение требований истца (заявителя). При этом, если данные требования корректировались в соответствии со ст. 49 АПК РФ, в его описательной стороне излагаются окончательные требования, которые рассматривались судом, с указанием на их корректировку и ссылкой на том и листы дела, где содержатся заявление об изменении исковых претензий, определение о принятии такого изменения. В случае необходимости в этом фрагменте судом могут быть вначале указаны первоначальные требования истца (заявителя), а затем – измененные.

Во втором фрагменте описательной части приводятся: дата принятия, его краткое содержание, а также мотивы принятия данного решения судебным органом.

В третьем фрагменте описательной части приводятся факты, в соответствии с которыми в апелляционной жалобе поставлено требование о проверке законности и обоснованности принятого решения, например:

Не согласившись с принятым судебным актом, истец обжаловал его в порядке гл. 34 АПК РФ и просил отменить прежнее решение и удовлетворить его иски, ссылаясь на то, что суд не учел того обстоятельства, что

.....

В четвертом фрагменте описательной части приводятся показания участвующих в деле лиц (другой стороны по делу, третьих лиц), изложенные в их отзывах на апелляционную жалобу. Позиция каждого участвующего в деле лица излагается в отдельном абзаце. При этом в первом абзаце излагается позиция другой стороны по делу. Если же жалоба подана третьим лицом, то вначале излагается позиция истца (заявителя), затем – позиция ответчика (заинтересованного лица по делу) а затем – позиции третьих лиц, например:

Ответчик представил отзыв на поданную жалобу, в котором обратился с просьбой об оставлении принятого ранее решения без изменения, считая его законным и обоснованным.

Третье лицо представило отзыв на апелляционную жалобу с просьбой удовлетворить апелляционную жалобу и решение по делу отменить, считая его незаконным по следующим основаниям

.....

В случае если отзывы не представлены, об этом указывается после изложения содержания имеющихся отзывов, либо, если их нет, – после изложения доводов лица, принесшего апелляционную жалобу, например:

Ответчик не представил отзыва на апелляционную жалобу.

В пятом фрагменте описательной части приводятся показания сторон и иных лиц, участвующих в деле, которые присутствуют в судебном процессе по поводу апелляционной жалобы. Последовательность изложения этих объяснений такая же, что и при изложении содержания отзывов.

Как правило, в этом фрагменте текста раскрываются объяснения лиц, которые не представили отзывы на жалобу, либо объяснения в части, дополняющей или изменяющей содержание ранее представленного отзыва, апелляционной жалобы, например:

В ходе судебного процесса представитель истца подтвердил показания, имевшие место в жалобе

или:

В ходе судебного процесса по рассматриваемому делу представитель ответчика подтвердил показания, имевшие место в отзыве на жалобу, дополнительно указав, что жалоба не подлежит удовлетворению в связи с тем,

что...

В случае если участвующие в деле лица не направили в судебное заседание своих представителей, судом делается об этом указание в описательной части судебного акта.

Затем судом обосновывается вывод о надлежащем извещении соответствующих участников процесса о месте и дате с указанием времени судебного процесса, а также излагается обоснование суда по вопросу о возможности разрешения апелляционной жалобы в судебном заседании в отсутствие представителя лица, принимающего участие в деле⁵².

Резюме судебного органа о недолжном оповещении должно сопровождаться ссылками на обстоятельства, наличие которых в силу ст. 123, 124 АПК РФ дает для него основание. В частности, в подтверждение надлежащего характера извещения суд, в зависимости от перечисленных в названных статьях АПК РФ вариантов надлежащего извещения, излагает в соответствующем фрагменте описательной части следующую информацию:

а) наименование и реквизиты (номер и дата направления) документа, подтверждающего направление участнику процесса копии судебного акта (телефонограммы, телеграммы, факса и т. д.), содержащего информацию о месте, дате и времени проведения заседания;

б) дату получения документа с такой информацией представителем соответствующего участника процесса;

в) ФИО и должность получившего документ лица;

г) указанную органом почтовой связи причину невручения участнику процесса копии судебного акта (телеграммы, телефонограммы, факса и т. д.);

д) почтовый адрес, адрес электронной почты, номер телефона, по которому направлялась копия судебного акта (телеграмма, телефонограмма, факс и т. д., например:

Истец не направил своего представителя на судебное рассмотрение, а также не заявил ходатайства о рассмотрении дела в отсутствие его представителя. Копия определения от 15.11.12 г. об отложении судебного рассмотрения

дела по апелляционной жалобе на 20.12.06 г., направленная судом 06.12.06 г. заказной корреспонденцией с уведомлением о вручении № 16 по юридическому адресу, указанному истцом в исковом заявлении (пр. Ворошиловский, д. 57, оф. 210, г. Ростов-

⁵² В случае если суд признает извещение ненадлежащим, рассмотрение апелляционной жалобы откладывается, о чем выносится не постановление, а определение. В связи с этим при изложении содержания описательной части постановления вопрос о текстовом оформлении ненадлежащего извещения не раскрывается.

на-Дону, 344028) (л. д. 3), в апелляционной жалобе (л. д. 35), а также в представленной по запросу суда ИФНС РФ по Ворошиловскому району г. Ростова-на-Дону Выписке из ЕГРЮЛ № 5670 от 04.12.06 г. (л. д. 41-42), возвращена в суд с отметкой органа почтовой связи об отсутствии истца по этому адресу (л. д. 52). Об изменении своего юридического адреса истец не сообщил суду и регистрирующему органу, другой адрес истца суду не известен. При таких обстоятельствах, в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 123, ч. 1 ст. 124 АПК РФ, истец считается должным образом оповещенным о месте и дате, с указанием времени, судебного процесса.

В связи с изложенным в соответствии с ч. 3 ст. 156 АПК РФ судебное заседание проводится в отсутствие представителя истца.

или:

Ответчик не направил представителя на судебный процесс в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 123 АПК РФ, а также не оповестил о месте, дате и времени его проведения (копия определения вручена генеральному директору ответчика Сидорову П.А 12.11.2011 г. согласно уведомлению № 15 от 06.11.2011 г., л. д. 34), ходатайства об отложении рассмотрения жалобы не заявил, в связи с чем, согласно ч. 3 ст. 156 АПК РФ, судебное заседание проводится в отсутствие представителя ответчика.

В обоснование факта надлежащего извещения суд может привести в описательной части судебного акта и другую информацию, подтверждающую его вывод о возможности рассмотрения жалобы по существу в отсутствие представителя участвующего в деле лица.

Примерный образец описательной части апелляционного акта арбитражного суда:

УСТАНОВИЛ:

ОАО «Аспарк» обратилось в Арбитражный суд ... области, края, республики с иском к закрытому акционерному обществу «Амвей» о взыскании суммы в размере 10 тысяч рублей.

Решением суда от 12.12. 2011 г. в иске отказано. Решение суда мотивировано тем, что истец ОАО «Аспарк», не согласившись с принятым судебным актом, обжаловал его в порядке положений гл. 34 АПК РФ. В поданной жалобе истец просил вынесенный ранее акт применения отменить и удовлетворить его исковые требования, ссылаясь на то, что суд не учел того обстоятельства, что

.....

Ответчик представил отзыв на апелляционную жалобу, отметив в нем законность и обоснованность принятого ранее решения.

В ходе судебного процесса представитель истца поддержал доводы, изложенные в жалобе.

Ответчик своего представителя на судебный процесс не направил, согласно ч. 1 ст. 123 АПК РФ о месте, дате и времени его проведения извещен надлежащим образом (копия определения вручена генеральному директору ответчика Сидорову П.А 11.12.06 г. согласно уведомлению № 16 от 05.12.06 г., л. д. 27), ходатайства об отложении

рассмотрения поданной жалобы не заявил.

В связи с изложенным в соответствии с ч. 3 ст. 156 АПК РФ судебное заседание проводится в отсутствие представителя ответчика.

Структура и содержание описательной части определения примерно совпадают с содержанием и структурой постановления с тем лишь изъятием, что в определении, в зависимости от вопроса, по которому оно принимается, обычно не приводится развернутая информация об основаниях, по которым участвующие в деле лица просят отменить (изменить) или оставить в силе оспариваемый судебный акт, поскольку определение выносится по частному вопросу, например, описательная часть определения об отложении судебного разбирательства будет примерно такой:

УСТАНОВИЛ:

ЗАО «Стрела» обратилось в Арбитражный суд ... области с иском к ООО «Прометей» о взыскании суммы в размере ста тысяч рублей.

Решением суда от 15.06. 2012 г. в иске отказано. Решение по делу суда объясняется тем, что истец не согласившись с принятым судебным актом, истец обжаловал его в соответствии с гл. 34 АПК РФ.

Ответчик представил отзыв на апелляционную жалобу, в котором просил оставить решение без изменения, считая его законным и обоснованным (л. д. 51-52).

Истец, должным образом оповещенный о дате и времени судебного заседания, явку представителя не обеспечил, направив ходатайство с просьбой отложить рассмотрение жалобы ввиду болезни представителя общества (л. д. 60).

В судебном заседании ответчик поддержал доводы, приведенные в отзыве на апелляционную жалобу, против удовлетворения ходатайства истца об отложении рассмотрения жалобы в судебном заседании не возражал (л. д. 164).

Содержание мотивировочной части акта применения апелляционной инстанции раскрыто в п. 12, 13 ч. 2, ч. 3 ст. 271 АПК РФ, в соответствии с которыми мотивировочной части нужно указывать:

- имеющиеся в деле юридические факты, установленные судом апелляционной инстанции; наличие доказательственной базы по делу;
- нормативно-правовую базу, положенную в основу принятия решения по делу; мотивы, согласно которым судебный орган не принял за истинные те или иные доказательства и не применил правовые нормы, на которые ссылались участники рассматриваемого дела;
- мотивы, по которым апелляционный суд не поддержал выводы суда первой инстанции;
- мотивы, которыми апелляционный суд руководствовался при определении судебных расходов между участниками, проходившими по делу, в том числе расходов в связи с подачей апелляции.

Мотивировочная часть акта судебного органа менее всего поддается формализации и в очень большой степени, в отличие от ее вводной, описательной, а также и резолютивной частей, зависит от особенностей конкретного дела и стиля письма судьи. В связи с этим

шаблона мотивировочной части создать нельзя, за исключением лишь типовых дел, например, таких, как дела о задолженности по страховым взносам.

Тем не менее мотивировочная часть все же имеет определенную структуру, которая, с одной стороны, позволяет облегчить процесс ее написания, а с другой стороны – позволяет облегчить процесс ее уяснения лицами, выступающими в роли читателей.

Так, первая часть акта применения судебного органа состоит, как правило, из трех элементов (смысловых фрагментов):

- в первом фрагменте излагаются юридические факты, действительно имевшие место и достоверно установленные судом апелляционной инстанции;
- во втором фрагменте судом приводится анализ доказательств, на основе которых суд считает юридические факты установленными, а также анализ доводов, исходя из которых суд не принимает представленные доказательства;
- в третьем смысловом фрагменте судебный орган дает правовую квалификацию, которая складывается из определения, спора, существующего между сторонами правоотношения, и ссылки на нормы права, которыми регулируется это правоотношение.

На основании этой квалификации судом делается вывод о законности (обоснованности) или незаконности (необоснованности) оспариваемого решения (акта применения) судебного органа и о его оставлении в силе либо отмене (изменении).

Графически мотивировочная часть от описательной не отделяется, однако обычно она начинается с вывода судебного органа относительно заявленного в апелляционной жалобе требования: подлежит ли оно удовлетворению, а оспариваемое решение судебного органа отмене (изменению), либо нет.

Можно также выделить ряд общих требований, которые должны соблюдаться при создании мотивировочной части акта применения апелляционной инстанции:

1) мотивировочная часть включает в себя достоверные выводы органа правосудия, логически вытекающие из зафиксированных в судебном процессе рассмотрения жалобы фактов;

2) в мотивировочной части должны быть оценены все доводы сторон, принимающих участие в рассматриваемом в деле, приводимые в обоснование апелляционной жалобы (в возражение против нее), а также доводы судебного органа первой инстанции, на основании которых он принял оспариваемое судебное решение;

3) критерии, на основании которых отклоняются либо удовлетворяются те или иные доводы, ходатайства и доказательства участвующих сторон, должны быть указаны в тексте мотивировочной части и нормативно обоснованы;

4) анализ доводов и возражений сторон, участвующих в судебном деле, должен быть последовательным и завершаться нормативно обоснованным выводом об их принятии или непринятии, относящимся к конкретному доводу или возражению, схема этого анализа должна быть такова: довод – анализ – вывод;

5) нормативное обоснование вывода должно следовать за анализом соответствующего довода участвующего в деле лица, недопустимо разделение большими участками текста фрагментов, относящихся к анализу одного и того же довода, возражения, поскольку в этом случае нарушается смысловая связность текста в целом;

6) в мотивировочной части должны быть приведены доводы, по которым апелляционный суд применяет или не применяет определенные нормы права, на которые сослался суд нижестоящей инстанции при принятии апеллируемого судебного решения либо участвующие в деле лица при подаче апелляционной жалобы;

7) в ссылках судебного органа на действующее законодательство или постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам судебной практики, а также на постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации и сохранившие силу постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации должны быть верно указаны реквизиты: наименование, дата и номер принятия соответствующего правового акта, а также его номер и номера его структурных единиц (статьи, части, пункта, подпункта, абзаца); 8) в мотивировочной части должны приводиться указания на том и лист дела, где находятся письменные доказательства, на которые ссылается апелляционный суд.

Эти же правила применяются и при построении мотивировочной части решения апелляционного суда с учетом специфики вопроса, по поводу которого оно принимается.

Резолютивная составляющая содержания решения апелляционного арбитражного суда раскрыта в п. 14 ч. 2 и ч. 2, 3 ст. 271 АПК РФ, в соответствии с чем в резолютивной части этой судебной инстанции должны быть указаны:

итоговые выводы рассмотрения апелляции по делу;

указания суда о том, каким образом между сторонами распределяются судебные расходы, в том числе и понесенные в связи с обращением в апелляционную инстанцию.

В резолютивной части судебного акта (постановления) также указывается порядок его обжалования. Резолютивная часть излагается в императивной форме и без аргументации.

Выводы суда, не связанные с разрешением апелляционной жалобы, могут быть оформлены в виде отдельного определения, а могут быть включены в резолютивную часть постановления.

Содержание резолютивной части применительно к различным категориям дел раскрыто законодателем более детально и полно, в отличие от содержания описательной и мотивировочной частей. Это объясняется тем, что эта часть постановления имеет статус правообразующего, правопрекращающего или правоизменяющего юридического факта, именно она излагается в исполнительных документах и подлежит исполнению.

Кроме того, унификация этой части постановления возможна в силу ее лаконичности и близости ее конструкции к закрепленным в материальном праве формальным составам. В частности, в ст. 269 АПК РФ закреплены базовые варианты резолютивных частей постановлений арбитражных судов по итогам рассмотрения апелляционных жалоб вне зависимости от категории спора:

1. оставить вынесенный правовой акт судом первой инстанции без изменения, а апелляционную жалобу – без удовлетворения;

2. внести изменения или отменить правовой акт, принятый судом первой инстанции, частично или полностью и принять по рассматриваемому судебному делу новое решение;

3. отменить принятое решение по делу полностью или частично и прекратить судебное рассмотрение либо оставить иск без производства частично или полностью.

В АПК РФ также перечислены обязательные требования к содержанию резолютивных частей решений по отдельным видам дел, которые должны соблюдаться и апелляционной судебной инстанцией при конструировании резолютивных частей постановлений при отмене или изменении акта, принятого судебным органом первой инстанции и принятии в этой части новых актов. В этой связи на основании ч. 1, 2 ст. 171 АПК РФ можно сформулировать следующие требования к содержанию соответствующих фрагментов резолютивных частей таких постановлений.

1. Резолютивная часть акта применения, содержащего указание о взыскании денежных средств, должна содержать сведения об общем размере денежных сумм, взыскиваемых с проигравшей стороны, в данном случае необходимо обратить внимание на раздельное определение задолженности, убытков, неустойки и процентов.

2. Данная часть судебного акта, содержащего указание о присуждении имущества, должна содержать сведения о наименовании имущества, которое следует передать истцу, определив при этом его материальную стоимость и местонахождение (при присуждении имущества).

3. В ту часть акта применения, вынесенного судом, которая указывает на признание не подлежащим исполнению того или иного нормативного документа, должна быть включена информация об официальном названии, номере и дате выдачи акта, который не должен быть исполнен, и денежной сумме, не подлежащей списанию (ст. 172 АПК РФ).

4. Резолютивная часть, содержащая указание на заключение или изменение договора, должна включать вывод судебного органа относительно всех спорных положений договора, а в случае наличия спора о понуждении заключить контракт – условия, на которых спорящие стороны должны вступить в договор (ст. 173 АПК РФ).

5. В резолютивной части, содержащей указание на обязанность ответчика совершить какие либо деяния, не имеющие целью взыскание материальных средств или с передачей имущественных прав, должны содержаться сведения о лице, обязанном совершить эти действия, а также о месте и сроке их совершения. Апелляционная судебная инстанция также вправе указать ФИО и должность лица, на котором лежит обязанность исполнить судебное постановление, а также срок исполнения, либо указать, что истец может реализовать определенные деяния за счет ответчика с взысканием с него в последующем всех понесенных расходов в случае, если ответчик не выполнит судебное предписание в указанные в акте применения сроки (ст. 174 АПК РФ).

6. В рассматриваемой резолютивной части акта применения, принятого в отношении нескольких истцов, а также против нескольких ответчиков, должны содержаться сведения о том, в какой части (доле) оно принадлежит к истцам, или указывать, что право требования является солидарным (при принятии решения относительно пользы двух и более истцов), либо сведения о том, в каком размере или доле каждый из ответчиков обязан исполнить судебное решение, или сведения о том, что эта обязанность является солидарной (при принятии решения относительно нескольких ответчиков) (ст. 175 АПК РФ).

7. Наряду с иными обстоятельствами в этой составляющей судебного акта, когда дело касается оспаривания вынесенного акта применения, в случае отмены акта применения или его частичного изменения должно иметь место обоснование, на основе которого апелляционная судебная инстанция вынесла новый акт применения (ч. 3 ст. 195 АПК РФ):

1) официальное название органа или лица, получившего оспариваемое судебное решение, его полное название, номер и дата поступления судебного акта применения;

2) наименование нормативного правового акта, имеющего высшую юридическую силу и на непротиворечие которому проверен оспариваемый подзаконный акт;

3) признание оспариваемого судебного решения соответствующим Конституции, федеральным законам и отказ в удовлетворении поданного иска или признание оспариваемого акта не соответствующим акту высшей юридической силы не действующим полностью или в его какой-то части.

1. Резолютивная часть об оспаривании правовых актов, носящих ненормативный характер, а также принятых органами власти и управления, органами местного самоуправления решений соответствующих должностных лиц, должна содержать в части, в которой суд принял новое решение в виде акта применения, следующие данные:

а) по делам об оспаривании правовых актов в соответствии с ч. 4 ст. 201 АПК РФ, имеющих ненормативный характер, решений властных и управленческих органов, органов местного самоуправления и соответствующих должностных лиц:

1) официальное название органа государственной власти или по его поручению соответствующего должностного лица, принявшего к своему исполнению оспариваемый правовой акт; наименование, дата принятия и номер оспариваемого акта применения;

2) официальное наименование нормативного акта, по которому осуществлена проверка на предмет соответствия ему оспариваемого акта применения;

3) признание оспариваемого нормативного правового акта недействительным, а также признание его частично или полностью незаконным и дача указаний по устранению допущенных нарушений режима законности;

б) по делам об оспаривании осуществленных деяний властными структурами государства на основании ч. 5 ст. 201 АПК РФ, органами местного самоуправления, прочими органами и их должностными лицами об отказе в совершении деяний (действия или бездействия):

1) официальное название органа власти или управления, а также должностного лица, совершившего оспариваемые деяния и отказавшего в принятии законных решений;

2) проверка оспариваемых деяний или принятых решений;

3) указание на нарушение законности и признание оспариваемых деяний незаконными и возложение юридической обязанности на соответствующие органы и должностные лица государства, органы местного самоуправления и другие органы совершить предписанные им действия по устранению допущенных нарушений режима законности относительно соблюдения прав и свобод российских граждан, обратившихся в органы правосудия.

9. Резолютивная составляющая судебного решения по делу о возложении на виновного административной ответственности должна осуществляться в соответствии с ч. 3 ст. 206 АПК РФ, в которой апелляционная судебная инстанция вынесла новый акт применения, иметь следующие сведения:

1) данные о лице, привлеченном к юридической ответственности, его месте пребывания (жительства), данные о его сфере предпринимательской деятельности: юридическое лицо или индивидуальный предприниматель;

2) избранная норма права, на основании которой виновное лицо подвергается административной юрисдикции;

3) указание на санкцию нормы в соответствии с КоАП РФ, которая может быть применена к виновному.

10. Резолютивная часть по делам, связанным со спорами относительно законности вынесенного акта применения о привлечении в соответствии с ч. 4 ст. 211 АПК РФ к административной ответственности должна иметь в части, в которой апелляционная инстанция вынесла новое судебное решение, следующие данные:

- официальное название, номер, дату, место принятия акта, иную информацию, связанную с содержанием оспариваемого судебного или административного решения;

- паспортные данные лица, привлеченного к данному виду юридической ответственности, его место проживания и нахождения и др.;
- указание на признание вынесенного акта применения противоречащим действующему законодательству и его отмену частично или полностью, либо на отказ в удовлетворении законных требований заявителя полностью или частично т. д.

11. Данная часть судебного акта по делам, связанным с взысканием обязательных платежей (ч. 2 ст. 216 АПК РФ), должна иметь в части, в которой апелляционная инстанция арбитражного судопроизводства вынесла новое судебное решение, сведения следующего характера:

- информацию о лице, на которое возложена юридическая обязанность по уплате денежной задолженности, его местонахождении или регистрации и другие сведения;
- размер денежной суммы, которую необходимо взыскать с должника, при этом следует определиться с основной задолженностью и предполагаемой санкцией.

По делам об установлении юридических фактов, имеющих важное значение для исследуемого дела, исходя из ч. 2 ст. 222 АПК РФ, должна быть в части, в которой апелляционная судебная инстанции вынесла новый акт применения по делу в рамках действующего законодательства, следующая информация:

- 1) указание на наличие юридического факта, имеющего существенное значение для исследуемого дела, находящегося в производстве суда;
- 2) описание установленного юридического факта.

Kolesnik I.V. Struktura i postroenie (kompozicija) sudebnyh aktov arbitrazhnogo suda apelljacionnoj instancii / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

МОНИТОРИНГ В МЕХАНИЗМЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ⁵³

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Термин «мониторинг» употребляется при рассмотрении широкого круга отношений: в сфере экологии, экономики, биологии, медицины; техногенных, политических, социальных процессов, то есть практически в любой области человеческой деятельности. Можно констатировать, что термин «мониторинг» окончательно закрепился и в юридической науке и практике. Так, с 1991 года термин «мониторинг» применялся в более чем 100 федеральных законах [27, С. 129] и первоначально был связан с различными правовыми категориями (правовое поле, правовое пространство, правоприменительная практика, законодательство, правовые акты и т. п.), соответственно, было широкое поле для дискуссий исследователей. Применялись не только разнообразные термины, их авторы сформулировали не менее разнообразные дефиниции, например:

- «мониторинг законодательства и правоприменительной практики – это систематическая деятельность органов государственной власти по анализу состояния и прогнозу развития российского законодательства, а также практики его применения на различных уровнях правового регулирования» [26, С. 5];
- «мониторинг правового пространства и правоприменительной практики – осуществляемая на постоянной основе деятельность по обобщению и систематизации информации, необходимой для оценки, анализа и прогноза состояния и динамики законодательства и практики его применения (деятельность) с целью выявления его соответствия планируемому результату правового регулирования, а также ожиданиям участников законодательного процесса, должностных лиц исполнительных, судебных и иных органов всех уровней власти, институтов гражданского общества, граждан (цели, субъекты использования результатов)» [27, С. 133];
- правовой мониторинг – «система информационных наблюдений, дающая возможность анализировать и оценивать результаты нормотворческой деятельности, прежде всего, законопроектной; качество нормативных правовых актов, принятых тем

⁵³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

или иным правотворческим органом в соответствии с предоставленной ему правотворческой компетенцией; эффективность их практического действия» [9, С. 19].

Мониторинг представляет собой специфический вид юридической деятельности. На фоне поиска «совершенно новых методик нормотворчества и оценки правоприменения, и, соответственно, новых (обновленных) властных институтов, которые смогли бы осуществлять полноценное правовое регулирование» [8, С. 111; 9], мониторинг представляет собой удачный пример внедрения новаций в российском праве. Изучение проблем мониторинга правоприменения началось относительно недавно – с 2007 года при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации создан Центр мониторинга законодательства и правоприменительной практики (Центр мониторинга права). Но уже в настоящее время основы системы правового регулирования мониторинга правоприменения сложились – на федеральном уровне приняты Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации [44], утверждена Методика осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации [30], осуществляется уже четвертый план мониторинга правоприменения в Российской Федерации и утвержден пятый план (см. таблицу 2), опубликован⁵⁴ Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год, подготовлен Доклад Правительства Российской Федерации о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2012 год.

Таблица 2

Содержание планов мониторинга правоприменения в Российской Федерации (2011–2015 годы)

Год	Количество отраслей, включенных в план мониторинга	Количество законов ⁵⁶ , включенных в план мониторинга	Количество субъектов ⁵⁵ осуществления мониторинга	
			Федеральные органы власти и организации ⁵⁷	Органы власти субъектов РФ
2011 ⁵⁸	11	16	23	5
2012 ⁵⁹	29	34	26	8
2013 ⁶⁰	18	22	25	15

⁵⁴ Российская газета. 2013. 27 марта. Опубликован без приложений, они размещены на сайте «Российской газеты».

⁵⁵ Предусмотрено три группы субъектов, но первоначально (в 2011, 2012 и 2013 годах) это были: федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации, органы местного самоуправления, а теперь (в 2014 и 2015 годах) – федеральные органы исполнительной власти, органы государственной власти субъекта Российской Федерации и организации.

⁵⁶ Помимо законов, в плане мониторинга правоприменения могут быть отражены указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты иных органов власти.

⁵⁷ С 2014 года – организации (по двум отраслям в качестве соисполнителя указан Фонд социального страхования Российской Федерации).

⁵⁸ План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011 год утвержден распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 1471-р // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5102.

⁵⁹ План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2012 год утвержден распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 1471-р // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5102.

⁶⁰ План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2013 год утвержден распоряжением ем Правительства РФ от 1 августа 2012 г. № 1396-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32, ст. 4605.

2014 ⁶¹	14	19	43 ⁶²	10
2015 ⁶³	15	29	39	11
Всего	87	120	156	49

В некоторых субъектах Российской Федерации⁶⁴ до названных федеральных актов действовали нормативные правовые акты, которые определяли порядок и методику проведения мониторинга. Вместе с тем, единых подходов в области организации и проведения мониторинга правоприменения органами государственной власти субъектов Российской Федерации не было выработано. Эта деятельность называлась по-разному: например, Закон Ямало-Ненецкого автономного округа от 8 июня 2009 года № 37-ЗАО «О мониторинге правового пространства в Ямало-Ненецком автономном округе» [20]; Закон Липецкой области от 5 декабря 2008 года № 213-ОЗ «О мониторинге нормативных правовых актов Липецкой области» [25]. Различным образом были регламентированы субъекты⁶⁵, порядок, сроки и иные вопросы осуществления мониторинга правоприменения.

Тем не менее в субъектах Российской Федерации накоплен значительный опыт по осуществлению мониторинга правоприменения. Например, мониторинг правоприменения законов Нижегородской области осуществляется Законодательным Собранием с 2008 года (см. таблицу 3).

Таблица 3

Обобщение планов мониторинга правоприменения законов в Нижегородской области (2008–2013 годы)

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	Всего
Принято							

⁶¹ План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2014 год утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2013 г. № 1513-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 35, ст. 4558.

⁶² Некоторые федеральные органы исполнительной власти указаны как ответственные за осуществление мониторинга правоприменения двух и более отраслей законодательства. Например: Минсельхоз России – по 2 отраслям; Минобрны России – по 3; Минрегион России – по 3; ФАС России – по 5.

⁶³ План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2015 год утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2014 г. N 1658-р // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 36. – Ст. 4886.

⁶⁴ В решении Координационного совета при ГУ Минюста Российской Федерации по Нижегородской области от 21 октября 2011 года «Практика мониторинга федерального и регионально-го законодательства и его применения» названы республики Саха (Якутия), Татарстан, Еврейский, Ненецкий, Ямало-Ненецкий автономные округа, Архангельская, Астраханская, Воронежская, Кемеровская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Нижегородская, Новгородская, Тамбовская области.

⁶⁵ Так, в Нижегородской области есть разделение по субъектам и объектам осуществления мониторинга правоприменения: Правительство Нижегородской области, органы исполнительной власти Нижегородской области в соответствии с Порядком проведения органами исполнительной власти Нижегородской области мониторинга правоприменения в Нижегородской области, утвержденным Постановлением Правительства Нижегородской области от 18 января 2013 г. №23 – в отношении законодательных и иных нормативных правовых актов Российской Федерации и Нижегородской области; а комитеты Законодательного Собрания Нижегородской области в соответствии с Положением о мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Нижегородской области, принятых Законодательным Собранием Нижегородской области, утвержденным Постановлением Законодательного Собрания от 29 февраля 2012 г. № 437-V – в отношении нормативных правовых актов Нижегородской области, принятых Законодательным Собранием.

законов области	197	267	215	200	168	181	1228
Включено актов	16 14	10 9	11 9	8 6	7 7	9 11	
в планы	30	19	20	14	14	20	117
мониторинга	15%	7%	9%	7%	8%	11%	10%

В то же время вопрос оценки эффективности правовых норм по-прежнему актуален. Доктринальный характер [8, 15, 22, 23, 41, 46, 58,] разработки проблем определения эффективности права теперь [26, 45, 58, 59, 60] дополняется попытками внедрения измеримых показателей (конкретных индикаторов, критериев, мер, параметров, показателей и пр.)⁶⁶ [1, С. 9; 2, С. 96-97; 16, С. 10; 27, С. 131-133; 30, С. 84] для отдельных элементов механизма правового регулирования. Сделаны попытки [44] привнести на российскую почву опыт оценки эффективности норм права, применяемый за рубежом [61-64].

Поскольку в настоящее время мониторинг правоприменения выступает относительно новым явлением, окончательно не сложились практика его осуществления, требования к процедурам и субъектам, не ясна правовая природа результатов мониторинга и т. п., то, считаем, следует продолжить поиск путей разрешения всего комплекса методологических проблем.

Например, сформулировано нормативное определение понятия «мониторинг правоприменения» – комплексная и плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий, по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия (издания), изменения или признания утратившими силу (отмены) законодательных и иных нормативных правовых актов с целью совершенствования правовой системы Российской Федерации. Однако в этой дефиниции перечислены не все существенные признаки. В ходе мониторинга правоприменения следует также обобщить информацию о практике применения нормативных правовых актов Российской Федерации, выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека; выработать предложения по совершенствованию не только нормативных правовых актов Российской Федерации, но и деятельности органов власти [42].

Многозначность слова и стремление ученых выработать совершенное определение понятия, желание рассмотреть этот институт мониторинга с разных точек зрения (философской, управленческой, политической, правовой) объяснимо. На наш взгляд, можно согласиться с отдельными авторами, что каждое определение отражает разные стороны этого понятия и с тем, что «научная общественность преодолела стереотип «узкого» понимания мониторинга нормативных правовых актов». Однако выработать единое определение мониторинга в праве достаточно проблематично. Ясно одно, что в настоящее время назрела необходимость провести комплексное исследование этого правового понятия [3, 43]. Более того, неправильное представление о сущности этого

⁶⁶ Более того, ведется спор о значении названных терминов и целесообразности применения того или иного из них.

правового института порождает искажение понятий, характеризующих содержание термина «мониторинг» – объекта, субъекта, механизма мониторинга и т. п.

Мониторинг (англ. monitoring – наблюдение) обычно понимается как постоянное отслеживание какого-либо процесса для установления его соответствия первоначальным предположениям или желаемому результату [33, С. 540]; система постоянных наблюдений, оценки и прогноза изменений какого-либо природного, социального и тому подобного объекта [50, С. 358]. Мониторингом признается систематическая, постоянная деятельность, связанная со сбором и анализом информации, и направленная на наблюдение за развитием исследуемого объекта с целью выявления соответствия его состояния ожидаемым результатам и оценки его развития. Такое определение базируется на этимологии рассматриваемого слова [21, 34, 49]. Однако исследователи мало обращают внимание на то, что слово, пришедшее к нам из английского языка, имеет латинскую основу. По данным латинско-русского словаря, слова «moneo», «monitor», «monitorius», «monitum», «monitus» являются однокоренными. Все они многозначные. Одно из значений слова «moneo» – наказывать, карать; «monitor» – надзиратель, надсмотрщик; «monitorius» – предупреждающий; «monitum» – указание; «monitus» – увещевание [24, С. 646].

Если учитывать данные толкования, то понятие «мониторинг» расширится за счет такого компонента значения, как устранение выявленных в ходе его проведения нарушений и применение мер воздействия к нарушителям. Этот элемент, рассматриваемый в составе механизма «мониторинга», относится к одной из его стадий – стадии обязательного исполнения (реализации) результатов мониторинга. Таким образом, мониторинг целесообразно использовать при рассмотрении вопроса о контроле состояния объекта (явления), имея в виду, что эта деятельность является одной из основных функций государства.

Государственный контроль – это форма государственной власти, обеспечивающая проверку выполнения органами государства законов и иных нормативных актов с целью недопущения отклонения от установленных законодательством норм и обеспечения соблюдения на основе государственных интересов наиболее целесообразной деятельности подконтрольных объектов. Если полагать двуединой целью ведения мониторинга в праве совершенствование правотворческой деятельности государственных органов и повышение эффективности правоприменения, то логичным представляется утверждение о том, что эта деятельность является одним из методов осуществления государственного контроля [12, С. 41; 28, С. 23; 29, С. 3].

В то же время ряд авторов предлагает рассматривать мониторинг как особый вид систематизации нормативных правовых актов. К традиционным видам систематизации – инкорпорации (консолидация названа разновидностью инкорпорации) и кодификации [7, С. 73], относят также учет [6, С. 123], в том числе автоматизированные электронные базы данных нормативных правовых актов [19]. Мониторинг определяют как разновидность систематизации нормативных правовых актов, упорядочения нормативного правового материала, поскольку он позволяет:

- описать стратегию законодательного обеспечения государственного и муниципального управления;
- обобщить полноту и качество нормативного правового регулирования и правоприменительной практики;
- проанализировать состояние не только законодательства, но и подзаконных актов;
- выявить тенденции развития законодательства;

- обосновать концептуальные подходы к совершенствованию законопроектной деятельности.

Есть нормативное подтверждение [35] данной концепции роли мониторинга правоприменения как формы систематизации права. Можно предположить, что по мере возрастания значения мониторинга правоприменения потребуются развивать нормативное правовое регулирование этой деятельности в подзаконных актах федеральных органов власти и иных федеральных органов, в субъектах Российской Федерации и в муниципальных правовых актах.

Термин «мониторинг» в связи с настоящим исследованием позволяет сузить предмет рассуждения до одной из форм реализации права – правоприменения. И, вероятно, потребуются дополнительные аргументы в обоснование термина «мониторинг правоприменения», чтобы он либо максимально органично «вписался» в традиционно сложившийся в российском праве понятийно-категориальный ряд, либо был скорректирован, либо заменен.

В качестве альтернативы наименованию процедуры мониторинга правоприменения, предусмотренному Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, целесообразно использовать более общий термин «мониторинг реализации права»⁶⁷, в противном случае непосредственные формы реализации права могут быть включены как объекты изучения в рамках обобщения правоприменительной практики только факультативно. Интересно, что в главе 12 Федерального закона от 28 июня 2014 года № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [48] применен именно термин «мониторинг реализации документов стратегического планирования».

Мониторинг правоприменения следует рассматривать во взаимосвязи с полномочиями правоприменительных органов. Мониторинг, осуществляемый государственными органами и их должностными лицами в силу возложенных на них обязанностей, отличается от аналогичных действий, проводимых иными органами и лицами в силу их волеизъявления (желания), как, например, официальное толкование закона отличается от его неофициального разъяснения. Основным различием являются юридически значимые правовые последствия указанных действий: в первом случае они наступают, а во втором – нет.

Мониторинг правоприменения должен стать неотъемлемым элементом государственного управления, по результатам которого уполномоченными органами должны приниматься соответствующие управленческие решения. Поэтому диссертант полностью разделяет точку зрения тех ученых и практиков, которые считают, что организация и осуществление мониторинга должны стать полномочиями государства [31, С. 9]. Эта же позиция видна в рассуждениях некоторых исследователей о сущности государственного контроля, который «призван обеспечить нормативно урегулированную деятельность путем анализа и проверки реализации законов и иных правовых актов и обоснованности совершаемых действий» [51, С. 3]. Таким образом, при осуществлении контроля рассматривается правомерность принятия правовых актов, изучается фактическая ситуация и проводится оценка совершенных действий. Аналогичной точки зрения придерживаются другие исследователи, полагая, что одной из стадий процедуры

⁶⁷ Полагаем, справедливо предлагается различать «правореализационную и правоприменитель-ную техники». См. об этом, например: Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М., 2014. С. 157–191.

контроля является стадия принятия решения о применении принудительных мер к подконтрольному объекту [14, С. 106].

Однако технико-юридический аспект мониторинга правоприменения до настоящего времени остается вне поля зрения правоведов [56, С. 15]. Следует особо подчеркнуть, что объекты мониторинга правоприменения как разновидности юридической деятельности имеют технико-юридический и технолого-юридический компоненты: совокупность средств, используемых для достижения целей и решения задач мониторинга правоприменения. Основной акцент следует сделать именно на технологиях мониторинга правоприменения.

На первый взгляд, технология мониторинга правоприменения предстает в виде совокупности средств, используемых в технологии наблюдения, анализа и оценки правовой информации, а также критериев и показателей эффективности законов и практики их реализации [11, С. 38-58]. Однако по мере институционализации мониторинга правоприменения и осмысления данного явления содержание этой техники представляется все более сложной, а ее элементы – более разнообразными, все более ярко проявляющими черты технологичности.

На начальном этапе своеобразных технолого-юридических приемов, составляющих технологию мониторинга правоприменения, относительно мало, для него адаптируются элементы нормотворческой или правоприменительной технологии. Однако это предположение, как полагает Н.Н. Черногор [56, С. 19], не исключает возможность возникновения самостоятельных технологических приемов и технических средств, например, техники составления планов, отсылок к другим планам, техники утверждения планов и программ мониторинга, техники оформления предложений федеральных органов исполнительной власти в проект сводного плана, то есть речь идет о структурных и содержательных правилах осуществления мониторинга правоприменения.

При осуществлении мониторинга правоприменения должны быть использованы юридико-технические средства, применяемые в конкретных технологических рамках, в соответствии с определенными технологическими стратегией, тактикой, методами, способами, правилами и приемами, направленными на конкретизацию цели и объекта мониторинга. Так, сбор информации осуществляется путем направления поручений, запросов подведомственным территориальным органам государственной власти, федеральным службам и агентствам и т. п. На этапе обобщения и анализа информации используются такие технико-юридические средства, как «досье закона», критерии и показатели эффективности законов и практики их применения. При оформлении результатов мониторинга применяются специальные приемы подготовки итогового документа – доклада, содержащего обоснованные предложения по совершенствованию законодательства и т. п. [4, С. 63].

Таким образом, технология мониторинга правоприменения – достаточно многогранное и сложное в содержательном и структурном плане явление, которое, на наш взгляд, требует самого серьезного изучения и применения соответствующей методологии. В качестве рабочей можно принять следующую дефиницию: технология мониторинга правоприменения – это совокупность методов и способов, правил и приемов использования средств планирования мониторинговой деятельности, получения необходимой информации, ее фиксации, обобщения, анализа и оценки, оформления и обнародования, а также реализации ее результатов.

Исследование технологии мониторинга правоприменения, формирование позитивного научного знания о данном явлении требуют применения методологии

правовой науки. Конкретизация используемых познавательных средств, определение совокупности приемов и методов их использования, методологических подходов, применяемых для изучения данного явления, происходит исходя из особенностей предмета исследования, форм его существования и специфики решаемых научных задач [17, С. 101].

В настоящее время в правовой науке складывается парадигма исследований, соответствии с которой вопросы технологии мониторинга в праве, его техники и методологии не разграничиваются и формулируются как проблемы последней. Данный подход представляется малопродуктивным и, на наш взгляд, может привести к ошибочным выводам.

Категория «методология правового мониторинга», столь модная сейчас [17, С. 101-107], равно как и призывы некоторых ученых активно ее разрабатывать [4, С. 63-158], представляется довольно спорной. Тем более, что рассуждения о ней сводятся к формированию позитивного теоретического знания о мониторинге – разработке прикладных понятия, целей, принципов, субъектов, стадий, методов его проведения. Задача теории состоит в формировании позитивного знания о предмете. Методология отвечает за организацию формирования этого знания. С этой точки зрения мы можем констатировать, что происходит подмена понятий – теории и методологии мониторинга в праве.

Методология правового мониторинга, определяемая как совокупность способов, методов и средств, обеспечивающих рациональную и эффективную организацию деятельности субъектов мониторинга по осуществлению инвентаризации, прогноза, по оценке эффективности и действенности нормативных правовых актов и правоприменительной практики, в процессе восприятия и изучения смешивается с технологией, техникой и методикой его проведения⁶⁸. Однако при этом нетрудно заметить, что в данном случае из поля зрения выпадают технико-юридические средства составления программ и планов мониторинговой деятельности, критерии и показатели эффективности законов и практики их реализации, техника ведения досье закона, оформления результатов мониторинга и др.

Представители данного подхода выделяют в качестве важнейших методов правового мониторинга наблюдение, анализ, синтез и оценку полученных сведений. Упомянутые приемы и методы научного познания действительно применяются в ходе проведения мониторинга правоприменения, и, по крайней мере, на уровне научной гипотезы можно говорить о том, что они наряду с другими технико-юридическими средствами и приемами охватываются понятием «юридическая техника правового мониторинга» [47, С. 130-133]. Однако их совокупность не может квалифицироваться как методология последнего.

Основное отличие приемов технологии мониторинга правоприменения от методов, принципов научного познания характеризуется сферой, целями, задачами и результатами их применения. Методы научного познания применяются в научных исследованиях, проводимых с целью получения новых теоретических или эмпирических знаний,

⁶⁸ Интерпретация основных понятий общей концепции мониторинга правового пространства и правоприменительной практики была разработана Межведомственной рабочей группой Совета Федерации и впоследствии скорректирована участниками второй Всероссийской научно-практической конференции «Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики», проходившей 20 мая 2004 года. См.: Словарь основных понятий, определяющих общую концепцию мониторинга правового пространства и правоприменительной практики // Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики как форма диалога власти и общества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (30 июня 2005 г.). М., 2006. С. 130–133.

расширения содержания общей теории права или иной юридической науки. Приемы технологии мониторинга правоприменения определяют путь, правильное движение мышления не в научной, а в практической сфере, связанной с наблюдением, анализом и оценкой законодательства и практики его применения. Поэтому если та или иная часть научных методов может применяться в процессе мониторинга, то правила технологии мониторинга правоприменения оказываются малоэффективными в научном познании и не могут способствовать получению новых научных знаний о праве, закономерностях его функционирования и развития.

Принципиально различными предстают и результаты применения научных методов и технологии мониторинга правоприменения. Если совокупным результатом первых выступают научные знания в виде теории права или иной юридической науки, то совокупный результат технологии мониторинга правоприменения характеризуется его действующей системой и степенью достижения его главной цели – обеспечения обратной связи между обществом и законодателем.

Задача дальнейшего продвижения в проведении теоретико-прикладных исследований данного явления и оснащения субъектов и участников мониторинга правоприменения научно обоснованными рекомендациями по оптимизации сложившейся практики его проведения, повышения ее эффективности требует преодолеть упомянутую парадигму исследований. Ограничение научной задачи разработкой только методологии мониторинга правоприменения не позволяет охватить весь объем проблематики, относящейся к данной теме и способной удовлетворить в полной мере потребности практики организации и проведения мониторинга правоприменения в масштабах государства.

Следует отметить, что в последние годы значительно возросла роль социальных технологий, применяемых в различных сферах непроизводственной деятельности, прежде всего, юридических. Накопленный на сегодняшний день опыт осуществления мониторинга правоприменения в органах государственной власти как Российской Федерации, так и ее субъектов, а также достигнутый уровень научного осмысления данного явления позволяют утверждать – правовой мониторинг представляет собой разновидность юридической и, в частности, правоприменительной технологии.

Поступательный процесс институционализации мониторинга правоприменения, количественный и качественный рост правил, способов, приемов, методов его проведения обуславливают возникновение объективной потребности в их согласовании и системном использовании. Последовательное внедрение мониторинга правоприменения в практику государственных органов связано с усложнением механизмов его проведения, требует более развитых форм юридического опосредования данной деятельности. Все это исторически и логически приводит к возникновению технологии мониторинга правоприменения.

Именно «технологический» взгляд на мониторинг правоприменения позволяет максимально сблизить эмпирическое и логическое в научных исследованиях, охватить и связать воедино не только методы изучения законодательства и правоприменительной практики, но и организационные, управленческие блоки, его составляющие, институциональное, функциональное и инструментальное в его природе и содержании [55, С. 52].

Система мониторинга правоприменения должна включать:
– уполномоченных субъектов;

- объекты мониторинга правоприменения;
- регламентные нормы;
- определенные процедуры;
- информационный блок, включая социальную информацию;
- аналитико-оценочный блок.

Такое понимание мониторинга правоприменения позволяет широко трактовать его объекты – динамику правовой сферы, законодательства и иных правовых актов, государственных и общественных институтов, юридических коллизий, правомерного и неправомерного поведения граждан. Сюда же можно отнести объективные процессы, в ход и содержание которых «встроены» институты и правовые нормы [52, С. 13].

Следовательно, все вышеперечисленное свидетельствует о том, что мониторинг правоприменения технологичен по своей сути, позволяя совершенствовать правоприменительные технологии. Обнаружение технологичности мониторинга правоприменения – следствие поступательного изучения явления, не подвергавшегося ранее специальному исследованию в аспекте юридической техники и технологии, обнаружения новых сторон мониторинга, которые хотя и фиксировались ранее в исследованиях, но рассматривались в качестве элементов методологии мониторинга правоприменения.

Специальные исследования технологии мониторинга правоприменения следует начинать не только со сбора и осмысления эмпирических фактов, но и осуществления критического анализа понятий правового мониторинга правоприменения, выяснения связей и закономерностей его осуществления. Специфика познания данного вида правоприменительной технологии состоит в том, что сначала появилась теория мониторинга, в рамках которой были разработаны отдельные технологико-юридические средства (критерии и показатели оценки эффективности закона и практики его реализации [53, С. 3-11]), а потом она была нормативно регламентирована. Стремление теоретически осмыслить, раскрыть закономерности осуществления мониторинга правоприменения предполагает решение ряда гносеологических задач.

В частности, поскольку технологии мониторинга правоприменения неоднородны, можно классифицировать их по нескольким основаниям:

- по стадиям мониторинга правоприменения можно выделить технологии планирования, сбора необходимой информации, ее фиксации, обобщения, анализа оценки, оформления и обнародования, а также реализации результатов;
- по роли (функциональной нагрузке) можно выделить технологии составления документов (планов, докладов, досье «закона» и др.), оценки объекта мониторинга и информации о нем (критерии и показатели эффективности);
- в зависимости от качества структурных элементов можно выделить технологии выработки стратегии или тактики, выбора метода или способа, правил и приемов, обеспечивающих использование юридико-технических средств для оптимального достижения поставленных целей и решения задач мониторинга правоприменения.

Последняя классификация показывает, что структура технологий мониторинга правоприменения в общих чертах тождественна базовой структуре юридической технологии, состоящей из технологических стратегий и тактики, методов, способов, правил, приемов оптимального использования юридико-технических средств, направленного на обслуживание деятельности по наблюдению за процессом применения правовых норм с целью последующего совершенствования и корректировки действующего

законодательства в соответствии с реалиями правовой действительности. При этом важно отметить, что процедурно-процессуальные формы, присущие правоприменительной технологии, в структуру данного вида технологии не входят ввиду отсутствия жесткой процедурно-процессуальной регламентации этой деятельности.

Литература

1. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск, 2006.
2. Аврутин Ю.Е. Эффективность деятельности органов внутренних дел: государственно-правовые, социальные и организационные аспекты изучения, оценки, проектирования: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998.
3. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Концепции мониторинга нормативных правовых актов. М., 2011.
4. Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е. Мониторинг в правотворчестве: теория и методология. М., 2009.
5. Афанасьев А.Ю. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) как мера по профилактике коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 226-227.
6. Бабаев В.К., Баранов В.М., Толстик В.А. Теория государства и права в схемах и определениях: учебное пособие. М., 1999.
7. Бабаев В.К. Теория современного советского права: Фрагменты лекций и схемы. Н. Новгород, 1991.
8. Баранов В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права. Саратов, 1987.
9. Глигич-Золотарева М.В. Метаморфозы правового регулирования // Методология поиска (выбора) оптимальных правовых решений: материалы научного семинара. М., 2012. Вып. 1–2.
10. Горохов Д.Б., Спектор Е.И., Глазкова М.Е. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. 2007. № 5. С. 25—38.
11. Горохов Д.Б. Правовой мониторинг: концепция, направления институализации, состояние законодательства и перспективы // Законодательство и экономика. 2009. № 7. С. 38–58.
12. Дамаскин О.В. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: стратегия правового развития // Современное право. 2008. № 6. С. 41
13. Дударь А.И. Особенности правового положения лабораторных животных: постановка проблемы // Право и политика. — 2014.-№ 12.-С.1927-1930. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.12.13346
14. Ерицян А.В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. 2002. № 2. С. 103-104.
15. Законотворчество в Российской Федерации (научно-практическое и учебное пособие) / под ред. А.С. Пиголкина. М., 2000.
16. Зелепукин А.А. Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000.

17. Зражевская Т.Д. Выступление на Межрегиональном научно-практическом семинаре «Мониторинг законодательства и правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации: опыт и пути совершенствования» // Сборник материалов конференции. М., 2008. 101–107.
18. Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М., 2014.
19. Керимов Д.А. Проблемы общей теории права. М., 2000.
20. Красный Север. 2009. Спецвыпуск. 11 июня.
21. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М., 1998.
22. Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С., Глазырин В.В. Эффективность правовых норм. М., 1980.
23. Лапаева В.В. Современное российское законодательство: основные слагаемые эффективности / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 1999.
24. Латинско-русский словарь. М., 1976.
25. Липецкая газета. 2008. 16 декабря.
26. Максимова Е.В. Юридическая техника как средство повышения эффективности нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти: монография. Уфа, 2012.
27. Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011.
28. Марков Е.В. Государственный контроль. М., 2004.
29. Мартынов А.В. Административный надзор в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового регулирования: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Воронеж, 2011.
30. Мешков Д.Н. Эффективность воздействия права на отношения личности и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2007.
31. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики // Бюллетень Министерства юстиции РФ. 2005. № 8. С. 5.
32. Некрасов Е.Е., Жужгов И.В. Мониторинг как способ повышения эффективности правового регулирования // Сборник научных трудов юридического факультета. Ставрополь: СевКавГТУ, 2004. Вып. 4. С. 21-30.
33. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2003.
34. Новый большой англо-русский словарь: в 3 т. М., 1993. Т. 2.
35. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: Постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 // Российская газета. 2011. 24 августа.
36. План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011 год утвержден распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 1471-р // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5102.
37. План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2012 год утвержден распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2011 г. № 1471-р // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5102.
38. План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2013 год утвержден распоряжением Правительства РФ от 1 августа 2012 г. № 1396-р // Собрание законодательства РФ. 2012. № 32, ст. 4605.

39. План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2014 год утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2013 г. № 1513-р // Собрание законодательства РФ. 2013. № 35, ст. 4558.
40. План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2015 год утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 августа 2014 г. N 1658-р // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 36. – Ст. 4886.
41. Поленина С.В. Качество закона и эффективность законодательства. М., 1993.
42. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / Под ред. Н.Н. Черногора. М., 2010.
43. Правовой мониторинг: научно-практическое пособие. М., 2009.
44. Правовые акты: оценка последствий: научно-практическое пособие / под ред. Ю.А. Тихомирова. М., 2011.
45. Правоприменение: теория и практика. М., 2008.
46. Самощенко И.С., Никитинский В.И. Некоторые теоретические вопросы изучения эффективности правовых норм. Варна, 1970.
47. Словарь основных понятий, определяющих общую концепцию мониторинга правового пространства и правоприменительной практики // Мониторинг правового пространства и правоприменительной практики как форма диалога власти и общества: материалы III Всероссийской научно-практической конференции (30 июня 2005 г.). М., 2006. С. 130–133.
48. Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, ч. 1, ст. 3378.
49. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.
50. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2004.
51. Тихомиров Ю.А. Закон – основа стратегии // Президентский контроль. 2007. № 8. С. 3.
52. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение правового мониторинга // Право и экономика. 2006. № 10. С. 13.
53. Толмачева Н. Мониторинг закона – от практики к теории // Право и экономика. 2006. № 7. С. 3–11.
54. Утверждено Указом Президента РФ от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21, ст. 2930.
55. Черногор Н.Н. Мониторинг Конституции: постановка проблемы // Законодательство и экономика. 2008. № 11. С. 52.
56. Черногор Н.Н. Юридическая техника правового мониторинга: постановка проблемы и подходы к исследованию // Законодательство и экономика. 2010. № 1. С. 19.
57. Экономический анализ нормативных актов. М., 2001.
58. Эффективность закона (методология и конкретные исследования) / под ред. Ю.А. Тихомирова, В.М. Сырых. М., 1997
59. Эффективность законодательства и современные юридические технологии (материалы заседания Международной школы-практикума молодых ученых-юристов. Москва, 29–31 мая 2008 г.) / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2009.
60. Эффективность законодательства в экономической сфере. М., 2010
61. Becker G., Posner R. Uncommon sense. 2007.

62. Hovenkamp H. Arrow's theorem: ordinalism and republican government // 75 Iova L. Rev. 1990

63. Farber D., Frickey P. Law and public choice. 1991; Kelman M. Guide to critical legal studies. 1992.

64. Mueller D. Public choice. 2003; Posner R. Economic analysis of law. 6 ed. 2003.

Kolesnik I.V. Monitoring v mehanizme pravovogo regulirovanija / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

ТЕХНОЛОГИЯ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ⁶⁹

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Теоретические доводы о необходимости разработки технологии мониторинга правоприменения подтверждаются единодушным мнением практиков и ученых, которые видят предназначение мониторинга правоприменения как инструмента оценки эффективности и качества реализации нормативных правовых актов с целью последующей разработки на основе данных мониторинга предложений по устранению выявленных в ходе мониторинга пробелов и коллизий путем корректировки соответствующей нормативной и правоприменительной базы. В.Г. Анненкова отмечала, что целью мониторинга права является выявление пробелов и противоречий в федеральных, региональных и муниципальных правовых актах [2]. И.И. Шувалов в этой связи писал, что «мониторинг действующего законодательства становится <...> мерой, позволяющей установить устойчивую связь между законодательной деятельностью и ее конечными результатами. Это позволит совершенствовать и развивать российское законодательство, сформировать адекватную концепцию законодательного обеспечения политики государства» [50, С. 91-92]. Е.А. Юртаева указывала, что «мониторинг целесообразно проводить с целью прогнозирования эффективности проектируемых законов <...> для анализа законодательства с точки зрения соответствия стратегическим целям развития государства, оценки результативности деятельности по подготовке проектов законов и иных нормативных правовых актов, корреляции правотворческой работы с требованиями системности законодательства, правилами юридической техники с целью совершенствования организации правотворческой деятельности, правильного ориентирования и ее правоприменительной практики» [51, С. 62]. Ю.А. Тихомиров выделяет в структуре правового мониторинга корректирующие действия (действия, проводимые на основе результатов мониторинга), относя к их числу: приведение действующих правовых актов в соответствие с положениями закона; отмену устаревших норм и актов; внесение изменений; принятие актов «во исполнение закона»; изменение компетенции органа; порядок его осуществления; введение и уточнение административных

⁶⁹ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

процедур; перестройку структурных подразделений и положений о них; изменение должностных обязанностей и т. п. [41, С. 4-15].

Содержание объекта, субъектов, целей и задач мониторинга правоприменения предопределяет и подтверждает необходимость разработки технологии мониторинга правоприменения. Исходя из ранее выявленной сущности юридической технологии, можно сделать вывод, что технология осуществления мониторинга правоприменения как одна из ее разновидностей представляет собой системное использование технологических средств, обеспечивающее достижение субъектом мониторинга желаемого результата.

Поэтому структура технологии мониторинга правоприменения в общих чертах тождественна базовой структуре юридической технологии и правоприменительной технологии, то есть она состоит из технологических стратегии и тактики, технологических методов, способов, правил, приемов по использованию технических средств. Технология мониторинга правоприменения ориентирована на обслуживание деятельности по наблюдению за процессом практической реализации правовых норм с целью их последующего совершенствования и корректировки в соответствии с реалиями правовой действительности. Процессуальные формы в структуру данного вида технологии также входят ввиду жесткой процессуально-процедурной регламентации этой деятельности.

Таким образом, основу содержания технологических средств мониторинга правоприменения должны составлять средства, правила, приемы, способы и методы из области статистики, социологии, математики, кибернетики, формальной логики, обслуживающие аналитическую интеллектуально-волевою деятельность по отслеживанию объективных закономерностей реализации права. Причем большинство составляющих технологических средств мониторинга правоприменения не могут иметь нормативной регламентации и не нуждаются в таковой, в отличие от юридико-технологических средств, обслуживающих различные виды юридической деятельности.

На основании этого можно сформулировать следующее определение: технология мониторинга правоприменения представляет собой систему знаний об оптимальном использовании социальных, технических и технологических средств в рамках определенных стратегии, тактики, методов, способов, правил, приемов, используемых в процессе осуществления мониторинга правоприменения, направленных на анализ, оценку эффективности применения юридических норм и правоприменительных действий с прогнозированием последующей их оптимизации. При этом технология мониторинга правоприменения, осуществляемая в рамках правоприменительной технологии, направлена не только на выявление дефектов норм права с целью их нормативной корректировки (что присуще связке мониторинга и технологии, когда последняя выступает его элементом), но и на исследование особенностей реализации отдельных групп норм права с целью выработки наиболее эффективных и оптимальных технологий их применения.

В научной литературе используется и иной термин: «механизм мониторинга правоприменения» как «отлаженное движение информации о действии правовых норм между звеньями, участвующими в проведении мониторинговых исследований, постепенном преобразовании в ходе аналитико-оценочной деятельности и последующем использовании для корректировки нормотворчества и правоприменения, а также прогнозирования потребностей в правовом регулировании» [6, С. 98]. Полагаем, что проводить аналогию с механизмом государства при решении сугубо технологических задач не следует, хоть автор и «оговаривается, что под элементами механизма мониторинга

правоприменения в данном случае понимаются не только субъекты и иные участники данной деятельности, но и адресаты информации, полученной по результатам проведения мониторинга (не только законодатель, но и правоприменители всех типов)» [6, С. 98].

Разработка технологий мониторинга правоприменения позволит повысить эффективность этой деятельности в целом, поскольку сейчас реальные результаты мониторинга правоприменения пока не очевидны. Например, в Государственной Думе России в качестве обоснования внесения проектов законов мониторинг правоприменения не называется. В посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2012 году тема мониторинга была поднята только в отношении качества медицины, образования, научных результатов, востребованности учреждений культуры, а в 2013 году слово «мониторинг» вообще не было использовано.

Однако опыт осуществления мониторинга правоприменения накапливается, поэтому положительное необходимо обобщать и популяризировать, а технологию мониторинга правоприменения – совершенствовать. В настоящее время в технологии мониторинга правоприменения обнаружен ряд проблем, решение которых позволит существенно повысить эффективность этой технологии.

Есть проблема закрепления полномочий субъектов мониторинга правоприменения. Основным субъектом осуществления мониторинга правоприменения названы органы исполнительной власти, роль законодательных органов в Положении о мониторинге правоприменения в Российской Федерации отражена факультативно. Принцип разделения властей предопределяет проблему включения в мониторинг правоприменения судей [5, С. 30-34; 6, С. 97-104]. Органы местного самоуправления ранее были отражены в «шапке» таблицы федеральных Планов мониторинга правоприменения, но ни в одном из них в качестве исполнителей не названы, а теперь упоминаются только как один из возможных субъектов предложений в План мониторинга правоприменения (правда, не самостоятельно, а только «через органы государственной власти субъектов Российской Федерации» [25]2). Институты гражданского общества обозначены только как источник информации для органов власти. Вероятно, эти проблемы обусловлены сложностью отечественной правовой системы и принципами ее построения, тем не менее они могут быть разрешены путем совершенствования технологии мониторинга правоприменения. В частности, в данном параграфе будут представлены некоторые сведения об осуществлении мониторинга правоприменения законодательными органами власти (на примере Законодательного Собрания Нижегородской области), а в следующем параграфе – участия в этой технологии судов.

Одна из проблем при осуществлении мониторинга правоприменения – технологии сбора (и отбора) информации. В соответствии с п. 6 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации [22] должны быть использованы:

- а) практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов;
- б) практика деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и иных государственных органов;
- в) информация о практике применения нормативных правовых актов Российской Федерации, поступившая от Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного Российской Федерации при Европейском суде по правам человека, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, а также из Общественной палаты Российской Федерации, государственных корпораций,

фондов и иных организаций, созданных Российской Федерацией на основании федерального закона;

г) информация, поступившая от общественных, научных, правозащитных и иных организаций;

д) информация, почерпнутая из средств массовой информации;

е) информация, поступившая от граждан;

ж) информация, поступившая из иных источников.

В соответствии с п. 7 Методики могут быть использованы дополнительные сведения:

а) статистическая информация, получаемая на основе статистических показателей и дополняемая отраслевой статистикой органов государственной власти и иных государственных органов;

б) социологическая информация, формируемая на основе социологических исследований.

Однако, как показывает опыт, далеко не весь спектр информации, требующей обобщения, собирается и изучается. Например, при проведении мониторинга правоприменения Закона Нижегородской области от 27 декабря 2007 года № 196-З «О публичных мероприятиях, проводимых на территории Нижегородской области» [35] рабочая группа рассмотрела материалы, представленные ГУ МВД России по Нижегородской области, о результатах работы по исполнению закона за 2012 и 2013 годы и приняла решение об обобщении сведений о практике применения закона области из иных источников [14], в частности информацию о научных исследованиях проблем правового регулирования реализации права граждан на проведение публичных мероприятий.

Обобщение научных исследований по проблемам правового регулирования реализации права граждан на проведение публичных мероприятий позволило сделать выводы, важные как в доктринальном ключе, так и для совершенствования технологии правоприменения. В доктринальном ключе было установлено, что для научных исследований такой специфической проблематики характерны:

– комплексность, поскольку правоотношения находятся на «стыке» базовых отраслей права – конституционного, административного и муниципального;

– исключительно прикладное значение – тесно связаны с практикой правоприменения, правда, в основном, не предшествуют реализации гражданами права на проведение публичных мероприятий, а появляются постфактум;

– детальное изучение действий сотрудников правоохранительных органов при проведении публичных мероприятий.

И если современных научных исследований нижегородских специалистов по проблемам правового регулирования реализации права граждан на проведение публичных мероприятий выявлено не было, то, учитывая, что данные проблемы в различных регионах носят типичный характер, к материалам рабочей группы по мониторингу правоприменения Закона Нижегородской области «О публичных мероприятиях, проводимых на территории Нижегородской области» были приобщены наиболее содержательные научные статьи по данной теме:

1) Крусс В.И. «К вопросу о конституционности правового режима публичных мероприятий в Российской Федерации» [8], в которой представлен конституционно-правовой анализ режима проведения публичных мероприятий, установленного действующим законодательством Российской Федерации. Соответствующие выводы и

предложения основаны на доктринальных характеристиках конституционного права граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования и требованиях, определяющих возможности и пределы нормативного опосредования этого права с позиций теории конституционного правопользования. Автор статьи выступил экспертом при вынесении Постановления Конституционного Суда от 14 февраля 2013 года № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко»;

2) Князева И.И. «К вопросу о понятии и сущности флешмоба как одной из форм проведения публичных мероприятий» [10], в которой изложено оригинальное исследование флешмоба как формы публичных мероприятий. Флешмоб имеет ряд особенностей и становится неотъемлемой частью политической жизни общества, но данные акции не регламентированы законодательством Российской Федерации, и сотрудники органов внутренних дел зачастую не знают, каким образом реагировать на данные мероприятия, – в статье изложены конкретные рекомендации сотрудникам правоохранительных органов о действиях при проведении флешмобов;

3) Шугрина Е.С. «Новые правила организации и проведения публичных мероприятий: что скажет Конституционный Суд РФ?» [9], которая фактически является текстом заключения для Конституционного Суда данного автора в связи с подготовкой дела по запросу группы депутатов Государственной Думы (102 депутата – члена фракции «Справедливая Россия») о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» и его отдельных положений, полагающих, что Федеральный закон от 8 июня 2012 года № 65-ФЗ в целом не соответствует Конституции РФ в связи с нарушением порядка его принятия. К слушанию в Конституционном Суде судья-докладчик сформулировал ряд вопросов, ответы на которые имели значение для правильного разрешения дела – статье представлены эти вопросы и ответы на них в том виде, как они вошли в текст заключения;

4) Шугрина Е.С. «О проверке конституционности правил организации и проведения публичных мероприятий» [1], в которой автор после вынесения Постановления Конституционного Суда от 14 февраля 2013 года № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко”» рассуждает о вопросах, ответы на которые имели значение для правильного разрешения дела;

5) Иванов А.О. «Право выбора места проведения публичных мероприятий: теория и практика согласования» [11], в которой анализируется порядок реализации и условия ограничения права выбора места проведения публичных мероприятий, предусмотренные Федеральным законом «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», с точки зрения их соответствия российским и европейским стандартам и принципам реализации свободы мирных собраний. В статье обобщен опыт рассмотрения споров по данной проблематике в ЕСПЧ.

Результаты мониторинга правоприменения Закона Нижегородской области от 27 декабря 2007 года № 196-ФЗ «О публичных мероприятиях, проводимых на территории Нижегородской области» были обобщены в постановлении Законодательного Собрания области от 31 июля 2014 года № 1416-V и, помимо прочих сведений, информация о научных исследованиях проблем правового регулирования реализации права граждан на проведение публичных мероприятий стала основой для принятия ряда важных решений.

Комитету Законодательного Собрания по вопросам государственной власти области и местного самоуправления поручено:

- разработать проект закона Нижегородской области «О внесении изменений в Закон Нижегородской области “О публичных мероприятиях, проводимых на территории Нижегородской области”» в целях приведения его в соответствие с изменениями федерального законодательства и решением Конституционного Суда Российской Федерации с учетом опыта законодательного регулирования смежных правоотношений в иных субъектах Российской Федерации;
- рассмотреть возможность разработки проекта федерального закона о внесении изменения в ст. 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в части расширения субъектов административной ответственности.

Правительству Нижегородской области было рекомендовано:

- внести изменения в постановление Правительства Нижегородской области от 17 июня 2009 года № 397 «О реализации Закона Нижегородской области от 27 декабря 2007 года № 196-З “О порядке подачи уведомлений о проведении публичных мероприятий на территории Нижегородской области”» в части изменения правовой основы данного нормативного акта, уточнения прилегающих территорий к зданиям и другим объектам, в которых запрещается проведение публичных мероприятий;
- рассмотреть совместно с органами местного самоуправления муниципальных районов (городских округов) Нижегородской области возможность определения дополнительных специально отведенных или приспособленных мест для коллективного обсуждения общественно значимых вопросов и выражения общественных настроений, а также массового присутствия граждан для публичного выражения общественного мнения по поводу актуальных проблем преимущественно общественно-политического характера;
- в рамках работы по ведению регистра муниципальных нормативных правовых актов Нижегородской области провести экспертизу муниципальных правовых актов муниципальных районов (городских округов) Нижегородской области, принятых в целях реализации Закона Нижегородской области «О публичных мероприятиях, проводимых на территории Нижегородской области», на предмет их соответствия федеральным законам, законам и иным нормативным правовым актам Нижегородской области.

ГУ МВД России по Нижегородской области совместно с Нижегородской академией МВД России предложено разработать Методические рекомендации по обеспечению совместно с представителями органов местного самоуправления и организаторами публичных мероприятий безопасности граждан и общественного порядка, оказанию в соответствии с законодательством Российской Федерации содействия организаторам публичных мероприятий, спортивных, зрелищных и иных массовых мероприятий в местах проведения этих мероприятий.

Следующая проблема заключается в том, что в Методике осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации предусмотрена сложная система показателей. Очевидно, что она сложна и нуждается в совершенствовании. Так, например, показатели «разбиты» на три группы, но при этом дублируются⁷⁰ или при сходном фактическом содержании незначительно различаются терминологически (см. таблицу 4).

Таблица 4

Пункт 8 Методики	Пункт 9 Методики	Пункт 10 Методики
Наличие ошибок технико-юридического характера		Наличие ошибок технико-юридического характера в нормативных правовых актах
Количество и содержание удовлетворенных обращений (предложений, заявлений, жалоб), связанных с применением нормативного правового акта, в том числе с имеющимися коллизиями и пробелами в правовом регулировании, искажением смысла положений нормативного правового акта и нарушениями единообразия его применения	Количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб) о несоответствии нормативного правового акта антикоррупционному законодательству Российской Федерации, в том числе о наличии в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов	Количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб), в том числе по вопросам понятийно-терминологической системы нормативных правовых актов, наличия в них дублирующих норм и противоречий, а также ошибок юридико-технического характера

Из 33 показателей большинство измерению, на наш взгляд, не поддаются, а подлежат измерению в цифрах только восемь:

- 1) количество коррупциогенных факторов, выявленных в нормативном правовом акте при проведении антикоррупционной экспертизы уполномоченным органом;
- 2) количество коррупциогенных факторов, выявленных в нормативном правовом акте при проведении антикоррупционной экспертизы независимыми экспертами;
- 3) количество и содержание заявлений по вопросам разъяснения нормативного правового акта;
- 4) количество вступивших в законную силу судебных актов об удовлетворении (отказе в удовлетворении) требований заявителей в связи с отношениями, урегулированными нормативным правовым актом, и основания их принятия;
- 5) количество и содержание удовлетворенных обращений (предложений, заявлений, жалоб), связанных с применением нормативного правового акта, в том числе с

⁷⁰ Например: несоблюдение пределов компетенции органа государственной власти, государственных органов и организаций при издании нормативного правового акта; наличие в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов; неправомерные или необоснованные решения, действия (бездействие) при применении нормативного правового акта; количество и характер зафиксированных правонарушений в сфере действия нормативного правового акта, а также количество случаев привлечения виновных лиц к ответственности.

имеющимися коллизиями и пробелами в правовом регулировании, искажением смысла положений нормативного правового акта и нарушениями единообразия его применения;

6) количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб) о несоответствии нормативного правового акта антикоррупционному законодательству Российской Федерации, в том числе о наличии в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов;

7) количество и содержание обращений (предложений, заявлений, жалоб), в том числе по вопросам понятийно-терминологической системы нормативных правовых актов, наличия в них дублирующих норм и противоречий, а также ошибок юридико-технического характера;

8) количество и характер зафиксированных правонарушений в сфере действия нормативного правового акта, а также количество случаев привлечения виновных лиц к ответственности.

Достаточно спорно научное обоснование включения в перечень некоторых показателей. Так, наличие «коллизии норм права» не обязательно выступает дефектом права. Или, например, сложно «оценить» терминологию по единым стандартам, но это важно, поскольку от точного и одинакового понимания всеми участниками общественных отношений понятийно-категориального аппарата зависят предсказуемость регулирования общественных отношений и правильность разрешения споров [3].

Например, в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [37] применены сложные термины, попытка упорядочить их сделана в ст. 2, в которой даны определения понятий 19 слов и словосочетаний (дефинитивные нормы), однако в проекте Закона содержится в два раза больше (еще 38) дефиниций (см. таблицу 5).

Таблица 5

**Дефиниции в Федеральном законе от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ
«Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»**

№ главы	Количество дефиниций	Слова и словосочетания, в отношении которых даны дефиниции
1	19	Охрана здоровья граждан, медицинская помощь, медицинская услуга, медицинское вмешательство, профилактика, диагностика, лечение, пациент, медицинская деятельность, медицинская организация, фармацевтическая организация, медицинский работник, фармацевтический работник, лечащий врач, заболевание, основное заболевание, сопутствующее заболевание, тяжесть заболевания или состояния, качество медицинской помощи
2	1	Принцип доступности медицинской помощи

5	25	Первая помощь, плановая медицинская помощь, неотложная медицинская помощь, экстренная медицинская помощь, первичная медико-санитарная помощь, скорая медицинская помощь, медицинская эвакуация, паллиативная медицинская помощь, порядок оказания медицинской помощи, стандарт медицинской помощи, медицинские изделия, обращение медицинских изделий, лечебное питание, специализированные продукты лечебного питания, медицинская реабилитация, организация оказания медицинской помощи гражданам при чрезвычайных ситуациях, медицинский осмотр, профилактический медицинский осмотр, предварительный медицинский осмотр, периодический медицинский осмотр, эвтаназия, диспансеризация, диспансерное наблюдение, врачебная комиссия, консилиум врачей, народная медицина
6	3	Момент рождения ребенка, вспомогательные репродуктивные технологии, медицинская стерилизация
7	4	Медицинская экспертиза, военно-врачебная экспертиза, экспертиза профессиональной пригодности, медицинское освидетельствование
8	1	Момент смерти человека
9	1	Аккредитация специалиста
11	2	Персонифицированный учет в медицинской деятельности, медицинская статистика
12	1	Врачебная ошибка
Всего	57	

Однако при этом многие термины либо не разъяснены (здоровье, криоконсервация, искусственное прерывание беременности, трансплантация и др.), либо употребляются далеко не единообразно, а в некоторых случаях и совершенно нелогично. Так, помимо «граждан» субъектами отношений, регулируемых проектом Закона, выступают: граждане Российской Федерации, иностранные граждане, лица без гражданства, человек, каждый, ему, семья, «мужчина и женщина, состоящие в браке», родители, женщины, беременные женщины, одинокие женщины, роженицы, родильницы, кормящие матери, суррогатные матери, мать, отец, член семьи, несовершеннолетние, совершеннолетняя, дети (в том числе разных возрастов: до трех лет, старше трех лет, до четырех лет), дети-сироты, ребенок, новорожденные, законные представители, родственники, пациенты, физические лица, лица, население, жители, люди, общество, контингент, доноры, живой донор, реципиенты, пациент (реципиент), больные, больной член семьи, инвалиды, «граждане, страдающие заболеваниями», «совершеннолетний, признанный недееспособным»,

потомство, работники, военнослужащие и приравненные к ним, «лица задержанные, заключенные под стражу, отбывающие наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административный арест». Предметом отношений выступают также плод, тело, труп, умерший, умерший человек, организм, организм человека, органы и ткани умершего человека. Более того, сделаны неудачные попытки разделить традиционно применяемые термины, например: помимо термина «несовершеннолетние до достижения восемнадцатилетнего возраста» (ст. 16, ч. 3 и 4 ст. 43) в ч. 2 ст. 50 различаются «несовершеннолетние в возрасте старше шестнадцати лет» и «иные несовершеннолетние в возрасте старше пятнадцати лет». Или, например в Федеральном законе 7 раз (ч. 6 ст. 43, ч. 3, 4, 5, 6 и 7 ст. 62, ч. 1 ст. 63) приведен перечень «родственников», данный дефект права – излишнее нормативное дублирование – может быть устранен путем введения в структуру Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» примечания соответствующего содержания к одной из статей, где использован термин «родственники».

Вероятно, нужно пересматривать показатели осуществления мониторинга правоприменения и разрабатывать четкие рекомендации по их выявлению. Подобная работа уже проведена в отношении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов.

В настоящее время предусмотрено проведение обязательной [33] независимой антикоррупционной экспертизы проектов федеральных нормативных правовых актов [33]. Утверждена Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов [34]. Антикоррупционная экспертиза [20] проводится Генеральной прокуратурой России [19], Минюстом России [18], правовыми службами органов государственной власти [17] и органов местного самоуправления, а также институтами гражданского общества и гражданами. В модернизированном правовом регулировании существенно изменилась как группировка (см. таблицу 6), так и количество (см. таблицу 7) коррупциогенных факторов. Полагаем, что именно результаты антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов могут выступить измеримыми показателями при осуществлении мониторинга правоприменения [4, 24].

Таблица 6

Сравнение групп коррупциогенных факторов

<p align="center">Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96</p>	<p align="center">Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 года № 196 (утратило силу)</p>
<p>Методика проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов</p>	<p>Методика проведения экспертизы проектов нормативных правовых актов и иных документов в целях выявления в них положений, способствующих созданию условий для проявления коррупции</p>
<p>Факторы, устанавливающие для правоприменителя необоснованно широкие пределы усмотрения или возможность необоснованного применения исключений из</p>	<p>Факторы, связанные с реализацией полномочий органа государственной власти или органа местного самоуправления</p>

общих правил	
Факторы, содержащие неопределенные, трудновыполнимые и (или) обременительные требования к гражданам и организациям	Факторы, связанные с наличием правовых пробелов
Не предусмотрены	Факторы системного характера

Таблица 7

Система коррупциогенных факторов

№ п/п	Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96	Постановление Правительства Российской Федерации от 5 марта 2009 года № 196 (утратило силу)	Нормативное объяснение сущности (признаков) проявления соответствующего коррупциогенного фактора
1	Широта дискреционных полномочий		Отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц)
2	Определение компетенции по формуле «вправе»		Диспозитивное установление возможности совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций
3	Выборочное изменение объема прав		Возможность необоснованного установления исключений из общего порядка для граждан и организаций по усмотрению органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц)
4	Чрезмерная свобода подзаконного нормотворчества		Наличие бланкетных и отсылочных норм, приводящее к принятию подзаконных актов, вторгающихся в компетенцию органа государственной власти или органа местного самоуправления, принявшего первоначальный нормативный правовой акт
5	Принятие нормативного правового акта за пределами компетенции		Нарушение компетенции органов государственной власти или органов местного самоуправления (их

			должностных лиц) при принятии нормативных правовых актов
6	Заполнение законодательных пробелов при помощи подзаконных актов в отсутствие законодательной делегации соответствующих полномочий		Установление общеобязательных правил поведения в подзаконном акте в условиях отсутствия закона
7	Отсутствие или неполнота административных процедур		Отсутствие порядка совершения органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка
8	Отказ от конкурсных (аукционных) процедур		Закрепление административного порядка предоставления права (блага)
9	Наличие завышенных требований к лицу, предъявляемых для реализации принадлежащего ему права		Установление неопределенных, трудновыполнимых и обременительных требований к гражданам и организациям
10	Злоупотребление правом заявителя органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами)		Отсутствие четкой регламентации прав граждан и организаций
11	Юридиколо-лингвистическая неопределенность		Употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера
12	Не предусмотрено	Существование собственно пробела в правовом регулировании	Отсутствие в проекте документа нормы, регулирующей определенные правоотношения, виды деятельности и так далее
13	Не предусмотрено	Отсутствие запретов и ограничений для органов Государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц)	Отсутствие превентивных антикоррупционных норм, определяющих статус государственных (муниципальных) служащих в коррупциогенных отраслях
14	Не предусмотрено	Отсутствие мер ответственности органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц)	Отсутствие норм о юридической ответственности служащих, а также норм об обжаловании их действий (бездействия) и решений
15	Не предусмотрено	Отсутствие указания на формы, виды контроля за органами государственной власти или органами местного самоуправления (их должностными лицами)	Отсутствие норм, обеспечивающих возможность осуществления контроля, в том числе общественного, за действиями органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц, государственных и муниципальных служащих)
16	Не	Нарушение режима	Отсутствие норм,

	предусмотрено	прозрачности информации	предусматривающих раскрытие информации о деятельности органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц), и порядка получения информации по запросам граждан и организаций
17	Не предусмотрено	Нормативные коллизии (любой вид коллизии, если возможность ее разрешения зависит от усмотрения органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц))	Противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для органов государственной власти или органов местного самоуправления (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае

Таблица 8

Информация⁷¹ о количестве законопроектов, вносящих изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (по состоянию на 31 января 2014 года)

Созывы Государственной Думы России	Годы	Законопроекты, вносящие изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях		
		Всего	Отклонены	Подписаны Президентом России
Третий созыв (архив)	2002	15	2	13
Четвертый созыв (архив)	2003–2006	311	169	77
Пятый созыв (архив)	2007–2010	355	181	135
Текущий созыв	Архив	296	148	116
	На рассмотрении	2011–2013	113	
11 лет		1090	500	341

Технология мониторинга правоприменения должна, на наш взгляд, охватывать собой также оценку динамики изменений и дополнений нормативного правового акта, который является предметом мониторинга правоприменения, и влияние этой модернизации нормативного акта на правоотношения. Можно согласиться с предложением, что «одним из критериев качества принимаемых законов служит срок между его принятием и внесением поправок» [7, С. 57]. Например, в базовый для организации муниципального уровня власти Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [38] с момента принятия за 11 лет (по состоянию на 6 октября 2014 года) изменения и дополнения внесены 105 раз (в том числе

⁷¹ ИПС «Закон» Аппарата Государственной Думы Российской Федерации.

трижды – решениями Конституционного Суда РФ⁷²), причем некоторые изменения⁷³ существенно меняют сами принципы организации местного самоуправления, что фактически означает новый виток реформы муниципальной власти. Изменения в Налоговый кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях «измеряются» также трехзначными цифрами (см. таблицу 8).

Полагаем, что к числу показателей мониторинга правоприменения должны быть отнесены показатели оценки регулирующего воздействия. Наряду с антикоррупционной экспертизой проектов нормативных правовых актов и нормативных правовых актов в Российской Федерации внедряется еще один новый инструмент – оценка регулирующего воздействия [12, 13, 42]. Оценка регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов проводится в целях выявления положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способствующих возникновению необоснованных расходов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности и бюджетов публично-правовых образований⁷⁴.

Теперь нормативно установлено⁷⁵, что требуется наличие специального заключения об оценке регулирующего воздействия проектов актов, регулирующих отношения:

- в области организации и осуществления государственного контроля (надзора);
- по взиманию налогов и сборов в Российской Федерации;
- возникающие в процессе осуществления налогового контроля, обжалования актов налоговых органов, действий (бездействия) их должностных лиц и привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения;

⁷² Пункт 1 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой муниципального образования – городского округа “Город Чита”»; пункт 3 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2011 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области “О муниципальных выборах в Челябинской области” в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И.И. Болтушенко и Ю.А. Гурмана»; пункт 2 Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений частей 3 и 10 статьи 40 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и пункта 3 части первой статьи 83 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.В. Дубкова».

⁷³ Например: ст. 26 Федерального закона от 18 октября 2007 года № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствовани-ем разграничения полномочий» // Российская газета. 2007. 24 октября; ст. 5 Федерального зако-на от 30 ноября 2011 года № 361-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные ак-ты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 7 декабря; ст. 2 и 3 Федерального закона от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных орга-нов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об об-щих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». URL: <http://www.pravo.gov.ru/0001201405270020>

⁷⁴ Абзац 2 ч. 1 ст. 26.3-3 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов госу-дарственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

⁷⁵ Пункт 60 (1) Регламента Правительства Российской Федерации, утвержденного Постано-влением Правительства РФ от 1 июня 2004 года № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание за-конодательства РФ. 2004. № 23, ст. 2313.

– в области установления, применения и исполнения обязательных требований продукции или связанным с ними процессам проектирования (включая изыскания), производства, строительства, монтажа, наладки, эксплуатации, хранения, перевозки, реализации и утилизации, к выполнению работ и оказанию услуг;

– в области порядка и правил регулирования таможенного дела в Российской Федерации;

– в области оценки соответствия и в области безопасности процессов производства.

На федеральном уровне уже сформирована нормативная основа порядка проведения⁷⁶ и методики⁷⁷ оценки регулирующего воздействия, теперь этот институт внедряется⁷⁸ (с 1 января 2014 года) в субъектах Российской Федерации⁷⁹ и должен быть внедрен в муниципальных образованиях (в городских округах, являющихся административными центрами субъектов Российской Федерации, – с 1 января 2015 года; в муниципальных районах, городских округах и внутригородских территориях городов федерального значения – с 1 января 2016 года; в иных муниципальных образованиях – с 1 января 2017 года) [43, 45].

Актуальна проблема обеспечения «всеохватности» мониторингом правоприменения. Из анализа содержания планов мониторинга правоприменения очевидно, что на федеральном уровне он применяется в отношении только особо актуальных отраслей и законов (см. об этом таблицу 2). Вероятно, настала пора изучить эффективность применения самого Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» [27]. Например, комитет по регламенту, информационной политике и вопросам институтов гражданского общества Законодательного Собрания Нижегородской области в конце 2013 – начале 2014 года провел подобную работу [39], что позволило усовершенствовать технологию мониторинга правоприменения законов Нижегородской области, а также в выигрышном свете показать обобщенные сведения о результатах осуществления мониторинга правоприменения в Докладе Законодательного Собрания Нижегородской области 2014 года «О состоянии законодательства Нижегородской области и об основных итогах законотворческой деятельности Законодательного Собрания за 20 лет» (приложения 2 и 3 к названному Докладу). В частности, обнаружено, что в Нижегородской области мониторинг

⁷⁶ Порядок проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 года № 1318 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52, ст. 7491.

⁷⁷ Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия: Приказ Минэкономразвития России от 27 мая 2013 года № 290 // Российская газета. 2013. 21 августа (опубликован без приложений № 1, № 2, они размещены на официальном сайте Минэкономразвития России: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/ria/info/lib/doc_20130527_08, а также по адресу: <http://regulation.gov.ru>).

⁷⁸ Минэкономразвития России разработана вторая редакция Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации (Приказ Минэкономразвития России от 26 марта 2014 года № 159 взамен Приказа Минэкономразвития России от 25 сентября 2012 года № 623 «Об утверждении Методических рекомендаций по внедрению процедуры и порядка проведения оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации» // Нормирование в строительстве и ЖКХ. 2012. № 5.

⁷⁹ Например, в Нижегородской области принято Постановление Правительства Нижегородской области от 16 октября 2014 года № 703 «Об утверждении требований к порядку проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и порядку проведения экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2014. 23 октября.

правоприменения стимулирует не только правоприменительную деятельность, но и правотворческую – в процессе осуществления мониторинга правоприменения или по его результатам разрабатываются изменения в действующие законы или готовятся проекты новых законов, оформляются поручения комитетам Законодательного Собрания или обращения к органам власти, органам местного самоуправления с предложением о необходимости подготовки подзаконных актов (см. таблицу 9).

Таблица 9

**Обобщение результатов мониторинга правоприменения законов
в Нижегородской области (2009–2013 годы)**

Результат мониторинга	2009	2010	2011	2012	2013	ИТОГО
Разработаны:						
проекты законов области	13	5	9	9	5	41
проекты федеральных законов	–	–	1	1	–	2
проекты постановлений Законодательного Собрания	–	–	1	1	–	2
Всего	13	5	11	11	5	45
Подготовлены поручения:						
профильным комитетам Молодежному парламенту	5 1	8 –	5 –	12 –	6 –	36 1
Всего:	6	8	5	12	6	37
Подготовлены обращения:						
Губернатору области	1	1	1	1		4
Правительству области	22	36	12	11	20	101
органам местного самоуправления	7	12	7	9	19	54
федеральным органам власти	2	–	–	–	–	2
ГУВД области	–	–	–	1	1	2
Всего	32	49	20	22	40	163
ИТОГО	51	62	36	45	51	245

Отдельного внимания заслуживает проблема оформления результатов мониторинга правоприменения. По данным Центра мониторинга права при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации доклады о состоянии законодательства в настоящее время являются основной официально выраженной формой результатов мониторинга, и динамика их подготовки выглядит следующим образом: 2005 год – 5, 2006 – 12, 2007 – 15, 2008 – 19, 2009 – 20. В докладах о результатах мониторинга правоприменения в Российской Федерации за 2011 год и за 2012 год в единый текст были сведены разнородные по содержанию отчеты о результатах мониторинга правоприменения отдельных отраслей или законов. Вместе с тем, единых подходов к оформлению результатов мониторинга правоприменения не выработано.

Напомним, что в докладах Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законодательства Российской Федерации», с которых начался

мониторинг правоприменения, была предложена идея формирования и ведения досье закона как одной из основных форм осуществления непрерывного мониторинга законодательства и правоприменительной практики, обеспечивающей постоянное сопровождение закона от возникновения потребности в его разработке до прекращения действия.

Полагаем, следует вернуться к обсуждению и реализации данной идеи. Ведение досье⁸⁰ нормативного правового акта предполагает не только исследование содержания самого акта, но и выяснение причин, побудивших разработку его проекта, а также интерпретацию его положений, постоянную работу, направленную на изучение практики его применения, реализации положений нормативного правового акта в ссылочных и бланкетных нормах, в других документах нормативного и правоприменительного характера. Таким образом, досье нормативного правового акта как форма накопления материала в ходе мониторинга правоприменения пополнит виды документов, в которых отражается технология и результаты мониторинга правоприменения.

Досье нормативного правового акта позволит использовать не внедренные ранее резервы мониторинга правоприменения, в их числе:

- оценка нормативного правового акта на правотворческой стадии должна, на наш взгляд, сопровождаться анализом основных концепций, которые предполагалось реализовать в нормах права, высказанных аргументов в пользу и против таких подходов, справочными и другими материалами, которые повлияли на принятый в итоге нормативный правовой акт;

- действие закона, полагаем, следует дополнить изучением подзаконной правотворческой деятельности субъектов, указанных в законе (особенно в части соблюдения установленных сроков), а также оценкой эффективности действия данных нормативных правовых актов в их совокупности;

- если федеральный закон предполагает издание законов субъектов Российской Федерации и муниципальных правовых актов, то должны быть приняты меры по разработке модельных правовых актов, а если таковых не создано – то методических рекомендаций по их разработке. Это направление работы также должно быть отражено в досье нормативного правового акта;

- поскольку механизм правового регулирования включает не только правотворческую деятельность и стадию реализации права (включая право - применительную деятельность), но и промежуточную – интерпретацию правовых норм, то мониторинг должен охватывать и официальную деятельность, направленную на уяснение и разъяснение смысла правовых норм субъектам права. Следовательно, технология мониторинга правоприменения должна включать обзор интерпретационных актов (официальное толкование норм закона, анализ содержания решений Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам данного закона, обобщение правоприменительной практики, том числе судебной);

- также считаем, что предметом мониторинга правоприменения должны быть не только нормативные правовые и интерпретационные акты, но и правоприменительные акты по однородным группам общественных отношений;

⁸⁰ Досье (фр. dossier – дело) – совокупность (собрание) документов, записей, относящихся к ка-кому либо делу, вопросу. См. об этом, например: Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2004. С. 173; Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2003. С. 300.

– мониторинг должен максимально широко охватывать оценку правоприменения нормативного правового акта институтами гражданского общества (сведения от Общественной палаты Российской Федерации и аналогичных палат (советов) субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, мнение общественных советов при федеральных органах исполнительной власти, общественных советов при законодательных (представительных) и исполнительных органах государственной власти субъектов Российской Федерации, результаты общественного контроля [21], анализ обращений граждан, данные социологических исследований и опросов общественного мнения и пр.);

– одна из «сопутствующих» целей мониторинга – выявление не только негативного – недостатков, но и положительных тенденций и опыта. Поэтому, полагаем, положительное нуждается в распространении в различных формах. Следует также продумать систему стимулирования активного правомерного поведения по реализации закона и дать обзор действия данной системы в досье;

– очевидно, что такой объем работы не под силу одному органу власти и должен вестись комплексно в соответствии с компетенцией по уровням власти. Для этого целесообразно возложить обязанности по проведению мониторинга правоприменения на общественно-государственные формирования, созданные при органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Поэтому необходимо расширить практику создания общественных, экспертно-консультативных, научно-методических, координационных и иных совещательных органов при органах государственной власти;

– качество мониторинга требует материальных или организационных затрат. Если стимулировать труд, то необходимо включить механизм размещения государственного заказа на выполнение соответствующих исследований между научными и образовательными учреждениями или проведение конкурса «лучших» исследований. Если «экономить», то тогда нужно оказывать информационно-методическое содействие, координировать такие исследования, налаживать информационный обмен и выполнять громадный объем работы по обобщению информации, поступающей из организаций, осуществляющих соответствующие исследования альтернативно.

Министерство юстиции Российской Федерации осуществляет работу по созданию Портала о состоянии законодательства и правоприменения, который будет постоянно действующим информационно-аналитическим Интернет-ресурсом с системой логически и технологически связанных между собой информационных страниц, отображающих на официальном сайте Минюста России информацию о правоприменении. Портал должен стать инструментом в работе по осуществлению мониторинга правоприменения. В целях наполнения Портала информацией о правоприменительной практике и обеспечения ее актуальности Министерство юстиции Российской Федерации просит субъектов осуществления правоприменения оперативно направлять всю информацию, которая может быть размещена на Портале⁸¹, в том числе:

– нормативные правовые акты органов власти, регламентирующие вопросы осуществления мониторинга правоприменения;

– информацию о выполнении решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека, которые требуют принятия нормативных правовых актов, о ходе разработки необходимых проектов нормативных правовых актов, о реализованных решениях;

⁸¹ Электронный адрес для направления предложений: analitika2009@bk.ru.

– сведения, комментарии, аналитические материалы, разъяснения органов власти, которые связаны с правоприменительной практикой;

– информацию о результатах проведения антикоррупционного мониторинга, включая сведения об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и их проектов, заключения независимых экспертов по результатам проведения независимой антикоррупционной экспертизы.

Минюст России также разработал специальную Методику мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции. Эта методика закрепляет особенности технологии мониторинга правоприменения в отношении механизма противодействия коррупции, но может быть использована для осуществления мониторинга правоприменения других нормативных актов.

Методика мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции, в частности, разрешается одна из названных нами проблем – предусмотрено, что при отсутствии нормативного правового акта или их группы в Плане мониторинга правоприменения на соответствующий год субъекты могут проводить его по собственной инициативе без внесения изменений в федеральный План. При этом выбирая экспертируемую группу нормативных правовых актов, следует учитывать задачи, вытекающие из национального плана противодействия коррупции, иных программных документов, поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации, программ развития государства, а также предложения институтов гражданского общества и средств массовой информации.

Информацию о правоприменении предложено также рассматривать отдельно по каждому показателю применительно к конкретному нормативному правовому акту и по их совокупности. Интересно, что даны достаточно конкретные рекомендации по основным показателям мониторинга:

– в целях разрешения недостатков правоприменения предложено готовить разъяснения о применении законодательства, включая разъяснения судами по вопросам судебной практики;

– предложено выявлять пробелы правового регулирования;

– нормативный правовой акт рекомендуется рассматривать на предмет наличия в нем коррупциогенных факторов⁸²;

– для выявления коллизий норм права целесообразно сопоставлять положения нормативных правовых актов Российской Федерации, регулирующих отношения в сфере противодействия коррупции;

– поиск ошибок юридико-технического характера рекомендовано рассматривать с учетом ряда критериев: простота изложения идеи и нормативных правил; краткость при формулировании нормативных правил; категоричность при построении фраз; ясность

⁸² В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3609) обязательным является проведение антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов, а технологию мониторинга правоприменения справедливо предложено дополнить проведением антикоррупционной экспертизы нормативного правового акта. Наличие в нормативном правовом акте коррупциогенных факторов может быть установлено в: требованиях прокурора об изменении нормативного правового акта или в обращении прокурора в суд; заключениях Минюста России, иных федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов прокуратуры Российской Федерации, составляемых по результатам антикоррупционной экспертизы, а также в заключениях независимых экспертов по результатам независимой антикоррупционной экспертизы.

устанавливаемого правила поведения; системность при установлении отдельных норм; последовательность изложения текста;

– наличие дублирующих норм права в нормативных правовых актах отражает однозначное воспроизведение отдельных положений одного нормативного правового акта в другом, либо если норма, воспроизводимая в тексте нормативного акта, ранее установлена другим нормативным актом;

– рекомендуется выявлять противоречия в нормативных правовых актах, регулирующих однородные отношения, принятых в разные периоды, путем сопоставления текстов таких нормативных правовых актов;

– большое количество заявлений о разъяснении положений нормативного правового акта свидетельствует о несовершенстве и нечеткости его положений для правоприменителя. Рекомендуется также указывать сведения о количестве вступивших в законную силу судебных актов об удовлетворении (отказе в удовлетворении) требований заявителей в связи с нарушением антикоррупционного законодательства и основания их принятия;

– предложено для получения различных точек зрения по изучаемой сфере правоотношений и для получения оперативной информации, информации от различных групп и объединений гражданского общества размещать проекты докладов о результатах мониторинга правоприменения, подготовленных по результатам обобщения сведений, на официальном сайте федерального органа исполнительной власти сети «Интернет»;

– рекомендовано предусмотреть онлайн-общение участников мониторинговой деятельности и обсуждение подготовленных проектов докладов о результатах мониторинга правоприменения в фокус-группах, сформированных по различным принципам (научное сообщество, адвокаты, нотариусы, представители правоохранительных органов и т. д.). Результаты, полученные данным методом, целесообразно сопоставить с позицией официальных органов и иными имеющимися материалами по исследуемому вопросу.

Литература

1. Актуальные проблемы российского права. 2013. № 4.
2. Анненкова В.Г. Правовое пространство современной России: понятие, структура и механизм обеспечения единства // Конституционное и муниципальное право. 2005. №4.
3. Артамонов А.Н. Мониторинг законодательства как способ обеспечения единства правового пространства // Журнал российского права. 2011. № 9. С. 80–86.
4. Астанин В.В. Научно-экспертное сопровождение противодействия коррупции в системе мониторинга правоприменения // Российская юстиция. 2011. № 3. С. 48–51.
5. Варкова С.А. Проблемы организации мониторинга законодательства и правоприменения // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 10. С. 30–34.
6. Глазкова М.Е. Органы судебной власти в механизме мониторинга правоприменения и мониторинга процессуальных норм // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 97–104.
7. Калина В.Ф. Юридическая техника: учебник для прикладного бакалавриата. М., 2014.

8. Колегов В.В. Международная конференция «Внедрение оценки регулирующего воздействия в России: роль в законотворчестве, ожидания и практические шаги» // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 2. С. 33-34.

9. Колегов В.В. Межрегиональный семинар «Перспективы внедрения оценки регулирующего воздействия на региональном уровне» // Государственная власть и местное самоуправление. 2008. № 8.

10. Конституционное и муниципальное право. 2009. № 7.

11. Конституционное и муниципальное право. 2012. № 3.

12. Конституционное и муниципальное право. 2012. № 8.

13. Конституционное и муниципальное право. 2013. № 9.

14. Лаврентьев А.Р. Из опыта мониторинга правоприменения закона Нижегородской области «О публичных мероприятиях в Нижегородской области» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 29–35.

15. Новейший словарь иностранных слов и выражений. М., 2003.

16. О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: постановление Правительства Российской Федерации от 20 февраля 2010 года № 72 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 9, ст. 694.

17. О внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: указ Президента РФ от 18 января 2010 года № 80 // Российская газета. 2010. 22 января.

18. О внесении изменений в Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» в связи с принятием Федерального закона «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»: федеральный закон от 17 июля 2009 года № 171-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3608.

19. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федеральный закон от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3609.

20. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: федеральный закон от 21 июля 2014 года № 212-ФЗ // Российская газета. 2014. 23 июля.

21. Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации: постановление Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 г. № 694 // Российская газета. 2011. 24 августа.

22. Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия: Приказ Минэкономразвития России от 27 мая 2013 года № 290 // Российская газета. 2013.

23. Павлушкин А.В., Нанба С.Б. Новый формат конференции по мониторингу законодательства и правоприменения // Журнал российского права. 2010. № 8. С. 83–89.

24. Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21, ст. 2930.

25. Порядок проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Совета Евразийской экономической комиссии утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 17 декабря 2012 года № 1318 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 52, ст. 7491.

26. Постановление Законодательного Собрания Нижегородской области от 30 января 2014 года № 1188-V «О результатах мониторинга правоприменения Положения о мониторинге правоприменения нормативных правовых актов Нижегородской области, принятых Законодательным Собранием Нижегородской области».

27. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 марта 2011 года № 2-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” в связи с жалобой муниципального образования – городского округа “Город Чита”».

28. Постановление Правительства Нижегородской области от 16 октября 2014 года № 703 «Об утверждении требований к порядку проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и порядку проведения экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Нижегородской области» // Нижегородские новости. 2014. 23 октября.

29. Постановление Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 // Российская газета. 2010. 5 марта.

30. Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 7 июля 2011 года № 15-П «По делу о проверке конституционности положений части 3 статьи 23 Федерального закона “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” и частей 2 и 3 статьи 9 Закона Челябинской области “О муниципальных выборах в Челябинской области” в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и граждан И.И. Болтушенко и Ю.А. Гурмана»

31. Правила подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации. Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 года № 1009 // Собрание законодательства РФ. 1997. № 33, ст. 3895.

32. Правила проведения антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов. Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 26 февраля 2010 года № 96 // Российская газета. 2010. 5 марта.

33. Правовая среда. 2008. 10 января.

34. Регламент Правительства Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 1 июня 2004 года № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 23, ст. 2313.

35. Российская газета. 2011. 23 ноября.

36. Тихомиров Ю.А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. 2004. № 3. С. 4–15.

37. Уманская В.П. Технология оценки регулирующего воздействия правовых актов // Административное право и процесс. 2013. № 4.

38. Федеральный закон от 27 мая 2014 года № 136-ФЗ «О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”». URL: <http://www.pravo.gov.ru/0001201405270020>

39. Федеральный закон от 18 октября 2007 года № 230-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием разграничения полномочий» // Российская газета. 2007. 24 октября.

40. Федеральный закон от 2 июля 2013 года № 176-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”».

41. Федеральным законом от 17 июля 2009 года № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» (Собрание законодательства РФ. 2009. № 29, ст. 3609)

42. Федеральный закон от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

43. Федеральный закон от 30 ноября 2011 года № 361-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2011. 7 декабря.

44. Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации” по вопросам оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и экспертизы нормативных правовых актов» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 27, ст. 3468.

45. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. 2005. № 4. С. 91–92.

46. Юртаева Е.А. Законодательная техника и основы языкового оформления текстов законодательных актов в Российской империи // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 62.

Kolesnik I.V. Formy vyrazhenija pravoprimeritel'noj tehnologii / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА В ТЕХНОЛОГИИ МОНИТОРИНГА ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ⁸³

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Мониторинг правоприменения нормативно [24] понимается как комплексная и плановая деятельность, осуществляемая федеральными органами исполнительной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации в пределах своих полномочий по сбору, обобщению, анализу и оценке информации для обеспечения принятия, изменения или отмены нормативных правовых актов.

В соответствии с данным нормативным понятием круг уполномоченных на осуществление мониторинга правоприменения субъектов четко определен – это исключительно органы исполнительной власти федерального уровня и органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Важно, что если на федеральном уровне четко определено, что осуществление мониторинга правоприменения отнесено к компетенции исполнительных органов, то на уровне субъектов Российской Федерации такого ограничения нет. Можно предположить, что в субъектах Российской Федерации все виды органов власти могут включиться в такую работу: как исполнительные, так законодательные (представительные), а также суды субъекта Российской Федерации и, вероятно, иные государственные органы субъекта Российской Федерации: высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации, уполномоченные в различных сферах (по правам человека, по защите прав детей, по защите прав предпринимателей, по противодействию коррупции и т. п.), контрольно-счетный орган субъекта Российской Федерации, избирательная комиссия субъекта Российской Федерации и др. Впрочем, в п. 4 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации в качестве субъектов осуществления мониторинга правоприменения упоминаются органы местного самоуправления, правда, в случае, когда они действуют по собственной инициативе, а в п. 12 круг субъектов, которые могут направлять предложения к проекту доклада Президенту Российской Федерации, расширяется вовсе до «других органов и организаций».

Буквальное толкование Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации приводит к выводу – если высшие и другие федеральные суды (общей

⁸³ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

юрисдикции и арбитражные) не отнесены к уполномоченным субъектам осуществления мониторинга правоприменения, а включены в эту систему опосредованно, то суды субъектов Российской Федерации (конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации и мировые судьи) могут быть отнесены к уполномоченным субъектам осуществления мониторинга правоприменения. Данное обстоятельство справедливо подвергнуто критике в научной литературе [13].

В то же время технология мониторинга правоприменения⁸⁴ предполагает участие судов и учет судебной практики в осуществлении мониторинга правоприменения на всех стадиях и в разнообразной форме:

- выполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации и постановлений Европейского суда по правам человека названо первой целью мониторинга правоприменения (подп. «а» п. 2 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации);

- решения (предложения) Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского суда по правам человека, Верховного Суда Российской Федерации определены в качестве обязательных документов, с учетом которых Министерством юстиции Российской Федерации формируется проект плана мониторинга правоприменения (подп. «б» п. 5 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации);

- суды могут по собственной инициативе выступить субъектами осуществления мониторинга правоприменения (п. 12 Положения о мониторинге правоприменения в Российской Федерации);

- Конституционному Суду Российской Федерации, Верховному Суду Российской Федерации рекомендовано «ежегодно направлять в Министерство юстиции Российской Федерации предложения к проектам плана мониторинга и доклада Президенту Российской Федерации о результатах мониторинга» (подп. «а» п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»);

- Верховному Суду Российской Федерации рекомендовано учитывать результаты мониторинга при даче разъяснений по вопросам судебной практики (подп. «б» п. 5 Указа Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации»);

- практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов выступает источником информации при осуществлении мониторинга правоприменения всеми уполномоченными субъектами (п. 6 Методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации, утвержденной Постановлением Правительства Российской Федерации от 19 августа 2011 года № 694);

- на сайте Минюста России – органа, уполномоченного осуществлять координацию деятельности всех субъектов технологии мониторинга правоприменения, – в разделе «Портал о состоянии законодательства Российской Федерации и правоприменения» предусмотрен специальный подраздел «Разъяснения по вопросам судебной практики»⁸⁵ (правда, до настоящего времени он находится в нерабочем состоянии – «Информация готовится к публикации»).

⁸⁴ Технологию мониторинга правоприменения некоторые авторы рассматривают как «механизм мониторинга правоприменения» См. об этом, например: Павлушкин А.В., Глазкова М.Е., Черепанова Е.В. Судебная практика в механизме правового мониторинга // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 57–67.

⁸⁵ URL: http://minjust.ru/portal_pravoprimereniya/razyasneniya (Дата обращения: 10.10.2014)

Таким образом, суды и судебная практика занимают в предложенной нами концепции технологии мониторинга правоприменения важнейшее значение и являются неотъемлемым элементом при планировании мониторинга правоприменения, при осуществлении мониторинга правоприменения и при реализации итогов мониторинга правоприменения.

При планировании мониторинга правоприменения суды могут выступать инициаторами⁸⁶ включения отдельных нормативных правовых актов или отраслей законодательства в план мониторинга правоприменения на очередной год. Примером, когда отдельный нормативный правовой акт включен в план по инициативе судов, выступает План мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2012 год [21], в котором п. 16 был включен по «предложению Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации» и на Минфин России и ФНС России возложены функции ответственных исполнителей по осуществлению мониторинга «Применения части первой Налогового кодекса Российской Федерации». В Плане мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2015 год [22] п. 4 включен по предложению Верховного Суда Российской Федерации (и государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)») – это пример мониторинга подотрасли законодательства – «Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (в части действия Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», нормативных правовых актов Президента Российской Федерации, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти)», а ответственными исполнителями определены «Росфинмониторинг, МВД России, ФСБ России, Минфин России, ФНС России».

При осуществлении мониторинга правоприменения выполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации и выполнение постановлений Европейского суда по правам человека возложены на Минюст России. Этот вид мониторинга правоприменения отличают:

- внеплановый характер, поскольку он проводится Минюстом России на постоянной основе и не отражается в ежегодных планах мониторинга правоприменения, но информация о проведенной работе включается в доклады о результатах мониторинга правоприменения;

- широкий круг субъектов, привлекаемых к его осуществлению. Причем уровень взаимодействия даже не межведомственный, а надведомственный, поскольку обязательно участвуют Конституционный Суд Российской Федерации, палаты Федерального Собрания Российской Федерации, Аппарат Правительства Российской Федерации, а также федеральных органов исполнительной власти, на которые возложено выполнение решений Конституционного Суда Российской Федерации;

- высокая эффективность внедрения технологии мониторинга правоприменения (см. таблицы 10 и 11 о результатах мониторинга правоприменения выполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации и о выполнении постановлений Европейского суда по правам человека).

⁸⁶ Информация об инициаторах отражается непосредственно в плане в графе «Иные данные».

**Результаты мониторинга правоприменения выполнения решений
Конституционного Суда Российской Федерации (1992–2013 годы)**

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации, которыми признаются неконституционными отдельные положения федеральных законов		Исполнено	Всего	Требующие исполнения	
				Законопроекты внесены/ поддержаны	Работа ведется
Период	Количество				
1992–2013 годы, в том числе:	133	98	34	19	15
2012	24	18			
2013	14	19			

Таблица 11

**Мониторинг выполнения Российской Федерацией постановлений Европейского Суда
по правам человека**

Состояние выполнения Российской Федерацией постановлений Европейского суда по правам человека		Постановления Европейского суда	Действия Российской Федерации	
Выполнено	2	От 27 марта 2008 года по жалобе № 44009/05 «Штукатуров против Российской Федерации»	Принят Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»	Предусматривает институт частичной дееспособности
		От 28 октября 2010 года по жалобе № 23284/04 «Борис Попов против Российской Федерации»	Принят Федеральный закон от 30 декабря 2012 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации»	Направлен на защиту от произвольного вмешательства в право на уважение корреспонденции осужденных к лишению свободы

Требуют выполнения	От 28 октября 2003 года по жалобе № 58973/00 «Ракевич против Российской Федерации» ⁸⁷	Подготовлены и находятся на рассмотрении Государственной Думы проекты федеральных законов, разработанные с учетом выводов Европейского суда, или федеральными органами исполнительной власти проводится подготовка проектов нормативных правовых актов Российской Федерации	
	От 10 июня 2010 года по жалобе № 1555/04 «Захаркин против Российской Федерации» ⁸⁸		
	От 22 марта 2012 года по делу № 30078/06 «Константин Маркин против Российской Федерации» ⁸⁹		
	От 10 мая 2012 года по делу № 33498/04 «Путинцева против Российской Федерации» ⁹⁰		
	Группы дел «Гарабаев» о нарушении прав граждан при решении вопроса об их выдаче по запросу иностранных государств для осуществления уголовного преследования		
	Группы дел «Тимофеев» ⁹¹ о чрезмерно длительном исполнении вступивших в силу судебных актов	Подготовка проекта федерального закона, направленного на совершенствование компенсаторного судебного средства правовой защиты от нарушений, связанных с не обеспечением надлежащих условий содержания под стражей и в местах лишения свободы	Минюст России, МВД России, ФСКН России, Минфин России во взаимодействии с Верховным Судом Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации
	От 10 января 2012 года по жалобам № 42525/07 и № 60800/08 «Ананьев и другие против Российской Федерации»		
	Жалобы № 5734/08 «Илюшкин и другие против Российской Федерации» ⁹² , № 16967/10 «Калинкин и другие против Российской Федерации» ⁹³ , а также в	Разработка проекта федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О компенсации за нарушение права на	Минюст России, Минфин России, Минэкономразвития России во взаимодействии с Верховным Судом

⁸⁷ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 2.

⁸⁸ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 2.

⁸⁹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.

⁹⁰ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5.

⁹¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6.

⁹² Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10.

⁹³ Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 4.

	связи с коммуникацией Европейского суда по жалобе № 29920/05 «Герасимов и 14 других против Российской Федерации»	судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок», предусматривающего исполнение государством обязательств «в натуре»	Российской Федерации, Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации и Генеральной прокуратурой Российской Федерации
	От 13 декабря 2011 года по жалобе № 13703/04 «Васильев и Ковтун против Российской Федерации» ⁹⁴	Внесение согласованных предложений по вопросу установления оснований и порядка возмещения государством вреда, причиненного незаконными действиями (бездействием) суда (судьи)	Минюст России и Минфин России
	От 3 марта 2011 года по жалобе № 5235/09 «Царенко против Российской Федерации» ⁹⁵ , от 29 мая 2012 года по жалобе № 2366/07 «Суслов против Российской Федерации» ⁹⁶ , от 13 ноября 2012 года по жалобе № 61767/08 «Пятков против Российской Федерации», от 13 ноября 2012 года по жалобе № 1600/09 «Королева против Российской Федерации»	несение согласованных предложений о внесении изменений в УПК РФ, касающихся регламентации порядка продления сроков содержания под стражей в период ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела после истечения предельного срока, установленного для применения данной меры пресечения	Минюст России, МВД России, ФСКН России во взаимодействии с Верховным Судом Российской Федерации, Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Следственным комитетом Российской Федерации

Суды могут выступать субъектами осуществления мониторинга правоприменения. Одним из классических примеров использования в мониторинге правоприменения выступает обобщение судебной практики на стадии установления фактических обстоятельств дела при принятии, исследовании и оценке письменных доказательств в деятельности арбитражных судов. Фактически мониторинг осуществлялся еще Госарбитражем СССР в отношении починенных ему государственных арбитражей, в дальнейшем – Высшим Арбитражным Судом РФ в отношении арбитражных судов, сейчас – Верховным Судом России. Так, изначально государственные арбитражи СССР были ориентированы на Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами на принятие в качестве письменных доказательств актов, договоров, справок и иных документов, которые содержали сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела [26].

В связи с развитием электронно-вычислительной техники субъекты споров стали предоставлять в госарбитражи в качестве письменных доказательств документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники, которые в указанных

⁹⁴ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4.

⁹⁵ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4.

⁹⁶ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 11.

«Правилах...» не значились. На уровне правоприменительной технологии выработывались различные правила относительно принятия и оценки таких документов: в одних случаях они принимались в качестве доказательств, а в других случаях – нет. В ходе мониторинга правоприменительной деятельности госарбитражей Госарбитраж СССР выявил эту непоследовательность при применении технологических правил оценки указанных доказательств и принял 29 июня 1979 года Инструктивные указания за № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники» [14].

В них Госарбитраж СССР указал, что такие документы при определенных обстоятельствах могут приниматься арбитражами в качестве письменных документов по делу. В этих Инструктивных указаниях Госарбитраж СССР изложил также технологические правила принятия, исследования и оценки доказательств, которые и предложил применять органам арбитража при рассмотрении дел, в которых в качестве доказательств используются документы, подготовленные с помощью электронно-вычислительной техники.

Госарбитраж СССР также рекомендовал арбитражам анализировать практику использования в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники, и при необходимости вносить на его рассмотрение предложения по практике их использования в арбитражном процессе. Тем самым Госарбитраж СССР обеспечивал себе базу для дальнейшего мониторинга технологии работы органов арбитража с этими документами.

В связи с образованием системы арбитражных судов и принятием 5 марта 1992 года Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, который начал применяться с 15 апреля 1992 года, мониторинг по указанному направлению стал осуществляться Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации⁹⁷.

Разработанные на основе данных технологического мониторинга рекомендации Госарбитража СССР по принятию, исследованию и оценке документов, полученных при помощи средств ЭВМ, компенсировавшие дефекты Правил рассмотрения хозяйственных споров 1976 и 1980 годов, не были учтены в Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации 1992 года, в ст. 43 которого также давалось только общее понятие письменных доказательств как актов, писем, иных документов и материалов, содержащих сведения об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения спора. При этом продолжала развиваться электронно-вычислительная техника.

В связи с этим у арбитражных судов возникли технологические правоприменительные проблемы уже не только с решением вопроса о том, можно ли считать письменными доказательствами по делу документы, изготовленные при помощи средств ЭВМ, но и с вопросом о том, можно ли считать таковыми документы, подписанные с помощью средств электронно-вычислительной техники, в которых использована система цифровой (электронной) подписи.

В целях преодоления неединообразия в технологии принятия, оценки и исследования таких доказательств 19 августа 1994 года Высшим Арбитражным Судом Российской

⁹⁷ Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 5 марта 1992 года № 2447-1 (в ред. от 12 июля 2011 года) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 16, ст. 836. С принятием этого Кодекса были отменены пришедшие на смену указанным выше Правилам 1979 года Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами, принятые постановлением Совета Министров СССР от 5 июня 1980 года на основании утвержденного Верховным Советом СССР Закона СССР от 30 ноября 1979 года «О государственном арбитраже в СССР».

Федерации на основе мониторинга применявшихся при рассмотрении таких документов технологических правил и приемов было подготовлено Письмо № С1-7/ОП-587 «Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебнo-арбитражной практике» [19].

Рекомендации о правилах и приемах принятия, исследования и оценки таких документов арбитражными судами были приведены в п. 4 этого Письма, в котором Высший Арбитражный Суд Российской Федерации, также как и ранее Госарбитраж СССР, принципиально признал возможным (при определенных условиях) принятие документов, изготовленных и подписанных при помощи средств ЭВМ с использованием системы цифровой (электронной) подписи, и изложил технологические правила и приемы принятия, исследования и оценки таких документов.

В принятом 5 мая 1995 года Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации вопрос о возможности использования в арбитражном процессе в качестве письменных доказательств документов, полученных при помощи средств электронно-вычислительной техники, был отражен более приближенно к степени его разработанности на уровне правоприменительной технологии. Так, в п. 1 ст. 60 этого Кодекса было указано, что письменными доказательствами являются также документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи либо иным способом, позволяющим установить достоверность документа. Во исполнение этого указания была создана уже нормативно обеспеченная юридическая база для использования в арбитражном процессе документов, изготовленных при помощи электронно-вычислительной техники, а также основа для официального использования уже включенных в инструментарий технологии некоторых правил и приемов принятия, исследования и оценки таких документов.

Такое дополнение нормы о письменных доказательствах в новом процессуальном кодексе было не только результатом развития электронно-вычислительной техники, но и основывалось на систематическом мониторинге Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации, участвовавшим в разработке этого Кодекса, деятельности арбитражных судов по использованию таких письменных доказательств и технологической составляющей этой деятельности.

Однако, несмотря на указанное положительное дополнение, в АПК РФ 1995 года не был нормативно решен вопрос о возможности использования в качестве письменных доказательств документов, подписанных электронной цифровой подписью. Этот пробел Кодекса был частично компенсирован ВАС РФ путем принятия 7 июня 1995 года Информационного письма № С1-7/ОЗ-316 «О Федеральном законе “Об информации, информатизации и защите информации”» [15]. В частности, в п. 3 этого письма была подтверждена сложившаяся на технологическом правоприменительном уровне в течение почти 20 лет и воспринятая еще от Госарбитража СССР практика принятия, исследования и оценки документов, изготовленных и подписанных при помощи средств электронно-вычислительной техники, с использованием электронной цифровой подписи.

В частности, комментируя содержание ст. 5 названного Закона, ВАС РФ указал, что документ, полученный из автоматизированной информационной системы, в том числе когда его юридическая сила подтверждена электронной цифровой подписью, может признаваться в качестве доказательства по делу, рассматриваемому арбитражным судом, в случае, когда соблюдены условия, перечисленные в указанной норме Федерального

закона «Об информации, информатизации и защите информации»⁹⁸. Этот нормативный пробел был ликвидирован законодателем в разработанном при участии представителей ВАС РФ третьем по счету и ныне действующем Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации, принятом 24 июля 2002 года [1]. В частности, в п. 1 ст. 75 АПК РФ указано, что письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, договоры, акты, справки, деловая корреспонденция, иные документы, выполненные в форме цифровой, графической записи или иным способом, позволяющим установить достоверность документа.

В пункте 3 этой же статьи закреплено, что документы, полученные посредством факсимильной, электронной или иной связи, а также документы, подписанные электронной цифровой подписью или иным аналогом собственноручной подписи, допускаются в качестве письменных доказательств в случаях и в порядке, которые установлены федеральным законом, иным нормативным правовым актом или договором.

Таким образом, спустя почти 30 лет с начала практической разработки правоприменителями (органами государственного арбитража, а затем – арбитражными судами) нормативно не закрепленных технологических правил принятия, исследования и оценки доказательств, изготовленных и подписанных при помощи средств электронно-вычислительной техники, с использованием электронной цифровой подписи, мониторинг этой деятельности вышестоящими органами судебной власти дал свои положительные результаты: на нормативном уровне подтверждена возможность использования таких документов в качестве письменных доказательств по делу.

Однако технологическая разработка правил и условий использования названных документов на этом не останавливается, она продолжается, так как техника развивается и в дела сторонами предоставляются новые доказательства, созданные и заверенные при помощи новых технических средств. В связи с этим следует ожидать, что со временем устареет и определение письменных доказательств, закрепленное в АПК РФ 2002 года. Развитие электронных технологий неминуемо повлечет за собой необходимость корректировки положений ст. 75 АПК РФ при помощи новых технологических приемов и способов. А значит, мониторинг этого направления деятельности арбитражных судов должен продолжаться.

На приведенном примере видно, что суды могут осуществлять мониторинг не только предметно-практической стороны правоприменения, но совершенствовать саму технологию мониторинга правоприменения.

Судебная практика выступает важнейшим источником информации при осуществлении мониторинга правоприменения ответственными исполнителями. Например, при осуществлении мониторинга правоприменения Закона Нижегородской области от 27 декабря 2007 года № 196-3 «О публичных мероприятиях, проводимых на территории Нижегородской области» [30] представителем специализированного вуза – «Российской академии правосудия» [17] – было предложено обобщить материалы судебной практики при применении названного Закона. Выяснилось, что накоплена значительная судебная практика по рассмотрению дел, связанных с реализацией гражданами права на проведение публичных мероприятий. Эта практика складывается из решений, принятых судами различных видов, обобщений вышестоящими судами решений, принятых судьями.

⁹⁸ Первоначально ссылка была на Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», но он утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

В то же время, поскольку дела, связанные с реализацией гражданами права на проведение публичных мероприятий, сложно систематизировать (например, как нарушение законодательства о публичных мероприятиях применяется не только ст. 20.2 КоАП РФ, но и ст. 20.2.2 КоАП РФ, предусматривающая административную ответственность за организацию массового одновременного пребывания и (или) передвижения граждан в общественных местах, повлекших нарушение общественного порядка, а также ст. 20.18 КоАП РФ, а если оказано неповиновение сотрудникам правоохранительных органов – ст. 19.3 КоАП РФ), официальные обобщения судебной практики носят единичный характер, а учитывая существенные изменения в законодательстве – уже утратили свою актуальность и практическое значение.

Решения по делам, связанным с реализацией гражданами права на проведение публичных мероприятий, принимали все виды судов. Основной объем дел был рассмотрен мировыми судьями.

Таблица 12

Сводные данные о рассмотрении мировыми судьями Нижегородской области дел об административных правонарушениях за нарушение проведения публичных мероприятий (в 2007–2012 годах)

Год	Ст. 5.38	Ст. 20.2	Результаты рассмотрения		
			Наказано		Иные решения*
			Штраф	Арест	
2007	–	76	54	2	20 (11 – 3 – 6)
2008	–	21	15	5	1 (1 – 0 – 0)
2009	–	22	12	2	8 (4 – 0 – 4)
2010	5**	39	28	–	11 (4 – 1 – 6)
2011	–	118	67	15	36 (4 – 2 – 30)
2012	–	143	140	3	–
ВСЕГО	–	419	316	27	76 (34 – 6 – 36)
2013	–	14	9	–	5 (2 – 0 – 3)

* Примечание: производство по делу прекращено, протокол возвращен, материалы переданы по подведомственности

** Наказаний нет: по 2 производство по делу прекращено, по 3 протокол возвращен.

Обращает на себя внимание тот факт, что с 1 января 2013 года полномочия по рассмотрению дел об административных правонарушениях за нарушение правил проведения публичных мероприятий отнесены к исключительной компетенции судей районных судов. Поэтому должностным лицам органов внутренних дел материалы о таких нарушениях следовало направлять не мировым судьям, а в районные суды. Мировые судьи, в свою очередь, получив материалы по делам об административных правонарушениях за нарушение правил проведения публичных мероприятий, не имели права их рассматривать, а должны были передать по подведомственности – в районные суды.

Нижегородский областной суд осуществлял пересмотр решений по делам об административных правонарушениях за нарушение правил проведения публичных мероприятий (например, Постановлением Нижегородского областного суда от 6 апреля

2012 года № 7п-66/2012) и обобщил практику рассмотрения мировыми судьями и районными (городскими) судами г. Н. Новгорода и Нижегородской области дел об административных правонарушениях, связанных с проведением несогласованных публичных мероприятий в 2012 году. Обобщение (всего от мировых судей и судей районных судов поступило 82 дела данной категории) провел судья Нижегородского областного суда М.А. Кручинин, и, помимо специальных вопросов, им было отмечено:

- «срок давности привлечения к административной ответственности (ст. 4.5 КоАП РФ) за нарушение законодательства о собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях увеличен до одного года со дня совершения административного правонарушения;
- субъекты Российской Федерации обязаны до 1 января 2013 года принять ряд нормативных правовых актов, регулирующих правоотношения, связанные с проведением публичных мероприятий. В связи с этим при рассмотрении дел об административных правонарушениях данной категории необходимо учитывать не только положения федерального, но и регионального законодательства;
- все дела судьями были рассмотрены только по одному составу – ч. 2 ст. 20.2 КоАП РФ (нарушение установленного порядка проведения собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования);
- во всех случаях к административной ответственности привлекались граждане. В отношении должностных лиц либо юридических лиц постановления о привлечении к административной ответственности не выносились;
- были выявлены случаи привлечения граждан к ответственности в случаях, которые нельзя относить к публичным мероприятиям по смыслу ст. 2 Федерального закона от 19 июня 2004 года № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» [44]: например, проводившие среди жильцов дома презентацию реализуемых им товаров; участники собраний членов трудового коллектива, членов садоводческого товарищества, собрание членов ТСЖ и т. д. На принципиальное различие в характере регулируемых правоотношений при созыве и проведении собраний граждан как публичных мероприятий и собраний, проводимых в порядке осуществления гражданами Российской Федерации своего права на местное самоуправление в форме прямого волеизъявления (регулируются Федеральным законом от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [43]), указал Верховный Суд Российской Федерации в определении от 26 января 2005 года по делу № 71-Г04-25⁹⁹».

Как ни странно, несколько раз подобные дела были предметом рассмотрения Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа, но они были связаны с пересмотром в порядке надзора решений, принятых арбитражными судами других субъектов Российской Федерации (например, постановления от 9 июня 2008 года по делу № А79-8588/2007¹⁰⁰ и от 29 декабря 2009 года по делу № А29-4720/2009¹⁰¹).

В Верховном Суде Российской Федерации пересматривается крайне мало дел об административных правонарушениях за нарушение правил проведения публичных мероприятий (например, по ст. 20.2 КоАП РФ):

⁹⁹ Документ опубликован не был.

¹⁰⁰ Документ опубликован не был.

¹⁰¹ Документ опубликован не был.

Сводные данные о пересмотре в Верховном Суде Российской Федерации дел об административных правонарушениях за нарушение правил проведения публичных мероприятий (2011–2013 годы)

Год	Поступило	Отменено	Оставлено в силе
2011	1	-	1
2012	4	2	2
2013	10	7	3
ВСЕГО	15	9	6

В Конституционном Суде Российской Федерации по всем жалобам за нарушение правил проведения публичных мероприятий заявителям, подвергнутым административным наказаниям в последние годы, отказано в рассмотрении жалобы (в 2012 году – по 1, в 2013 году – по 4). Однако в ряде решений Конституционного Суда содержатся правоположения, важные для уяснения конституционно-правовой природы публичных мероприятий и для совершенствования действующего законодательства:

– Постановление Конституционного Суда от 18 мая 2012 года № 12-П «По делу проверки конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях” в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова» [45];

– Постановление Конституционного Суда от 14 февраля 2013 года № 4-П «По делу о проверке конституционности Федерального закона “О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»” в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина Э.В. Савенко» [46];

– Определение Конституционного Суда от 2 апреля 2009 года № 484-О-П «По жалобе граждан Лашманкина Александра Владимировича, Шадрин Дениса Петровича и Шимоволоса Сергея Михайловича на нарушение их конституционных прав положением ч. 5 ст. 5 Федерального закона “О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях”» [12] рассмотрено в связи с отказами администрацией города Н. Новгорода гражданам, в том числе С.М. Шимоволосу, в проведении публичных мероприятий.

Нарушение права граждан на проведение публичных мероприятий выступает предметом рассмотрения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в том числе жалобы граждан Российской Федерации. Так, по делу «Сергей Кузнецов против Российской Федерации» (жалоба № 10877/04 [4]) ЕСПЧ признал, что «заявитель потерпел моральный вред в виде страданий и разочарования, вызванных административным преследованием за осуществление прав на свободу выражения мнения и мирных собраний... и присудил заявителю 1.500 евро в качестве компенсации морального вреда».

В свою очередь, деятельность судов может выступать объектом мониторинга правоприменения. Заметим, что в планах мониторинга правоприменения как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации такие вопросы пока не были поставлены. Тем не менее, поскольку мониторинг правоприменения может быть

осуществлен не только по планам, но и инициативно, то допускаем, что деятельность судов уже подвергалась мониторингу правоприменения. Например, в Приволжском филиале Российской академии правосудия была проведена объемная работа по мониторингу законодательства Нижегородской области о мировых судьях, по результатам которой были сформулированы несколько групп выводов, связанных с организацией и деятельностью мировых судей:

1. Порядок назначения и срок полномочий мировых судей. В соответствии со ст. 11 Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [34] полномочия судьи федерального суда не ограничены определенным сроком. Но та же статья нарушает принцип, закрепленный в ст. 2 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации»: «все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом» в отношении мировых судей:

– мировой судья в первый раз назначается (избирается) на должность на срок, установленный законом соответствующего субъекта Российской Федерации, но не более чем на пять лет;

– при повторном и последующих назначениях (избраниях) на должность мировой судья назначается (избирается) на срок, установленный законом соответствующего субъекта Российской Федерации, но не менее чем на пять лет.

Первоначально в Нижегородской области было предусмотрено назначение мировых судей на должности впервые на срок три года и в последующем – переназначение каждые пять лет. В настоящее время Законом Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» [31] закреплены большие гарантии независимости мировых судей: впервые назначается на должность сроком на три года, по истечении которого он вправе снова выдвинуть свою кандидатуру для назначения на данную должность. При повторном и последующих назначениях на должность мирового судьи мировой судья назначается сроком на семь и десять лет соответственно. Тем не менее принцип равенства статуса судей в Российской Федерации и гарантии независимости судей нельзя признать реализованными в отношении мировых судей в полном объеме.

В Нижегородской области мировые судьи назначаются на должность Законодательным Собранием Нижегородской области, а Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» допускает также вариант избрания мирового судьи законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации либо населением соответствующего судебного участка в порядке, установленном законом субъекта Российской Федерации. Полагаем целесообразным продумать вариант избрания мировых судей или вариант, при котором будет обеспечен реальный конкурс на вакантную должность – например, если в ч. 5 ст. 6 Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» предусмотреть правило:

«Назначение на должность мирового судьи допускается, если представлено не менее двух кандидатур на один и тот же судебный участок».

Вслед за федеральным законодательством ч. 1 ст. 9 Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» предусматривает прохождение мировыми судьями, впервые назначенными на должность, профессиональной переподготовки. В то же время правовых последствий в случае, если судья отказался проходить профессиональную подготовку или если на итоговой

аттестации показал неудовлетворительные знания и навыки, не предусмотрено. Полагаем, необходимо «увязать» эти случаи с перечнем оснований досрочного прекращения полномочий судьи, предусмотренных в ч. 1 ст. 14 Закона РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [34], путем дополнения данного перечня.

2. Высокая нагрузка мировых судей. Мировые судьи осуществляют правосудие в пределах судебного участка. Общее число мировых судей и количество судебных участков субъекта Российской Федерации определяются федеральным законом по законодательной инициативе соответствующего субъекта Российской Федерации, согласованной с Верховным Судом Российской Федерации, или по инициативе Верховного Суда Российской Федерации, согласованной с соответствующим субъектом Российской Федерации.

Таблица 14

Штатная численность судей в современной России

Виды судов	Штатная численность
Федеральные суды	
Конституционный суд Российской Федерации	19
Итого¹⁰²	19
Верховный Суд Российской Федерации	170
Судьи судов общей юрисдикции	25 015
Итого¹⁰³	25 185
Судьи арбитражных судов	4053
Итого¹⁰⁴	4053
Общее количество	29257
Суды субъектов Российской Федерации	
Уставные (конституционные) суды субъектов Российской Федерации	125
Мировые судьи ¹⁰⁵	7461
Итого	7586
ВСЕГО	36 843

Судебные участки создаются из расчета численности населения на одном участке от 15 до 23 тысяч человек. В административно-территориальных образованиях с численностью населения менее 15 тысяч человек создается один судебный участок. На сегодня на территории Нижегородской области создано 179 судебных участков мировых судей.

¹⁰² ст. 125 Конституции Российской Федерации // Российская газета. 2009. 21 января.

¹⁰³ См.: пункты 1 и 4 ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 3 декабря 2012 года № 216-ФЗ «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» // Российская газета. 2012. 7 декабря.

¹⁰⁴ См.: пункты 5, 6 ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 3 декабря 2012 года № 216-ФЗ «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» // Российская газета. 2012. 7 декабря.

¹⁰⁵ См.: Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1999 года № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 1, ч. 1, ст. 1.

В то же время при определении необходимого количества судебных участков и границ судебных участков мало учитывать территориальное расположение и численность населения. Важное значение имеют характеристика преступности, гражданской конфликтности, а также наличие производственных предприятий, учреждений и органов власти.

Существует проблема отсутствия механизма исполнения обязанности мирового судьи, отсутствующего продолжительный период времени (отпуск по беременности и родам, вакантная должность мирового судьи, обучение по программам переподготовки или повышения квалификации, ежегодный отпуск и т. п.). Как правило, в случае отсутствия судьи, распоряжением Председателя районного суда полномочия возлагаются на другой судебный участок (в случае отпуска), либо границы данного судебного участка распределяются между всеми судебными участками в пределах судебного района, что приводит к резкому увеличению нагрузки на мирового судью.

Компенсаций или дополнительных выплат мировой судья, фактически исполняющий обязанности по другому судебному участку, не получает. Есть случаи, когда мировой судья исполняет обязанности другого мирового судьи, находящегося на значительном расстоянии от своего места работы, для чего ему необходимо самостоятельно добираться до помещения иного судебного участка за счет собственных средств, поскольку подобные расходы не предусмотрены. Решением данной проблемы может быть введение института замещения отсутствующего мирового судьи, мировыми судьями, находящимся в отставке.

В настоящее время можно наблюдать ситуацию, когда в рамках одного административного района, включающего от 5 до 13 судебных участков, 2-3 судебных участка чрезмерно перегружены, а у остальных нагрузка ниже среднеобластной (например, судебные участки в городе Дзержинске). Так, анализ статистических данных, сформированных Управлением Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в Нижегородской области, показал, что на пятнадцати (из 179 созданных) судебных участках мировых судей в Нижегородской области нагрузка значительно выше среднеобластной:

Обобщенные данные о судебной статистике по участкам мировых судей, на которых нагрузка выше среднеобластной

Судебный участок	Данные за 2012 год				Данные за 2013 год			
	Уголовные дела	Гражданские дела		Дела по КоАП	Уголовные дела	Гражданские дела		Дела по КоАП
			Без судебных приказов				Без судебных приказов	
Среднеобластной показатель	4,7	151,1	–	83,0	4,6	213,1	–	76,7
Судебный участок № 6 Автозаводского района г. Нижнего Новгорода	7,4	799,9	450,82	147,5	7,6	188,8	166,94	139,0
Судебный участок № 6 Канавинского района г. Нижнего Новгорода	8,1	395,2	289,75	484,7	7,6	993,9	166,49	328,6
Судебный участок № 8 Канавинского района г. Нижнего Новгорода	4,3	1222,7	243,31	162,8	8,0	927,8	135,82	154,1
Судебный участок № 7 Нижегородского района г. Нижнего Новгорода	14,2	290,1	746,46	121,5	19,4	590,7	560,52	139,6
Судебный участок № 4 Приокского района г. Нижнего Новгорода	4,8	122,9	409,67	138,8	5,9	238,5	176,61	157,3
Судебный участок № 5 Приокского района г. Нижнего Новгорода	5,2	131,1	374,66	132,6	6,9	237,3	140,47	175,2
Судебный участок № 2 Борского района Нижегородской Области	5,9	1229,5	486,97	172	4,2	946,7	167,75	106,9
Судебный участок № 4 Борского района Нижегородской Области	5,7	77,5	286,85	137,6	9,3	311	103,04	90,5
Судебный участок № 3 г. Дзержинска Нижегородской Области	5,4	943,9	869,08	91,6	7,0	312,0	457,77	85,5
Судебный участок № 4 г. Дзержинска Нижегородской Области	5,1	187,0	839,81	122,7	5,1	302,1	397,56	108,6
Судебный участок № 10 г. Дзержинска Нижегородской области	4,9	234,9	1332,45	106,7	5,3	307,6	464,22	104,4

Судебный участок № 3 Кстовского района Нижегородской области	5,4	479,8	786,64	98,7	7,4	1659,0	242,62	67,2
Судебный участок № 4 Кстовского района Нижегородской области	28,5	160,2	633,91	151,7	27,8	201,3	312,17	107,0
Судебный участок № 5 Кстовского района Нижегородской области	8,1	199,2	755,43	107,0	7,4	345,5	352,2	79,8
Судебный участок Шатковского района Нижегородской области	11,0	252,3	804,63	103,9	9,3	207,4	164,47	104,8

Решение проблемы чрезмерной нагрузки на мировых судей может быть осуществлено:

– на федеральном уровне путем сокращения категорий дел, подсудных мировым судьям (как правило, категории дел сокращаются), или экстенсивным путем – увеличения количества судебных участков;

– на уровне субъекта Российской Федерации – путем пересмотра границ судебных участков (в том числе упразднения судебных участков в одних административно-территориальных единицах и введения их в других). Теперь, с введением в ст. 4 Федерального закона от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации» [41] нормы о том, что «деятельность мировых судей осуществляется в пределах судебного района на судебных участках» возможности субъектов Российской Федерации расширяются – нужно правильно их использовать.

Механизм распределения границ судебных участков в судебном районе должен базироваться не на принципе деления численности населения на количество судебных участков в районе, необходимо учитывать численность населения на определенных улицах, учитывать инфраструктуру, находящуюся в границах судебных участков, наличие автомагистралей и автомобильных трасс. Например, только сейчас обнаружилось, что федеральные автомобильные дороги, проходящие через Нижегородскую область, оказались «не разделены» между судебными участками мировых судей, и совершаемые на них и прилегающих к ним земельных участках правонарушения не могут быть отнесены к подсудности мировых судей (подсудность – районных (городских) судов).

Однако в абз. 3 ч. 2 ст. 4 Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» [31] включена норма, противоречащая федеральному законодательству и законодательству Нижегородской области.

Статья 4 Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» определяет порядок создания судебного участка, установления и (или) изменения границ судебного участка – «судебные участки создаются и упраздняются законом Нижегородской области», «границы судебных участков устанавливаются и изменяются законом Нижегородской области», что соответствует требованиям Федерального закона от 17 декабря 1998 года № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации», но в абз. 3 ч. 3 ст. 4 названного Закона Нижегородской области включены слова «Проект закона Нижегородской области об установлении и (или) изменении границ судебных участков вносится в Законодательное Собрание Губернатором Нижегородской области». Таким образом, право законодательной инициативы на внесение проекта закона Нижегородской области об установлении и (или) изменении границ

судебных участков ограничено и по смыслу второго предложения абз. 3 ч. 3 ст. 4 Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» дано только Губернатору Нижегородской области.

Право законодательной инициативы в законодательном (представительном) органе государственной власти субъекта Российской Федерации регулируется ст. 6 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» [42], которой не предусмотрено ограничение права законодательной инициативы или наделение исключительными полномочиями по внесению законодательной инициативы каких-либо субъектов.

Статья 48 Устава Нижегородской области [28] в развитие положений Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» раскрывает субъекты права законодательной инициативы в Законодательном Собрании Нижегородской области и также не содержит ограничений данного права или наделение субъектов права законодательной инициативы исключительными полномочиями. Содержание ст. 48 Устава Нижегородской области продублировано в ч. 1 ст. 27 Закона Нижегородской области от 10 февраля 2005 года № 8-ФЗ «О нормативных правовых актах Нижегородской области» [27] и в ч. 1 ст. 53 Регламента Законодательного Собрания Нижегородской области [29].

Изложенное позволяет сделать вывод: второе предложение абз. 3 ч. 3 ст. 4 Закона Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» противоречит ст. 6 Федерального закона от 6 октября 1999 года № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», ст. 48 Устава Нижегородской области, ч. 1 ст. 27 Закона Нижегородской области от 10 февраля 2005 года № 8-ФЗ «О нормативных правовых актах Нижегородской области». Поэтому Закон Нижегородской области от 14 декабря 2012 года № 163-З «О мировых судьях Нижегородской области» нуждается в изменении – в абз. 3 ч. 3 ст. 4 слова «Проект закона Нижегородской области об установлении и (или) изменении границ судебных участков вносится в Законодательное Собрание Губернатором Нижегородской области» должны быть исключены.

3. Кадровое обеспечение мировых судей. Деятельность мирового судьи обеспечивает аппарат мирового судьи – государственные гражданские служащие Управления по обеспечению деятельности мировых судей, адвокатуры и нотариата Нижегородской области. В деятельности аппаратов мировых судей в Нижегородской области отмечается ряд общих проблем:

– высокая текучесть кадров (см. таблицу 16), следствием чего является прием на службу работников без опыта, что резко снижает уровень организации и ведения судебного делопроизводства на судебных участках;

– отсутствует механизм взаимозаменяемости аппаратов мировых судей между судебными участками мировых судей внутри одной административно-территориальной единицы (одного судебного района);

– большинство работников аппаратов мировых судей находятся в репродуктивном возрасте и в настоящее время из 630 человек штатно-списочного состава аппаратов

мировых судей 102 находятся в отпуске по беременности и родам и в отпуске по уходу за ребенком до 3-х лет;

Таблица 16

**Сводные данные о кадровой работе по аппаратам мировых судей
Нижегородской области (за 2011–2013 годы)**

Год	Принято	Уволено	Коэффициент текучести
2011	84 (из них 64 – на декретные ставки)	78 (из них 64 по собственной инициативе)	12%
2012	125 госслужащих (из них 98 – на декретные ставки)	124 (из них 105 по собственной инициативе)	19%
2013	228	195	31%

– скромный размер ежемесячного денежного содержания;

– невысокий уровень компьютерной грамотности специалистов с юридическим образованием, что в современных условиях развития инфокоммуникационных технологий в судах является важной составляющей квалификации работников аппарата мировых судей. В связи с исполнением Федерального закона от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» [35] информация о деятельности мировых судей размещается при помощи не самого совершенного программного комплекса «АМИРС» (который предполагает «ручную» деперсонификацию судебных актов, постоянное ведение «автоматизированного» судебного делопроизводства, и поэтому с 2012 года вместе с мировым судьей в отпуск уходит только один работник аппарата мирового судьи);

– для секретарей суда и судебного заседания стаж работы на судебном участке не засчитывается в юридический стаж. Согласно реестру должностей государственной гражданской службы Нижегородской области эти должности (специалист первой категории – секретарь суда, специалист второй категории – секретарь судебного заседания) относятся к категории «обеспечивающие специалисты» – старшей и младшей групп должностей государственной гражданской службы Нижегородской области соответственно. Назрела необходимость внесения изменений в Закон Нижегородской области от 30 декабря 2005 года № 225-З «О государственных должностях Нижегородской области и Реестре должностей государственной гражданской службы Нижегородской области» [28], переведя специалистов аппаратов мировых судей из категории «Обеспечивающие специалисты» в категорию «Специалисты».

4. Материально-техническое оснащение. Одна из самых трудно решаемых проблем – обеспечение судебных участков помещениями, пригодными для судопроизводства. Для размещения 179 судебных участков мировых судей (из которых 62 расположены в г. Н. Новгороде) используется 78 помещений. Общая площадь, занимаемая судебными участками, составляет 19,7 тыс. кв.м. В среднем на 1 судебный участок приходится 112 кв.м. Это ниже нормативной площади, определенной Сводом правил по проектированию и

строительству зданий судов общей юрисдикции (170–220 кв.м.). На сегодняшний день остается несколько проблем в сфере материально-технического оснащения мировых судей:

– отсутствие необходимого количества залов судебных заседаний (обеспеченность залами судебных заседаний в Нижегородской области составляет в настоящее время 60%), в результате чего мировые судьи вынуждены рассматривать дела в своих рабочих кабинетах;

– отсутствие помещений для архива, дела хранятся как в кабинете судьи, так в коридорах;

– отсутствие мест размещения участников судебного заседания;

– отсутствие помещений для ознакомления участников судебного заседания с материалами по делу.

Необходимо принять меры по реализации Поручения Президента Российской Федерации от 15 декабря 2010 года № Пр-3645, которое предлагает руководителям субъектов Российской Федерации принять меры по обеспечению судебных участков мировых судей залами судебных заседаний. Для выполнения поручения следует инициировать разработку областной программы развития мировой юстиции в Нижегородской области. В данной программе целесообразно предусмотреть систему социальных гарантий для мировых судей, включая обеспечение их жильем, поскольку в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [25] такие мероприятия в отношении мировых судей не предусмотрены – но проблема существует.

5. Обеспечение безопасности судей. Обеспечение безопасности судей Российской Федерации выступает гарантией их независимости.

Так, по данным Управления ФССП по Нижегородской области за девять месяцев 2014 года судебные приставы, осуществляющие пропускной режим в зданиях судов Нижегородской области, пресекли пронос 1212 запрещенных предметов: среди изъятого – 47 единиц огнестрельного оружия, 16 травматических газовых и пневматический пистолетов, 738 единиц боеприпасов к ним, 16 образцов холодного оружия, в том числе охотничьи ножи, 5 электрошокеров, более 70 газовых баллончиков¹⁰⁶. Для обеспечения безопасности мировых судей на судебных участках применяются стандартные меры безопасности – но далеко не на всех участках (см. таблицу 17).

Таблица 17

Мероприятия по обеспечению безопасности на судебных участках мировых судей в Нижегородской области

Мероприятия	Количество судебных участков		
	2011 год	2012 год	2013 год
Установлена пожарно-охранная сигнализации	168	172	179
Установлена тревожная сигнализация	164	165	168
Установлены системы видеонаблюдения	49	59	59

¹⁰⁶ <http://www.r52.fssprus.ru/news/document21260530> (Дата обращения: 28.08.2014)

Совершенствование деятельности по обеспечению безопасности судебных участков мировых судей также требует разработки областной программы развития мировой юстиции в Нижегородской области.

Изложенное позволяет заключить: законодательство о мировых судьях в Нижегородской области в основном соответствует требованиям федерального законодательства и Устава Нижегородской области, однако есть резервы совершенствования правовой основы деятельности мировых судей и аппаратов мировых судей, которые позволят повысить эффективность института мировой юстиции в Нижегородской области и качество отправления правосудия.

Основные результаты мониторинга законодательства Нижегородской области о мировых судьях были рассмотрены на заседании Научно-консультативного совета при Законодательном Собрании Нижегородской области, состоявшемся 20 ноября 2013 года, получили поддержку и одобрение – часть названных проблем развития института мировой юстиции в Нижегородской области к настоящему времени уже разрешена. Например:

- отремонтировано несколько помещений в зданиях, где размещены судебные участки мировых судей;

- подготовлен проект закона Нижегородской области «О внесении изменений в Закон Нижегородской области от 30 декабря 2005 года № 225-3 “О государственных должностях Нижегородской области и Реестре должностей государственной гражданской службы Нижегородской области”», предусматривающий перевод специалистов аппаратов мировых судей из категории «Обеспечивающие специалисты» в категорию «Специалисты»;

- принят Закон Нижегородской области от 5 сентября 2014 года № 118-3 «О внесении изменений в Закон Нижегородской области “О создании должностей мировых судей и судебных участков в Нижегородской области”» [32], которым ранее действовавший закон фактически издан в новой редакции, поскольку изменения затронули из 3 статей – 2 и все приложения – внедрены судебные районы Нижегородской области для мировых судей.

Однако не все проблемы, связанные с деятельностью судей, могут выступать объектом технологии мониторинга правоприменения. К числу таковых можно отнести обеспечение безопасности судей Российской Федерации. Очевидно, что добиться абсолютной безопасности каждого судьи невозможно, поскольку понятие «безопасность судей» охватывает широчайший спектр отношений, которые условно можно подразделить на три группы.

Во-первых, гарантии безопасности судей при осуществлении должностных полномочий. В настоящее время два председателя высших судов (Председатель Конституционного Суда Российской Федерации и председатель Верховного Суда Российской Федерации) в соответствии с Федеральным законом от 27 мая 1996 года № 57-ФЗ «О государственной охране» [38] подлежат государственной охране, в отношении других судей такие гарантии предусмотрены Законом РФ от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» [34].

Председатели высших судов подлежат государственной охране органами государственной охраны, а также привлекаемыми для этих целей органами ФСБ России, органами внутренних дел Российской Федерации и внутренних войск МВД Российской Федерации, органами СВР России, Вооруженными Силами Российской Федерации и иными государственными органами обеспечения безопасности (ст. 5 Федерального закона «О государственной охране»), для чего применяется комплекс мер, относящихся по своему

характеру к сведениям, составляющим государственную тайну (ст. 4 Федерального закона «О государственной охране»):

- предоставление персональной охраны, транспортного обслуживания, бытового обслуживания и обеспечения, безопасного питания, а также обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия;

- предупреждение, выявление и пресечение преступных и иных противоправных посягательств;

- проведение мероприятий, обеспечивающих поддержание общественного порядка на охраняемых объектах, на трассах их проезда (передвижения);

- защита охраняемых объектов, обеспечение на охраняемых объектах пропускного и внутриобъектового режимов;

- организация связи, обеспечение надежного функционирования и информационной безопасности связи при ее предоставлении, в том числе в военное время и при чрезвычайных ситуациях;

- организация федеральных информационных систем для информационно-технологического и информационно-аналитического обеспечения деятельности государственных органов, а также обеспечение надежного функционирования этих систем и их информационной безопасности, в том числе в военное время и при чрезвычайных ситуациях.

Обеспечение безопасности федеральных судей и мировых судей при осуществлении ими должностных полномочий в соответствии с Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» возложено на судебных приставов, действующих на основании Федерального закона от 21 июля 1997 года № 118-ФЗ «О судебных приставах» [40]. Они обеспечивают установленный порядок деятельности судов в помещении судов, а также в иных помещениях, где проводится судебное заседание, в течение всего судебного заседания, в том числе в случае необходимости по указанию старшего судебного пристава в вечернее время, в выходные и в праздничные дни.

При необходимости (при наличии достаточных данных, свидетельствующих о реальности угрозы безопасности защищаемых лиц, а также непосредственных действий, посягающих на их жизнь и здоровье) по обращению судьи к старшему судебному приставу или судебному приставу по обеспечению установленного порядка деятельности судов, а также к председателю суда или к председательствующему в суде могут быть применены меры безопасности в отношении защищаемых лиц (судей). Защищаемое лицо ставится в известность о принимаемых в отношении него мерах безопасности [20].

В то же время судебные приставы¹⁰⁷ при действующем режиме и графике работы не могут обеспечить должную безопасность судей. Не случайно в Федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»¹⁰⁸ среди основных задач названы обеспечение независимости судебной власти и оснащение зданий судов техническими средствами и системами обеспечения безопасности, а также обеспечение судей мобильными устройствами тревожной сигнализации, действующей вне зданий судов (см. таблицу 18).

¹⁰⁷ Общая штатная численность судебных приставов установлена п. 3 Указа Президента РФ от 13 октября 2004 года № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» в количестве 84.835 единиц, из которых только часть сотрудников выполняет функции по обеспечению установленного порядка деятельности судов.

¹⁰⁸ Утверждена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1, ст. 13.

**Внедрение технических средств и систем обеспечения безопасности
зданий федеральных судов в 2012–2020 годах**

Показатели результативности Федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»		Состояние в 2012 году	Планируется к 2020 году
Внедрение технических средств и систем обеспечения без- опасности зданий федеральных судов	В системе судов общей юрисдикции	1904	2128
	В системе арбитражных судов	33	261

Во-вторых, безопасность судей должна осуществляться не только во время осуществления ими правосудия, но и в свободное время от исполнения ими должностных обязанностей. Часть 2 ст. 6 Закона Российской Федерации от 26 июня 1992 года № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» предусматривает, что «Судья, члены его семьи и их имущество находятся под особой защитой государства. Органы внутренних дел обязаны принять необходимые меры к обеспечению безопасности судьи, членов его семьи, сохранности принадлежащего им имущества, если от судьи поступит соответствующее заявление». Судья имеет право на хранение и ношение служебного огнестрельного оружия, которое выдается ему органами внутренних дел по его заявлению в порядке, предусмотренном Законом Российской Федерации от 13 декабря 1996 года № 150-ФЗ «Об оружии» [39]. Судьи достаточно активно пользуются правом на ношение оружия, по состоянию на 2010 год оружие было выдано 12 тысячам судей.

В Постановлении VIII Всероссийского съезда судей было отмечено, что в ведомственной целевой программе Судебного департамента при Верховном Суде РФ «Обеспечение безопасности судей федеральных судов общей юрисдикции» на 2012–2014 годы» предусмотрены дополнительные мероприятия по обеспечению безопасности судей при их нахождении вне зданий судов, включая оснащение сигнализацией их жилища. Однако на сегодняшний день данные мероприятия так и не выполнены.

Дополнительные гарантии безопасности судей и членов их семей в свободное от их профессиональной деятельности время могут быть установлены в соответствии с Федеральным законом от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» [37]. Органы внутренних дел [33] принимают заявление от лица, подлежащего защите, и должны в течение трех суток принять решение о применении или неприменении следующих мер безопасности:

- личная охрана, охрана жилища и имущества;
- выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности;
- временное помещение в безопасное место;

- обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемых лицах;
- перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы);
- переселение на другое место жительства;
- замена документов, изменение внешности.

В Постановлении Совета судей Российской Федерации от 29 апреля 2004 года № 122 «О практике выполнения требований Федерального закона от 20 апреля 1995 года № 45-ФЗ “О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов” в части обеспечения безопасности судей федеральных судов, судей арбитражных судов, а также мировых судей» было отмечено, что «в последние годы МВД России принимало меры государственной защиты судей при наличии реальной угрозы посягательства на жизнь, здоровье и имущество судей, связанной с их служебной деятельностью, в результате осуществления указанных мер никто из защищаемых лиц не пострадал». Но в Постановлении VI Всероссийского съезда судей от 2 декабря 2004 года содержится иная оценка: «за три последних года было убито 7 судей и 4 члена их семей, свыше 100 судей стали жертвами разбоев, грабежей и хулиганств. Органы внутренних дел не планируют и не осуществляют профилактических, предупреждающих мер по обеспечению безопасности судей и членов их семей. Расследование преступлений, совершенных в отношении судей и их членов семей ведется пассивно и заканчивается безрезультативно»¹⁰⁹.

В-третьих, безопасность судей от несчастных случаев (ДТП, пожары, террористические акты и т. п.), которая не урегулирована специальными актами и в отношении судей действуют обычные правовые режимы.

Информация о состоянии безопасности судей не является общедоступной, поэтому трудно осуществить оценку предпринимаемых в Российской Федерации мер, направленных на обеспечение их защиты. Известные факты (за период 2007–2010 годов в отношении судей было совершено 296 противоправных деяний, в том числе 9 убийств, 43 разбоя и грабежа, 176 краж личного имущества, 27 поджогов и 41 посягательство на жизнь и здоровье судей судов общей юрисдикции и мировых судей. Из 9 дел, возбужденных по фактам убийств судей, раскрыты лишь 2¹¹⁰) свидетельствуют о необходимости совершенствования деятельности по обеспечению безопасности судей в Российской Федерации. Таким образом, осуществлять мониторинг правоприменения по проблемам обеспечения безопасности судей сложно в силу ограничений, устанавливаемых режимами государственной и иной охраняемой законом тайны.

В отличие от проблем обеспечения безопасности судей технология мониторинга правоприменения может быть применена также в отношении деятельности органов судейского сообщества. Например, в соответствии с Федеральным законом от 14 марта 2002 года № 30-ФЗ «Об органах судейского сообщества в Российской Федерации» квалификационные коллегии судей являются органами судейского сообщества. Деятельность органов судейского сообщества осуществляется гласно. Гласность в работе квалификационных коллегий судей выступает мощным инструментом, который содействует решению задач защиты прав и законных интересов судей; участия в кадровом обеспечении судебной деятельности; утверждения авторитета судебной власти.

Информирование о деятельности квалификационных коллегий судей может осуществляться различными субъектами и разными способами. В целях исключения

¹⁰⁹ URL: <http://ssrf.ru/menu/27/?page=2> (дата обращения: 16.10.2013).

¹¹⁰ URL: <http://cdep.ru/index.php?id=59&item=358> (Дата обращения: 04.01.2014).

фактов искажения сведений о деятельности одного из ключевых органов судейского сообщества важно обеспечить бесперебойное, доступное и именно официальное информирование о деятельности квалификационных коллегий судей. В дополнение к традиционным ресурсам хорошие перспективы имеет использование возможностей сети «Интернет».

На основании федеральных законов от 22 декабря 2008 года № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» и от 9 февраля 2009 года № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» в целях создания необходимых организационно-технических условий для реализации прав граждан и организаций на доступ к информации о деятельности Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации через сеть «Интернет» создан интернет-сайт <http://www.vkks.ru/>, являющийся основой для размещения интернет-сайтов квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации. В частности, интернет-сайт Квалификационной коллегии судей Нижегородской области размещен по адресу: <http://www.iz.vkks.ru/>.

Порядок размещения и наполнения информацией интернет-сайтов квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации регулируются Регламентом размещения информации о деятельности судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества, системы Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации в сети «Интернет»¹¹¹ и Рекомендацией Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации по созданию и сопровождению интернет-сайтов квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации¹¹².

Председатель Высшей квалификационной коллегии судей Н.В. Тимошин на семинаре-совещании с председателями квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации в своем выступлении (20 июня 2013 года) отметил ряд, на наш взгляд, важных моментов:

«ВККС с апреля 2006 года стала создавать интернет-портал квалификационных коллегий судей и направила в квалификационные коллегии судей рекомендации по созданию и сопровождению сайтов;

предполагалось, что каждая коллегия назначает из своих рядов ответственного за работу сайта, который будет четко контролировать наполнение сайта, оперативность и обоснованность всей информации на сайте;

у портала есть семилетняя история, осуществлена его структурная и дизайнерская модернизация;

важно, чтобы общество не просто знало, а видело, как и над чем конкретно коллегии работают;

есть основания для публикации решений коллегий без купирования: это развитие принципа гласности, открытости; во-вторых, характер данных сам по себе органично публичный, что обусловлено публичностью самой деятельности судьи; в-третьих, превентивный, профилактический эффект публикаций может возникнуть только в насыщенной конкретными фактами информационной среде, которая позволит читателю или пользователю сайта примерить описанное в решении квалификационной коллегии на себя».

¹¹¹ Утвержден Приказом Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 20 апреля 2009 го-да № 71.

¹¹² URL: <http://vkks.ru/publication/189/> (дата обращения: 16.10.2013).

В настоящее время качество информационного наполнения интернет-сайтов квалификационных коллегий судей субъектов Российской Федерации нельзя признать совершенным. Так, интернет-сайт квалификационной коллегии судей Нижегородской области содержит информацию о вакансиях, о составе коллегии, о документах, необходимых для замещения вакантной должности судьи, и два решения о досрочном прекращении полномочий судьи, остальные разделы не оснащены информацией. Интересно, что информация о результатах рассмотрения коллегией последней повестки размещена в разделе «Решения и заключения ККС» в подразделе «Архив». Ознакомление с интернет-сайтами квалификационных коллегий других субъектов Российской Федерации позволяет сделать вывод о том, что безупречных, образцово-показательных примеров пока нет.

Можно определить несколько путей совершенствования информирования о деятельности квалификационной коллегии судей субъектов Российской Федерации в сети «Интернет»:

1. Из состава коллегии необходимо определить лицо, ответственное за информационное оснащение интернет-сайта. Важно, чтобы данное лицо непосредственно взаимодействовало как с соответствующими специалистами, обеспечивающими техническую поддержку интернет-портала, так и с лицами, обеспечивающими связь со средствами массовой информации в судах и судейском сообществе (Совет судей, экзаменационная комиссия);

2. Коллегии следует утвердить порядок размещения информации на интернет-сайте, в котором определить какую информацию должен содержать каждый из разделов, сроки обновления информации и сроки хранения материалов. Полагаем, что по каждому разделу и подразделу современной структуры интернет-портала квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации можно сформулировать конкретные предложения:

– раздел «Новости» оснащается информацией, актуальной на день размещения, но нужно включать и пресс-релизы о принятых решениях, и интервью лиц, замещающих руководящие должности в судебной системе, и сведения о новеллах законодательстве о статусе судей;

– раздел «Вакансии» должен содержать более полные сведения (помимо подразделов «Формы документов», «Рекомендации по заполнению» и «Архив»), прямо связанные с информацией о вакансиях:

Подраздел	Содержание
Экзаменационная комиссия по приему квалификационного экзамена на должность судьи	Ссылка на интернет-портал экзаменационной комиссии
Резерв кандидатов на должность судьи	Полагаем, что на сайте суда субъекта Российской Федерации должна быть соответствующая интернет-страница, а на сайте ККС – ссылка на нее
Повестка заседания	Вероятно, помимо указания о конкретном заявлении лица можно размещать дополнительные сведения (например, в отношении вакансий на должность судьи: полные ФИО претендентов, возраст, сведения о законченном вузе, занимаемая должность, стаж работы по юридической профессии, оценка на экзамене)

– раздел «Анализ практики» в настоящее время практически не заполняется. Думаем, помимо подраздела «Вопросы-ответы» (в нем должны быть размещены типичные вопросы от граждан в адрес квалификационных коллегий судей и ответы на них), раздел может быть наполнен следующими видами дополнительных сведений:

Подразделы	Содержание
Статистические сведения	Статистические сведения о работе Квалификационной коллегии судей по годам по форме № 1-ККС, утвержденной решением Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 20 сентября 2007 года. Данная информация должна быть представлена по итогам работы за 6, 9 и 12 месяцев
Судебные документы	Решения ВККС, а также постановления президиума суда субъекта Российской Федерации о результатах проверок работы судов субъекта Российской Федерации
Порядок подачи обращения, жалобы на действия (бездействие) судьи	Требования к обращению, адрес, по которому оно может быть направлено, и сроки рассмотрения

– раздел «Публикации» целесообразно пополнять ссылками на статьи, размещенные в СМИ о деятельности квалификационных коллегий судей, иных органов судейского сообщества, и иными материалами (программы, опросы, интервью и пр.), в которых затрагиваются вопросы, отнесенные к компетенции квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации;

– раздел «Состав», считаем, должен содержать более подробные сведения как о порядке избрания членов коллегии, так и составах коллегии: о действовавших ранее и о действующем составе: кроме фамилии, имени и отчества – фото, занимаемая должность, когда и кем избран каждый член;

– раздел «Документы» сейчас формируется без деления на подразделы и содержит только бланки документов (заявления, бланки, анкеты, перечни). Желательно привести бланки заявлений для всех типовых случаев (не только на замещение вакансий, но и на отставку, прекращение отставки и т. п.), а также дать рекомендации по их заполнению и срокам подачи. Вероятно, есть смысл дополнить этот раздел (по образцу заполнения соответствующего раздела на сайте Высшей квалификационной коллегии судей) подразделами:

Подразделы	Содержание
Правовое регулирование	Указать список наименований федеральных конституционных законов, федеральных законов и законов субъекта Российской Федерации, касающихся судебной системы со ссылками на официальные источники их опубликования (размещения)
Документы судейского сообщества	Постановления съездов судей, доклады руководящих лиц о состоянии судебной системы и др.
Перспективы развития судебной системы	Тексты федеральных целевых программ по развитию судебной системы в Российской Федерации

– в разделе «Решения и заключения» девять подразделов по каждому виду принимаемых коллегией решений. Помимо размещения собственно пресс-релизов об общих итогах решений, принятых на заседании коллегии, целесообразно информировать о каждом решении (включая заключения о нерекомендации претендентов на должности судей). Будет правильным признать размещение информации о персональном составе присутствующих на заседании коллегии. Наиболее сложно разрешить вопрос о наполнении подраздела «Архив»: он весьма объемный, трудно поддается систематизации, дублирует иные подразделы – думаем, информацию можно хранить по схеме «месяц-год» в течение срока полномочий каждого состава коллегии;

– ссылка «Контакты» содержит почтовый адрес, телефон, адрес электронной почты. В то же время коллегия имеет факс, и его номер также следует отразить на сайте. Вероятно, следует указать данные ответственного лица за информационное оснащение интернет-сайта и его контактные данные;

– ссылка «Навигация», учитывая, что размещение интернет-страницы квалификационной коллегии судей субъекта Российской Федерации доступно только через сайт Высшей квалификационной коллегии судей, не имеет ссылок на сайты судов и органы судейского сообщества субъекта Российской Федерации. Полагаем, что помимо названных ссылок он должен иметь также ссылки на законодательный (представительный) орган субъекта Российской Федерации и на интернет-сайт Президента РФ, поскольку эти органы разрешают вопрос о назначении на должности судей по существу и поскольку представители этих органов входят в состав коллегии.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95-ФЗ // Российская газета. 2002. 27 июля.
2. Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 5 марта 1992 года № 2447-1 (в ред. от 12 июля 2011 года) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 16, ст. 836.
3. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 2.
4. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 10.
5. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 2.
6. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6.
7. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 4.
8. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6.
9. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 10.
10. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 5.
11. Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2013. № 11.
12. Вестник Конституционного Суда РФ. 2009. № 6.
13. Глазкова М.Е. Органы судебной власти в механизме мониторинга правоприменения и мониторинга процессуальных норм // Журнал российского права. 2012. № 9. С. 97–104.
14. Инструктивные указания Госарбитража СССР от 29 июня 1979 года № И-1-4 «Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники» // Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР. 1983.

15. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 7 июня 1995 года № С1-7/ОЗ-316 «О Федеральном законе “Об информации, информатизации и защите информации”» // Вестник ВАС РФ. 1995. № 9.
16. Конституция Российской Федерации // Российская газета. 2009. 21 января.
17. Лаврентьев А.Р. Из опыта мониторинга правоприменения закона Нижегородской области «О публичных мероприятиях в Нижегородской области» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 2 (26). С. 29–35.
18. Об общем числе мировых судей и количестве судебных участков в субъектах Российской Федерации: федеральный закон от 29 декабря 1999 года № 218-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 1, ч. 1, ст. 1.
19. Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебно-арбитражной практике: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 19 августа 1994 года № С1-7/ОП-587 (в ред. письма от 12 сентября 1996 года) // Вестник ВАС РФ. 1994. № 11.
20. Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по обеспечению в соответствии с законодательством Российской Федерации установленного порядка деятельности судов: приказ Минюста России от 27 декабря 2006 года № 384 // Российская газета. 2007. 25 января.
21. Об утверждении планов мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2011– 2012 годы: распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2011 года № 1471-р // Собрание законодательства РФ. 2011. № 35, ст. 5102.
22. Об утверждении плана мониторинга правоприменения в Российской Федерации на 2015 год: распоряжение Правительства РФ от 28 августа 2014 года № 1658-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 36, ст. 4886.
23. Павлушкин А.В., Глазкова М.Е., Черепанова Е.В. Судебная практика в механизме правового мониторинга // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 57–67.
24. Положение о мониторинге правоприменения в Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года № 657 «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 21, ст. 2930.
25. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 года № 1406 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1, ст. 13.
26. Правила рассмотрения хозяйственных споров государственными арбитражами утверждены Постановлением Государственного арбитража при Совете министров СССР от 30 декабря 1976 года № 136 // Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР. 1977. № 4.
27. Правовая среда. 2005. 26 февраля.
28. Правовая среда. 2006. 18 января.
29. Правовая среда. 2006. 19 апреля.
30. Правовая среда. 2008. 10 января.
31. Правовая среда. 2012. 22 декабря.
32. Правовая среда. 2014. 18 сентября.
33. Приказ МВД России от 21 марта 2007 года № 281 «Об утверждении Административного регламента МВД России по исполнению государственной функции обеспечения в соответствии с законодательством Российской Федерации государственной защиты судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов,

безопасности участников уголовного судопроизводства и их близких» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 47.

34. Российская газета. 1992. 29 июля.

35. Российская газета. 2008. 26 декабря.

36. Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 4.

37. Собрание законодательства РФ. 1995. № 17, ст. 1455.

38. Собрание законодательства РФ. 1996. № 22, ст. 2594.

39. Собрание законодательства РФ. 1996. № 51, ст. 5681.

40. Собрание законодательства РФ. 1997. № 30, ст. 3590.

41. Собрание законодательства РФ. 1998. № 51, ст. 6270.

42. Собрание законодательства РФ. 1999. № 42, ст. 5005.

43. Собрание законодательства РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

44. Собрание законодательства РФ. 2004. № 25, ст. 2485.

45. Собрание законодательства РФ. 2012. № 22, ст. 2921.

46. Собрание законодательства РФ. 2013. № 8, ст. 868.

47. Утверждена Постановлением Правительства РФ от 27 декабря 2012 года № 1406 // Собрание законодательства РФ. 2013. № 1, ст. 13.

48. Утвержден Приказом Судебного Департамента при Верховном Суде РФ от 20 апреля 2009 года. № 71.

49. Федеральный закон от 20 февраля 1995 года № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», но он утратил силу в связи с принятием Федерального закона от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

50. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006. 29 июля.

51. Федеральный закон от 3 декабря 2012 года № 216-ФЗ «О федеральном бюджете на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов» // Российская газета. 2012. 7 декабря.

Kolesnik I.V. Sudebnaja praktika v tehnologii monitoringa pravoprimerenija / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.

© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.

БИБЛИОГРАФИЯ¹²⁰

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Нормативные, правоприменительные, интерпретационные акты

1. иные официально-директивные документы

1. Конституция Российской Федерации : официальный текст // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 года № 95 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
3. Водный кодекс Российской Федерации от 3 июня 2006 года № 74 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 23. – Ст. 2381.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 года № 51 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. - 32. – Ст. 3301.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 года № 14 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 5. – Ст. 410.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 года № 146 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – 49. – Ст. 4552.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 года № 230 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52. – Ст. 5496.
8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 года № 138 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25 октября 2001 года № 136 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4147.

¹²⁰ Статья представлена магистром социальной работы Т.М. Хусяиновым (Нижний Новгород, Россия). Научный руководитель: Доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ Н.А. Власенко. Оппоненты: Заведующий кафедрой теории и истории государства и права, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ В.Н. Карташов (Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова); директор института, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Р.А. Ромашов (Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказания); заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, доктор юридических наук, доцент М.Л. Давыдова (Волгоградский государственный университет). Ведущая организация: Саратовская государственная юридическая академия.

10. Лесной кодекс Российской Федерации от 4 декабря 2006 года № 200 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 50. – Ст. 5278.
11. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 года № 146 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – 31. – Ст. 3824.
12. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 5 августа 2000 года № 117 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2000. – 32. – Ст. 3340.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 года № 64 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – 52 (Ч. I). – Ст. 4921.
15. О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 21 июня 1994 года № 1 // Российская газета. – 2014. – 10 апреля.
16. Об арбитражных судах в Российской Федерации : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 28 апреля 1995 года № 1 // Российская газета. – 1995. – 16 мая.
17. О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 31 декабря 1996 года № 1 // Российская газета. – 1997. – 6 января.
18. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 1 // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.
19. О военных судах Российской Федерации : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 23 июня 1999 года № 1 // Российская газета. – 1999. – 29 июня.
20. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О военных судах Российской Федерации» : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 года № 2 // Российская газета. – 2011. – 11 февраля.
21. О Дисциплинарном судебном присутствии : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 9 ноября 2009 года № 4 // Российская газета. – 2009. – 11 ноября.
22. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статьи 4 и 15 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации» : федеральный конституционный закон Российской Федерации от 9 ноября 2009 года № 5 // Российская газета. – 2009. – 11 ноября.
23. Федеральный конституционный закон Российской Федерации «О государственном гербе Российской Федерации» от 25 декабря 2000 года № 2 // Российская газета. – 2000. – 27 декабря.
24. О судебном департаменте при Верховном Суде Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 8 января 1998 года № 7 // <http://www.legis.ru/misc/doc/859/>
25. Об акционерных обществах : федеральный закон Российской Федерации от 26 декабря 1995 года № 208 // Российская газета. – 1995. – 29 декабря.

26. Об органах судейского сообщества в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 14 марта 2002 года № 30 // Российская газета. – 2002. – 19 марта.

27. Об увеличении штатной численности судей и работников аппаратов арбитражных судов в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 мая 2001 года № 61 // Российская газета. – 2001. – 31 мая.

28. О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 года № 113 // Российская газета. – 2004. – 25 августа.

29. О внесении изменений в Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» : федеральный закон Российской Федерации от 27 декабря 2009 года № 350 // Российская газета. – 2009. – 29 декабря.

30. О несостоятельности, банкротстве : федеральный закон Российской Федерации от 26 октября 2002 года № 127 // Российская газета. – 2002. – 2 ноября.

31. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 12 июня 2002 года № 67 // Российская газета. – 2002. – 15 июня.

32. О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» : федеральный закон Российской Федерации от 8 марта 2011 года № 34 // Российская газета. – 2011. – 11 марта.

33. Об электронной цифровой подписи : федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 года № 1 // Российская газета. – 2002. – 12 января.

34. Об электронной подписи : федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 года № 63 // Российская газета. – 2011. – 8 апреля.

35. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон Российской Федерации от 27 июля 2006 года № 149 // Российская газета. – 2006. – 29 июля.

36. Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 22 декабря 2008 года № 262 // Российская газета. – 2008. – 26 декабря.

37. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов : федеральный закон Российской Федерации от 17 июля 2009 года № 172 // Российская газета. – 2009. – 22 июля.

38. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием законодательства о дисциплинарной ответственности судей : федеральный закон Российской Федерации от 9 ноября 2009 года № 246 // Российская газета. – 2009. – 11 ноября.

39. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам осуществления государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: федеральный закон Российской Федерации от 18 июля 2011 года № 242 // Российская газета. – 2011. – 25 июля.

40. О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: федеральный закон Российской Федерации от 30 апреля 2010 года № 68 // Российская газета. 2010. – 4 мая.

41. Об охране окружающей среды : федеральный закон Российской Федерации от 10 января 2002 года № 7 // Российская газета. – 2002. – 12 января.

42. О качестве и безопасности пищевых продуктов : федеральный закон Российской Федерации от 20 января 2000 года № 29 // Российская газета. – 2000. – 10 января.

43. О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов: федеральный закон Российской Федерации от 20 декабря 2004 года № 166 // Российская газета. – 2004. – 23 декабря.

44. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 года № 172 // Российская газета. – 2014. – 3 июля.

45. Об утверждении Устава федерального бюджетного учреждения «Научный центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации»: приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 22 августа 2014 года № 176 // Российская газета. – 2014. – 1 октября.

46. О типовых правилах доверительного управления открытым паевым инвестиционным фондом : постановление Правительства Российской Федерации от 27 августа 2002 года № 633 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 35. – Ст. 3385.

47. По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2006 года № 3 // Российская газета. – 2006. – 12 апреля.

48. Об утверждении регламента арбитражных судов : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 5 июня 1996 года // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 1996. – 11.

49. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 года № 63 // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 3.

50. О применении положений Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации при пересмотре судебных актов по новым или вновь открывшимся обстоятельствам : постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30 июня 2011 года № 52 // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2011. – № 9.

51. Об утверждении требований к порядку проведения оценки регулирующего воздействия проектов муниципальных нормативных правовых актов и порядку проведения экспертизы муниципальных нормативных правовых актов в Нижегородской области :

постановление правительства Нижегородской области от 16 октября 2014 года № 703 // Нижегородские новости. – 2014. – 23 октября.

52. Информационное письмо Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 13 августа 2004 года № 82 // Вестник Высшего Арбитражного суда Российской Федерации. – 2004. – № 10.

53. Информационно-методическое письмо Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30 января 1997 года № 5 // Вестник образования. – 1997. – № 8.

54. О принятии и введении в действие государственного стандарта Российской Федерации : постановление Государственного комитета Российской Федерации по стандартизации и метрологии от 3 марта 2003 года № 65 // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44595/

55. Об объявлении решения коллегии Министерства юстиции Российской Федерации по вопросу «О состоянии законопроектной работы в Минюсте России и мерах по ее совершенствованию» : приказ Минюста Российской Федерации от 18 января 2006 года № 6 // Здравоохранение. – 2006. – № 8.

56. О Научно-консультативном совете по законопроектной деятельности при Министерстве юстиции Российской Федерации : приказ Минюста Российской Федерации от 19 января 2006 года № 7. URL: <http://russia.bestpravo.ru/fed2006/data07/tex23677.htm>

57. Об утверждении разъяснений о применении правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации : приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 4 мая 2007 года № 88 // Российская газета. – 2007. – 24 мая.

58. Об использовании в качестве доказательств по арбитражным делам документов, подготовленных с помощью электронно-вычислительной техники : инструктивные указания Государственного арбитража СССР от 29 июня 1979 года № И-1-4 // Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража СССР. – 1983.

59. Об отдельных рекомендациях, принятых на совещаниях по судебной арбитражной практике : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 19 августа 1994 года № С1-7/ОП-587 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 11.

60. О Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» : информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 7 июня 1995 года № С1-7/ОЗ-316 // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 1995. – № 9.

61. Инструкция по оформлению проектов нормативных правовых актов, подготавливаемых Судебным Департаментом для предоставления в органы государственной власти. Утверждена приказом Судебного Департамента от 19 января 1999 года № 144. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27835/

62. Методические рекомендации по юридико-техническому оформлению законопроектов : письмо Аппарата Государственной Думы Российской Федерации от 18 ноября 2003 года № вн2-18/490) // <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/rekomend/>

63. О методических правилах по подготовке проектов законов города Москвы: указ Мэра г. Москвы от 13 февраля 2006 года № 11-УМ. url: <http://www.referent.ru/3/47164>

64. Отраслевая система стандартизации ОСТ 45.180-2000 «Сокращения в нормативных документах отрасли» : письмо Минсвязи РФ от 22 декабря 2000 года № 8175.
URL: <http://www.google.ru/url?q=http://base.garant.ru/6199964/&sa=U&ei=NAJaU8qsO8Sa4wSpoBQ&ved=0CCMQFjAB&usg=AFQjCNEmrFY96qdeO25MQBp ts-3yUT62g>
65. О перечне полных и сокращенных наименований федеральных органов исполнительной власти : распоряжение Администрации Президента Российской Федерации и Аппарата Правительства Российской Федерации от 6 августа 2004 года № 1363/1001 // <http://www.garant.ru/hotlaw/federal/107252/>
66. Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов в ГУ МВД России по Московской области : приказ ГУВД Московской области от 22 октября 2003 года № 470 // [http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi? req=doc; base=MOB;n=142071](http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=MOB;n=142071)
67. О перечне полных и сокращенных наименований федеральных органов исполнительной власти : распоряжение Администрации Президента Российской Федерации № 1363 и Аппарата Правительства Российской Федерации № 1001 от 6 августа 2004 года // Российская газета. – 2004. – 11 августа.
68. О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2011 годы» : постановление Правительства Российской Федерации от 21 сентября 2006 года № 583 // Российская газета. – 2006. – 1 ноября.

Книги

69. Абова Т. Е. Арбитражное судопроизводство // Судебная власть / под ред. И. Л. Петрухина. – М., 2003. – С. 682–703.
70. Аверьянова Т. В. Курс общей теории. – М. : Норма, 2006. – 480 с.
71. Акопов Э. Л., Бадасова А.А. Арбитражная юстиция (общие вопросы организации): монография. – Ростов н/Д : Изд-во СКАГС, 2007.
72. Алексеев П. В., Панин А.В. Философия; МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 1998. – 563 с.
73. Алексеев С. С. Государство и право: начальный курс. – 2-е изд. – М. : Юридическая литература, 1996. – 196 с.
74. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. В 2 т. – М.: Юридическая литература, 1981. – Т. 1. – 360 с.
75. Алексеев, С. С. Общая теория права / С. С. Алексеев. – М. : Юридическая литература, 1982. – Т. 2. – 360 с.
76. Алексеев, С. С. Право : азбука – теория – философия : опыт комплексного исследования / С. С. Алексеев. – М. : Статут, 1999. – 712 с.
77. Алексеев, С. С. Проблемы теории права : курс лекций в 2-х томах / С. С. Алексеев. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1973. – Т. 2 : Нормативные юридические акты применения права. Юридическая наука (правоведение). – 401 с.
78. Алексеев С.С. Теория права. – 2-е изд. – М. : БЕК, 1995. – 320 с.
79. Амосов С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. – М.: Городец, 2009. – 494 с.
80. Аннерс Э. История европейского права. – М.: Наука, 1994. – 398 с.

81. *Антоненко Т. А.* Словесность в юриспруденции: курс лекций . – Ростов-на-Дону, 1999. – 197 с.
82. *Арзамасов Ю.Г., Наконечный Я.Е.* Мониторинг в правотворчестве : теория и методология. – М. : Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2009. – 196 с.
83. *Асов А. И.* Мифы и легенды древних славян. – М. : Наука религия, 1998. – 320 с.
84. *Бабаев В. К., Баранов В.М.* Общая теория права : краткая энциклопедия. – Н. Новгород : НЮИ МВД РФ, 1997. – 143 с.
85. *Бабаев В.К.* Советское право как логическая система. - М. : РИО Академии МВД СССР, 1978. – 212 с.
86. *Бабаев В. К.* Теория современного советского права : фрагменты лекций схемы. – Н. Новгород : Изд-во НВШ МВД РСФСР, 1991. – 156 с.
87. *Байтин М.И.* Сущность права : (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. – М. : Право и государство, 2005. – 544 с.
88. *Балыхина Т.М., Лысякова М.В., Рыбаков М.А.* Учимся общению : учебный курс русского языка и культуры речи для учащихся высших учебных заведений России. – М. : Изд-во РУДН, 2004. – 488 с.
89. *Баранов А.М.* Процессуальные ошибки, совершаемые на этапе окончания предварительного следствия, и способы их исправления. – Омск : ОиЮИ, 1996. – 43 с.
90. *Баранов В. М.* Законодательная дефиниция как общеправовой феномен // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. – Н. Новгород, 2007. – С. 24–66.
91. *Баранов В. М.* Истинность норм советского права. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. – 400 с.
92. *Баранов В.М., Поленина С.В.* Система права, система законодательства и правовая система. – Н. Новгород : Нижегородский юридический институт МВД РФ, 1999. – 46 с.
93. *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях : пер. с итал.. – М. : Стелс, 1995. – 304 с.
94. *Белановский С.А.* Глубокое интервью. – М.: Никколо-Медиа, 2001. – 280 с.
95. *Белановский С. А.* Метод фокус-групп : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Никколо-Медиа, 2001. – 278 с.
96. *Белановский С. А.* Методика и техника фокусированного интервью. – М. : Наука, 1993. – 349 с.
97. *Беляев Н. А., Керимов Д.А., Пашков А.С.* О методологии юридической науки // Методологические вопросы общих наук. – Л., 1968. – С. 125–153.
98. *Бентам И.* Избранные сочинения; пер. по англ. изданию Боуринга и франц. Дюпона А. Н. Пыпина и А. Н. Неведомского. – СПб.: Русская книжная торговля, 1867. – Т. 1 : Введение в основание нравственности и законодательства. Основные начала гражданского кодекса. Основные начала уголовного кодекса. – 678 с.
99. *Бентам И.* Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении (с предварительным изложением начал Законоположения и всеобщего начертания полной Книги Законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно

законов). – Т. 1. Сочинения английского юрисконсульта Иеремии Бентама. – СПб. : Типография Шнора, 1805. – 532 с.

100. *Бентам И.* Тактика законодательных собраний. Политические опыты. – СПб. : Л. А. Велихов, 1907. – 186 с.

101. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. – М. : Норма, 1998. – 624 с.

102. *Берман Г. Дж.* Интегрированная юриспруденция // Берман Г. Дж. Вера и закон: примирение права и религии : сборник статей. – М., 1999. – С. 341–363.

103. *Благов Е. В.* Учение о применении уголовного права. – Ярославль : Ярославский государственный ун-т, 1993. – 69 с.

104. *Бобров В. В., Черненко А.К.* Правовая технология / отв. ред. В. С. Курчеев. – Новосибирск : Изд-во Сибирского отделения РАН, 2010. – 381 с.

105. *Богишич В. В.* О технических терминах в законодательстве. – СПб. : Изд. Русско-Славянского книжного магазина, 1890. – 36 с.

106. *Бойко Л. М.* Совершенствование законодательной техники в условиях ускорения социально-экономического развития советского общества. – Ташкент : Фан, 1988. – 96 с.

107. *Болдырев С. Н.* Юридическая техника и судебная власть: концептуальный анализ. – М. : Вузовская книга, 2010. – 159 с.

108. *Болдырев С. Н.* Юридическая техника: конфликтологический концепт. – М. : Вузовская книга, 2010. – 124 с.

109. *Боннер А. Т.* Применение нормативных актов в гражданском процессе. – М. : Юридическая литература, 1980. – 159 с.

110. *Боруленков Ю. П.* Юридическое познание (некоторые методологические, теоретические и праксеологические аспекты) / под науч. ред. В. Н. Карташова. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 392 с.

111. *Брандес М. П.* Стилистика текста : теоретический курс. – М.: ИНФРА-М, 2004. – 413 с.

112. *Брауде И. Л.* Очерки законодательной техники / И. Л. Брауде. – М.: Госиздат, 1958. – 105 с.

113. *Будкевич Ф. П.* Законодательная ошибка и ее следствия. – Варшава, 1908. – 16 с.

114. *Бэкон Ф.* Сочинения. В 2 т. Т. 2 / Фрэнсис Бэкон. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Мысль, 1978. – 574 с.

115. В защиту общественных интересов: руководство для юристов и правозащитников / под ред. Эдвина Рекоша и др. – М. : Юристъ, 2004. – 505 с.

116. *Валадес, Д.* Язык права и право языка / Д. Валадес. – М. : Идея-Пресс, 2011. – 160 с.

117. *Ванеева, Л. А.* Судебное познание в советском гражданском процессе: учебное пособие / Л. А. Ванеева ; под ред. Н. А. Чечиной. – Владивосток : Изд-во Дальневосточного ун-та, 1972. – 133 с.

118. *Васьковский, Е. В.* Руководство к толкованию и применению законов. Для начинающих юристов / Е. В. Васьковский. – М. : Братья Башмаковы, 1913. – 152 с.

119. *Васьковский Е. В.* Учение о толковании и применении гражданских законов. Цивилистическая методология. Ч. 1. – Одесса : Экономическая, 1901. – Т. XXII – 376 с.

120. Венгеров А. Б. Теория государства и права . – 5-е изд., стереотип. – М. : Изд-во Омега-Л, 2008. – 607 с.
121. Вершков А.В. Технологическая и тектологическая практика. – Красноярск : Сибирский государственный аэрокосмический университет, 2007. – 192 с.
122. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – М. : Территория будущего, 2005. – 797 с.
123. Власенко Н. А. Законодательная технология. (Теория. Опыт. Правила): учебное пособие. – Иркутск : Восточно-Сибирская издательская компания, 2001. – 142 с.
124. Власенко Н. А. Основы законодательной техники: практическое руководство. – Иркутск : Восточно-Сибирское кн. изд-во, 1995. – 54 с.
125. Власенко Н.А. Язык права. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1997. – 173 с.
126. Вопленко Н.Н. Официальное толкование норм права. – М. : Юридическая литература, 1976. – 118 с.
127. Вопленко Н.Н., Рожнов А.П. Правоприменительная практика : понятие, основные черты и функции : монография. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2004. – 205 с.
128. Вопленко Н.Н. Реализация права. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2001. – 48 с.
129. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права / под ред. М. И. Байтина. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. – 184 с.
130. Воскресенский К. А. Проблемы юридической техники уголовного законодательства России: монография . – СПб.: Алеф-Пресс, 2013. – 195 с.
131. Всемирная энциклопедия : философия / гл. ред., сост. А. А. Грицанов; науч. ред. М. А. Можейко, Т. Г. Румянцева. – М.; Минск: АСТ: Харвест : Современный литератор, 2001. – 1312 с.
132. Вышинский, А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права. Материалы первого совещания научных работников права / А. Я. Вышинский. – М. : Юриздат, 1938. – 192 с.
133. Гилязов Ф. Г. Природа ошибки и проблемы ее квалификации в уголовном праве. – Уфа : Изд-во БГУ, 1997. – 80 с.
134. Гойман В. И. Действие права (методологический анализ). – М. : Академия МВД РФ, 1992. – 180 с.
135. Головкин Р.Б., Краснов А.М. Технология регулирования общественных отношений: правовое противодействие. – М.: Центр современных образовательных технологий, 2012. – 180 с.
136. Головкин, Р. Б. Технология регулирования общественных отношений: факторы действия права. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2013. – 224 с.
137. Горшенев В. М. Некоторые методологические проблемы теории юридического процесса // Юридические гарантии применения права режим социалистической законности в СССР. – Ярославль, 1977. – С. 7–34.
138. Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. – Ярославль, 1979. – Вып. 1. – С. 3–10.
139. Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Процессуальная форма и ее социально-юридические возможности в социалистическом обществе // Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. – М., 1976. – С. 7–53.

140. Горшенев В.М. Способы и организационные формы правового регулирования в социалистическом обществе. – М. : Юридическая литература, 1972. – 256 с.
141. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика: учебник для педагогических университетов и гуманитарных вузов / А. И. Горшков. – Москва: АСТ: Астрель, 2006. – 366 с.
142. Гражданский процесс / под ред. В. А. Мусина, М. А. Чечиной, Д. М. Чечота. – 2-е изд. – М. : НОРМА, 1998. – 480 с.
143. Гражданское процессуальное право / под ред. М. С. Шакарян. – М.: Юрист, 2004. – 582 с.
144. Гремяченский, Д. Г. Как составляются законы? – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Труд и Воля, 1917. – 32 с.
145. Григорьев, Н. В. Следственные ошибки и причины их возникновения: лекция / Н. В. Григорьев, А. А. Плотников. – Хабаровск, 1990. – 22 с.
146. Григорьев Ф. А. Акты применения права: учебное пособие . – Саратов: СВШ МВД РФ, 1995. – 65 с.
147. Громина О.И., Фарой Т.В. Теоретические аспекты обычного права // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: материалы межвузовской научно-теоретической конференции. – СПб.: Питер, 2003.
148. Грязин И.Н. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. – Таллин : Ээсти раамат, 1983. – 187 с.
149. Губаева Т.В. Практический курс русского языка для юристов: учебное пособие. – 2-е изд., перераб. и доп. – Казань : Изд-во КГУ, 1990. – 216 с.
150. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции: учебник / под ред. В. П. Малкова. – Казань : КГУ, 1995. – 300 с.
151. Губаева Т. В. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности. – М. : Норма, 2007. – 158 с.
152. Гуляев А.М. Русское гражданское право: обзор действующего законодательства, кассационной практики...: пособие к лекциям. – СПб. : типография М. М. Стасюевича, 1913. – 638 с.
153. Гусева А.В., Рассецкая Т.А. Криминалистика : учебное пособие для средних специальных учебных заведений. – М.: Приор, 2005. – 238 с.
154. Давид Р. Основные правовые системы современности: пер. с франц. – М. : Прогресс, 1988. – 496 с.
155. Давыдова М.Л. Юридическая техника (общая часть) : учебное пособие. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 292 с.
156. Давыдова М. Л. Юридическая техника: проблемы теории и методологии: монография. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2009. – 318 с.
157. Даниленков, А. В. Интернет-право. – М. : Юстицинформ, 2014. – 231 с.
158. Демушкин А. С. Документы и тайна: Государственная. Личная (персонал, данные). Почтово-телеграфных отправок. Религиозная. Следствия и судопроизводства. Свидетельская. Безопасности участников правосудия. Адвокатская. Служебная. Аудиторская и др. – М. : Городец, 2003. – 396 с.
159. Денисов С. А. Типичные приемы законодательной техники, используемые в интересах групп управленцев // Законотворческая техника современной России: состояние,

проблемы, совершенствование : сборник статей: в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 254–268.

160. Дигесты Юстиниана = *Digesta Iustiniani*. Т. 1. Кн. 1–4 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М. : Статут, 2002. – 583 с.

161. Дмитриева А. В., Титаев К., Четверикова И. Исследование работы российских арбитражных судов методами статистического анализа. – СПб.: ИПП, 2012. – 108 с.

162. Доктринальные основы юридической техники = *Doctrinal foundations of juridical technique* / Н. А. Власенко и др.; отв. ред. Н. А. Власенко. – М. : Юриспруденция, 2010. – 365 с.

163. Дудко И. Г. Правовые понятия в законодательстве субъектов Российской Федерации // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 238–246.

164. Дюрягин И. Я. Право и управление. – М. : Юридическая литература, 1981. – 168 с.

165. Дюрягин, И. Я. Применение норм советского права : теоретические вопросы. – Свердловск: Сред.-Уральск. кн. изд-во, 1973. – 247 с.

166. Екатерина II. О величии России / Императрица Екатерина II; сост. И. Я. Лосиевский. – М. : Эксмо, 2003. – 829 с.

167. Ершов В.В. Судебное правоприменение: теоретические и практические проблемы / В. В. Ершов. – М. : РПА Минюста России, 1991. – 97 с.

168. Жинкин С. А. Законодательная техника в региональном правотворчестве: монография. – Краснодар, 2001. – 105 с.

169. Зайцев И.М. Устранение судебных ошибок в гражданском процессе. – Саратов : Изд-во Саратовского университета, 1985. – 135 с.

170. Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Спарк, 1998. – 283 с.

171. Законодательная техника / под ред. Д. А. Керимова. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1965. – 143 с.

172. Законодательная техника : научно-практическое пособие / Л. Ф. Апт и др. ; под ред. Ю. А. Тихомирова. – М. : Городец, 2000. – 272 с.

173. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – 542 с.

174. Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование. – Н. Новгород, 2001. – Т. 2.– 541 с.

175. Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. – М. : Формула права, 2000. – 604 с.

176. Зигель Ф. Ф. Право и прогресс. – Варшава : Типография Варшавского Учебного Округа, 1913. – 7 с.

177. Зражевская Т.Д. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики в субъектах Российской Федерации: опыт и пути совершенствования : выступление на Межрегиональном научно-практическом семинаре // Сборник материалов конференции. – М. : Эксмо, 2008.

178. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. – М.: Бек, 1997. – 333 с.

179. Ивакина Н.Н. Профессиональная речь юриста. – М.: Норма, 2008. – 448 с.

180. Иванчин А.В. Внутренняя и внешняя законодательная техника в структуре уголовного правотворчества. – Рязань : Концепция, 2014. – 183 с.
181. Ивлев Ю.В. Логика для юристов : учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Юриспруденция». – 4-е изд. – М. : Дело, 2005. – 263 с.
182. Иеринг Р. Борьба за право / Рудольф фон Иеринг. – СПб.: Вестник знания, 1912. – 71 с.
183. Иеринг Р. Дух римского права по различным ступеням его развития : перевод с 3-го исправленного немецкого издания. Ч. 1. – СПб.: Типография В. Безобразова и К°, 1875. – 309 с.
184. Иеринг Р. Цель в праве. – СПб.: Н. В. Муравьев, 1881. – Т. 1 – 412 с.
185. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типография А. Г. Розина (А. Е. Ландау), 1905. – 106 с.
186. Ильин И.А. О сущности правосознания. Сочинения в 10 т. – М. : Наука, 1994. – Т. 4. – 610 с.
187. Информационные технологии в юридической деятельности: учебное пособие для вузов (О.Э. Згадзай и др.). – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 335 с.
188. Иоффе О.С. Вопросы кодификации общей части советского гражданского права / О. С. Иоффе // Вопросы кодификации советского права / отв. ред. Д. А. Керимов. – Л., 1957. – Вып. 1. – С. 30–47.
189. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования // Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. – М., 1987. – С. 258–266.
190. Исаков В.Б. Подготовка законов. Рекомендации по разработке, оформлению и внесению законопроектов / В.Б. Исаков. – М.: Торгово-промышленная палата Российской Федерации, 2002. – 60 с.
191. Исаков В.Б. Современные информационные технологии в законотворчестве // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование: сборник статей : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 31–46.
192. История европейского права / Э. Аннерс ; пер. со швед. Р. Л. Валинский и др. – М. : Наука, 1999. – 395 с.
193. Источники права и источники познания права: теоретические, методологические и методические проблемы исследования : материалы круглого стола (21–22 июня 2013 года) / отв. ред. С. В. Кодан. – Екатеринбург: Российский гуманитарный научный фонд, Уральская государственная юридическая академия, 2013. – 282 с.
194. Казаков Г.Н. Формы реализации права, механизм их применения. – Калуга, 2011. – 211 с.
195. Калина В.Ф. Юридическая техника : учебник для прикладного бакалавриата. – М. : Издательство Юрайт, 2014. – 291 с.
196. Калмыков Ю. Х. Вопросы применения гражданско-правовых норм. – Саратов : Изд-во Саратовского государственного ун-та, 1976. – 267 с.
197. Карташов В.Н. Применение права : учебное пособие. – Ярославль : ЯрГУ, 1980. – 74 с.
198. Карташов В.Н. Юридическая деятельность: понятие, структура, ценность. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1989. – 218 с.

199. Карташов В.Н. Профессиональная юридическая деятельность (вопросы теории и практики). – Ярославль : Исследовательский центр проблем качества подготовки Араке, 1992. – 88 с.
200. Карташов, В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества : текст лекций / В. Н. Карташов. – Ч. 2 : Правотворческая практика, система и структура права – Ярославль : ЯрГУ, 1996. – 99 с.
201. Карташов, В. Н. Введение в общую теорию правовой системы общества. Ч. 5 : Правосистематизирующая практика: текст лекций / В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 1999. – 225 с.
202. Карташов В.Н. Теория правовой системы общества. В 2 т. / В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2005. – Т. 1 – 547 с.
203. Карташов В.Н., Бахвалов С.В. Правотворческая практика субъектов Российской Федерации (некоторые проблемы законодательной технологии) : учебное пособие. – Ярославль: ЯрГУ, 2007. – 240 с.
204. Карташов В. Н., Бахвалов С.В. Законодательная технология субъектов Российской Федерации : монография. – Ярославль : ЯрГУ, 2010. – 368 с.
205. Катков, В. Д. *Jurisprudentiae novum organon* (Реформированная общим языковедением логика и юриспруденция). Т. 1 : Цивилистика. – Одесса : Техник, 1913. – 509 с.
206. Катков, В. Д. Кое-что о критике юриспруденции. – Одесса : Техник, 1909. – 68 с.
207. Кашанина Т. В. Юридическая техника / Т. В. Кашанина. – М. : Эксмо, 2007. – 510 с.
208. Кашанина Т. В. Юридическая техника : учебник для вузов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. – 496 с.
209. Кашанина Т. В. Юридическая техника в сфере частного права. Корпоративное и договорное нормотворчество : учебное пособие для студентов вузов. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 288 с.
210. Керимов, Д. А. Законодательная техника : научно-методическое и учебное пособие. – М. : Норма : ИНФРА-М, 1998. – 121 с.
211. Керимов Д. А. Кодификация и законодательная техника. – М. : Госюриздат, 1962. – 104 с.
212. Керимов Д. А. Культура и техника законотворчества. – М. : Юридическая литература, 1991. – 160 с.
213. Клеандров М. И. Экономическое правосудие в России : прошлое, настоящее, будущее. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 580 с.
214. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 1–4. – М. : Московская Синодальная типография, 1906–1915. – Ч. 4. – 326 с.
215. Княгинин К. Н. Охранительные правоприменительные акты : вопросы теории и технологии. – Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1991. – 105 с.
216. Козлов Ю. М. Управление народным хозяйством в СССР. В 2 ч. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – Ч. 2 : Система управления народным хозяйством. – 167 с.
217. Колесов В. В. Основания науки. – СПб. : Нестор–История, 2013. – 196 с.
218. Корж П. А. Юридическая техника : учебное пособие; Западно-Уральский институт экономики и права. – Пермь, 2014. – 93 с.

219. Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. – 5-е изд., испр. и доп. – СПб. : Н. К. Мартынов, 1898. – 354 с.
220. Костюнина О.В. Юридическая техника: учебное пособие. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного университета, 2013. – 135 с.
221. Красавчиков О. А. Советская наука гражданского права: (понятие, предмет, состав и система) : ученые труды / О. А. Красавчиков. – Свердловск: Свердловский юридический ин-т, 1961. – 380 с.
222. Краткая философская энциклопедия. – М. : Прогресс, 1994. – 574 с.
223. Криминалистика / Т. В. Аверьянова и др. – 3-е изд., доп. и перераб. – М. : Норма, 2008. – 928 с.
224. Криминалистика: учебник / А. К. Звирбуль и др. ; под ред. И. Ф. Пантелеева, Н. А. Селиванова. – М. : Юридическая литература, 1984. – 543 с.
225. Кролик, А. А. Идеи законодательного творчества и закономерного развития права в новейшей юриспруденции / А. А. Кролик. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1913. – 107 с.
226. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов : ок. 25 000 слов и словосочетаний. – М. : Русский язык, 1998. – 846 с.
227. Кучер А. Н. Теория и практика преддоговорного этапа : юридический аспект. – М. : Статут, 2005. – 361 с.
- 228.
229. Лазарев В.В. Применение советского права; науч. ред. Б. С. Волков. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1972. – 200 с.
230. Лазарев В. В. Теория государства и права : учебник / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – М. : Спарк, 1998. – 448 с.
231. Лазарев, В. В. Эффективность правоприменительных актов / В. В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1975. – 206 с.
232. Лазарев, В. В. Эффективность правоприменительных актов: вопросы теории / В. В. Лазарев. – Казань : Изд-во Казанского ун-та, 1995. – 207 с.
233. Ланг П. П. Особое производство в арбитражном процессе : теоретические и практические аспекты : монография. – Самара : Самарский институт бизнеса и управления, 2014. – 190 с.
234. Ланге Н. Исследование об уголовном праве Русской Правды. – СПб., 1860. – 290 с.
235. Ларин М. В., Сокова А.Н. Оформление служебных документов : рекомендации на основе ГОСТ Р 6.30-2003. – 2-е изд. – М.: МЦФЭР, 2006 [то есть 2005]. – 111 с.
236. Ларичев, В. Д. Налоговые преступления и правонарушения. Кто и как их выявляет и предупреждает / В. Д. Ларичев, Н. С. Решетняк ; под ред. В. Д. Ларичева. – М. : ЮрИнфоР, 1998. – 202 с.
237. Латинско-русский словарь : ок. 50000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.
238. Ленк Х. Размышления о современной технике; пер. с нем. под ред. В. С. Степина. – М. : Аспект-пресс, 1996. – 181 с.
239. Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. – Красноярск : Изд-во Красноярского ун-та, 1987. – 146 с.

240. Лукич Р. Методология права; пер. с сербскохорв. В. М. Кулистикова. – М. : Прогресс, 1981. – 304 с.
241. Lupinskaya P. A. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и форма. – М. : Юридическая литература, 1976. – 167 с.
242. Лучин, В. О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. – М.: Юридическая литература, 1976. – 168 с.
243. Лызлов Д. Н., Картухин В.Ю. Юридическая техника: учебное пособие. – М. : Ось-89, 2009. – 176 с.
244. Любимов А. Л. Профессиональный лоббизм : технологии лоббирования / А. П. Любимов. – М. : Государственная Дума, 1998. – 199 с.
245. Майданов, А. С. Методология научного творчества / А. С. Майданов. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 512 с.
246. Маликов М. К. Гносеологические основы реализации права : учебное пособие. – Уфа : Башкирский ун-т, 1998. – 299 с.
247. Маликов М. К. Проблемы реализации права. – Иркутск : Изд-во Иркутского государственного ун-та, 1988. – 144 с.
248. Малышев К. Курс общего гражданского права России. – СПб.: типография М. Стасюлевича, 1878. – Т. 1. Сочинения Кронида Малышева. – 356 с.
249. Малько А. В. Проблемы правовых средств // Проблемы теории государства и права / под ред. М. Н. Марченко. – М., 2007. – 273 с.
250. Мальцев Г. В. Понимание права. Подходы и проблемы / Г. В. Мальцев. – М. : Прометей, 1999. – 419 с.
251. Маркаров А.Н. Язык как объект конституционно-правовой охраны и защиты. – М. : Буки Веди, 2014. – 125 с.
252. Марков Е. В. Государственный контроль. / Е. В. Марков. – М. : Известия, 2004. – 402 с.
253. Марков М. Технология и эффективность социального управления : пер. с болг. / под ред. и с предисл. Т. В. Керимовой. – М. : Про-гресс, 1982. – 267 с.
254. Маркова-Мурашова С. А. Правовая система и типология правопонимания : историко-теоретический и сравнительно-правовой анализ. – Краснодар: Кубанский государственный ун-т, 2005. – 312 с.
255. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: социалистическое право. – М. : Юридическая литература, 1973. – 647 с.
256. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права. В 2 т. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2007. – Т. 2 : Право : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». – 643 с.
257. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права. В 2 т.. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2007. – Т. 1: Госу-дарство: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». – 743 с.
258. Марченко М. Н. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2006. – 637 с.
259. Марченко Н. М. Теория государства и права : учебное пособие / М. Н. Марченко. – 2-е изд., доп. – М. : Норма, 2009. – 383 с.

260. Миняшева Г. И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов. – Уфа : УЮИ МВД России, 2012. – 116 с.
261. Мифы древних славян. Велесова книга / А. С. Кайсаров, Г. А. Глинка, Б. А. Рыбаков ; сост. А. И. Баженова, В. И. Вардугин; предисл. А. И. Баженовой. – Саратов : Надежда, 1993. – 318 с.
262. Монтескье Ш. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д. / Ш. Монтескье ; пер. с фр. под ред. А. Г. Горнфельда, со вступительной статьей «Дух законов» М. М. Ковалевского. – СПб. : Л. Ф. Пантелеев, 1900. – 706 с.
263. Морозова И. Б. Арбитражный процесс / И. Б. Морозова. – СПб. : Питер, 2009.
264. Муромцев Г. И. Проблемы юридической техники: спецкурс // Юридический факультет Российского университета дружбы народов // <http://web-local.ruch.ru>.
265. Муромцев С. А. О консерватизме римской юриспруденции / опыт по истории римского права Сергея Муромцева. – М. : типография А. И. Мамонтова и К°, 1885. – 189 с.
266. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с рум. И. Фодора. – М. : Прогресс, 1974. – 256 с.
267. Недбайло П. Е. Применение советских правовых норм / П. Е. Недбайло. – М. : Госюриздат, 1960. – 511 с.
268. Нерсесянц В. С. Общая теория права и государства: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. – 547 с.
269. Нерсесянц В. С. Юриспруденция : введение в курс общей теории права и государства : для юрид. вузов и факультетов. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2002. – 282 с.
270. Новиков А. И. Как должны писаться законы / А. И. Новиков. – Ростов н/Д : К свету, 1907. – 32 с.
271. Новицкий В. А. Теория российского процессуального доказывания и правоприменения. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного ун-та, 2002. – 581 с.
272. Новицкий М., Фиалова З. Мониторинг прав человека. – Варшава : Хельсинский фонд по правам человека, 2001. – 272 с.
273. Новый большой англо-русский словарь = New English-Russian dictionary. В 3 т. Т. 2 : G-Q / Ю. Д. Апресян и др.; под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. – М.: Русский язык, 1993. – 828 с.
274. Нормотворческая, юридическая = Law-making technique / Н. А. Власенко и др. ; отв. ред. Н. А. Власенко. – М. : Юстицинформ, 2011. – 310 с.
275. Общая теория права и государства : учебник для студентов вузов / под ред. В. В. Лазарева. – 4-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2005. – 576 с.
276. Овчинников А. И. Неявное правотворчество в процессах конкретизации юридических норм. – М. : Юриспруденция, 2007. – 169 с.
277. Овчинников С. Н. Современные проблемы юридической техники: спецкурс // Юридический институт Дальневосточного государственного университета // <http://law.Wl.Dvgu.ru/mag/521403.htm>.
278. Ожегов С. И. Словарь русского языка: 70000 слов; под ред. Н. Ю. Шведовой. – 23-е изд., испр. – М. : Рус. яз., 1991. – 915 с.

279. Омельченко В.В. Общая теория классификации. – Часть 1. Основы системологии познания действительности. – М. : ООО «ИПЦ “Маска”», 2008. – 436 с.
280. Особенности рассмотрения дел в арбитражном процессе: практическое пособие / со вступительной статьей В. Ф. Яковлева; отв. ред. : А. А. Арифалин и И. В. Решетникова. – М.: Норма, 2005. – 551 с.
281. Особенности рассмотрения дел в арбитражном процессе: практическое пособие / Л. А. Анисимов и др.; отв. ред. А. А. Арифалин, И. В. Решетникова. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма, 2008. – 527 с.
282. Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». – М.: Юристъ, 2003. – 667 с.
283. Памятники русского права. Вып. 1 / под ред. и с предисл. С. В. Юшкова. – М. : Госюриздат, 1952. – 288 с.
284. Пашерстник А. Е. Теоретические вопросы кодификации общесоюзного законодательства о труде; под ред. А. С. Краснопольского. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – 232 с.
285. Педагогика : теории, системы, технологии : учебник для студентов высших и средних учебных заведений / И. Б. Котова и др. ; под ред. С. А. Смирнова. – 8-е изд., стереотип. – М. : Академия, 2008. – 509 с.
286. Петражицкий Л. И. Введение в изучение права и нравственности. Основы эмоциональной психологии. – 3-е изд. – СПб. : Типография Ю. Н. Эрлих, 1908. – 267 с.
287. Петражицкий, Л. И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности : в 2 т. / Л. И. Петражицкий. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : Типография М. Меркушева, 1909. – Т. 2.
288. Петухова А. В. Трансформация отраслевого права в эпоху информационного общества. – М. : Юстицинформ, 2014. – 93 с.
289. Пиголкин, А. С. Подготовка проектов нормативных актов : (организация и методика). – М. : Юридическая литература, 1968.
290. Погодин А. В. Элементы теории правореализации. Исследование практики взаимодействия частных и публичных субъектов, права, социокультурной среды. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 260 с.
291. Подготовка и принятие законов в правовом государстве: материалы международного семинара (М., Государственная Дума, 28-29 апреля 1997 года) / сост. М. В. Деменков и др.; предисл. Г. Н. Селезнева. – М. : ГД РФ, 1998.
292. Поляков А. В. Общая теория права. Феноменолого-коммуникативный подход = General theory of law. Phenomenological-communicative approach : курс лекций. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 843 с.
293. Правовая политика. Право. Правовая система : монография / под ред. А. В. Малько. – М. : Юрлитинформ, 2013. – 384 с.
294. Правоприменение в советском государстве / А.С. Пиголкин, М.Н. Николаева, М.С. Студеникина и др.; отв. ред. И. Н. Кузнецов, И. С. Самощенко. – М.: Юридическая литература, 1985. – 303 с.
295. Правоприменение: теория и практика / отв. ред. Ю. А. Тихомиров. – М. : Формула права, 2008. – 432 с.

296. Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. – М.: Юридическая литература, 1974. – 319 с.
297. Практическое пособие по назначению экспертиз для судей, следователей, экспертов. – 2-е изд., перераб. – Ростов-на-Дону : Молот, 2006. – 211 с.
298. Преподавание социально-гуманитарных дисциплин в вузах России. Аналитический доклад / под ред. Л. Г. Ионина. – М. : Логос, 2003. – 659 с.
299. Пресняков А. Е. Княжое право в Древней Руси : лекции по русской истории. Киевская Русь. – М. : Наука, 1993. – 632 с.
300. Проблемы доступности и эффективности правосудия в арбитражном и гражданском судопроизводстве: материалы Всероссийской научно-практической конференции, М., 31 января – 1 февраля 2001 года / редкол.: И. А. Приходько (отв. ред.) и др. – М. : Лиджист, 2001. – 399 с.
301. Проблемы правотворчества субъектов Российской Федерации : научно-методическое пособие / А. И. Абрамова и др.; отв. ред. А. С. Пиголкин. – М.: Норма, 1998. – 263 с.
302. Проблемы юридической техники: сборник материалов научно-методического семинара «Юридическая техника», г. Нижний Новгород, 13–18 сентября 1999 года / под ред. и с предисл. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – 821 с.
303. Прокопий Кесарийский. Война с готами / Прокопий Кесарийский. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 516 с.
304. Пронина М.П. Специальные средства юридической техники: монография / под науч. ред. А.П. Кузнецова. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2014. – 353 с.
305. Протасов В. Н. Основы общеправовой процессуальной теории. – М. : Юридическая литература, 1991. – 143 с.
306. Прянишников Е А. Законодательная техника. – М.: Юнити, 2004.
307. Пугинский Б.И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. – М. : Юридическая литература, 1984. – 224 с.
308. Рабинович П.М. Упрочение законности – закономерность социализма. – Львов : Вища школа, 1975. – 260 с.
309. Радаева С.В. Юридическая техника как условие повышения эффективности правосудия / под ред. Н. И. Матузова. – Астрахань : Сорокин Р. В., 2013. – 168 с.
310. Рахманин Л.В. Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов : учебное пособие. – 3-е изд., испр. – М. : Высшая школа, 1988. – 238 с.
311. Решетникова И. В. Справочник по доказыванию в гражданском процессе. – М.: Статут, 2009.
- 312.
313. Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург: Изд-во Екатеринбургского ун-та, 1997. – 298 с.
314. Решетникова И. В. Курс доказательственного права в российском гражданском судопроизводстве. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2000. – 279 с.
315. Решетов Ю. С. Реализация норм советского права: системный анализ / науч. ред. Г. И. Курдюков. – Казань: Изд-во Казанского университета, 1989. – 158 с.
316. Рогожин М. Ю. Справочник по делопроизводству : новая типовая инструкция по делопроизводству, особенности подготовки наиболее распространенных видов

документов, образцы документов / М. Ю. Рогожин. – 2-е изд. изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2007. – 213 с.

317. Рожкова М. А. Основные понятия арбитражного процессуального права : монография. – М.: Статут, 2003. – 400 с.

318. Российское законодательство X–XX вв. В 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / отв. ред. А. Г. Маньков. – М.: Юридическая литература, 1986. – 511 с.

319. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. – М. : Норма, 2005. – 655 с.

320. Рохлин В. И. Работа следователя с документами при расследовании преступлений в сфере хозяйственной деятельности: конспект лекций. – Л.: Известия, 1987. – 42 с.

321. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: учеб. пособие для студентов вузов / С. Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 2000. – 712 с.

322. Руденко Л. Д. Технология социальной работы: учебное пособие. – Ярославль: Ярославский государственный университет, 2004. – 98 с.

323. Русский язык для юристов : учебное пособие / А. В. Вавулина и др. – М. : Русский язык. Курсы, 2007. – 360 с.

324. Саидов А. Х. Сравнительное правоведение и законотворчество: открытая лекция. – Киев, Симферополь: Институт государства и права им. В.М. Корецкого НАН Украины : Издательство «Логос», 2007. – 32 с.

325. Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2002. – 152 с.

326. Свердлов М. Б. От Закона Русского к Русской Правде. – М.: Юридическая литература, 1988. – 174 с.

327. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии : учебное пособие. – М. : Народное образование, 1998. – 256 с.

328. Семитко А. П. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. Развитие правовой культуры как правовой прогресс. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА : Изд-во Гуманитарного ун-та, 1996. – 312 с.

329. Система мониторинга законодательства и правоприменительной практики: состояние и перспективы [Электронный ресурс] // Законы российской Федерации. – Режим доступа: <http://www.lawrf.ru/content/599-sistema-monitoringa-zakonodatelstva-i-pravoprimeritelnoj.html>. – Заглавие с экрана.

330. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. – 382 с.

331. Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права: монография. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 344 с.

332. Славин Д. А. Древнерусское государство и право. – М.: Камерон Год, 2010. – 64 с.

333. Слесарев А.В. Судебно-арбитражное толкование норм гражданского права. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 367 с.

334. Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – 1599 с.

335. Современный словарь иностранных слов: ок. 20000 слов. – М.: Русский язык, 1992. – 740 с.
336. Соколов П. Систематическое руководство к познанию российского практического законодательства. Ч. 1. – М.: Университетская типография, 1819. – 119 с.
337. Солганик Г.Я. Стилистика текста : учебное пособие. – М.: Флинта : Наука, 1997. – 252 с.
338. Соловьев С.М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 2: История России с древнейших времен : Т. 3–4; коммент. В.Т. Пашуто и др. – М.: Мысль, 1988. – 765 с.
339. Состояние законности и правопорядка в Российской Федерации и работа органов прокуратуры (2006 г.) : информационно-аналитический доклад / под общ. ред. Н.Э. Звечаровского. – М.: Юнити, 2007. – 124 с.
340. Соцуро Л.В. Неофициальное толкование норм права : учебное пособие. – М.: Профобразование, Контракт, 2000. – 107 с.
341. Сперанский М. М. Руководство к познанию законов. – СПб. : Наука, 2002. – 678 с.
342. Спиридонов Л.И. Социальное развитие и право. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1973. – 205 с.
343. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И.В. Решетниковой. – 3-е изд., перераб. – М.: Норма, 2006. – 464 с.
344. Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. Философия науки и техники: учебное пособие для вузов. – М.: ПИФ «Контакт-альфа», 1995. – 377 с.
345. Стефанов Н. Общественные науки и социальная технология / пер. с болгарского и общ. ред. В. Г. Шорина. – М.: Прогресс, 1976.
346. Стилистика и литературное редактирование : учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям / В. И. Максимов и др.; под ред. В. И. Максимова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Гардарики, 2007.
347. Стучка П. И. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига : Латгосиздат, 1963. – 748 с.
348. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая. Т. 1 / лекции Н. С. Таганцева. – СПб. : Государственная типография, 1902. – 380 с.
349. Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. – Берлин: Слово, 1923. – 440 с.
350. Тверитин С. А. Правоприменение как особая форма реализации права: лекция / С. А. Тверитин. – Домодедово, 2002. – 18 с.
351. Теория государства и права / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. – М.: Закон и право, 2009. – 693 с.
352. Теория государства и права : курс лекций / М. И. Байтин и др. ; под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. – 767 с.
353. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / В.К. Бабаев, В.М. Баранов, Н. В. Витрук и др. ; под ред. В. К. Бабаева. – М.: Юристъ, 1999. – 591 с.
354. Теория государства и права : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция»/ С. С. Алексеев и др. ; авт. предисл. С. С. Алексеев ; отв. ред.: В. М. Корельский, В. Д. Перевалов. – 2-е изд., изм. И доп. – М.: Норма : Норма-ИНФРА-М, 2000. – 595 с.

355. Теория государства и права учебник / А. С. Пиголкин и др. ; под ред. А. С. Пиголкина. – М.: Юрайт, 2005. – 613 с.
356. Тер-Акопов, А. А. Юридическая логика : учеб. пособие / А. А. Тер-Акопов. – 2-е изд., стереотип. – М. : Омега-Л, 2006. – 256 с.
357. Технологии социальной работы / под общ. ред. Е. И. Холостовой. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 345 с.
358. Титова Л. Г. Технология власти: учебное пособие / Л. Г. Титова. – Ярославль : Ярославский государственный университет, 2004. – 100 с.
359. Тихомиров Ю.А. Законодательная техника : научно-практическое пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова ; Л. Ф. Апт и др. – М. : Городец, 2000. – 271 с.
360. Тихомиров, Ю. А. Теория закона / Ю. А. Тихомиров ; отв. ред. В. П. Казимирчук. – М.: Наука, 1982. – 257 с.
361. Тихомиров Ю. А. Управленческое решение. – М.: Наука, 1972. – 283 с.
362. Тихомирова Л. В., Тихомиров М.Ю. Юридическая энциклопедия. – М.: Издание М.Ю. Тихомирова, 2007. – 976 с.
363. Толмачева Н.Н. Организация правового мониторинга в системе федеральных органов исполнительной власти // <http://science.ncstu.ru/articles/law/f04/03.pdf/filedownload>.
364. Толстик В.А., Дворников Н.Л., Каргин К.В. Системное толкование норм права. – М.: Юриспруденция, 2010. – 136 с.
365. Традиционная и современная технология (философско-методологический анализ) / отв. ред. В.М. Розин. – М. : ИФРАН, 1999. – 213 с.
366. Треушников М. К. Судебные доказательства. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Городец, 2005. – 287 с.
367. Тузов Н.А. Мотивирование и преюдиция судебных актов / Н. А. Тузов. – М. : Российская академия правосудия, 2006. – 152 с.
368. Уманская В.П. Административно-правовое регулирование: проблемы новые технологии / В. П. Уманская. – М. : Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2013. – 118 с.
369. Унковский М.А. О неясности законодательства как общественном бедствии и о ближайших путях к ее устранению / М. А. Унковский. – СПб. : Издательство М. Тимофеева, 1913. – 23 с.
370. Успенский Л. Очерки по юридической технике. – Ташкент : Средазкнига, 1927. – 219 с.
371. Ушаков А.А. Избранное. Очерки советской законодательной сти-листики. Право и язык. – М. : РАП, 2008. – 314 с.
372. Ушаков А.А. О методе юридической техники // Ученые записки Пермского университета. – 1965. – Т. 104, Ч. 1. – 101 с.
373. Философия права / П. П. Баранов и др. – Ростов-на-Дону : РЮИ МВД России, 2004. – 831 с.
374. Философский словарь / под ред. М. М. Розенталя. – 3-е изд. – М. : Политиздат, 1975. – 496 с.
375. Халфина Р.О. Право как средство социального управления. – М. : Наука, 1988. – 254 с.
376. Цветаев Л.А. Краткая теория законов : в 3 ч. – М.: Издательство Л. А. Цветаева, 1810. – Т. 2. – 141 с.

377. Цветаев Л.А. Начертание римского гражданского права / Л. А. Цветаев. – М. : Издательство Л. А. Цветаева, 1817. – 234 с.
378. Цветаев Л.А. Начертание теории уголовных законов. – М.: Издательство Л. А. Цветаева, 1825. – 83 с.
379. Чебышев-Дмитриев А. П. О преступном действии по русскому допетровскому праву. – Казань : Типография университета, 1862. – 242 с.
380. Червонюк В. И. Теория государства и права. – М.: ИНФРА-М, 2006. – 703 с.
381. Черданцев А. Ф. Толкование права и договора. – М. : Юнити, 2003. – 381 с.
382. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. – Екатеринбург: Наука, 1993. – 192 с.
383. Черданцев А.Ф. Теория государства и права : учебник для вузов. – М. : Юрайт, 1999. – 429 с.
384. Черненко А.К. Философия права / А. К. Черненко. – Новосибирск: Наука : Сибирское предприятие, 1997. – 149 с.
385. Чухвичев Д.В. Законодательная техника : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению 030500 «Юриспруденция». – Москва: ЮНИТИ: Закон и право, 2006. – 239 с.
386. Шабалин В.А. Методологические вопросы правоведения. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 1972. – 226 с.
387. Шапсугов Д.Ю. Обычное право и его роль в правовом развитии общества // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики / отв. ред. Г. В. Мальцев, Д. Ю. Шапсугов. – Ростов-на-Дону, 1999. – 250 с.
388. Шапсугов Д.Ю. Проблемы теории и истории власти, права и государства / Д. Ю. Шапсугов. – М. : Юрист, 2003. – 685 с.
389. Шибанов А.Ф. Форма советского права. – М. : Юридическая литература, 1968. – 215 с.
390. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. – Казань, 1898. – 46 с.
391. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. – 6-е изд. – Казань, 1907. – 815 с.
392. Шиндяпина М. Д. Стадии юридической ответственности: учебное пособие / Д. Шиндяпина. – М. : Книжный мир, 1998. – 168 с.
393. Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. – Львов : Выща шк : Издательство при Львовском государственном университете, 1988. – 106 с.
394. Шугрина Е. С. Техника юридического письма. – М. : Дело, 2000. – 272 с.
395. Щербаков В. И. Века трояновы. – М. : Просвещение, 1995. – 158 с.
396. Энциклопедический словарь. Т. 3 : Банки – Бергер / под ред. И. Е. Андреевского. – СПб. : Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон, 1891. – 480 с.
397. Эффективность правовых норм / Кудрявцев В. Н. и др. – М. : Юридическая литература, 1980. – 280 с.
398. Юридическая клиника и современное юридическое образование в России : учебно-практическое пособие : для юристов, преподавателей и студентов юрид. вузов / В. Р. Габтрахманов и др. ; отв. ред. С. Л. Дегтярев. – М. : WoltersKluwer, 2004. – 245 с.

399. Юридическая техника : природа, основные приемы, значение : ретроспективный библиографический указатель / сост. и авт. предисловия В. М. Баранов, Н. А. Климентьева. – 2-е изд., доп. и перераб. – Н. Новгород, 2005. – 287 с.
400. Юридическая техника : учебное пособие / Т. Я. Хабриева и др.; под ред. Т. Я. Хабриевой, Н. А. Власенко. – М. : Эксмо, 2010. – 271 с.
401. Юридическая техника : учебно-методическое пособие / авт.-сост. Д. В. Замышляев. – Великий Новгород : НовГУ, 2014. – 108 с.
402. Юридическая техника : словарь-справочник / А.В. Малько, Костенко М.А., Яровая В.В. / под ред. А.В. Малько. – М. : «Директ-Медиа», 2014. – 316 с.
403. Юсупов В. А. Правоприменительная деятельность органов управления. – М. : Юридическая литература, 1979. – 136 с.
404. Юшков, С. В. Общественно-политический строй и право Киевского государства. – М. : Государственное издательство юридической литературы, 1949. – 544 с.
405. Явич, Л. С. Советское право – регулятор общественных отношений в СССР / Л. С. Явич; под ред. В. И. Корецкого, С. А. Раджабова. – Сталина-бад, 1957. – 164 с.
406. Язык и стиль судебных документов. Практические рекомендации по оформлению судебных актов / сост. Е. П. Попова, Ю. С. Фадеева, Т. Н. Цыплакова. – СПб. : Кадис, 2002. – 72 с.
407. Язык и стиль судебных документов. – СПб. : Питер, 1999. – 90 с.

Статьи

408. Александров А.С. Юридическая техника – судебная лингвистика – грамматика права // Уголовное судопроизводство. – 2006. – №3. – С. 4–6.
409. Алексеев А.Н. От изучения проблем оценки эффективности правовых норм к правовому мониторингу // Юридический мир. – 2009. – №10. – С. 65–69.
410. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификации // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 2–19.
411. Анишина В.И. Решения российских судов в системе праворегулирования: некоторые проблемы теории и практики // Государство и право. – 2007. – № 7. – С. 57–63.
412. Анненков В.Г. Правовое пространство современной России: понятие, структура и механизм обеспечения единства // Конституционное муниципальное право. – 2005. – № 4. – С. 22–23.
413. Апт Л.Ф. О системной связи определений понятий российского законодательства // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 111–116.
414. Афанасьев А.Ю. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) как мера по профилактике коррупции // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 226-227.
415. Афанасьев С.Ф., Малько А.В. Интеграция юридического образования и науки как основное направление российской образовательной политики // Право и образование. – 2005. – № 3. – С. 61–70.
416. Бачило И.Л. Мониторинг правовой системы – путь к укреплению правового государства // Вестник Совета Федерации. Мониторинг права в Российской Федерации. – 2006. – № 4/5. – С. 21–25.

417. Белоусов В. Гиперборея: миф или реальность? / В. Белоусов // Приамурские ведомости. – 1998. – 29 сентября.
418. Болдырев С.Н. Юридическая техника и юридические технологии: соотношение и значение // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2010. – № 1. – С. 20–25.
419. Бошно С. Нормативный правовой акт: развитие признаков в правоприменительной практике // Арбитражный и гражданский процесс. – 2010. – № 4. – С. 20–24.
420. Братусь С.И. Значение систематизации советского законодательства теоретические вопросы, возникающие при систематизации // Научная сессия, посвященная теоретическим вопросам систематизации советского законодательства. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1961. – С. 3–11.
421. Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. – 1957. – № 8. – С. 52–59.
422. Варламова Н.В. О различиях типов правопонимания // Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 29–30.
423. Величко К.Е. Развитие юридической техники в российской правовой системе // Философия права. – 2011. – № 6. – С. 118–120.
424. Венгеров А.Б. О применении конституционных норм судебными органами СССР / А. Б. Венгеров // Советское государство и право. – 1989. – № 10. – С. 42–51.
425. Ветютнев Ю.Ю. Методологическая роль правопонимания в исследовании закономерностей правовой жизни // Правовая политика и правовая жизнь. – 2003. – № 3. – С. 15–18.
426. Винавер М. Законодательная техника // Право и жизнь. – 1926. – № 2/3. – С. 3–11.
427. Власенко Н.А. Жаргоны в праве: пределы и техника использования // Проблемы юридической техники : сборник статей / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 264–270.
428. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: природа и пути исследования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). – Н. Новгород, 2008. – С. 57–68.
429. Воеводин Л.Д. Юридическая техника в конституционном праве // Вестник МГУ. Сер. 11, Право. – 1997. – № 3. – С. 3–29.
430. Волков С.В., Малышева Н.И. Межвузовская конференция о проблемах юридической техники // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 182–198.
431. Вопленко Н.Н. Официальное толкование и конкретизация советских правовых норм // Вопросы теории государства и права. – Саратов, 1971. – Вып. 2. – С. 166–178.
432. Воробьева Н.А. Судебная власть в системе разделения властей // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2007. – № 4. – С. 95–100.
433. Глазырина М.А. Конкретизация правоприменительных отношений в юридическом познании // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы

общества : сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2014. – Вып. 13. – С. 140–145.

434. Горохов Д.Б., Спектор Е.И. Правовой мониторинг: концепция и организация // Журнал российского права. – 2007. – № 5. – С. 25–38.

435. Горохов Д.Б. Правовой мониторинг: концепция, направления институализации, состояние законодательства и перспективы // Законодательство и экономика. – 2009. – № 7. – С. 113–120.

436. Графский В.Т. Интегральная (синтезированная) юриспруденция: Актуальный и все еще незавершенный проект // Правоведение. – 2000. – № 3. – С. 49–64.

437. Графский В. Т. Проблемы создания обновленной концепции юриспруденции (общей, интегральной юриспруденции) // Основные концепции права и государства в современной России: (по материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 10–15.

438. Гродзинский М.М. Законодательная техника и уголовный кодекс / М. М. Гродзинский // Вестник советской юстиции. – 1928. – № 19. – С. 558–563.

439. Гузнов А.Г. Право как явление культуры // Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 5–33.

440. Дамаскин О.В. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики: стратегия правового развития // Современное право. – 2008. – № 6. – С. 39–42.

441. Дембо Л. Проблема кодификации советского права // Вестник Ленинградского государственного университета. – 1947. – № 4. – С. 67–78.

442. Денисов Г.И. Юридическая техника : теория и практика // Журнал российского права. – 2005. – № 8. – С. 86–96.

443. Деревнин А.А. О понятии юридической техники // Академический юридический журнал. – 2001. – № 3. – С. 30–33.

444. Джабасов А.А. Политические технологии избирательных кампаний: проблема категориального осмысления // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. – 2000. – № 2. – С. 56–62.

445. Доценко Т.А. Сущность юридических конструкций // Проблемы юридической техники: сборник материалов научно-методического семинара «Юридическая техника» (г. Нижний Новгород, 13–18 сентября 1999 года) / под ред. и с предисл. В. М. Баранова. – Нижний Новгород, 2000. – С. 316–323.

446. Дубоносов Е.С. Методы документальной и фактической проверки в практике налоговых, ревизионных и правоохранительных органов // Налоговый учет для бухгалтера. – 2005. – № 11. – С. 62–91.

447. Дударь А.И. Особенности правового положения лабораторных животных: постановка проблемы // Право и политика. — 2014.-№ 12.-С.1927-1930. DOI: 10.7256/1811-9018.2014.12.13346

448. Еремина О. Ю. О правовом мониторинге // Журнал российского права – 2006. – № 3. – С. 157–160.

449. Ерицян А. В. Государственный контроль за соблюдением законодательства субъектами предпринимательской деятельности (теоретический аспект) // Государство и право. – 2002. – № 2. – С. 103–108.

450. Ерошенко А. А. Гражданско-правовая защита личной собственности СССР // Советское государство и право. – 1968. – № 6. – С. 106–111.
451. Жалинский А. Э. Правовая мысль и правовая деятельность юристов // Право и политика. – 2005. – № 8. – С. 14–23.
452. Жени Ф. Законодательная техника в современных гражданско-правовых кодификациях: (по поводу столетнего юбилея французского гражданского кодекса) / Ф. Жени // Журнал Министерства юстиции. – 1906. – № 8. – С. 122–147.
453. Завидов Б. Д., Шумилин С.В. Правовые проблемы следственного осмотра // СПС «Консультант-Плюс».
454. Зайцев И. М., Рассахатская Н.А. Гражданская процессуальная форма: понятие, содержание и значение // Государство и право. – 1995. – №2. – С. 47–52.
455. Законодательная техника в Англии // Журнал Министерства юстиции. – 1906. – № 9–10.
456. Иванец Г.И. Законодательные технологии: постановка проблемы // Право и политика. – 2001. – № 3. – С. 149–153.
457. Иванов В.В., Топоров В.Н. Древнее славянское право: архаичные мифопоэтические основы и источники в свете языка // Формирование раннефеодальных славянских народностей. – М., 1981. – С. 10–31.
458. Ильин И.К., Миронов И.В. О форме и стиле правовых актов // Советское государство и право. – 1960. – № 12. – С. 65–73.
459. Ильин Ю.В. Юридическая дефиниция в аспекте логики, семиотики и когнитивной лингвистики // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 135–140.
460. Ильинский И. Библиография. Л. Успенский: Очерки по юридической технике // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 45. – С. 1420–1431.
461. Ишигилов И.Л. Юридические фикции и презумпции на разных стадиях правового регулирования // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С. 41–44.
462. Калмыков Ю. Х. Вопросы толкования и применения гражданско-правовых норм // Гражданское право. – 2008. – № 3. – С. 5–8.
463. Канаев С.А. Проблемы юридической техники // Проблемы теории современного российского права. – М.; Ярославль, 2004. – С. 114–118.
464. Капустина М.А. Юридическая техника: предмет, структура, методы // Юридическая техника: вопросы теории и истории: материалы межвузовской научно-теоретической конференции, СПб., 17 июня 2005 г. / сост. С. В. Волкова, Н. И. Малышева ; под общ. ред. Д. И. Луковской. – СПб., 2005. – С. 6–7.
465. Карвонен А. А. Дефекты правоприменительной тактики: сущность и некоторые виды // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Карташов. – Ярославль: ЯрГУ, 2014. – Вып. 13. – С. 153–162.
466. Карташов В.Н. Юридическая техника, тактика, стратегия и технология (к вопросу о соотношении) // Проблемы юридической техники : сборник материалов научно-методического семинара / под ред. и с предисл. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 16–22.
467. Карташов В.Н. Законодательная технология: понятие, основные элементы, методика преподавания // Законотворческая техника современной России: состояния,

проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2-х т. под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 24–31.

468. Карташов В.Н. Место и роль интерпретационной техники и тактики в технологии юридического толкования // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2007. – Вып. 7. – С. 3–8.

469. Карташов В.Н. Юридическая технология или юридическая техника? Некоторые методологические аспекты исследования // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 16–24.

470. Карташов В.Н. Технология юридической конкретизации (методологический аспект проблемы) // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). – Н. Новгород, 2008. – С. 68–80.

471. Карташов В.Н. О необходимости замены учебного курса «Юридическая техника» учебной дисциплиной «Юридическая технология» // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 30–36.

472. Карташов В.Н. Полиструктурность юридической технологии (общая характеристика) // Юридические технологии в современном обществе : материалы Международной научно-практической конференции. – Саранск, 2010. – С. 92–98.

473. Карташов В.Н. Техника, тактика, и некоторые другие элементы правоприменительной технологии // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества : сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Карташов. – Ярославль : ЯрГУ, 2012. – Вып. 11. – С. 3–34.

474. Карташов В.Н. Правоприменительная тактика: понятие и основные элементы логической структуры // Проблемы правотворчества и правоприменения в государствах Центральной и Восточной Европы : сборник научных статей / отв. ред. Н. В. Сильченко. – Гродно : ГрГУ, 2012. – С. 9–12.

475. Карташов В.Н. Правотворческая технология – перспективное направление исследования в условиях модернизации и интеграции правовых систем / В. Н. Карташов // Инновационное развитие общества в условиях интеграции правовых систем : сборник научных статей / гл. ред. Н.В. Сильченко. – Гродно : ГрГУ, 2013. – С. 10–16.

476. Кашанина Т.В. Логика права как элемент юридической техники // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 25–35.

477. Кашанина Т.В. Юридическая техника или законодательная техника? // Журнал российского права. – 2010. – № 159. – С. 171–173.

478. Керимов Д.А. Понятие законодательной техники // Вопросы кодификации современного права. – 1953. – Вып. 2. – С. 8–10.

479. Кичигин Н.В., Егорова Н.Е., Иванюк О.А. Третья Международная школа-практикум молодых ученых и специалистов по юриспруденции на тему «Эффективность законодательства и современные юридические технологии» // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2008. – № 2. – С. 122–134.

480. Климов Е.А. О некоторых нежелательных традициях в работе диссертационных советов по педагогическим и психологическим наукам // Бюллетень ВАК Минобразования России. – 2002. – № 1. – С. 22–28.

481. Ковалев М.И. О технике уголовного законодательства // Правоведение. – 1962. – № 3. – С. 142–146.
482. Колдин В.Я. Проблема технологического уровня правоприменения // Государство и право. – 2014. – № 3. – С. 89–94.
483. Колесник И.В. Проблемы определения содержания юридической технологии // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2006. – №4. – С. 57–63.
484. Корнев В.Н. Понимание, толкование и применение права как герменевтическая проблема // Российское правосудие. – 2014. – №11 (103). – С. 18–26.
485. Коршунов Н.М. Проблемы конкретизирующей интерпретации принципов гражданско-правового регулирования // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). – Н. Новгород, 2008. – С. 457–460.
486. Кругликов Л.Л. О средствах законодательной техники в уголовном праве // Проблемы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуально законодательстве: сборник научных статей / под ред. Л. Л. Кругликова. – Ярославль, 1996. – С. 3–14.
487. Кудрина К.Ю. Концепция как элемент региональной и законотворческой деятельности // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 3. – С. 3–18.
488. Кулакова Ю.Ю. Язык права // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 217–220.
489. Кулыгин В.В. От Пути Правил к Русской Правде: этапы правогенеза восточнославянского этноса // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 11–17.
490. Курбатов А.Я. Компетенция Конституционного Суда Российской Федерации // Закон. – 2004. – № 6. – С. 75–79.
491. Лазарев В. В. Понятие пробелов в праве // Советское государство и право. – 1967. – № 10. – С. 92–96.
492. Лапин В.А. Природа муниципальной власти и местного самоуправления в России / В. А. Лапин // Личность. Культура. Общество. – 2000. – Т. 2. – Вып. 1. – С. 42–52.
493. Лебедев М. П. Об эффективности воздействия социалистического права на общественные отношения // Советское государство и право. – 1963. – № 1. – С. 22–31.
494. Лисюткин А.Б. Юридическая техника и правовые ошибки // Государство и право. – 2001. – № 11. – С. 22–28.
495. Лукашева Е. А. К вопросу о правопонимании // Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 9–10.
496. Макаренченко Е. А. Роль контекстуальных синонимов в обеспечении связности текста // Вестник СамГУ. – 2006. – № 10/2 (50). – С. 162–169.
497. Макеев В. В. Обычное право – основной регулятор общественных отношений у донских казаков // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики / отв. ред. Г. В. Мальцев, Д. Ю. Шапсугов. – Ростов-н-Д, 1999. – С. 348–350.
498. Максуров А.А. Дискуссионные вопросы методологии правовых исследований (на примере координационной технологии) // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 3. – С. 12–13.

499. Максуров А.А. Координационная юридическая практика: вопросы тактики, техники и технологии // Законодательство и экономика. – 2010. – № 3. – С. 17–19.
500. Максуров А. А. Координационная юридическая технология: дискуссионные вопросы определения качества // Юридическое образование и наука. – 2014. – № 4. – С. 6–8.
501. Малько А.В., Ростовщиков И.В., Рудковский В.А. Правоприменительная политика в современной России: проблемы формирования и осуществления (обзор материалов международного «круглого стола») // Государство и право. – 2014. – № 8. – С. 99–105.
502. Мальцкевич В. В. Об одной правовой конструкции // Вопросы философии. – 1965. – № 6. – С. 139–141.
503. Малюшин А. А. Взаимодействие Конституционного Суда РФ, судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Российский судья. – 2007. – № 10. – С. 14–15.
504. Маркова-Мурашова, С. А. Классификация, типология, систематизация правовых понятий как методологические предпосылки конкретизации законодательства // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 164–171.
505. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. – 2003. – № 6. – С. 13–21.
506. Марченко М.Н. Правовые теории и проблемы правопонимания // Основные концепции права и государства в современной России (По материалам «круглого стола» в Центре теории и истории права и государства ИГП РАН) // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 18–19.
507. Марченко М. Н. Проблемы юридического образования в современной России // Юридическое образование и наука. – 2005. – № 1. – С. 13–18.
508. Матузов Н. И. Актуальные проблемы российской правовой политики // Государство и право. – 2001. – № 10. – С. 5–13.
509. Медведев Д. А. Гражданский кодекс России – его роль в развитии рыночной экономики и создании правового государства (доклад 25 апреля 2007 г.) // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2007. – № 7. – С. 5–15.
510. Мещеряков Д.Д. К вопросу о понятии юридической техники // Проблемы теории современного российского права: сборник научных трудов РАЕН. Серия : Право / под ред. Н. В. Щербаковой. – М.: Ярославль, 2005. – Вып. 2. – С. 298–306.
511. Миняшева Г.И. Правоприменение как правовая категория // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2013. – № 3. – С. 10–14.
512. Миронов А. Н. К вопросу о понятии и элементах юридической технологии // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 44–47.
513. Миронов С.М. Теория и практика мониторинга правового пространства и правоприменительной практики: итоги и перспективы // Вестник Совета Федерации. – 2006. – № 4–5. – С. 4–13.
514. Мирошников Е. Г. Ясность и точность как требования к языку закона // Проблемы юридической техники : сборник материалов научно-методического семинара «Юридическая техника» (г. Нижний Новгород, 13–18 сентября 1999 года) / под ред. и с предисл. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 212–219.

515. Митрофанов Л. П. Основные направления деятельности арбитражных судов по защите прав и законных интересов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности // Право и экономика. – 2009. – № 5.
516. Михайленко Н. М. Теория обычного права: современный аспект // Философия права. – 2008. – № 2. – С. 28–33.
517. Мицкевич А.В. Источники (формы выражения) российского права // Закон: создание и толкование / под ред. А. С. Пиголкина. – М., 1998. – С. 6–39.
518. Муромцев Г.И. Юридическая техника: (некоторые теоретические аспекты) // Правоведение. – 2000. – № 1. – С. 9–20.
519. Муромцев Г.И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия // Проблемы юридической техники : сборник материалов научно-методического семинара «Юридическая техника» (г. Нижний Новгород, 13–18 сентября 1999 года) / под ред. и с предисл. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 23–36.
520. Наджарян Р.В. Проблемы обеспечения юридической силы документа в условиях применения информационных технологий / Р. В. Наджарян // Законодательство и экономика. – 2011. – № 5. – С. 22–28.
521. Небрятенко Г.Г. Дихотомия традиционных правовых систем общества // Юристь-Правоведъ. – 2009. – № 6. – С. 74–78.
522. Небрятенко Г.Г. Об антропологическом монизме обычно-правовой системы и традиционного общества // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 3. – С. 14–18.
523. Некрасов Е.Е., Жужгов И.В. Мониторинг как способ повышения эффективности правового регулирования // Труды юридического факультета Северо-Кавказского государственного технического университета. – Ставрополь, 2004. – Вып. 4. – С. 21–30.
524. Нерсесянц В.С. Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. – 2002. – № 3. – С. 3–15.
525. Ноздрачев А.Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами СССР // Ученые записки ВНИИСЗ. – М., 1968. – Вып. 12. – С. 71–76.
526. Овчинников А.И. Неявное правотворчество в процессах конкретизации юридических норм // Конкретизация законодательства как технико-юридический прием нормотворческой, интерпретационной, правоприменительной практики : материалы Международного симпозиума (Геленджик, 27–28 сентября 2007 года). – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2008. – С. 100–112.
527. Пашков А.С. Эффективность действия правовой нормы (К методологии и методике социологического исследования) / А. С. Пашков, Л. С. Явич // Советское государство и право. – 1970. – № 3. – С. 40–48.
528. Пашуканис Е.Б. Государство и право при социализме // Советское государство. – 1936. – № 3. – С. 4–8.
529. Пашуканис Е.Б. Положение на теоретическом правовом фронте // Советское государство и революция права. – 1930. – № 11/12. – С. 16–49.
530. Перязева Н. Фальсификация доказательств в арбитражном суде // Законность. – 2005. – № 8. – С. 14–17.

531. Побежимова Н.И. Актуальные проблемы юридического образования // Юридическое образование и наука. – 2003. – № 4. – С. 2–4.
532. Поляков А.В. В поисках интегрального типа правопонимания // История права и государства. – 2003. – № 6. – С. 7–8.
533. Поляков А.В. К понятию юридической техники // Юридическая техника : вопросы теории и истории : материалы межвузовской научно-теоретической конференции (СПб., 17 июня 2005 года) / сост. С. В. Волкова, Н. И. Малышева ; под общ. ред. Д. И. Луковской. – СПб., 2005. – С. 15–24.
534. Поляков А.В. Юридическая техника // Юридическая Россия : Федеральный правовой портал. URL: http://law.edu.ru/centers/lawtheory/message_tree.asp?mID=3689.
535. Применение права: понятие, стадии, виды, акты применения права. URL: <http://vuzlib.net/19166/>.
536. Пчелкин А.В. Терминология закона в условиях научно-технического прогресса // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы : материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. – Н. Новгород, 2007. – С. 526–534.
537. Рабец А. М. Юрико-технические аспекты употребления термина «обязанность» в нормотворческом процессе // Проблемы юридической техники : сборник материалов научно-методического семинара «Юрико-техническая техника» (г. Нижний Новгород, 13–18 сентября 1999 года) / под ред. И предисл. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 228–235.
538. Ракитов А. И. Прогноз развития науки и технологий в России на период до 2025 года // Вестник Российской академии наук. – 1998. – Т. 68. – № 8. – С. 746–753.
539. Рахманина Т. Н., Тихомиров Ю.А., Хабибулин А.Г. Закон о нормативных правовых актах – актуальная повестка дня // Журнал российского права. – 2006. – № 5. – С. 88–93.
540. Рейман М. От немецкого служащего государства к американскому адвокату. Понимание ролей как средства против «культурно-правового шока» при обучении в США // Юридическое образование и наука. – 1994. – № 4. – С. 184–185.
541. Ромашов Р. А., Глушаченко С.Б. Техничко-юридические аспекты правоинтерпретационной деятельности // Юрист. – 2003. – № 6. – С. 2–5.
542. Ромашов Р. А. Юридическая техника и юридическая технология: некоторые проблемы теоретического моделирования и практического внедрения // Юридическая техника: вопросы теории и истории: материалы межвузовской научно-технической конференции (Санкт-Петербург, 17 июня 2005 года). – СПб., 2005. – С. 33–39.
543. Ромашов Р.А., Шукшина Е.Г. Механизм преодоления юридических конфликтов в сфере правоприменительной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2005. – № 3. – С. 40–48.
544. Ромашов Р.А. Реалистический позитивизм: интегративный тип современного правопонимания // Концепции современного правопонимания : материалы «круглого стола» (Санкт-Петербург, 21 декабря 2004 года) / под общ. ред. Р. А. Ромашова, Н. С. Нижник. – СПб., 2005. – С. 8–23.
545. Ромашов Р.А. Законодательная дефиниция в условиях интеграции правовых систем: проблемы унификации // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические,

политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года) / под ред. В. М. Баранова, П. С. Пацуркивского, Г. О. Матюшкина. – Н. Новгород, 2007. – С. 101–117.

546. Ромашов Р.А. Особенности преподавания юридической техники в рамках университетского комплекса // Юридическая техника. – 2009. – № 3. – С. 284–287.

547. Ромашов Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты // Юрислингвистика. – 2010. – № 10. – С. 52–58.

548. Ромашов Р. А. Правовая позиция субъекта правотворчества: этические и технико-юридические особенности формирования и выражения // Юридическая техника : ежегодник. – 2012. – № 6. – С. 432–434.

549. Ромашов Р.А. Процессуально-правовые и альтернативные механизмы защиты прав человека и гражданина: технико-юридические и социально-психологические аспекты // Вестник Владимирского юридического института. – 2012. – № 3. – С. 118–121.

550. Ромашов Р.А., Арбузова С.А. Нормативные правовые основания и юридическая техника пенитенциарной ресоциализации // Вестник Владимирского юридического института. – 2013. – №4 (29). – С. 46–52.

551. Руднев В.Н. Подготовка юриста в свете российского образования // Российская юстиция. – 2006. – № 2. – С. 53–60.

552. Саидов А. Х. О развитии антропологии права // Право и политика. – 2004. – № 10. – С. 143–151.

553. Самигуллин, В. К. Конкретизация права и локальное нормативное регулирование // Применение советского права : сборник ученых трудов. – Свердловск, 1974. – Вып. 30. – С. 119–121.

554. Сапун В. А. Инструментальная теория права в юридической науке // Современное государство и право. Вопросы теории и истории. – Владивосток, 1992. – С. 15–32.

555. Сафонова С.С. Экспрессивно-коммуникативные модификации предложений-высказываний местоименно-союзного типа // Русская и сопоставительная филология : состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): труды и материалы / под общ. ред. К. Р. Галиуллина. – Казань, 2004. – С. 122–123.

556. Сенякин И.Н. Унификация как средство совершенствования законодательной терминологии // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: материалы Международного «круглого стола» (Черновцы, 21–23 сентября 2006 года). – Нижний Новгород, 2007. – С. 147–158.

557. Сергевнин С. Л. Юридическая техника: проблемы правообразования и правореализации // Юридическая техника : вопросы теории и истории: материалы межвузовской научно-теоретической конференции (СПб., 17 июня 2005 года). / сост. С. В. Волкова, Н. И. Малышева / под общ. ред. Д. И. Луковской. – СПб., 2005. – С. 163–167.

558. Соболева А.К. Законодательная дефиниция как способ преодоления многозначности слова в юридическом дискурсе // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 116–123.

559. Соловьев О. Г. К вопросу о юридической технике в теории права: понятие, виды, значение // Дифференциация ответственности и проблемы юридической техники в уголовном праве и процессе : сборник научных статей. – Ярославль, 2002. – С. 18–33.
560. Соловьев О.Г. Юридическая техника в правотворческой и правоприменительной деятельности: понятие и виды // Юридический мир. – 2009. – № 1. – С. 68–72.
561. Соловьев О.Г. К вопросу об интерпретационной технике в уголовном праве // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия : Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. – С. 45–48.
562. Струнская О. Фальсификация доказательств // ЭЖ-Юрист : российская правовая газета. – 2003. – № 14.
563. Схатум Б., Кузнецов А. Из истории изучения русского обычного права // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2004. – № 1. – С. 120–130.
564. Сырых В.М. Законотворчество как вид социального проектирования // Проблемы юридической техники: сборник материалов (г. Нижний Новгород, 13–18 сентября 1999 года) / под ред. и с предисл. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2000. – С. 45–52.
565. Сырых В. М. Предмет и система законодательной техники как прикладной науки и учебной дисциплины // Законотворческая техника современной России: состояние, проблемы, совершенствование : сборник статей : в 2 т. / под ред. В. М. Баранова. – Н. Новгород, 2001. – Т. 1. – С. 9–24.
566. Тарасов Н.Н. Юридическая техника в структуре юриспруденции : (методологические проблемы исследования) // Юридическая техника. – 2007. – № 1. – С. 7–11.
567. Тихомиров Ю.А. Вводить мониторинг права // Право и экономика. – 2004. – № 3. – С. 3–6.
568. Тихомиров Ю.А. Закон – основа стратегии // Президентский контроль. – 2002. – № 8. – С. 13–22.
569. Тихомиров Ю.А. О правилах законодательной техники // Журнал российского права. – 1999. – № 11. – С. 110.
570. Тихомиров Ю.А. Организация и проведение мониторинга // Право и экономика. – 2006. – № 10. – С. 11–15.
571. Тихомиров Ю.А. Право и саморегулирование // Журнал российского права. – 2005. – № 9. – С. 86–96.
572. Тихомиров Ю. А. Правоприменение: от стихийности к системе // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 27–36.
573. Тихомиров Ю.А. Проблемы сравнительного законоведения // Государство и право. – 1993. – № 8. – С. 43–51.
574. Толмачева Н. Н. Введение мониторинга закона – от практики к теории // Право и экономика. – 2006. – № 7. – С. 3–11.
575. Трухин С. А. Метод ценностно-статистической ориентации правоприменения в уголовном процессе // Государство и право. – 2014. – №9. – С. 115–122.
576. Туманова Л. Сделать образование практическим: Об опыте «юридических клиник» // Российская юстиция. – 1999. – № 5. – С. 54.
577. Успенский Л. Очерки по юридической технике // Еженедельник советской юстиции. – 1927. – № 45. – С. 1420.

578. Ушаков А.А. О понятии юридической техники и ее основных проблемах // Ученые записки Пермского университета. – 1961. – Т. 19, Вып. 5. – С. 73–85.
579. Ушаков А.А. Законодательная техника // Государство, право, законность : ученые записки Пермского университета. – 1970. – Вып. 2. – С. 199–238.
580. Хабриева Т.Я. Юридическая наука сегодня очень востребована // Юридический мир. – 2005. – № 10. – С. 3–7.
581. Хафизова И.Ф. Понятие правоприменения: доктринальный анализ и современный подход // Вестник ТИСБИ. – 2008. – № 2. – С. 90–97.
582. Цирин А.М. Методическая база оценки нормативных правовых актов на коррупциогенность // Журнал российского права. – 2009. – №10. – С. 22–29.
583. Цыпырев И. Техника права и новый этюд теории права // Право и жизнь. – 1928. – С. 2–3.
584. Чайка Ю.Я. Мониторинг законодательства и правоприменительной практики // Бюллетень Министерства юстиции Российской Федерации. – 2005. – № 8. – С. 5–10.
585. Червонюк В.И., Гойман-Калинский И. В. Согласование интересов как вид современных законодательных технологий // Государство и право. – 2004. – № 8. – С. 30–38.
586. Черданцев А.Ф. Логическая характеристика права как системы // Правоведение. – 2003. – № 3. – С. 13–21.
587. Черданцев А.Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: сборник статей / редкол.: Алексеев С. С. и др. – Свердловск, 1974. – Вып. 30. – С. 15–37.
588. Черданцев А.Ф. Юридические конструкции, их роль в науке и практике // Правоведение. – 1972. – № 3. – С. 12–19.
589. Черненко А.К. Мониторинг законодательства в деятельности Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации // Право и закон. – 2008. – № 7.
590. Черногор Н.Н. Мониторинг Конституции: постановка проблемы // Законодательство и экономика. – 2008. – № 11. – С. 49–52.
591. Черногор Н.Н. Юридическая техника правового мониторинга: постановка проблемы и подходы к исследованию // Законодательство и экономика. – 2011. – № 1. – С. 15–20.
592. Черногор Н.Н. Юридическая техника правового мониторинга: постановка проблемы и подходы к исследованию // Законодательство и экономика. – 2010. – № 1. – С. 15–20.
593. Черноков А.Э. Юридическая техника и сравнительное правоведение // Юридическая техника: вопросы теории и истории : материалы межвузовской научно-технической конференции (Санкт-Петербург, 17 июня 2005 года). – СПб., 2005. – С. 44–45.
594. Честнов И.Л. Типы правопонимания // Проблемы теории права и государства / под ред. В. П. Сальникова. – СПб., 1999. – С. 56–94.
595. Честнов И.Л. Юридическая техника в контексте правопонимания // Юридическая техника: Вопросы теории и истории : материалы межвузовской научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 17 июня 2005 года) / сост. С. В. Волкова, Н. И. Малышева; под общ. ред. Д. И. Луковской. – СПб., 2005. – С. 40–43.

596. Чувакова Л.А. Отличие ошибочной юридической деятельности от сходных правовых явлений // Актуальные проблемы теории правовой системы общества : сборник научных трудов / отв. ред. В. Н. Карташов. – Ярославль, 2002. – Вып. 2. – С. 57–63.
597. Чуракова О. Единый и неделимый кодекс / О. Чуракова // Ведомости. – 2014. – 29 октября.
598. Шадринова Л.А. Правоприменительная технология: понятие и структура // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества. – Ярославль, 2009. – Вып. 9. – С. 137–142.
599. Шапсугов Д.Ю. Современные проблемы исследования обычного права народов Северного Кавказа (вместо предисловия) // Обычное право народов Северного Кавказа: итоги и перспективы исследования : сборник статей. – Ростов-на-Дону, 2006. – Вып. 2. – С. 4–7.
600. Шашкович А. Звено в цепи (законодательная техника) // Советская юстиция. – 1929. – № 21. – С. 488–490.
601. Шикин Е. П. Структура юридического процесса и эффективность права // Юридические гарантии применения права и режим социалистической законности. – Ярославль, 1976. – С. 9–10.
602. Шириков А.С. Об особенностях формирования понятия юридической техники в российской юриспруденции // Вестник Волгоградского университета. Сер. 5, Юриспруденция. – 2001. – Вып. 5. – С. 40–43.
603. Шишов О. Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. – 1980. – № 3. – С. 83–88.
604. Штыкова Н.Н. Инновационные технологии ювенальной юстиции и их применение в юридической практике // Администратор суда. – 2009. – № 1. – С. 16–17.
605. Шувалов И.И. Проблема эффективности правотворчества в свете современной политико-правовой теории управления обществом // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 87–97.
606. Шутилин В.Ю. Главные направления развития российского законодательства, регламентирующего сферу управления в области деятельности Судебного департамента в субъектах Российской Федерации // Мировой судья. – 2006. – № 5. – С. 4–8.
607. Юков М.К. Место юридической техники в правотворчестве // Правоведение. – 1979. – № 5. – С. 45–49.
608. Юридическая техника (Обзор материалов научно-методического семинара) / А. Т. Дугин и др. // Государство и право. – 2000. – № 11. – С. 108–120.
609. Юридическая техника: обзор материалов научно-методического семинара // Юрист. – 2000. – № 1. – С. 59–76.
610. Юртаева Е. А. Законодательная техника и основы языкового оформления текстов законодательных актов в Российской империи // Журнал российского права. – 2000. – № 8. – С. 145–154.
611. Юртаева Е. А. Законодательная техника в Российской империи и некоторые методические вопросы преподавания юридических дисциплин в вузах // Юридическое образование и наука. – 2004. – № 10. – С. 18–23.
612. Юртаева Е. А. Язык закона и техника законотворчества в дореволюционной России // Журнал российского права. – 2008. – № 4. – С. 106–120.

613. Яковлев В. Кассация в арбитражных судах Российской Федерации // Хозяйство и право. – 2005. – № 9. – С. 3–5.

Авторефераты диссертаций, диссертации

614. Аверин А.В. Судебное правоприменение и формирование научно-правового сознания судей: (проблемы теории и практики) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Аверин Александр Валентинович. – Саратов, 2004. – 49 с.

615. Амосов С. М. Судебное познание в арбитражном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Амосов Сергей Михайлович. – М., 2004. – 321 с.

616. Амирбеков К. И. Правообеспечительная юридическая деятельность: проблемы теории и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Амирбеков Касумбек Ильясович. – Ростов н/Д, 2006. – 46 с.

617. Апт Л.Ф. Формы выражения и изложения правовых норм в нормативных актах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Апт Людмила Фальковна. – М., 1973. – 16 с.

618. Бахвалов С. В. Законодательная технология (некоторые проблемы теории и методологии): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бахвалов Сергей Владимирович. – Н. Новгород, 2006. – 28 с.

619. Белов В.А. Юридическая техника российского налогового законодательства : (общетеоретический анализ) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Белов Владимир Александрович. – Н. Новгород, 2002. – 26 с.

620. Бойко Л.М. Законодательная техника: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Бойко Людмила Михайловна. – Ташкент, 1984. – 22 с.

621. Болдырев С. Н. Юридическая техника: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Болдырев Сергей Николаевич. – Краснодар, 2014. – 45 с.

622. Васильева, Н. В. Юридические и неюридические средства в системе правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Васильева Наталья Васильевна. – Омск, 2014. – 23 с.

623. Власенко Н.А. Проблемы точности выражения формы права: лингвологический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Власенко Николай Александрович. – Екатеринбург, 1997. – 70 с.

624. Власенко В.Н. Логические основания юридической квалификации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Власенко Валерий Николаевич. – М., 2011. – 22 с.

625. Гарапшин К. М. Правоприменительная практика в советском общенародном государстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Гарапшин Камиль Мухаметханович. – Казань, 1985. – 17 с.

626. Герасимова Н. П. Установление фактических обстоятельств дела в правоприменительной деятельности (на основе материалов органов внутренних дел) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Герасимова Нина Петровна. – М., 2000. – 21 с.

627. Давыдова, М. Л. Теоретические и методологические проблемы понятия и состава юридической техники : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Давыдова Марина Леонидовна. – Волгоград, 2010. – 50 с.

628. Демин, А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.04 / Демин Александр Васильевич. – М., 2014. – 48 с.

629. Долотова Д. В. Техника и технология правовых актов (на примере правовых актов, издаваемых в уголовно-исполнительной системе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Долотова Дарья Валерьевна. – Владимир, 2012. – 29 с.
630. Жинкин С. А. Законодательная техника в региональном правотворчестве: теоретический аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Жинкин Сергей Алексеевич. – Краснодар, 2000. – 173 с.
631. Иванчин А.В. Уголовно-правовые конструкции и их роль в построении уголовного законодательства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Иванчин Артем Владимирович. – Ярославль, 2003. – 201 с.
632. Илясов А.Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Илясов Андрей Николаевич. – Саратов, 2008. – 175 с.
633. Исаева Л. А. Юридические технологии в деятельности уголовно-исполнительной системы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Исаева Лилия Айратовна. – Владимир, 2008. – 25 с.
634. Категов А. С. Механизм применения права и правовая система современной России (теоретико-методологический анализ): дис. ... д-ра юрид. наук / Категов Александр Сергеевич. – СПб., 2002. – 455 с.
635. Колесник В.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве сторон в уголовном процессе РФ: доктрина, законодательная техника, толкование и практика. Дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2013.
636. Колесник И. В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Колесник Ирина Валентиновна. – Ростов-на-Дону, 2007. – 207 с.
637. Колотов Н. Г. Принятие решения как стадия процесса применения норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Колотов Николай Гаврилович. – Свердловск, 1980. – 21 с.
638. Комаров В.С. Правовые средства предупреждения несостоятельности (банкротства) кредитных организаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Комаров Владимир Сергеевич. – М., 2006. – 25 с.
639. Котомин Д. С. Технология лоббирования в правотворческой практике : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Котомин Дмитрий Сергеевич. – Н. Новгород, 2011. – 33 с.
640. Лавыш М. А. Организация лексики малого прозаического текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Лавыш Марина Анатольевна. – Минск, 1988. – 19 с.
641. Левит В. О. Дефиниции актов официального толкования норм права (доктрина, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Левит Владимир Осепович. – Владимир, 2012. – 36 с.
642. Липень С. В. Идеи правотворчества и правореализации в политико-правовой мысли России XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Липень Сергей Васильевич. – М., 2013. – 52 с.
643. Ломтева В.С. Прогнозирование в правотворчестве и правоприменении: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ломтева Вера Сергеевна. – М., 2006. – 21 с.

644. Любимов А.П. Формирование лоббистских правоотношений в российском обществе: конституционно-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.02 / Любимов Алексей Павлович. – М., 2002. – 42 с.
645. Малова О.В. Правовой обычай как источник права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Малова Ольга Владиславовна. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.
646. Мамчун В.В. Правоприменительный риск : дис. ... канд. юрид. наук / Мамчун Владимир Вячеславович. – Н. Новгород, 1999. – 206 с.
647. Миняшева Г.И. Юридическая технология подготовки правоприменительных актов в уголовно-исполнительной системе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Миняшева Гульнара Ибрагимовна. – Владимир, 2012. – 22 с.
648. Мурсалимов К.Р. Правоприменительные ошибки. Проблемы теории: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мурсалимов Камиль Рамилевич. – Н. Новгород, 2000. – 182 с.
649. Назаренко Т. Н. Неопределенность в российском праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Назаренко Татьяна Николаевна. – М., 2006. – 227 с.
650. Николаев А. В. Влияние Конституции РФ на формирование и развитие арбитражного процессуального права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Николаев Андрей Витальевич. – Саратов, 2012. – 26 с.
651. Палеха Р.Р. Природа правоприменения как особой формы реализации права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Палеха Роман Робертович. – Елец, 2006. – 171 с.
652. Панько К.К. Основы законодательной техники в уголовном праве России (теория и законодательная практика): дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Панько Кирилл Константинович. – Воронеж, 2006. – 429 с.
653. Пиголкин А. С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности СССР : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.710 / Пиголкин Альберт Семенович. – М., 1972. – 41 с.
654. Погодин А. В. Элементы теории правореализации: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / Погодин Александр Витальевич. – Казань, 2014. – 54 с.
655. Попенков Е. А. Юридическая техника правоинтерпретационной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Попенков Евгений Анатольевич. – СПб., 2003. – 20 с.
656. Постнов А.С. Механизм детерминации правоприменительных актов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Постнов Антон Сергеевич. – М., 2006. – 25 с.
657. Преподобный К.А. Техника изменения юридических актов (общеправовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Преподобный Кирилл Александрович. – Н. Новгород, 2011. – 34 с.
658. Самойлюк Р. Н. Методы осуществления государственной власти в Российской Федерации: автореф. дис.. канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013.
659. Семенова Н. В. Конфликтная юридическая деятельность: проблемы теории и методологии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Семенова Наталья Владимировна. – Н. Новгород, 2002. – 29 с.
660. Ситникова А. И. Законодательная текстология уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Ситникова Александра Ивановна. – М., 2013. – 47 с.
661. Скударин А.С. Усмотрение в процессе реализации прав, свобод и обязанностей граждан (и их объединений): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Скударин Алексей Сергеевич. – Челябинск, 2014. – 26 с.

662. Смирнова А.Ю. Политические процессы и технологии в избирательных кампаниях 1996–2004 гг. как объективная реальность современной России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Смирнова Аэлита Юрьевна. – Кострома, 2004. – 242 с.
663. Судакова С.В. Технология предупреждения юридических конфликтов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Судакова София Валерьевна. – Н. Новгород, 2004. – 28 с.
664. Сушенцова Т.В. Структурно-содержательная специфика аргументации судебных решения: автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Сушенцова Татьяна Вячеславовна. – Тверь, 2014. – 19 с.
665. Тенетко А. А. Юридическая техника правоприменительных актов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Тенетко Алексей Алексеевич. – Екатеринбург, 1999. – 200 с.
666. Тихоновский Ф.И. Понимание права в советской юридической науке (1917–1938 гг.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Тихоновский Федор Иванович. – М., 2009. – 23 с.
667. Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / С.Г. Ткачева. – М., 1973. – 20 с.
668. Толмачев В.В. Техничко-юридические средства установления и реализации запретов в российском праве (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Толмачев Вячеслав Владимирович. – Саратов, 2014. – 26 с.
669. Травкин А.А. Сущность и сферы (пределы) действия правоприменительных актов (проблемы теории и практики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Травкин Андрей Александрович. – Владимир, 2008. – 22 с.
670. Труфанов М. Е. Применение норм административного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Труфанов Михаил Егорович. – М., 2007. – 60 с.
671. Ушаков А.А. Содержание и форма в праве и советское правотворчество: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.710 / А. А. Ушаков. – Свердловск, 1970. – 42 с.
672. Фатхи В. И. Правовая этнология: концептуальные идеи и принципы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Фатхи Валентина Игоревна. – Ростов-на-Дону, 2007. – 176 с.
673. Фалькина Т.Ю. Формы реализации права и механизм их осуществления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Фалькина Татьяна Юрьевна. – Н. Новгород, 2007. – 25 с.
674. Ходукин Д.В. Формы правовых предписаний (теоретико-методологический аспект): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ходукин Дмитрий Витальевич. – СПб., 2001. – 25 с.
675. Ходько А. В. Принцип платности землепользования – реализация в земельном законодательстве и правоприменительной практике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.06 / Ходько Алексей Владимирович. – М., 2014. – 19 с.
676. Хусаинова О.В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Хусаинова Ольга Владимировна. – М., 2009. – 23 с.
677. Чаусская О.А. Применение норм гражданского права: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Чаусская Ольга Анатольевна. – Саратов, 2002. – 22 с.

678. Чванов О.А. Механизм правоприменения: дис. ... канд. юрид. наук / Чванов Олег Анатольевич. – Саратов, 1995. – 238 с.

679. Чигидин Б.В. Юридическая техника Российского законодательства: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чигидин Борис Викторович. – М., 2002. – 189 с.

680. Чижов М.В. Применение информационных и коммуникационных технологий в судебной деятельности в условиях формирования информационного общества: автореф. дис... канд. юрид. наук: 12.00.11 / Чижов Максим Владимирович. – М., 2013. – 22 с.

681. Шадринова Л.А. Технология установления ошибочной правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шадринова Любовь Александровна. – Нижний Новгород, 2012. – 28 с.

682. Шебанов А.Ф. Вопросы теории нормативных актов в советском праве : автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук : 12.710 / Шебанов Александр Филиппович. М., 1965. – 46 с.

Kolesnik I.V. Bibliografija / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.

© «Наука. Мысль», 2016.

— ● —

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.

© Наука. Мысль, 2016.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ИРИНЫ ВАЛЕНТИНОВНЫ КОЛЕСНИК

И. В. Колесник, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

Аннотация. Материалы данного номера представляют собой диссертационное исследование посвящённое рассмотрению теоретической модели правоприменительной технологии, её функционирования и совершенствования.

Ключевые слова: юриспруденция, правоприменительные технологии, правосудие.

Монографии

1. Колесник И.В. Проблемы формирования и реализации концепции правоприменительной технологии в современной России: монография. – Ростов н/Д, 2009. – 228 с.
2. Колесник И. В. Юридические технологии: теоретико-методологический анализ: монография. – Ростов н/Д, 2009. – 144 с.
3. Колесник И.В. Правоприменительная технология: теоретико-методологический и практический аспекты. – М., 2012. – 532 с.
4. Колесник И.В. Теоретическая модель правоприменительной технологии: монография. – Н. Новгород, 2013. – 633 с.

Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях

5. Колесник И.В. О соотношении правового мониторинга и правоприменительной технологии // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2006. – № 3. – С. 57–76.
6. Колесник И.В. Проблемы определения содержания юридической технологии // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2006. – № 4. – С. 57–63.
7. Колесник И.В. Соотношение правоприменительной юридической техники и технологии // Философия права. – 2006. – № 4 (20). – С. 107–109.
8. Колесник И.В., Еремина О.А. Оспаривание нормативных правовых актов // Арбитражная практика. – 2006. – № 1 (58). – С. 61–65.
9. Колесник И.В. Место правоприменительных технологий в деятельности арбитражных судов // Юрист-Правовѣдь. – 2009. – № 2. – С. 10–13.
10. Колесник И.В. Технология установления фактических обстоятельств дела в деятельности арбитражного суда: вопросы теории и практики // Юрист-Правовѣдь. – 2009. – № 3. – С. 22–26.
11. Колесник И.В. О понятии и сущности категории «конкретизация пра-ва» в советской юридической науке // Философия права. – 2009. – № 3. – С. 23–27.
12. Колесник И.В. Арбитражная технология выбора и анализа нормы пра-ва, подлежащей применению по делу // Юрист-Правовѣдь. – 2009. – № 4. – С. 13–16.

13. Колесник И.В. Внешние формы выражения правоприменительной технологии // Юристъ-Правовѣдь. – 2009. – № 6. – С. 42–46.
14. Колесник И.В. К вопросу о классификации правоприменительных технологий // Юристъ-Правовѣдь. – 2010. – № 1. – С. 34–38.
15. Колесник И.В. Языковой и логический способы толкования правовых норм в технологии правоприменительной деятельности арбитражного суда // Юристъ-Правовѣдь. – 2010. – № 3. – С. 8–12.
16. Колесник И.В. Юридическая технология в обычном праве // Юристъ-Правовѣдь. – 2011. – № 3. – С. 89–95.
17. Колесник И.В. Правотворческая и правоприменительная конкретизация: вопросы теории // Философия права. – 2011. – № 3. – С. 23–27.
18. Колесник И.В. Влияние правоприменительной технологии на современное нормотворчество (на опыте работы арбитражного суда) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 16. – С. 22–29.
19. Колесник И.В. Техника применения норм права и правоприменительная технология: единство, различие, взаимодействие. Рецензия на автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук А. С. Логинова «Правоприменительная техника» (Нижний Новгород, 2011. – 38 с.) // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2011. – № 16. – С. 337–341.
20. Колесник И.В. Технология правоприменительной конкретизации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 2 (84). – С. 125–134.
21. Колесник И.В. К вопросу о принципах технологии гармонизации российского законодательства (правоприменительный аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2012. – № 20. – С. 34–38.
22. Колесник И. В. К вопросу о соотношении техники и технологии юридической деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – № 2 (17). – С. 281–287.
23. Колесник И. В. Логические правила построения текстов судебных актов // Вестник Евразийской академии административных наук – 2012. – № 4 (21). – С. 32–39.
24. Колесник И.В. Правоприменительная технология как средство повышения качества законодательства. Выступление на межвузовском научно-практическом круглом столе «Качество современного российского законодательства: состояние и пути повышения» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2013. – № 22. – С. 169–171.
25. Колесник, И. В. Правоприменительная технология как процесс и результат. Рецензия на монографию Г. И. Миняшевой «Юридическая технология подготовки правоприменительных актов» (Уфа, 2012. 116 с.) / И. В. Колесник, А. Р. Лаврентьев // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 2 (26). – С. 302–308.
26. Колесник И.В., Глазырина М.А. Основания, поводы и условия участия коллективных субъектов в правоприменительных отношениях // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 3 (27). – С. 25–31.
27. Колесник И.В. Понятие и классификация правоприменительных технологий // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4 (28). – С. 40–43.

Иные публикации:

28. Колесник И.В. Правоприменительные технологии: учебно-методический комплекс. – Ростов н/Д, 2007. – 51 с.
29. Колесник И.В. Проблемы соотношения правового мониторинга и правоприменительной технологии на современном этапе развития права // Суд, право и власть: сборник научных статей. – Ростов н/Д, 2007. – С. 200–216.
30. Колесник И.В. Правоприменительная технология в системе юридического образования // Антология научной мысли: К 10-летию Российской академии правосудия: сборник статей. – М., 2008. – С. 455–468.
31. Колесник И.В. К вопросу о понятии и структуре правоприменительной технологии // Правовой порядок: межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 622–626.
32. Колесник И.В. Арбитражная технология установления фактических обстоятельств дела // Правовой порядок : межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. – С. 626–631.
33. Колесник И.В. Этимология понятия «юридическая техника» в истории зарубежной политико-правовой мысли // Порядок общества и права человека: конституционный и политико-правовой дискурс: межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2009. – С. 513–519.
34. Колесник И.В. Правовой мониторинг в теории и практике право-творчества и правоприменения // Инновации в экономике и образовании: материалы международного форума (г. Ростов-на-дону 20–24 апреля 2009 г.) / И.В. Колесник, О.О. Маркевич, К.В. Глухов. – Ростов н/Д, 2009. – С. 343–350.
35. Колесник И.В. Концептуальные основы современной классификации юридических технологий // Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-теоретической конференции «Юридическое познание: эпистемология, методология и философия права». – Ростов н/Д, 2009. – С. 109–116.
36. Колесник И.В. К вопросу о понятии категорий «юридическая технология»: ретроспективный и современный подходы // Порядок общества и права человека: конституционный и политико-правовой дискурс : межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2009. – С. 507–512.
37. Колесник И.В., Макеев В.В. Этимология понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» в истории зарубежной и отечественной политико-правовой мысли // Правовой порядок и правовая культура : межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2010. – С. 443–458.
38. Колесник И.В., Макеев В.В. Типология правопонимания: теоретический аспект // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории. – Ростов н/Д, 2010. – Ч. 1. – С. 243–248.
39. Колесник И.В. Психологические приемы в арбитражной технологии правоприменения по установлению фактических обстоятельств дела // Экономические и социально-правовые проблемы России: сборник научных трудов профессорско-преподавательского состава. – Ростов н/Д, 2010. – Ч. 3. – С. 119–125.
40. Колесник И.В. Категориальный анализ понятий «юридическая техника» и «юридическая технология» в российской юридической науке последней четверти XX в. и в

современных условиях // Правовой порядок и правовая культура: межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2010. – С. 420–433.

41. Колесник И.В., Аксюк И.А. К проблеме классификации юридических технологий по видам: концептуальный анализ // Порядок общества и правовые ценности: межвузовский научный сборник. – М., 2010. – С. 499–512.

42. Колесник И.В. Технология юридической конкретизации: теоретико-методологический аспект проблемы // Правовой порядок и правовая культура: межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2010. – С. 406–413.

43. Колесник И.В. Об установлении фактических обстоятельств дела в арбитражном судопроизводстве: теоретико-правовой анализ // Порядок общества и правовые ценности: межвузовский научный сборник. – М., 2010. – С. 453–457.

44. Колесник И.В. Проблема конкретизации права и технология юридической конкретизации: теоретико-методологический анализ // Порядок общества и правовые ценности: межвузовский научный сборник. – М., 2010. – С. 299–315.

45. Колесник И.В. Теоретико-методологический аспект классификации правоприменительных технологий // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории : межвузовский сборник научных трудов. – Ростов н/Д, 2010. – Ч. 1. – С. 239–243.

46. Колесник И. В. О классификации правоприменительных актов // Национальная инновационная система и государственная инновационная политика в странах СНГ: материалы Международного форума (г. Ростов-на-Дону, 15–23 апреля 2010 г.). – Ч. 1. – Ростов н/Д, 2010. – С. 116–118.

47. Колесник И. В. Категории «Юридическая техника» и «юридическая технология» в доктрине советского права // Порядок общества: проблемы правовой теории и юридической практики в России: межвузовский научный сборник. – М., 2011. – С. 281–287.

48. Колесник И.В. Правоприменительная технология в деятельности арбитражных судов // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории: межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2011. – Ч. 2. – С. 146–155.

49. Колесник И.В., Макеев В.В, Правоприменительная технология: проблемы классификации // Правовой порядок: актуальные проблемы социально-правовой теории: межвузовский научный сборник. – Ростов н/Д, 2011. – Ч. 1. – С. 155–162.

50. Колесник И.В. Мониторинг как средство аргументации правоприменительной технологии // Юридическая техника. – 2013. – № 7. Ч. 1. – С. 142–143.

51. Колесник И.В. Роль юридической конструкции в правоприменительной технологии // Юридическая техника. – 2013. – № 7. Ч. 2. – С. 320–323.

Общий объем опубликованных работ – 121 п.л.

Kolesnik I.V. Spisok publikacij Iriny Valentinovny Kolesnik / I.V. Kolesnik // Nauka. Mysl'. - № 3. – 2016.

© И.В. Колесник, 2016.
© «Наука. Мысль», 2016.

Abstract. Materials of this issue presents the dissertation research devoted to consideration of the theoretical model of law-enforcement technology, its operation and improvement.

Keywords: legal science, law-enforcement technology, justice.

— ● —

Сведения об авторе

Ирина Валентиновна **Колесник** - профессор кафедры гражданского права, доктор юридических наук, доцент, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Россия).

— ● —

Подписано в печать 20.02.2016.
© Наука. Мысль, 2016.